Митиров А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. - Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. - 384 с.: ил.

Содержание

Прапредки

Это было в начале времен
В стародавний век золотой...
Джангар

Прародина нашего народа находится в Центральной Азии. На той территории в древности жили многие народы и племена. Они положили начало истории тюрко-монгольских народов, потомки которых расселились далеко на Запад, создали свои государства, стали известны под разными именами.

В первом тысячелетии до новой эры на историческую арену в Центральной Азии вышел народ хунну. Кочевья хуннов находились севернее Китая. Они были скотоводами, содержали крупный и мелкий рогатый скот, разводили верблюдов, ослов и лошадей лучших пород. Перекочевывая с места на место в поисках хороших пастбищ и водопоя, занимались охотой и совершенствовали военное, мастерство. Как сообщают древние источники, мальчики, способные ездить верхом на баране, стреляли из лука в птиц и зверьков, а подростки стреляли уже в лисиц и зайцев. Научившиеся владеть луком, - поступали в латную конницу. "Длинное их оружие есть лук со стрелами, короткое оружие — сабля и копье". Одежду изготавливали из кожи, меха и шерсти, питались мясом домашних и диких животных.
В IV веке до н. э. хунны настолько усилились, что стали совершать набеги на Китай, именно с тех пор они стали известны китайской историографии, а памятником той эпохе осталась Великая Китайская стена.

Возникновение державы хуннов история связывает с именем шаньюя Модэ. Жизнь и деятельность великих людей всегда сопровождается легендами. Такая легенда сохранилась и о Модэ. Отец его — шаньюй Тумань имел двух сыновей от разных жен. Чтобы престол оставить младшему любимому сыну, Тумань отдал Модэ в заложники соседнему племени, надеясь, что он будет убит при его нападении. Но Модэ удалось бежать и вернуться домой. Отец был восхищен его храбростью и отдал ему удел в 10000 семейств. Получив удел, Модэ приступил к созданию своей армии. Он изобрел стрелу, издающую при полете свист,— свистунку. Отец Иакинф (Н. Я. Бичурин), ссылаясь на китайские источники, писал, что Модэ начал упражнять своих воинов в конной, т. е. верховой, на скаку, стрельбе из лука. При этом он повелел: "Всем, кто пустит стрелу не туда, куда свистунка полетит, отрубить голову; кто на охоте пустит стрелу не туда, куда свистунка полетит, тоже отрубить голову". Подготовив таким образом своих воинов к выполнению своего повеления, однажды Модэ пустил свою стрелу-свистунку в собственного

аргамака. Некоторые из воинов не осмелились стрелять. Модэ отрубил им головы. В следующий раз Модэ пустил стрелу в свою любимую жену, те из воинов, которые, испугавшись, не посмели стрелять, тоже были обезглавлены. В третий раз Модэ выехал на охоту и пустил стрелу в аргамака своего отца. Все воины пустили свои стрелы в цель. Из этого он сделал вывод, что воины уже готовы осуществить замысел предводителя. Следуя за отцом на охоту, Модэ пустил свою свистунку в Туманя, и все воины последовали его примеру. Расправившись с семьей отца, он объявил себя шаньюем хуннов в 209 г. до н.э.

Следующие рассказы свидетельствуют о государственной деятельности Модэ. Однажды к нему пришли послы соседнего народа — дунху. Они потребовали отдать им замечательного коня шаньюя. Советники шаньюя были оскорблены этим, но Модэ им возразил: "К чему, живучи с людьми в соседстве, жалеть одной лошади для них?" И отдал им аргамака. Через некоторое время снова пришли послы и потребовали его любимую жену для своего правителя. Советники снова возмутились, называя дунху бессовестным народом. Но Модэ и на этот раз возразил: "К чему, живучи с людьми в соседстве, жалеть одной женщины для них?" — и отправил жену к правителю дунху.

В третий раз послы дунху потребовали полосу пограничной необжитой земли. Модэ спросил совета у своих приближенных, и те сказали ему: это неудобная земля, можно ее отдать, а можно и не отдавать. На что Модэ в чрезвычайном гневе сказал: "Земля есть основа государства, как можно отдать ее?" — и всем, советовавшим отдать землю, отрубил головы. Реформировав и усовершенствовав законы своего правления, Модэ выступил в поход, покорил все соседние племена и народы и создал хуннскую державу.

Во главе хуннской державы стоял шаньюй, что в переводе означало "величайший". Шаньюя Модэ называли мудрым, что вбирало в себя такие понятия, как "способнейший, образованнейший, доброжелательнейший, добродетельнейший". Власть шаньюя не была абсолютной, но он был первым среди равных родовых старейшин, которых было 24 по числу родов. Старейшины имели свои вооруженные дружины. Выборность шаньюя сохранялась, а при выдающихся личностях этот титул становился наследственным по завещанию. Но церемония возведения на престол оставалась обязательной и неизменной.

В первой луне нового года старейшины родов съезжались в храм, находящийся при шаньюе; в пятой луне приносили жертву своим предкам, небу, земле и духам. Шаньюй утром выходил из лагеря и поклонялся восходящему солнцу, а вечером поклонялся луне.

У хуннов соблюдался распространенный у многих народов похоронный обряд. Когда умирал шаньюй, вместе с ним убивали и хоронили до ста человек приближенных и наложниц. Хоронили в гробах, при этом

употребляли наружный и внутренний гробы, облаченные в меховое, золотое и серебряное покрывала, что подтверждается современными археологическими раскопками.

Успешные военные походы хуннов во главе с Модэ позволили им создать великую державу, с которой считался императорский Китай. Держава хуннов занимала огромную территорию, на которой жили как родственные им племена, так и покоренные народы. Модэ умер в 174 году до н. э., созданная им империя просуществовала 300 лет, часть хуннов ушла на запад и стала известна в Европе как гунны. Л. Н. Гумилев, говоря о пассионарности деятельности и личности Модэ, писал, что за его свистящей стрелой устремились уже не охотники до чужого добра, а пассионарные воины, верившие в своего вождя и подчиненные сознанию долга. Отец Иакинф в исторических примечаниях к своим сведениям о народах Средней Азии заметил, что Модэ известен в азиатских историях под громким именем Огуз-хана, сына Карахана. Ему приписывают победу над Татар - ханом, покорение Китайской империи, Тангутского ханства и завоевание всех владений, лежащих от Монголии на юг до Индии, на запад до Каспийского моря. "Несмотря на несходство собственных имен, исторический очерк Модэ шаньюя под именем Огуз-хана и порядок главных событий во времени довольно верны, особенно у Абулькази-хана. И по китайской истории Модэ покорил восточных монголов; после сего подчинил себе Китай и Тангут и потом покорил весь Туркестан от Хами до Каспийского моря".

Вопрос о том, на каком языке говорили хунны, до сих пор остается дискуссионным. Анализируя мнения ученых-лингвистов по этому вопросу, Л. Н. Гумилев подытожил, что "общность известных нам хуннских и монгольских слов объясняется культурным обменом между народами, которых тесно связывала историческая судьба". Это позволяет нам включить хуннов в главу о наших прапредках.

Среди народов, живших по соседству с хуннами, была группа кочевых племен дунху, которых исследователи относят к прото-монголам. Это племена: ухуань, сяньби, цифу, туфа, шивэй, кумоси, кидань, туюйхунь и жуаньжуань. В.С. Таскин, издавший "Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху", рассматривает эти племена как этнических предшественников монгольских племен XIII в. Во введении этого фундаментального издания он обосновал свои выводы, которыми мы пользуемся при изложении этой главы. Да и Л. Н. Гумилев считал всех их монгольскими племенами.

Ухуани были потомками дунху. Когда хуннский шаньюй Модэ разбил дунху, оставшийся народ укрылся в горах Ухуань, откуда и произошло их самоназвание. Как сообщают источники, ухуани были искусны в верховой езде и стрельбе из лука, занимались охотой на диких зверей и птиц. Пасли скот, отыскивая места с хорошей травой и водой. Питались мясом и кислым молоком, одежду делали из грубой и тонкой шерсти. "По

характеру смелы и грубы. В гневе убивают отцов и старших братьев, но никогда не причиняют вреда матери, поскольку у матери есть сородичи, и они стараются, чтобы между отцами и старшими братьями разных родов не было взаимной мести. Храброго и сильного, который может разбирать возникающие тяжбы, избирают старейшиной... Женщины умеют вышивать по коже, делать узорчатые вышивки, ткать шерстяные ткани; мужчины умеют делать луки, стрелы, седла и уздечки, ковать оружие из металла и железа". Эти этнографические сведения говорят об образе жизни ухуаней, об их обычаях, хозяйственном укладе, ремеслах. Ухуани управлялись старейшинами, которые должны были быть "храбрыми, сильными и умными".

Сяньби жили в горах Сяньби-шань, откуда и получили свое название. Они составляли отрасль Дома дунху. Язык и обычаи сяньбийцев были сходны с ухуаньскими. Сяньбийцы были покорены хуннами и входили в их империю.

Много лет они вели войну с хуннами и с китайской империей за свою свободу. И, как писал Л. Н. Гумилев, чтобы организовать свои силы, им нужен был человек необычайной силы воли. Такой человек нашелся, но самое удивительное то, что ему было всего 14 лет. Согласно сохранившейся легенде, отец его три года служил в войске хуннов. В это время его жена дома родила сына. По возвращении воин изумился и хотел убить ребенка. Жена рассказала ему о том, что однажды, идя днем по дороге, услышала громовой удар. Она взглянула на небо, и в этот момент ей в рот упала градинка. Проглотив градинку, вскоре почувствовала беременность, а в десятый месяц родила сына. Этого ребенка, сказала жена, несомненно, ждет необыкновенное будущее, поэтому его следует вырастить и посмотреть, что его ожидает. Муж не послушал жену и велел избавиться от ребенка. Тогда жена тайно попросила домашних подобрать и вырастить ребенка, которому она дала прозвище Таншихай.

Будучи незаконным сыном, Таншихай был лишен поддержки своего рода, но его выдающиеся способности и храбрость выделили его из среды простых воинов. В 14 лет Таншихай один погнался за угонщиками табуна, отбил у них и вернул табун. Он стал пользоваться уважением и, несмотря на молодость, был избран старейшиной. Таншихай установил законы для решения спорных дел, и никто не смел нарушать их. Создал многочисленную конницу, ему добровольно подчинились другие племена. Говоря о сяньбийцах и характеризуя деятельность Таншихая, Л. Н. Гумилев писал, что последний удар хуннам был нанесен именно Таншихаем. "Таншихай выгнал хуннов из Джунгарии за Тарбагатай и оттеснил динлинов за Саяны, обеспечил монгольскому элементу преимущественное положение в Халхе и Чахаре". Таншихай проявил себя не только талантливым полководцем, но и организатором. Он ввел разделение сяньбийской державы на три части — центр и два крыла. Во главе подразделений были поставлены его помощники. "Система Таншихая была типичной социальной системой сильнопассионарного, агрессивного этноса в акматической фазе этногенеза... от былого

хуннского аристократизма и от сяньбийского сепаратизма не осталось и следа",— заключил Л. Н. Гумилев. При этом интересно, что Таншихай не принял вообще никакого титула, он был просто Таншихай, и созданное им государство держалось на силе его личности и обаяния. Нужно заметить, что хотя Таншихай не принял никакого титула, но титул хан считается сяньбийским. И ханов они выбирали или утверждали на курултае — общем собрании полноправных членов орды.

О сяньбийцах Л. Н. Гумилев сделал следующее заключение: "Хунно-сяньби — смешанные роды в Халхе и Чахаре; этнический субстрат, на базе которого вследствие более поздних пассионарных толчков возникли тюркские и монгольские этносы Великой степи в VI — XII вв. н. э."

Монголоязычные племена создали несколько государственных объединений. В их числе племя тоба, победившее всех своих соперников, включая хуннов, муюнов, ди, юйвынь и киданей. Их государство называлось по-китайски Вэй или Тоба-Вей. Со временем они ассимилировались, переменили образ жизни, потеряли родной язык и вместе с тем "утратили степную доблесть, сплоченность, позволившие им некогда одержать победу".

Китайские источники сообщают, что шивэйцы относятся к монголоязычным племенам и составляют одну ветвь киданей. В. С. Таскин в комментариях к своим "Материалам..." писал, что если все племена и народы, о которых рассказывается в "Суй-шу", выделяются в специальные разделы, то сведения о шивэйцах приводятся в одном разделе с киданями и начинаются даже не с красной строки, что подчеркивает этническое родство между шивэйцами и киданями. В Истории династии Вэй отмечено, что язык шивэйцев такой же, как во владениях киданей. Эти же сведения повторяются в Историях династий Суй и Тан. История династии Суй так и сообщает, что шивэйцы "относятся к ветви киданей: живущие на юге называются киданями, живущие на севере — шивэйцами". То есть кидани и шивэйцы — две ветви одного народа. Старая История династии Тан так сообщает: "Шивэйцы относятся к отдельной ветви киданей". Одна из ветвей шивэйцев называлась мэнгу, отсюда происходит название мэнгу-шивэй; этот этноним ученые считают первым достоверным упоминанием китайских источников о монголах. Территорию обитания шивэйцев Рашид-ад-Дин отождествлял с кочевьями сыновей и внуков Чингис-хана на реке Аргуне — северо-востоке Монголии. Шивэйцы были высокого роста, по характеру смелы и почтительны. В своих поселениях выбирали вождей. Знатные люди одежду украшали золотом и серебром. Законы были строгими, за убийство человека предавали смерти, а члены семьи убийцы становились рабами.

Племя кумоси относят к отдельной ветви народа юйвень, а по другой версии, они составляли отдельную ветвь сяньби, жили по соседству с киданями. Как бы то ни было, но они отнесены к группе дунху, т. е. к

монголоязычным народам древности. Кумоси впоследствии стали называться си или сисцами. Сисцы составляли пять кочевий во главе со своим вождем. "Каждое кочевье пасет скот, переходя с места на место в поисках воды и травы, не имея постоянного местожительства. Живут в войлочных палатках, которые используют вместе с повозками для создания лагерей",— сообщает источник. Сисцы были искусны в стрельбе из лука и в охоте, были храбрыми воинами, вели успешные войны как с китайскими войсками, так и с киданями. Впоследствии одна часть сисцев перешла к киданям, а другая — к китайцам.

Говоря еще о других племенах древности, Л. Н. Гумилев писал, что в VI веке на востоке обитали три народа: татабы, которых китайцы называли хи, кидани и тридцать татарских племен, получивших у китайских географов название шивэй. Все три народа говорили на диалектах монгольского языка, были близки по укладу жизни. В VI веке на смену этим народам пришли тюрки — тюркюты.

В середине VI века в Центральной Азии возник Великий Тюркский каганат. Государство тюрков охватывало огромную территорию, став Евразийским, оно вошло в контакты с Ираном, Византией, Индией. Мы не будем останавливаться подробно на истории возникновения и развития каганата, она освещена во многих фундаментальных трудах историков, в том числе в известной монографии Л. Н. Гумилева. Только обратим внимание на следующие моменты, которые получают продолжение при изложении истории нашего народа.

Первое — это легенда о прародителе. Л. Н. Гумилев, суммируя все легенды о происхождении некоторых центрально-азиатских народов, писал, что многие из них называли своим родоначальником того или иного зверя. "Так, тибетцы считали своими предками самца обезьяны и самку ракшаса (лесного духа), монголы — серого волка и лань, телесцы — тоже волка и дочь хуннского шаньюя, а тюрки — хуннского царевича и волчицу".

Отец Иакинф привел легенду, в которой говорится, что предки тюрок были разбиты соседями и остался один десятилетний мальчик. Воины, отрубив ему руки и ноги, бросили его в травянистое озеро. Волчица подобрала его и жила с ним в пещере и родила десять сыновей. "В числе их был Ашина, человек с великими способностями, и он признан был государем: почему он над воротами своего местопребывания выставил знамя с волчьею головою — в воспоминание своего происхождения". Л. Н. Гумилев объяснял, что слово "Ашина" означало "волк". По-тюркски волк — бури или каскыр, а по-монгольски — шоночино. "А" — префикс, придающий слову оттенок уважительности в китайском языке. Следовательно, "Ашина" значит "благородный волк". Он отмечал, что не подвергшееся китаизации слово сохранилось в арабской записи этого имени — Шанэ.

Второе — это происхождение слова "тюрк". Из хуннских и сяньбийских княжеств выделились "пятьсот семейств А-шина", возникших от смешения разных родов. Китайцы называли подданных Ашины — Ту-кю. Оно расшифровано П. Пельо как "тюрк-ют", т. е. "тюрки" с монгольским суффиксом. Л. Н. Гумилев объяснил эти лингвистические выводы так: "В древнетюркском языке все политические термины оформляются монгольским множественным числом... Каков бы ни был первоначальный язык этого объединения, к V веку, когда оно вышло на арену истории, всем его представителям был понятен межплеменной язык того времени — сяньбийский, т. е. древнемонгольский".

В непрерывной цепи истории народов древности в Центральной Азии Тюркский каганат составляет одно звено и занимает промежуточное место. В связи с этим положением интересно то, что сами тюрки свою историю начинали от сотворения мира, а основателей каганата Бумын - кагана и Истеми - кагана считали не только своими предками, но и всего человечества. По этому поводу Л. Н. Гумилев заметил, что хуннская традиция в Срединной Азии прервалась. "Тюрки, потомки хуннов, ничего не знали о своих предках, так же как монголы Чингисхана ничего не знали о тюрках. Но для китайцев, которые сохранили сведения обо всех народах, история представлялась прямой линией, непрерывной цепью событий".

И третий момент, который объединяет тюркоязычных и монго-лоязычных народов Великой степи,— это знание родословных и специальное их изучение, передача из поколения в поколение. К этой теме мы вернемся в следующих главах.

Кидани

Кидани относятся к древним кочевым народам группы дунху, т. е. считаются монголоязычными племенами. Но в среде исследователей до сих пор нет единого мнения об их языке, происхождении и этногенезе. Как пишет В. С. Таскин, Е. М. Залкинд еще в 1948 году, обобщив работы западных и японских исследователей, сделал совершенно правильный вывод, сохранивший свое значение и на сегодняшний день, о том, что все высказывания о происхождении киданей можно свести к трем основным теориям: 1) кидании — тунгусский народ, родственный цзиням (чжурчженям); 2) кидании — народ смешанного монголо-тунгусского происхождения; 3) кидани — монголы.

Кочевья киданей располагались на землях сяньби, шивэй, мохэ. Кидани делились на восемь кочевий, во главе каждого кочевья находился вождь. Из восьми вождей этих кочевий избирали одного правителя, которого называли "великий человек". Перед ним ставили знамя и барабан, в знак власти над восемью кочевьями киданей. "Великий человек" по обычаю сменялся через каждые три года.

Основным занятием киданей было кочевое скотоводство. Вместе со скотом они переходили с места на место, занимались охотой. Имели большое объединенное войско, совершали набеги на соседние земли.

Основателем империи киданей был Абаоцзи (Амбаоцзянь) или Тай-цзу — "Великий предок". Этот храмовый титул присваивали после смерти многим китайским императорам, положившим начало новой династии. Абаоцзи он был присвоен в 926 году как основателю династии Ляо.

Абаоцзи родился в 872 году. С самого рождения Абаоцзи отличался великодушием, обладал большим умом и не был похож на остальных. Написав это, китайский историк привел легенду, часто сопровождающую рождение великого человека. В ней говорится, что "перед тем как забеременеть, его мать видела во сне, будто на ее грудь упало солнце. Во время родов появились волшебный свет и необыкновенный аромат. Родившийся младенец по величине был с трехлетнего ребенка и сразу же стал ползать. Через три месяца он начал ходить, а когда ему исполнился год — разговаривать". История сообщает, что, достигнув зрелого возраста, Абаоцзи отличался крепким телосложением, смелостью, воинственностью и сообразительностью. Отлично ездил верхом и стрелял из лука, пробивая стрелой железо толщиной в один цунь. По свидетельству другого историка, Абаоцзи пользовался луком, для растяжки которого требовалось усилие, равное тремстам цзиням.

Перед тем, как Абаоцзи объявил себя императором, появилось знамение. "Однажды ночью над местом, где спал император, появился свет, что испугало и удивило всех окружающих. Все кочевья боялись его смелости, и не было ни одного, которое бы не повиновалось ему".

Несмотря на существующие традиции, Абаоцзи пробыл "великим человеком" три срока. Однажды он возвращался из успешного похода, где ему покорились пять родов племени си и семь родов племени шивэй. На границе кочевий вожди остановили его и потребовали отставки. Абаоцзи, передав им знамя и барабан, сказал: "Я был князем девять лет и за этот период приобрел много китайцев. Прошу позволить мне поселиться во главе моего рода в старом городе Ханьчэн, охранять его вместе с ханьцами и стать кочевьем". Старейшины родов согласились с ним и разрешили поселиться отдельно со своим родом.

В дальнейшем Абаоцзи, пригласив вождей всех кочевий, вероломно расправился с ними, и все племена соединил в одно целое — народ кидани.

В 916 году Абаоцзи объявил себя императором, с этого времени кидани стали называть его Тяньхуан-ван — Небесный император. Жену Абаоцзи, происходившую из рода шулюй, объявили императрицей. После покорения различных племен ему нужно было управлять ими, заставить признать свою власть. Хотя для этого требовалась главным образом

военная сила, необходимо было и какое-то более или менее законное обоснование. Не добившись возведения на престол от династии Лян, Абаоцзи назвал годы своего правления "Возведением на престол по воле духов", желая этим подчеркнуть, что он не захватил власть, а управлять поставлен духами, т. е. самим Небом. Империя его под китайским названием Ляо просуществовала более двухсот лет. Происхождение этого названия не совсем выяснено. Одно из толкований говорит, что прародителями киданей считались мужчина и женщина, которые встретились при слиянии рек Тухэ и Хуанхэ, образующих реку Ляошуй. В память об этом и было принято название Ляо.

Абаоцзи произвел реорганизацию государственного управления, усовершенствовал структуру чиновничьего аппарата, ввел новые должности. Использовал способных и талантливых военачальников и чиновников в управлении государством и провинциями. Умело пользовался достижениями китайской культуры в постройке городов и обработке земли. Перенес свою столицу в Пекин.

Абаоцзи покорил государство Бохай, переименовал его в государство Дундань. Строил города и развивал земледелие. В источнике говорится, что кидани стали строить города, обнесенные внешними и внутренними стенами, дворцы и дома. При этом интересно то, что "двери во всех домах были обращены на восток, подобно тому как ставили повозки и юрты... В городе было три буддийских храма и 1000 буддийских монахов и монашек". В 926 году к Абаоцзи приехал посол с сообщением о смерти позднетанского императора. Он принял посла "в юрте, одетый в узорный шелковый халат, подпоясанный широким поясом, концы которого свешивались сзади. Он сидел на лежанке напротив своей жены". В беседе Абаоцзи, хорошо говоривший по-китайски, сказал послу: "Я знаю китайский язык, но никогда не смею говорить на нем, так как боюсь, что соплеменники станут подражать мне, а это сделает воинов трусливыми и слабыми". В. С. Таскин в своих комментариях заметил, что Абаоцзи боялся, что восприняв через язык нравы и обычаи китайцев, воины станут менее боеспособными. Но в политических целях Абаоцзи использовал обычай побратимства, широко распространенный у киданей в отношении китайских императоров. Так например, в 905 году он с Ли Кэ-юном совершил обряд побратимства, обменявшись халатами и лошадьми. В другом источнике говорится, что он с Елюй Хэлу обменялся в знак дружбы шубами и конями. Такой же обычай бытовал у древних монголов. Академик Б. Я. Владимирцов писал: "Два лица, обычно принадлежащие разным родам, хотя бы и близким, заключают между собою союз дружбы и непременно обмениваются подарками, после этого они становятся anda — "названными братьями" — таков древнемонгольский обычай".

О распространении буддизма в империи Ляо говорится, что в одном из набегов на Китай в 913 году в плен были взяты пятьдесят буддийских монахов. Впоследствии для них построили храм, названный Тяньсюнсы — "храм Небесных героев", чтобы показать, что Небо помогает смелым и

воинственным. Храм находился на горе Муешань — священной горе киданей. Там жил сам император. "Во время сезонных охот императоры передвигались с места на место между четырьмя башнями", что говорит о том, что во всех четырех концах территории империи были построены храмы. Выдающимся достижением киданей было создание на основе китайских иероглифов своей письменности, состоящей из более чем трех тысяч знаков.

Абаоцзи скончался в 926 году в зените своей славы. Смерть его сопровождалась знамениями. "Однажды вечером перед его юртой упала большая звезда, после чего Абаоцзи неожиданно скончался". В одном из источников говорится, что он заболел тифом. В другом источнике — "Истории государства Киданей" Е Лун-ли — рассказывается, что Абаоцзи выехал на охоту, которая продолжалась десять дней. "Во время охоты над войлочной юртой Тай-цзу появился желтый дракон, которого Тай-цзу убил, выпустив одну за другой две стрелы. Убитый дракон упал перед Тай-цзу". В другой версии источника говорится: "Абаоцзи, живший в войлочной юрте в Силоу, встав утром, увидел извивающегося над его головой черного дракона длиной более десяти чжанов. Натянув лук, Абаоц¬зи выпустил в дракона стрелу, вслед за чем дракон сразу же, то сгибаясь, то разгибаясь, взвился вверх, упав затем мертвым к западу от Хуанлунфу, на расстоянии тысячи пятисот ли от места, где его подстрелили". В третьей версии источника говорится: "Возвращаясь из похода против государства Бохай, Абаоцзи заболел вблизи г. Фуйчэн. Утром в небе появился извивающийся желтый дракон длиною около 1 м, испускавший ослепительный свет. Дракон влетел в юрту Абаоцзи, из которой вырвались темно-багровые пары, затянувшие все небо. В этот же день Абаоцзи скончался". На родине Абаоцзи был воздвигнут храм, в который были помещены его личные вещи, оружие, его портрет и портреты его предков. На памятнике ему были сделаны надписи, в которых перечислялись подвиги, совершенные Абаоцзи при основании государства киданей.

Похороны великих императоров сопровождались принесением в жертву многих человеческих жизней, что подтверждается археологическими материалами. В случае похорон Абаоцзи об этом обычае говорится подробно. После смерти Абаоцзи его жена — императрица Шулюй созвала жен всех вождей и сказала: "Сейчас я вдовствую, и вы должны подражать мне". Затем она собрала их мужей и, стоя, спросила: "Тоскуете ли вы о покойном императоре?" Все ответили: "Как мы можем не тосковать о покойном императоре, если пользовались его милостями". Тогда императрица сказала: "Если вы действительно тоскуете, то должны пойти повидаться с ним",— после чего убила их всех.

О появлении киданей в Китае и их завоеваниях китайский историк писал, что в конце династии Тан все генерал-губернаторства окутала тьма от опустившегося тумана, над пятью горными вершинами воцарился мрак от поднявшейся пыли. Здесь под "пятью горными вершинами"

подразумевается вся территория, подвластная китайскому императору. "Воспрянувший духом Тай-цзу из отдаленного уголка земли устремился на Китай. Он проник в земли Ю и Янь, которые покрыла пыль, поднятая лошадьми варваров, поглотил восемь кочевий, чтобы командовать самому, и как огромно стало его могущество!" Здесь делается намек на то, что Абаоцзи захватил власть восьми кочевий киданей и распространил свою власть на Китай. Государство киданей — империя Ляо — прекратила свое существование в 1124 году.

Кидани в течение года отмечали торжественно несколько народных праздников. Приведем лишь описание одного из них, которое может иметь продолжение в культурных традициях монгольских народов.

"Зимнее солнцестояние"

"В день зимнего солнцестояния кидане убивают белого барана, белую лошадь и белого гуся, берут свежую кровь и смешивают ее с вином. Глава государства, обратившись лицом к северу, совершает поклонение горе Хейшань, возлияние вина и приносит жертву духу этой горы. Как говорят, души умерших киданей находятся в ведении духа горы Хейшань. Кроме того, и кидане рассказывают, что все умершие находятся в ведении духа этой горы, не исключая и богатых. Гора Хейшань у киданей подобна горе Дайцзун у китайцев, которой подведомственны души всех умерших.

Каждый год пять столиц предоставляют сделанные из бумаги фигуры людей и лошадей, свыше десяти тысяч штук каждого вида, которые сжигаются при жертвоприношениях горе. Обычаи киданей очень строги: за исключением случаев жертвоприношений, они не смеют подходить к горе Хейшань".

В те времена рядом с кочевьями киданей находились и кочевья жуаньжуаней, относящихся к группе народов дунху. Вопрос об их происхождении носит дискуссионный характер. Японский исследователь Сиратори отождествил прозвище жоужань с монгольским secen — "мудрый", опираясь нате аналогии, что предводители аристократических домов у монголов очень часто имели характер¬ные прозвища, как бы показывающие, кто они такие. Их часто называли baatur — "богатырь", secen — "мудрый", mergen — "меткий стрелок", bilge — "мудрый", boko — "силач". Родоначальники племени имели сложное происхождение, среди которых можно увидеть хуннских князей и сяньбийских княгинь.

Этногенетические мифы связывают гаоцзюй и жуаньжуаней с хуннами и их тотемом — волком.

Бытовало мнение, что родоначальником гаоцзюйцев был внук хуннского шаньюя. В легенде говорится, что у хуннского шаньюя родились две дочери необыкновенной красоты, поэтому население владения считало их

богинями. Шаньюй заявил: "Поскольку у меня такие дочери, разве я могу выдать их замуж за обыкновенных людей? Я отдам их Небу!" После этого в северной части своего владения, в безлюдной местности, он устроил высокую террасу и поселил там дочерей, сказав: "Прошу Небо встретить их".

Через три года мать захотела встретиться с дочерьми, но шаньюй сказал: "Нельзя этого делать, их ожидает переселение". Прошел еще год, и появился старый волк, который днем и ночью, охраняя террасу, выл. Он вырыл под террасой нору и не выходил из нее. Тогда младшая дочь сказала: "Наш отец поселил меня тут, желая отдать Небу. Здесь появился волк, который, возможно, является чудесным существом, посланным Небом",— и решила встретиться с волком, но старшая сестра в испуге воскликнула: "Это животное, ты только осрамишь отца и мать!" Однако та не послушалась ее, спустилась с террасы, стала женой волка и родила сына. Впоследствии его потомки размножились и создали государство. Вот почему люди этого государства любили протяжные, длинные песни, исполняя которые, выли, подобно волкам.

О гаоцзюйцах писали, что у них нет единого начальника, а каждый род имеет своего вождя. "По характеру они грубы и свирепы. Члены рода единодушны между собой и, когда подвергаются набегам, дружно помогают друг другу. По существующим обычаям сидят на корточках, пренебрежительно относятся к окружающим и не знают никаких запретов в поведении. При заключении браков представляют в качестве сговорных даров крупный рогатый скот и лошадей, считая это за честь. Провожали девушку на лучших лошадях и дарили лошадей. Имели обычай ставить метки (тамги) на домашнем скоте, и хотя скот свободно пасся в степи, его никто не угонял.

Существовал у них обычай, связанный с громом, об этом сообщается так: "Любят удары грома. При каждом ударе грома кричат и стреляют в небо, а затем покидают это место и переходят в другое. Осенью следующего года, когда лошади зажиреют, снова посещают место, где гремел гром, закапывают там в землю черного барана, разводят огонь, вынимают из ножен кинжалы, а шаманки произносят заклинания, подобно тому, как молятся в Срединном государстве, чтобы отвратить несчастье. В это время группы мужчин скачут вокруг на лошадях и, сделав 100 кругов, останавливаются. Затем люди, держащие в руках пучки ивы или кустарника, втыкают их в землю кругами и поливают кислым молоком. И если люди умирали от удара грома или моровой болезни, молились о ниспослании им счастья. Когда у них все спокойно, совершают благодарственные моления, во время которых забивают много разного скота, сжигают его кости, пускают стрелы и скачут вокруг этого места на лошадях несколько сотен кругов. Все мужчины и женщины, независимо от возраста, собираются на эти сборища. Те, у кого все спокойно и хорошо, поют, танцуют и занимаются музыкой, а те, у кого кто-нибудь умер, горестно стонут и плачут".

В дальнейшем эти племена были завоеваны киданями и вошли в состав их империи.

Татары

В семье тех древних народов Центральной Азии, истории которых мы коснулись, находились и предки татар. Древнее название и этногенез их не совсем выяснен. Отец Иакинф в своих извлечениях говорит следующее: "С возвышением киданей показались с Амура Черноречные Мохэ под народным названием Татань", которые заселили отлоги хребта Инь-Шань. А от этих "Черноречных Мохэ монголы получили нынешнее народное название монгол". Из другого источника о. Иакинф выписал следующие сведения: "В шестом столетии из семи угинских айманей усилился аймань Черноречный, а в начале седьмого столетия он отделился от Уги, принял народное название Черноречного Мохэ, и не в продолжительном времени разделился на шестнадцать новых айманей. В начале осьмого столетия бохайский владетель покорил Мохэ своей власти; а в начале девятого столетия один из шестнадцати мохэских айманей, называемый Татань, ушел в южную Монголию и осел по северному склону хребта Инь-Шань". А в 1005 году девять татаньских поколений (родов?) представили дань Дому Кидань. Суммируя данные других источников, он писал: "1) что татаньцы в начале XII в. уже перешли от хребта Инь-Шань в Халху... и 2) что в числе родов, составлявших татаньский аймань, издавна находился Дом Монгол; и что сей дом, по своему могуществу, впоследствии избран был главою всех татаньских поколений; потому что в сем месте народное название Татань заменено названием Дома Монгол". Отец Иакинф писал, также что происхождение монгольского народа и Дома Монгол, от которого народ получил это имя, есть "две вещи совершенно различные между собою. Начало монгольского народа уходит за двадцать пять веков до н. э., а Дом Монгол возник в начале IX в., усилился в начале XII, основал Монгольскую империю в начале XIII столетия".

Рашид-ад-Дин писал, что имя татар "издревле было известно в мире. От них отделились многочисленные ветви". Отметив их нравы и образ жизни, историк заметил: "Если бы при наличии их многочисленности они имели друг с другом единодушие, а не вражду, то другие народы из китайцев и прочих и вообще ни одна тварь не были бы в состоянии противостоять им".

Так как сведения о татарах и монголах, описанные Рашид-ад-Дином, очень интересны и объясняют их происхождение и расселение, но неизвестны широкому кругу читателей, мы решили привести их в достаточно полном объеме. Историк пишет, что при всем их буйном характере и вражде друг с другом, они "в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части монгольских племен и областей, выдаваясь своим величием, могуществом и полным почетом от других.

Из-за их чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские народы, при всем различии их разрядов и названий, стали известны под их именем и все назывались татарами. И те различные роды полагали свое величие и достоинство в том, что себя относили к ним и стали известны под их именем, вроде того как в настоящее время, вследствие благоденствия Чингис-хана и его рода, поскольку они суть монголы — разные тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам, кераитам, найма-нам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище,— все они из-за самовосхваления называют себя тоже монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки, таким образом, воображают, что они уже издревле относятся к имени монголов и именуются этим именем,— а это не так, ибо в древности монголы были лишь одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен. Так как в отношении их была проявлена божественная милость в том смысле, что Чингис-хан и его род происходят из племени монголов и от них возникло много ветвей, особенно со времени Алан-Гоа, около трехсот лет тому назад возникла многочисленная ветвь, племена которой называют нирун и которые сделались почтенны и возвеличены,— то все стали известны как племена монгольские, хотя в то время другие племена не называли монголами.

Так как внешность, фигура, прозвание, язык, обычаи и манеры их были близки у одних с другими и хотя в древности они имели небольшое различие в языке и в обычаях,— ныне дошло до того, что монголами называют народы Китая и Джурджэ (предки позднейших маньчжуров), нангясов, уйгуров, кипчаков, туркмен, карлуков, калачей, всех пленных и таджикские народности, которые выросли в среде монголов. И эта совокупность народов для своего величия и достоинства признает полезным называть себя монголами. Перед этим, тоже вследствие силы и могущества татар, был такой же случай и по этой причине еще и поныне в областях Китая, Хинда и Синда, в стране киргизов, келаров и башкир, в Дешт- и Кипчаке — Кипчакская степь (название обширного пространства, раскинувшегося от Иртыша до Волги), у арабских племен, в Сирии, Египте и Марокко все тюркские племена называют татарами. Тех татарских племен, что известны и славны и каждое в отдельности имеет войско и своего государя,— шесть, идущих в таком порядке: татары-тутукулйут, татары-алчи, татары-чаган, татары-куин, татары-терат, татары - буркуй. Племя тутукулйут — самое уважаемое из всех татарских племен".

В дальнейшем все татарские племена вошли в созданную Чингис-ханом империю. А имена монголов и татар сохранились в истории как равноправные этнонимы.

Этническую карту Центральной Азии X века Л. Л. Викторова представила в следующем виде: кидани были компактно расселены на территории современного Дубэя и частично Автономного района Внутренней Монголии. Их ядро составляли племена наран (солнце), морин (конь), дахэ

(дагур); юго-западнее киданей жили хи (татаби), родственные киданям, состоявшие из пяти-шести племен, в числе которых было племя негусы (монг. нэкуз), а на территории провинции Хэбэй еще сохранились потомки муюнов. Возле отрогов Иньшаня кочевал переселившийся с севера аймак татаней, в Восточной Монголии — олхонуты и отдельные группы южных шивэйцев — есон-татар (девять татар), присоединенных к киданям в конце IX — начале X века, но основная их масса кочевала возле озера Буир-Нор. Между рекой Оршунь и озером Халхин-Гол кочевали унгираты. На реке Селенге кочевали меркиты, восточную часть хребта Танну-ола занимали дархаты. Она также писала: "В X — начале XI века монголы и их вожди поддерживали старые традиционные связи со своими ближайшими соседями. Они брали жен из забайкальских племен, постепенно сближались с соседними урянхайцами и баргутами. С тюрками были более тесно связаны дэрбэны и чиносы. Они обособились в начале X века, после смерти их сородича Добун-Мэргэна, женатого на Алун-Гоа, женщине баргу-бурятского рода хорилар... За 100—150 лет потомкам Алун-Гоа удалось сколотить достаточно прочное ядро племен, породнившихся с мангутами, баргутами, олхонутами, унгиратами.

Предки

Персидский историк XIV века Рашид-ад-Дин, служивший при дворе хулагуидов визирем, в своем фундаментальном "Сборнике летописей" продолжил сведения о монголах. Он отметил, что название "монгол" в начале было не таким, что оно появилось позже. Каждое ответвление народа имело свое определенное название. Он перечислил названия этих племен: джалаир, сунит, татар, меркит, курлаут, тулас, тумат, булагачин, кэрэмучин, урасут, тамгалык, таргут, ойрат, баргут, кори, теленгут, урянка, куркан и сукаит. Историк сделал оговорку, что народов, входящих в Монгольскую империю, много, племена их бесчисленны. В своем труде он дал названия не только племен и их ответвлений, но и объяснил их происхождение, образ жизни, места обитания...

Рашид-ад-Дин, опираясь на известную ему легенду, писал, что начало истории монголов пошло "от тех двух человек, которые ушли на Эргунэ-кун, путем рождений и размножения их род стал многочисленным. Слово монгол стало именем их рода, и это название переносят на другие народы, которые похожи на монголов". За четыреста лет "от них произошло множество ответвлений и по своей численности они превысили другие народы; вследствие же их могущества другие племена в этих областях также стали известны под их именем".

Персидский историк, прекрасно знавший древние источники и получивший многие сведения из первых рук — информаторов, знатоков истории монголов, оставил подробные перечисления названий племен и их подразделений, в виду их ценности для последующего изложения истории нашего народа, мы приводим полностью.

Рашид-ад-Дин писал, что коренные монголы, постепенно разделились на две части.

"Подразделение первое. Составляет ту ветвь, которая произошла от тех настоящих монгольских народов, кои были на Эргуне-куне и где каждый получил свое специальное имя и прозвище. Впоследствии они удалились оттуда. Это были племена: нукуз, урянкат, кунгират, икирас, олкунут, куралас, элджигин, кункулают, ортаут, конкотан, орулат, килингут, кунджин, ушин, сулдус, илдуркин, баяут и кингит.

Подразделение второе. Народы, которые произошли от трех сыновей, появившихся на свет у жены Добун-Баяна, по имени Алан-Гоа, уже после смерти ее мужа. Добун-Баян же был из коренных монголов, что не забыто; Алан-Гоа же происходила из племени куралас.

Эти народности также состоят из двух подразделений: нируны, в собственном смысле, их шестнадцать родов: китакин, салджиут, тайджиут, хартакан, сиджиут, чинос, который называют также нукуз, нуякин, урут, мангут, дурбан, баарин, барулас, хадаркин, джуръят, будат, дуклат, йисут, сукан и кингият. Второе подразделение _ нируны, которых также называют киятами, разделяются на две ветви; кияты вообще и в этом смысле они объединяют роды: юркин, чаншиут, кият-ясар и кият-бурджигин, что означает синеокие; их ветвь произошла от отца Чингиз-хана и имеет поэтому родственное отношение к роду Чингиз-хана и его отца".

В "Сокровенном сказании монголов" подробно повествуется о мифических предках монгольского народа. В мифе говорится, что предком Чингиз-хана был Бортэ-Чино, рожденный по велению Высшего Неба, супругой его была Гоа-Марал. Эта легенда говорит о том, что предками монголов были серый волк и прекрасная лань.

Через несколько поколений потомком легендарных предков был Тороколджин-Байан, имевший жену Борокчин-Гоа, слугу Бoролдай-Суялби, двух боевых коней Даир и Боро. Сыновьями Тороколджина были Дува-Сохор и Добун-Мерген.

Дува-Сохор имел посередине лба единственный глаз, видевший на расстоянии трех кочевок.

Однажды Дува-Сохор с младшим братом Добун-Мергеном взошли на Бурхан-Халдун. Когда Дува-Сохор смотрел с вершины Бурхан-Халдуна, он увидел, что к Тункелик - ручью приближается какое-то племя и сказал: "Вон среди приближающегося племени, на передке крытой телеги, сидит одна прекрасная дева. Если она не выдана замуж, то мы ее для тебя, мой младший брат Добун-Мерген, сосватаем!" Девушка действительно оказалась красавицей из знатного рода, звали ее Алан-Гоа, и она еще не была просватана.

"Это племя принадлежало дочери Баркудай-Мергена, владыки Гоа-Бархуджин-Токума — Бархуджин-Гоа и Кори-Туматскому нойону — Корилартай-Мергену. Алан-Гоа же была дочерью Корилартай-Мергена, рожденной от Бархуджин-Гоа в Кори-Туматской земле Арик-усун". Так Добун-Мерген женился на Алан-Гоа, дочери Кори-Туматского Корилартай-Мергена. Алан-Гоа родила двух сыновей, их звали Букунотай и Белькунотай.

Дува-Сохор имел четырех сыновей. Через некоторое время он умер. После кончины отца, четверо сыновей Дува-Сохора откочевали от дяди Добун-Мергена и образовали четыре рода Дорбенирген.

Добун-Мерген усыновил мальчика из рода урянха по имени Маалик-Баяудай. "После смерти Добун-Мергена, Алан-Гоа, живя без мужа, родила трех сыновей. Они назывались Бугу-Хадачи, Бухата-Салджи и Бодончар-глупец".

Старшие сыновья стали говорить о своей матери: "Наша мать, не имея отцовых братьев, ни его родственников, будучи без мужа, родила трех сыновей. В доме единственный Маалик-Баяудай. Эти трое сыновей, вероятно, его!" Мать, услышав эти разговоры, собрала своих сыновей, дала им по стреле и попросила сломать. Все сломали. Тогда она связала пять стрел вместе и попросила сломать, но никто не смог сломать их. Тогда Алан-Гоа сказала: "Вы два сына моих, Белькунотай и Букунотай, обсуждаете меня, говоря: "Вот родила трех сыновей, чьи это сыновья? Каждую ночь прозрачный желтый человек входил в щели порога и дверного косяка и гладил мне чрево. Его сияние проникало мне в чрево. Уходил он подобно солнцу и луне, словно желтая собака, озираясь. Зачем говорите напрасно? Судя по приметам, они сыновья Неба. Зачем их приравниваете к черноголовым людям? Когда станут они ханами над всеми, тогда чернь поймет!"

В этой легенде соединены все известные мифы о тотемном происхождении предков, отмеченных божественными знаками при зачатии, рождении, как это было у ухуаней, киданей, тюрков.

Алан-Гоа при том дала наставление своим сыновьям: "Вы пятеро моих сыновей родились из одного чрева. Если вы будете жить поодиночке, то, подобно разрозненным стрелам, будете легко сломлены всяким. Если же будете жить, подобно связанным стрелам, вместе и единодушно, то кто сумеет вас легко одолеть?" После этого она скончалась.

Сыновья Алан-Гоа стали предками многочисленных монгольских родов. От потомков Бодончара образовался род борджигин, от Кайду — тайчиуты, Белькунотая — бельконот, от Букунотая — букунот, от Буки-Кадаки — кадакин, от Букуту-Салджи — салджиут, а также от них ведут свое происхождение: барулас, будаат, урууты, манкиты, бесуты, орокат, конкотан, арулат, соенит, кабтуркас, кеникес, джуркины и др. Потомком

Бодончара был Есугей-Баатур — отец Темучина. Мать Темучина — Хоелун — была из рода олконут Меркитского племени, захваченная в плен Есугей-Баатуром.

О необыкновенном рождении будущего великого завоевателя тоже существует легенда. Хоелун родила его в Ононском урочище Делиун-болдаке. "Явился он, сжимая в правой руке сгусток крови, величиной с альчик". Когда исполнилось Темучину девять лет, отец решил сосватать сыну невесту у племени олконут, у родичей его матери, и отправился с Темучином в путь. В пути им встретился Ункирадский Дей-Сечен. Дей-Сечен спросил: "Сват Есугей, к кому ты направился?" Есугей-Баатур ответил: "Ехал я к олконутам сосватать сыну у его родственников по матери невесту". Дей-Сечен молвил: "У твоего сына в глазах — огонь, на лице — заря". Дей-Сечену понравился мальчик, и он рассказал свой волшебный сон, произнес хвалебную оду девушкам своего племени: "Сват Есугей, видел я этой ночью сон. Снилось мне, будто опустился мне на руку белый кречет, сжимая солнце и луну. Рассказывал я этот сон людям. Солнце и луну возможно лишь видеть, а этот кречет сел мне на руку, сжимая их в когтях. "Светлое знамение. Что оно мне предвещает?" — думал я. Оказывается, сват Есугей, сон предвещал, что ты прибудешь со своим сыном. Сон в руку. Что за сон? Оказывается, вы духом киятского рода предвещали свое прибытие.

Мы, Ункирадский род, издавна славились статью детей, красотою дев. Не знаясь с людьми, кроме вас, прекрасноликих дочерей привозим в киргизской арбе, запряженной черным верблюдом, к ханам вашим, на место ханши рядом сажаем! Не знаясь с людьми, кроме вас, нежноликих дочерей взрастя, увозим их в телеге с передком, запряженной сивым верблюдом, на высокое место вашей половины сажаем! Издавна мы, Ункирадский род, славны неприступностью жен и стыдливостью дев, живем статью дочерних детей и красою дев.

Сыновья-нойоны пастбища хранят! Прекрасные девы красоту дарят! Сват Есугей, едем ко мне. Дочь моя мала, но сват пусть посмотрит!"
Дочь Дей-Сечена "оказалась девочкой с зарей на лице, с огнем в глазах". Ей было десять лет, она была на год старше Темучина, звали ее Бортэ. Есугей-Баатур же по пути домой был отравлен враждующим племенем татар.

Рашид-ад-Дин в своих "Летописях" подробно излагает происхождение многих монгольских родов. Историк здесь писал, что те два человека, которые вышли из местности Эргунэ-кун — "крутой хребет" по имени Нукуз и Киян стали предками монгольского обока. Он объяснил, что "под термином обок имеются в виду те, кои принадлежат к определенной кости и роду". К потомкам их относятся монголы-дарлекины и кияты. "По-монгольски киян значит "большой поток", текущий с гор в низину, бурный, быстрый и сильный. Так как кияны были отважны, храбры и крайне мужественны, то это слово положили их именем. Кият — множественное

число от киян; тех из этого рода, которые ближе к его началу, называли в древности кият".
Историк записал легенду о происхождении родов кият и нукуз, которая интересна и для объяснения других этнонимов.

"Когда среди гор и лесов этот народ размножился и пространство занимаемой им земли стало тесным и недостаточным, то они учинили друг с другом совет, каким бы лучшим способом и нетрудным по выполнению путем выйти им из этого сурового ущелья и тесного горного прохода. И вот они нашли одно место, бывшее месторождением железной руды, где постоянно плавили железо. Собравшись все вместе, они заготовили в лесу много дров и уголь целыми харварами, зарезали семьдесят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали из них кузнечные мехи. Затем сложили дрова и уголь у подножья того косогора и так оборудовали то место, что рядом с этими семидесятью мехами стали раздувать огонь под дровами и углем до тех пор, пока тот горный склон не расплавился. В результате оттуда было добыто безмерное количество железа и вместе с тем открылся и проход. Они все вместе откочевали и вышли из той теснины на простор степи. Говорят, что раздувала мехи главная ветвь племени, восходящая к Кияну. Точно также раздувало мехи и то племя, которое известно под именем нукуз, и племя урянкат, принадлежащее к их ветви". Этот подвиг имел такое значение, что впоследствии другие племена приписывали свое происхождение тем племенам. С другой стороны легенда о расплавлении железной горы и выходе на просторы степей говорит о трудном пути монголов к созданию империи.

Потомки Алан-Гоа и в том числе Чингис-хан принадлежали к племени кият-бурджигин. "Они были очень отважны и весьма смелы, так что их мужество вошло в пословицу. Когда у других племен случалась друг с другом война, они искали у них, у бурджигинов, обязательства в поддержке своей стороны, прибегали и осыпали их подношениями и дарами и обращались к помощи их силы и могущества. С их помощью и поддержкою они покоряли и поражали своих сильных врагов". То есть их сила и авторитет служили гарантом мира и спокойствия. От племени нукуз ответвились золотой род Чингис-хана нирун, а также чинос. Они явились предками рода тайджиут. Рашид-ад-Дин писал, что "народ тайджиут разделился на многочисленные племена. Корень происхождения их таков: у Кайду-хана было три сына; имя старше¬го было Байсонкур, от которого идет ветвь предков Чингиз-хана; третьего сына звали Джаучин, от рода которого произошли два племени: артакан и сиджиут; имя среднего сына было Чаракэ-лингум, от него произошли все племена тайджиут". Впоследствии, до времени Есугей-бахадура включительно, эти племена тайджиутов, происшедшие от детей и двоюродных братьев Чаракэ-лингума", которые были "государями и вождями народа, все были заодно, в союзе и друзьями с Есугей-бахадуром".

Племена хартакан и сиджиут произошли от сыновей Кайду-хана, из племени хартакан в Монголии осталось "много великих людей, принадлежащих к их кости". И из племени сиджиут "много великих людей было и есть...". Мункэду-нойон из этого племени в эпоху Бату-хана командовал войском.

О племени чинос Рашид-ад-Дин писал, что хотя они произошли из племени тайджиут, но ветвь свою ведут от сыновей Чаракэ-лингума, который "взял за себя жену своего брата, она родила от него двух сыновей, одного назвали Гэнду-чинэ, а другого — Улукчин. Чинос будет множественным числом от чинэ. Значение этих двух упомянутых племен — "волк" и "волчица". Чиносов называли нукуз, а еще — "дарлекин, принадлежащее к собственно монголам". Здесь подчеркивается, что это племя вышло из тех, которые "расплавили железную гору семьюдесятью мехами кузнецов".

Племя дурбан происходило из нирун, а по родству находилось ближе к баарин, "они разветвились от одного корня". Из этого племени происходили старшие жены Чингис-хана и его сыновей. "И у Кубилай-каана была жена из этого племени, по имени Деречин".

Интересно сообщение о племени баарин: "Говорят, что Чингиз-хан сделал онгоном одного человека из племени баарин подобно тому, как делают онгоном коня и других животных, т. е. никто на него не будет притязать, и он будет свободным и тарханом". Термин тархан (монг. дархан) означает человека, которому прощаются девятикратные преступления, который освобождается от несения повинностей и пользуется правом свободного входа к хану. "Имя этого человека было Янги. В ханской ставке-орде он сидел выше всех, подобно царевичам, он входил по правую руку от хана, коня его привязывали с конем Чингиз-хана. Он совсем одряхлел, и Чингиз-хан повелел, чтобы кто-нибудь из племени суканут становился на четвереньки, дабы Янги садился на коня, поставив ногу на его спину". Это говорит об исключительно высоком положении дарханов во времена Чингис-хана. По этому поводу в "Сокровенном сказании монголов" рассказывается легенда. Когда Чингис-хан собирал войско, к нему приходили вожди племен со своими дружинами. От ааринов прибыл Корчи-Усун Эбуген и Коко-Чос, образовав один курень Менен-Ааринов. Прибыв, Корчи сказал: "Мы, рожденные от Бодончара-Богдо и его пойманной жены, были с Джамукой единоутробными братьями, вскормленными одной грудью. Мы не должны были отделяться от Джамуки, но было знамение, виденное мной. Приснилось, будто светло-рыжая корова, кружа вокруг Джамуки, бодала его походную юрту и, сломав один рог, став однорогой, мычала в сторону Джамуки: "Отдай мой рог!" При этом она ногами разгребала землю и пылила в сторону Джамуки. Затем комолая светло-рыжая корова приподняла большую юрту, впряглась в телегу и, торопливо устремившись за Темуджином, мычала: "Небо и Земля решили, чтобы Темуджин стал Владыкой народов! Собирай свой народ и ступай к нему!" Таково было знамение, посланное

мне. Темуджин, когда ты станешь Владыкой народов, каким счастьем ты меня одаришь за предсказанное мной знамение?" Тогда Темуджин сказал: "Если я действительно буду ведать народами, сделаю тебя нойоном тумена!" — "Что за счастье — награда человеку, предсказавшему такое дело,— быть нойоном тумена? Сделай меня нойоном тумена и позволь мне выбрать себе тридцать самых лучших красавиц-дев! Слушай также все, что ни скажу!".

Нужно сказать, что предсказание Корчи-Усун Эбугена сбылось. Когда Чингис-хан создал великое государство и награждал своих сподвижников, не забыл и старца Корчи. Чингис-хан говорил: "Будучи вестником, с малых лет был ты опорой господина. Мокнув под ливнями, замерзая в стужу, был ты моим верным хранителем!" Корчи в то время говорил мне: "Если весть моя верная, если ты достигнешь Неба, исполнишь задуманное, сделай меня обладателем тридцати жен!" Сейчас выбирай себе из покоренных племен лучших дев и жен!" Еще он добавил: "Пусть Корчи к трем тысячам баарин дополнит адаркинских чиносов, тоолесов и теленкутов и вместе с Токаем и Ашиком ведает тьмой. Пусть он кочует вдоль Иртыша до Лесного племени. Без ведома Корчи Лесное племя не должно кочевать". Именно за эти заслуги Корчи был возведен в звание дархана.

Племя джуръят называли еще джаджират. Из этого племени был анда-побратим Чингис-хана — Джамука-сечен. Хитрый и коварный Джамука в конце концов вынужден был покориться своему анде.

Племя йисут принадлежало младшему сыну Тумбинэ-хана. В связи с этим говорится: "Обычай монголов таков: младшего сына называют отчигин по той причине, что он пребывает в доме, а огонь является центром домашней жизни". То есть отчигин являлся хранителем родового очага. Племя йисут было своего рода хранителем обычаев и традиций старины. К ним обращались и другие племена. И шаманы йисутов отправляли необходимые обряды. Из этого племени вышло много великих людей, в том числе известный полководец Джебе-нойон.

О переходе на службу к Чингис-хану Джебе-нойона рассказывается в "Сокровенном сказании монголов". Когда некоторые монгольские племена вели междоусобные войны против Чингис-хана, его любимый конь был ранен стрелой. После окончания боя, Чингис-хан говорил, когда мы гонялись друг за другом "с возвышенности вражеского войска прилетела стрела и сломала шейный позвонок моего Беломордого Кулана. Кто стрелял с горы?" На это Джебе ответил: "С горы я стрелял! Если хан сейчас меня убьет, то попрошу земли величиной с ладонь! Если хан меня пощадит, то тогда перед ханом буду скакать до тех пор, пока плес не пересохнет, пока белый камень не разрушится. Если скажешь: "Пойди!" — буду скакать, пока синий валун не рассыплется. Если скажешь: "Охраняй!" — буду скакать, пока черный валун не развалится!" Чингис-хан сказал: "Обычно враг скрывает то, что убивал и воевал, и никогда в этом не признается. Этот же ничего не таит и говорит всю правду! Поистине он

будет верным товарищем. Ты ранее звался Джирко-адай. Теперь же из-за того, что ты раздробил стрелой шейный позвонок моего Беломордого Кулана и стрелу пускаешь в цель, именуйся "Джебе-стрелой" и будь рядом со мной!" Так Джебе, прибывший от тайджиутов, стал служить Чингис-хану.

Племя джалаир имело кочевье по реке Онону и до Каракорума. От джалаир происходят роды: джат, тукараун, кунксаут, кумсаут, уят, нилкан, куркин, туланкит, тури, шанкут. Это племя было многочисленным и каждое его ответвление имело своего вождя-предводителя. Например, во времена Чингис-хана вождем племени джат был Мукали-гойон (го-ван), которого признавали старшиной всех джалаиров. Го-ван по-китайски означает великий хан. Он командовал левым крылом войска Чингис-хана. Его потомки верно служили Угедей-хану, Менгу-хану, Гуюк-хану, Хубилай-хану и Хулагу-хану, принимая участие в завоеваниях и создании империи.

Кераиды

Среди племен, покоренных Чингис-ханом и включенных им в состав своего государства, были такие многочисленные, что имели свою государственность во главе с ханами. К ним относятся кераиты (кереиты, кереты, калм. керяд).

Как писал Рашид-ад-Дин "...у них были уважаемые государи из своих племен. В то время в тех пределах они имели больше силы и могущества, чем другие племена". Они представляли род монголов, жили по берегам рек Онона и Керулена. Во времена Есугей-Баатура и Чингис-хана государем кераитов был Он-хан (Онг-хай, Ван-хан). Они имели взаимную дружбу — анда-побратимство. О том, насколько это побратимство было крепким и имело исключительно родственное значение для представителей племен, рассказывается в "Сокровенном сказании монголов".

Когда Темучин женился на Бортэ, ее мать — Сотан подарила ему "в качестве подарка-шитья доху из черного соболя". Эту дорогую доху Темучин с братьями повез в "подарок кереидскому Ван-хану, жившему в Черной чаще Каратун на реке Тола, считая, что человек, ставший андой-побратимом отца, подобен отцу. Прибыв к Ван-хану, Темучин сказал: "В прежние времена ты был побратимом моего отца. Значит ты все равно, что отец. Поэтому я, женившись, привез тебе свадебный подарок",— и преподнес ему соболью доху. Ван-хан очень обрадовался и сказал: "За твою черную соболью доху я тебе твой разрозненный народ соберу! За соболью доху я тебе твой рассеявшийся народ соберу! Да останутся мои слова у седалища почек, да хранятся мои слова в праведной груди!" Ван-хана прежде звали Тоорил-хан, но после помощи Чингис-хану в покорении одного из татарских племен, ему даровали звание Ван-князя. Отсюда и пошло имя Ван-хан.

Рашид-ад-Дин отмечает, что многочисленные племена явились к Чингис-хану и во время его войн с племенами тайджиут, катакин и салджиут были в его свите и выказали старание, стали уважаемыми.

Л. Л. Викторова писала, что кереиты унаследовали многие традиции уйгурской культуры. Их ставка на Орхоне служила центром притяжения для купцов из разных стран, а также для проповедников мировых религий. Из донесений христианских миссионеров на Востоке известно, что кереиты в 1007 году приняли христианство несторианского толка. С этого времени кереитских вождей часто нарекали христианскими именами. Одним из вождей был Марк-Маркус, его имя, передаваемое в китайской транскрипции, звучало как Му-ку-су, Мо-ко-сы. Вождя племени цзубу оно отождествляет с Меркуз-Буюрук-ханом из монгольских и персидских источников. Он был дедом Тоорила-Ван (Онг)-хана, правившего кереитами во второй половине XII века.

Ставка Меркуз-Буюрук-хана на Орхоне стала центром борьбы за восстановление киданьской державы против чжурчженей и империи Сун. На стороне киданей и кереитов выступили и монголы. В ходе этой борьбы погибли Меркуз-Буюрук-хан кереитов и монгольские ханы Хутула и Амбагай. Они были выданы татарами чжурчженям и жестоко умерщвлены. Уже в этих войнах деятельное участие принимал и отец Чингис-хана, Есугей-Баатур, и его побратим — будущий Ван-хан кереитов. Кереитское ханство занимало земли от верховьев Селенги на севере до излучины Хуанхэ на юге, от Хангайских гор на западе до земель унгиратов и татар в районе Буир-Нора и Халхин-Гола на востоке. На севере кереиты граничили с меркитами. На западе они граничили с найманами. Южные земли кереитов граничили с тангутским государством Си Ся.

Кереиты поддерживали отношения с тангутами и неоднократно бывали в их владениях; известно, что там бывал и Ван-хан кереитов, и его брат Чжаха-Гамбу. При ставке кереитского хана часто жили и воспитывались представители знатных монгольских семей и в том числе Чингис-хан, который провел там часть детства. Он и позднее бывал при кереитском дворе и встречался там с киданями, послами чжурчженей.

Кереиты разделялись на несколько родов. Собственно, о кереитах говорится, что "в древние времена был один царь; он имел семь или восемь сыновей, и все они были смуглые. По той причине их называли кераитами. Они разделились на несколько родов; джиркин — были уважаемым и геройским племенем из всех племен, остальные назывались коркаит, сакаит, тумаут, албат".

У брата Ван-хана — Джакамбу — было четверо дочерей: "одну из них высватал себе Чингис-хан, ее имя было Абикэ-беги; другую, по имени Биктутмиш-фуджин — он взял за своего старшего сына Джочи; третью, именуемую Соркуктани-беки, он сосватал своему младшему сыну Тулуй-

хану; она была матерью четырех сыновей: Менгу-хана, Хубилай-хана, Хулагу-хана и Арик-Бука. Одна внучка Ван-хана была сосватана за Тулуй-хана, а после Тулуя ее взял себе в. старшие жены Хулагу-хан.

Найманы

Кочевья найманов находились в верховьях Иртыша, на Алтае, Каракоруме и на западе до земли киргизов и уйгуров. "Эти племена найманов и их государи были уважаемыми и сильными; они имели большое и хорошее войско; их обычаи и привычки были подобны монгольским''. Государем найманов был Таян - хан (Даян-хан). Он вел упорные бои против централизаторской политики Чингис-хана. Однажды на его призыв явились к нему вожди других племен со своими войсками: "Токта, царь меркитов, из племени татар; Алин-тайши — из старших кераитских эмиров, племени катакин; Кутука-беки, царь ойратов, из племени дурбан; Джамуха сечен — из племени джаджират, рода салджиутов". Отсюда видно, что на стороне Даян-хана были представители больших, многочис¬ленных племен. В этом сообщении для нас интересно и то, что глава ойратов назван царем из племени дурбан. Значит дурбаны, а может быть дербены — дербеты, входили тогда в состав найманов.

Найманы были разбиты, Даян-хан убит. Жену его по имени Гурбесу Чингис-хан взял себе. Именно после победы над найманами Чингис-хан на берегу Онона "водрузил девятиконечный белый бунчук-туг, устроил великое собрание и великий пир; и там дали ему имя Чингис-хан".

Рашид-ад-Дин писал еще, что царя найманов, бывшего в оппозиции Чингис-хану, называли Инанч-Билге Бука-хан. "Бука-хан в древние времена был великим государем, к памяти которого уйгуры и много других племен относятся с полным уважением и рассказывают, что он родился от одного дерева. Словом, этот Инанч-Билге Буку-хан был почтенным государем и имел сыновей. У его старшего сына было основное имя Бай-Бука". И этого Бай-Буку китайцы назвали Таян-ханом. Этнически и территориально найманам было близко племя тикин. Чингис-хан объединил тикин с племенем онгутов, и они кочевали вместе. О племенах тикин и онгут сообщается, что "их девушки и найманские известны красотою и грацией".

Меркиты

О меркитах Рашид-ад-Дин писал, что "это племя имело многочисленное, чрезвычайно воинственное и сильное войско. Меркиты — это часть монгольского племени. Они сражались и воевали с Чингис-ханом и Ван-ханом".

Интересно, что взаимоотношения племен нирун и меркитов связаны с женщинами. Однажды Есугей-Баатур, охотясь на Ононе, встретил меркитского Еке-Чимду, сопровождавшего девицу, взятую из племени

олконоут. Увидев в возке девушку необычайной красоты, он отправился домой и, собрав братьев, отбил эту девушку. Это была Хоелун-уджин. Она родила Есугею четырех сыновей и одну дочь. Через несколько лет, уже после смерти Есугея, меркиты решили отомстить его племени. Приехали три меркита: Удуит-меркитский — Токтоа, Увас-меркитский — Даир-Усун и Каат-меркитский — Каатай-Дармала и увезли Хоелун. Сыновья об этом сообщили Ван-хану Кереитскому и другим и объединенными силами отбили мать и свое племя.

При этом случае Чингис-хан укрылся в горах Бурхан-Халдун. В честь своего спасения он произнес такие слова: "На Бурхан-Халдуне я боролся за свою жизнь, подобную вше! Спасая единственную свою душу, на единственном коне пробираясь по лосиным тропам, обитая в латаном доме, взобрался я на Халдун. На Халдун-Бурхане я защищал свою душу, подобную ласточке. Очень я был напуган! Теперь Бурхан-Халдуну каждое утро я буду молиться, каждый день я буду приносить жертвы. Пусть об этом знают потомки моих потомков!" Так он восклицал, повернувшись к солнцу, повесив пояс на шею, шапку надев на руку, обнажив руками грудь, девять раз поклонился в сторону солнца и совершил жертвоприношение с окроплением". В другой раз меркиды захватили жену Чингис-хана Борте-фуджин, отдали ее Ван-хану. "Ван-хан сохранил ее за завесой целомудрия и в сопровождении отправил домой. В пути у нее родился Джочи-хан". Этот случай тоже имел последствия, так как братья считали, что Джочи происходит из меркидов.

В год Мыши (1204) осенью Чингис-хан одержал окончательную победу над меркидским Токтоа-беки, захватив подданных и имущество. Токтоа-беки с двумя сыновьями удалось бежать. При этом "Хоас-меркидский Даир-Усун вез к Чингис-хану свою дочь Кулан-хатун, но был задержан в пути Бааридай Ная-нойоном. Даир-Усун сказал: "Я ехал, чтобы показать свою дочь Чингис-хагану!" На что Ная-нойон ответил: "Давай-ка вместе покажем твою дочь хану. Если ты поедешь сейчас один, когда войска в беспорядке, они и тебя не пропустят и дочь — подношенье твое — обесчестят", — и три дня и три ночи продержал их у себя. Затем оттуда Ная-нойон доставил Даир-Усуна с Кулан-хатун к Чингис-хагану. Тогда Чингис- хаган с гневом обратился к Ная: "Ты почему их задержал? Сейчас же тщательно обследуйте ее тело и выносите приговор!" В это время Кулан-хатун вмешалась и сказала: "Ная говорил: "Я великий нойон Чингис-хагана! Давайте вместе доставим твою дочь хагану! Не то в пути без меня могут воины ее обесчестить!" и убедил нас. Если бы мы не встретили Ная, нас могли бы обесчестить. Ай, хорошо, что мы встретили Ная. Прежде чем допрашивать Ная, если хаган соизволит, нельзя ли спросить у тела, рожденного отцом и матерью?" Чингис-хаган одобрил слова Кулан-хатун и в тот же день осторожно испытал ее. Когда обнаружилось, что все обстоит так, как говорила Кулан - хатун, Чингис-хаган милостиво ее ласкал. Поняв, что Ная не виновен, он произнес: "А слова-то его оказались правдивыми".
С ушедшим Токтоа-беки соединился найманский Кучулук - хан. С ним

произошло сражение у истока Иртыша, Токтоа-беки был убит, но его сыновья и найманы ушли еще дальше, через земли уйгуров и карлуков направились в земли сартаулов. "Меркиды ушли через земли канглов и кибчаков на запад". Оказалось, что в это время, ранее покорившиеся меркиды подняли восстание. Чингис-хан решил окончательно уничтожить непокорное племя. Против ушедших меркидов хан решил направить самых выдающихся своих полководцев. Чингис-хан позвал Субетая и вручил ему "крытую железом телегу и отправил в погоню за сыновьями Токтоа-беки. При этом он пропел Субетаю песню: "Сыновья Токтоа—Куду, Кал и Чилаун — ушли, грозя и выстреливая назад, будто кулан с укрюком или бык со стрелой. Если они обретут крылья и полетят по Небу, разве ты, Субетай, не станешь кречетом и не поймаешь их? Если они, превратившись в тарабаганов, зароются в землю разве ты не превратишься в лом и не уничтожишь их? Если они, превратившись в рыб, уйдут в глубины океан-моря, разве ты, Субетай, не превратишься в невод и не изловишь их?" Еще он наставлял: "Если покровительством Вечного Неба, дарующего мощь и отвагу, будут пойманы сыновья Токтоа, то зачем их везти к нам? Там же сами совершите суд!".

Когда Даир-Усун меркидский был убит, его жену взял себе Угедей-хан, от нее родились четыре старших сына, самым старшим из которых был Гуюк-хан.

Субетай-Баатур, посланный в погоню за сыновьями Токтоа-беки, догнал их на реке Чуй и уничтожил согласно приказу.

Баргуты, кори и тулас

Рашид-ад-Дин сообщает, что "эти племена близки друг с другом. Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилище находятся на той стороне реки Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум".

В тех же пределах располагались кочевья ойрат, булагачин, кэрэмучин и хойин-урянка; каждое из племен имело своего предводителя. Одной ветвью племени баргут были тулас, к ним также были этнически близки элджигины, ветвью баргутов были и туматы, находившиеся тоже в Баргуджин-Токуме.

Племена урасут, теленгут и куштеми "подобны монголам; известно, что они хорошо знают монгольские лекарства и хорошо лечат монгольскими способами". Их называли лесными племенами. К ним относилось и племя урянкатов.

Племена нуякин, урут и мангут, говорят, произошли от трех внуков Тумбине-хана, а от них ведут свое происхождение роды: конкотан, сунит, каркас, барулас, барин-илингут, илджит, кекуман, урут, мангут, уркаут,

арулат, йисут. Некоторые из этих племен вначале оказали сопротивление Чингис-хану, но впоследствии верно служили ему. Особого внимания заслужили уруты и мангуты.

Рашид-ад-Дин записал легенду, в которой говорится о том, что в сражении с Ван-ханом кереитским, увидев многочисленные войска противника, Чингис-хан спросил: "Что нам делать?" Тогда предводитель мангутов Куилдар-сечен сказал: "Пусть мой государь и побратим взглянет на тот холм, который находится в тылу врага и имя которому Куиндал. Я поскачу, и если всевышний господь допустит, я пройду через врагов, водружу свой бунчук-туг на том холме". Он сумел пробиться, открыть себе путь. Кереиты были разбиты.

В "Сокровенном сказании" об урутах и мангутах рассказывает¬ся в еще более красочных тонах. Когда найманский Таян-хан спросил Джамуху: "Что за люди, пыля, приближаются к нам, будто жеребята рано с привязи спущенные, пососавшие молоко матери и резвящиеся вокруг нее?", Джамуха ему ответил: "Это те самые урууды и мангуды, которые человека с конем насаживают на копье, совершая кровавые грабежи, человека с мечом гоняют до упаду и убивают, забирая весь домашний скарб".

Перед походом Ван-хан спросил Джамуху, кто у Темучина способен сражаться, тот ответил: "Там есть племена по имени урууды и мангуды. Как бы их ни окружали, они всегда держат центр. Как бы ряды их ни редели, они всегда держат строй. С детства привычные к мечу и копью бьются они под черными и пестрыми знаменами! Это бдительный народ!". Эта высочайшая характеристика, данная противником противнику, говорит об особом характере людей этих племен.

Когда Чингис-хан был возведен на императорский престол, он награждал своих сподвижников, выдающихся полководцев и про¬износил восхваления в их честь. Обращаясь к одному из своих самых выдающихся полководцев — Кубилаю, он говорил: "Шею могучего и зад сильного ты придавил! Когда я, посылая исполнить желаемое, своим четырем псам — Кубилаю, Джелме, Джебе и Субетаю говорю: "Достигни!", они ломают гранит, когда говорю им: "Выйди!", они, пробивая скалу, прокалывая белый камень, переплывая половодье, исполняют приказ! Посылая четырех псов — Кубилая, Джелме, Джебе и Субетая туда, куда направляюсь, имея рядом четырех кулюков: Боорчу, Мукали, Борокул и Чилаун-Баатур, в дни сражений держа перед собой Джурчедая и Куилдара с уруудами и мангудами, я был спокоен душой!".

Джурчедаю Чингис-хан сказал: "Твоя главная заслуга состоит в том, что в сраженьи с кереитами, после гибели Куилдар-анды, его дело продолжил ты. Ты, Джурчедай, поскакал и подавил джуркинов, тубекенов, дункаитов, тысячу туркаутов, добрался до Большого Центра и Санкуна до падения подстрелил в нежную щеку".

В благодарность тому, что в дни сражений он рисковал жизнью, что в дни битв он скакал впереди, Чингис-хан подарил Джурчедаю одну из своих жен — Ибаку-беки, и сказал ей: "Я никогда не говорил, что ты глупа, что ты плоха! Тебя, вошедшую в мое сердце и душу и сидевшую рядом со мной, я отдаю Джурчедаю ради Великого Дела, ради того, что в дни сражений он становился щитом, от врагов он был укрытием, что он соединял отделившихся, собирал разбредшихся, за все его заслуги, ради Великого Дела я тебя отдаю. После меня мои потомки, когда сядут на Наше место, пусть также думают о пользе Дела, не искажая моих слов, до потомков потомков не прерывают долг, не забывают заслуги Ибаки!". Еще Чингис-хан сказал Джурчедаю: "Я дарю тебе свою Ибаку. Четырьмя тысячами своих уруудов ты будешь сам ведать".

У Рашид-ад-Дина в этом случае перепутаны имена: Джурчедай назван Кехтей-нойоном, а Ибаку — Абига-беки. Эти героические и славные племена в дальнейшем растворились среди других племен и народов монгольской империи.

Баяуты

Были известны две ветви этого племени: одну называли джадай или баяут, а другую — кэхэрин-баяут, стойбище последних находилось по реке Селенге. "Там обитает тысяча ойратов из рода Укай-Караджу и охраняют это стойбище". Баяуты "имели установленное обычаем право на то, чтобы им дали девушку из рода Чингис-хана". Из этого племени был Унгуз эмир-тысяцкий, принадлежавший к левому крылу и пользовавшийся большим авторитетом. Впоследствии он стал "отведывателем пищи и стольником" у Чингис-хана. Представитель баяутов — Соркан — был названым отцом Чингис-хана. "Так как он был мужем умным и смышленным и в необходимых случаях приводил добрые слова и поучал, то его возвеличили, сделали почтенным, и он стал принадлежать к числу унгу-бугулов".

Высокую честь быть названым отцом Чингис-хана Соркан-Шира заслужил при следующих обстоятельствах. Когда Темуджин вынужден был бежать и скрываться от тайджиутов, его спас, укрыл и отправил домой именно Соркан-Шира с двумя сыновьями. Но когда Темуджин одержал победу над тайджиутами, встретилась девушка, которая кричала, что убивают ее мужа. Оказалось, что это дочь Соркан-Шира. Когда на следующий день явился сам Соркан-Шира, Темуджин сказал: "Вы, уничтожившие тяжелое дерево на моей шее, освободившие воротник от штрафной колодки! Вы, оказавшие мне услугу, отец с сыновьями, почему так долго не шли ко мне?" Соркан-Шира ответил: "Мысленно я был всегда с тобой. Но как я мог отделиться? Если бы я сделал это раньше и пришел к тебе, тайчиуды, мои нойоны, оставшуюся жену, стадо и имущество развеяли бы пеплом! Зная об этом, я только сейчас пришел к своему кагану, чтобы соединиться!" Когда он закончил, хан сказал: "Верно!".

За заслуги в устройстве великого государства и спасение жизни августейшей особы, Соркан-Шира с сыновьями было высочайше повелено: "Кочуйте же по меркидской земле и по Селенге и ведайте кочевьем, до потомков потомков своих служите стрелками и будьте свободными дарханами! Пусть девять проступков не ставят вам в вину!" И еще Чингис-хан сказал: "Соркан-Шира когда-то был простым слугой... Сейчас же вы будете моей опорой, служите стрелками и блаженствуйте в свободном родовом дарханстве!". Потомки Соркан-Шира и его сыновей породнились с сыновьями и внуками Чингис-хана.

Урянкат и лесные урянкаты

Урянкаты относили себя к племенам киян и нукуз и притязали на участие в разжигании семидесяти очагов на Эргуне-Куне. У них был обычай кричать и поносить небо и тучи, когда гремел гром и сверкала молния. Они думали, что дракон изрыгает огонь и рычит. Это племя было многочисленным. Из него вышли два самых выдающихся полководца Чингис-хана — это Джелме и Субетай. Подвиги их и дела известны и описаны во многих исторических трудах. Потомки их были многочисленны и служили во всех концах империи на высоких должностях, были ханами и полководцами. Кроме собственно урянкатов, Рашид-ад-Дин отдельно выделил "лесных урянкатов". Лесные урянкаты находились в пределах Баргуджин-Токума, там же, где обитали племена кори, баргут и тумат, этнически близкие друг к другу. Эти племена называли лесными потому, что их юрты были в лесах. "Их одежда была из кожи животных; у них не было быков и баранов; вместо них они выращивали горных быков и коров, горных баранов, овец и джейранов, которые похожи на горную овцу; они ловили их и приручали". Пастьбу баранов они считали до такой степени большим пороком, что если отец или мать ругали дочь, то говорили: "Мы отдадим тебя такому человеку, у которого тебе придется ходить за баранами!''. Она же до крайности огорчалась, так что от огорчения и скорби вешалась".

Лесные урянкаты впоследствии смешались с другими племенами монголов. Из этого племени был тысяцкий левого крыла по имени Удачи, "его вместе с его тысячей назначили охранять великий гурук (запретное место) Чингис-хана", который находился в местности Бурхан-Халдун.

Об этом Рашид-ад-Дин оставил подробные сведения.
"После Чингис-хана его дети со своей тысячью охраняют запретное, заповедное их место — гурух с великими останками Чингис-хана в местности, которую называют Бурхан-Халдун, в войско не вступают и до настоящего времени они утверждены и прочно закреплены за охраною этих самых останков. Из детей Чингис-хана великие кости Тулуй-хана, Менгу-хана и детей Хубилай-хана и его рода также положили в упомянутой местности. Утверждают, что однажды Чингис-хан пришел в эту местность; в той равнине росло очень зеленое дерево. Ему весьма понравилась свежесть и зелень этого дерева. Чингис провел с часок под

ним, и у него появилась некая внутренняя отрада. В этом состоянии он сказал эмирам и приближенным: "Место нашего последнего жилища должно быть здесь!". После его кончины именно в той местности, под тем деревом, они и устроили его великое заповедное место. Говорят, что в том же году эта равнина из-за большого количества выросших деревьев превратилась в огромный лес, так что совершенно невозможно было опознать то первое дерево, и ни одно живое существо не знает, которое же оно".

Есть предположение, что Бурхан-Халдун — это "древняя Бур-хан - ола", что такое же название носит небольшая речка, по-монгольски — Хуйтун, сливающаяся с Шара-гол, правым притоком Орхона, что возможно Бурхан-Халдун обозначает Бурхан-Куйтун.

Как видим, многие племена, особенно такие многочисленные и сильные, как найманы, кереиты, меркиты оказывали вооруженное сопротивление централизаторской политике Чингис-хана и в течение многих лет вели упорные бои, временами они объединялись между собой, а другие отходили к противной стороне. Части этих племен, надо полагать, достаточно многочисленные, ушли на запад, в Среднюю Азию и до Волги, впоследствии они вошли в состав тюркоязычных народов указанных регионов.

ОЙРАТЫ

Об ойратах упоминалось выше в связи с изложением истории других племен. Рашид-ад-Дин писал: "Эти племена еще издревле были многочисленны и разветвлялись на несколько отраслей, и у каждой в отдельности было определенное название". К сожалению, на этом месте рукопись великого историка обрывается, так и не разъяснив нам, как назывались ответвления ойратов.

"Сокровенное сказание монголов" подробно описывает присоединение ойратов к монголам. "В год Зайца (1207) Джочи — старший сын Чингис-хана, был отправлен с войском Правой руки на Лесной народ. Бука был их проводником. Ойратский Кудука-беки прибыл с миром впереди тумена ойратов и, став проводником Джочи, довел его до Шикшита. Когда Джочи, покорив племена ойрад, бурият, баркун, урсут, кабканас, канкас и тубас, приблизился к тумену киркис, киркисские нойоны Эди, Инал, Алдиер в знак покорности преподнесли Джочи белых кречетов, белых коней и черных соболей. Покорив народ от Балджики сюда: Шибир, Кеедиин, Баит, Тукас, Тенглек, Тоелес, Тас, — Джочи привел нойонов туменов и тысяч киркисов и лесного народа и представил Чингис-хану с белыми кречетами, белыми конями и черными соболями. За то, что ойрадский Кудука-беки ранее всех привел к покорности тумен ойрадов, хан выдал за его сына Иналчи дочь Чечекен. За брата Иналчи — Торелчи выдал дочь Джочи — Холуйкан. Алака-беки была выдана за Онкута. Жалуя Джочи,

Чингис-хан сказал: "Ты старший из моих сыновей, хорошо начал и завершил славный путь, не потеряв и не замучив ни мужей, ни коней и покорил счастливый Лесной народ! Дарю его тебе!"

Таким образом ойраты вместе с другими лесными народами были отданы в ведение Джочи.

Нужно заметить, хотя ойраты перечисляются в ряду других лесных народов, они представляли из себя достаточно крупное племя во главе со своим вождем. То, что Кутука-беки привел целый тумен ойратов, говорит о численности не только одного племени, а о конфедерации племен и их ответвлений, объединенных под общим именем ойратов.

Рашид-ад-Дин ясно говорил об этом: "Юртом и местопребыванием этих ойратских племен было Восьмиречье", которую называют Кэм, которая впадала в реку Анкара-мурэн. Имена восьми рек были таковы: Кок-мурэн, Он-мурэн, Кара-усун, Сонби-тун, Укри-мурэн, Акар-мурэн, Джурчэ-мурэн и Чаган-мурэн. "Ойраты всегда имели государя и вождя".

Добровольный приход Кутука-беки высоко оценил Чингис-хан. Этот акт доброй воли позволил породниться Дому Чингис-хана и семье Кутука-беки. Кроме сообщенного выше, еще одну дочь Кутука-беки по имени Огул-Каймиш взял за себя Менгу-хан. Говорят, хотя "она была снохой Хубилай-хана и Хулагу-хана, она всегда называла их сыновьями, а они оказывали ей полный почет". Это говорит о высочайшем ее положении при Дворе Великого Завоевателя и его потомков. В результате заключения браков между сыновьями, дочерьми и потомками Чингис-хана и Кутука-беки, образовалась целая династия, из которой трудно выделить прямых потомков того или другого Дома.

Например, от сына ойратского Кутука-беки — Торелчи-гургэна (курген) и дочери Чингис-хана Чечекен родились три сына: одного звали Бука-Тимур, другого — Буртоа, третьего — Барс-Бука. У Торелчи - кургена были и дочери. Одна была выдана замуж за Арик-Бука, стала его старшей женой, и он очень любил ее. Другая дочь — Уркене-хатун была замужем за Кара-Хулагу — внуком Чагатая, он чрезвычайно любил ее и называл Уркене-бер, т. е. невестка. Она долгое время управляла улусом Чагатая.

Три сына Торелчи-кургена имели детей: Бука-Тимур — сына по имени Джунэн, женой которого стала дочь Арик-Бука по имени Кумуган. Он имел также двух дочерей, одна из них — Улджей - хатун была женой Хулагу-хана, а другую отдали за Тукана "из славного рода Бату, от нее происходил Менгу-Тимур".

Рашид-ад-Дин дал и другую версию (которую считал более правильной), что Бука-Тимур имел четырех сестер: "одна — Кубак-хатун, первая жена Хулагу-хана, мать Джумкура; другая — Уркене-Хатун, мать Мубарак-шаха,

третья — мать Менгу-Тимура, государя Батыева улуса, четвертая — Улджай, жена Хулагу-хана".

Буртоа Чингис-хан дал девушку из своего рода, он поэтому считался курген — зятем. Он имел двух сыновей, которые состояли при Хубилай-хане. У Барс-Буки также было двое сыновей: Улуг и Беклемиш, оба они состояли тоже при Хубилай-хане.

Другому сыну Кутука-беки — Иналчи — Бату дал одну из своих сестер по имени Кулуй-Икачи. От нее родился сын по имени Улду, у которого было два сына Никтей и Аку-Тимур, они "начальствовали над четырьмя тысячами войск джалаиров". "Из числа эмировгургэнов, которые имели родство с Кутука-беки, предводителем племени ойратов был некто Тенгиз-гургэн, которому Гуюк-хан дал в жены дочь, и он стал ему зятем". Это замечание интересно тем, что великие общемонгольские ханы считали престижным заключение родства с ойратским Кутука-беки. Так, дочь Хулагу-хана отдали за Тенгиз-гургэна. "Тарки-гургэн был сыном Джакыр-гургена, а Джакыр-гургэн был сыном Бука-Тимура. Он и его сын Тарки-гургэн были эмирами тысяч ойратов. Тарки имел женою дочь Хулагу-хана — Менгу-Лукан. Старшая жена Аргун-хана — Кутлуг-хатун была дочерью Тенгиз-гургэна. Одна из внучек также была женой Бука-Тимура и сестрою Джакыр-гургэна". "У нее еще была дочь по имени Ургудан; ее отдали в жены сыну Сунджак-аки, Шади"; другая дочь стала женой Менгу-Тимура. Рашид-ад-Дин еще заметил, что "в Иране и Туране было и есть множество людей из числа эмиров ойратского племени, однако, неизвестно, кто какой ветви, только они между собою знают свое происхождение". Из ойратов был эмиром некто Аргун-ака в государстве Хулагуидов. Раньше он был воспитателем — дядькой Угедей-хана. "Так как он был расторопным, то постепенно становился большим и уважаемым человеком, пока не достиг правления и баскакства над страной Иран. Его сыновья: Кирай-Мелик, Таряджи, Ноуруз, Лекзи, Хаджи, Йол-Кутлуг, Булдук и Ойратай; а внуки его: Курак и много других, кроме него. Также он имел много дочерей. Некоторых из них он дал в жены государям и эмирам. Его сыновья Ноуруз и Лекзи в качестве зятьев взяли девушек рода Чингис-хана". Как видим, потомки ойратского Кутука-беки все были зятьями-курген роду Чингис-хана, а сыновья и внуки Чингис-хана, великие монгольские ханы, были зятьями-кургенами ойратских нойонов. Нужно иметь в виду и то обстоятельство, что Рашид-ад-Дин в своих сообщениях опирался на те связи, которые были известны в государстве Хулагуидов, поэтому надо полагать, что такие же связи идут в Империи Хубилай-хана — в Китае, и в Золотой Орде — у Бату-хана. О том, что ойратов было много и они оказались в разных концах необъятной Империи, говорит то, что один только Аку-Тимур командовал в Иране четырьмя тысячами ойратов.

Многие историки относят ойратов к лесным племенам. Рашид-ад-Дин раньше всех дал ясное определение этим различиям в характеристике. Он писал: "Монголы из лесного племени многочисленны, а людей

посторонних они своим разнообразием вводили в заблуждение, потому что всякое племя, у которого юрты были расположены по лесистым местам, называли лесным племенем. Таким образом, племя тайджиут было лесным вследствие того, что их стоянки были между страною монголов, киргизов и баргутов".

И поэтому "некоторые из братьев и дядьев Чингис-хана относились к лесному племени... Короче говоря, лесных племен — множество, потому что из одной племенной отрасли у одного брата юрт был вблизи леса, а у другого — на равнине, происшедшие же от них племена получили два имени". Существовало также "много различий между одним лесным племенем и другим, потому что от леса до леса бывает расстояние в месяц пути, в два месяца или в десять дней". То есть одно и то же племя или род могли иметь своим местопребыванием и лесистую местность, и равнину и от этого получали разные названия: одна часть могла называться лесным племенем, а другая — равнинным или степным племенем.

О языке ойратов Рашид-ад-Дин писал, что "несмотря на то, что их язык монгольский, он все же имеет небольшую разницу от языка других монгольских племен".

Из обзора места кочевий монгольских племен видно, что ойраты имели местопребывание не только в Восьмиречье — у истоков Енисея, но и по Селенге, кочевали с другими племенами на Баргуджин-Токуме и т. д.

Обращает на себя внимание титул беки у ойратского Кутука-беки. Академик Б. Я. Владимирцов специально разбирал термины, обозначающие родство, старшинство в роду, такие как курген — зять, багатур — богатырь, сецен — мудрый и т. д. При этом он заметил, что термин эбуген обозначает предка рода, пользовавшегося в роду особыми правами и был связан с родовым культом предков; а термин отчигин, относящийся к младшему сыну, был связан с культом хранителя домашнего очага или эзена — владыки, хозяина. Чингис-хан, сделавшись императором, награждая сподвижников, говорил старику Усуню, что "Беки есть чин важный... Тебе следует быть Беки, будучи Беки, езди на белой лошади, одевайся в белое платье и в обществе садись на высшее место". Поэтому титул беки носили старшие представители родов, например, меркидский Токтоа-беки, его старший сын Тогус-беки, Хучар-беки; кереитский Билче-беки и ойратский Кутука-беки.

Сопоставляя титулы и звания предводителей племен, Б. Я. Владимирцов пришел к заключению, что слово "беки" обозначало "первосвященника", в шаманском значении этого слова "волхва-предводителя". При этом он обратил внимание на то, что этот титул носили предводители "лесных" народов и в том числе ойратов, среди которых шаманство было особенно сильно развито.

Говоря о бытовании родового культа у древних монголов как об очень важном проявлении родового строя, он привел в пример то, что "у некоторых современных монгольских племен, например, у племени баит, одного из ойратских поколений, проживающего в Кобдосском округе северо-западной Монголии, сохранился обычай почитания старшего в роде, которого они величают "буурал аава" — "седой отец".

До сих пор мы говорили об истории ойратов и их места среди других монгольских племен в эпоху Чингис-хана и существования Монгольской империи. При переходе к изложению непосредственно сведений об ойратах и их потомках — калмыках встает вопрос об ойратском союзе, его составе, истории и предводителях отдельных племен.

В "Алтан Тобчи" написано, что у Борджигидай-Мергена было два сына. Старшим был Дува Сохор. "Сыновьями Дува Сохора были Донай, Догшин, Эмнег и Эрхэг. Потомки этих четырех есть среди Дорбэн ойратов". В "Эрдэнийн тобчи" сообщается, что эти четыре сына Дува Сохора "стали родоначальниками четырех ой¬ратских родов: огэлэд, багатуд, хойт и кэргуд. Дорбен ойрат — буквально: "Четыре ойрата" — "Четыре тумена или отока ойратов".

Б. Я. Владимирцов, хорошо разобравший этот вопрос, писал, что "так называемый "Ойратский союз", о котором много говорят европейские ориенталисты, на самом деле никогда не существовал. По-видимому, представление об ойратском союзе появилось под влиянием не совсем правильного понимания слова ойрат, как "близкие", значит и "союзники". Из того факта, что существовало название Дорбен Ойрад— "Четыре Ойратов", никак нельзя делать вывод о том, что был союз ойратский. Название Дорбен Ойрад — "Четыре Ойратов" происходило и жило совершенно так же, как многие другие подобные же прозвания монгольских племен, например, арбан хояр тумед, найман цахар, дочин монгол — "двенадцать туметов, восемь чахаров, сорок монголов..." и т. п. Числа в данном случае обозначали или количество отоков, или же туменов. Название Дорбен Ойрад происходит от того же самого, оно обозначает "четыре (тумена) ойратов". Не следует забывать также того, что числовое обозначение отоков и туменов с течением времени могло перестать соответствовать действительности, и у нас в распоряжении много примеров, свидетельствующих то, как старые названия с числовыми показателями отоков или туменов жили даже тогда, когда всем было ясно и очевидно несоответствие с действительностью. Возьмем название Дочин Монгол; все хорошо знали, что сорока туменов монгольских давно уже не существует, тем не менее название продолжало употребляться. То же самое произошло и с названием Дорбен Ойрад, с той только разницей, что, с течением времени, ойратов стало гораздо больше, чем в век Чингис-хана и Юаньской династии. И вот некоторые восточные авторы стараются произвести разные комбинации, чтобы непременно получить цифру четыре, а европейские писатели обсуждают вопрос о том, кто же, собственно, входил в "союз четырех". В

действительности же ойраты также, как и восточные монголы, представляли собой конгломерат различных племен (улус) туменов и отоков, образовавших феодальные владения".

К мнению Б. Я. Владимирцова присоединился И. Я. Златкин, автор монографии "История Джунгарского ханства".

Среди противоречивых высказываний выделяется утверждение Г. Е. Грумм-Гржимайло, который писал, что ойрат — это одно племя, жившее во времена Чингис-хана, но объединившееся с дэрбэнами или дэрбэтами. По его мнению, из этого Дома выделилось Левое крыло под названием Джунгар. В одном из своих писем В. Л. Котвичу он писал: "Я убежден, что ойраты — отдельное племя, прямое тому доказательство вижу в том, что главную массу монголов Хулагу составляли ойраты. Арабские писатели везде говорят "ойрат". Ойраты поселены были в Месопотамии. Часть перешла в Египет, где приняла мусульманство". Вместе с тем ученый говорил, что Хулагу увел не всех ойратов, а остались джунгары, и в другом письме он повторил, что "имя джунгар сменило имя ойрат... Восточные писатели, сообщавшие о последних днях династии Хулагидов, очень часто писали Монгол, когда имели в виду ойратов, поселенных в бывшем Багдадском халифате". Он также говорил, что "ойраты отличались настолько своей многочисленностью, что их имя одно время покрыло имена других монгольских племен Западной Монголии". К этому мнению близко сообщение П. С. Палласа о том, что монголы как единый народ делились на собственно монголов и дэрбэн-ойратов.

Комментируя высказывания Г. Е. Грумм-Гржимайло, И. Я. Златкин писал, что он стремился выяснить не причины образования Ойратского союза в конце XIV века, а то, "что внесла в Союз изменившаяся обстановка, которая сложилась в Монголии после изгнания монгольских завоевателей из Китая"; важнейшей особенностью, по его мнению, было "обострение борьбы между восточными и западными монголами, вдохнувшее новую жизнь в Ойратский Союз". Это обострение борьбы за гегемонию в Центральной Монголии отмечали все исследователи, оно достигло своего наивысшего апогея в середине XV века.

Одно из таких сражений интересно тем, что здесь описан поединок богатырей с обеих сторон. В "Алтан Тобчи" это описывается так: "Обе армии выстроились на просторном месте. Из монгольского строя вышел Шиошитэй-батур, из ойратского — Хуйлчин-батур. Обоим было по двадцать восемь лет. Каждый из них назвал свое имя и заявил: "Сразу сдавайся. Спасу тебе жизнь!" Но Хуйлчин-батур рассердился и, приготовив лук и стрелу и ускорив бег коня, выстрелил. Стрела, пробив панцирь, задела Шиошитэя, который, также придя в ярость, воскликнул: "В великом государстве люди перестают признавать родство. Пусть решат успех сражения мой буланый конь и мой острый меч футлярный". Сказав так, он подстегнул коня, вынул меч и, быстро подъехав, словно прилетел, не приняв предложение Хууйилчина о мире, отрубил ему голову, которая

оторвалась от тела, подобно срезанной тыкве". Д. Покотилов в "Истории восточных монголов" результат этого поединка богатырей передал наоборот, т. е. по другой версии победил ойратский богатырь. Дело, конечно, не в результате, легенда есть легенда, а в том, что она говорит о бытовании рыцарских поединков в начале сражений, которые вошли в историю и культуру народов.

Каковы бы ни были споры об Ойратском союзе, но остается факт его существования. Вопрос в том, из каких племен состоял Союз в разные периоды его истории, действительно ли он состоял из четырех племен или их было больше или меньше.

По этой проблеме существует несколько мнений достаточно авторитетных ученых и солидных исторических источников.

О начале выхода ойратов на историческую арену писал отец Иакинф. Последний император Китая из потомков Великого Хубилая — Тогон-Темур вернулся в Монголию в 1367 году. Но после этого в течение нескольких десятилетий продолжались пограничные столкновения. Монгольские князья разделились на несколько враждующих партий в борьбе за престол. Одну из сильных партий возглавил Элютэй, который здесь назван монгольским князем. А с другой стороны — в Джунгарии находились "три сильные поколения: Чорос, Хошот и Торгот, которые, действуя порознь, не могли противостоять Элютэю", и чтобы соперничать с политическими противниками, они объединились под названием ойрат и чоросского князя Махмуда, которого, как старшего между ними, объявили главою этого союза. "Таково было происхождение титула ойратов,— писал Иакинф,— которым джунгарские монголы гордились более трех веков с половиною". Последнее замечание, что это джунгарские монголы, разрешило противоречие, состоящее в том, что историк под "джунгарскими монголами" имеете в виду тех же ойратов. Значит и Элютэй не собственно монгольский князь, а ойратский, но, с другой стороны, названные племена объединились вокруг Махмуда. Из объяснения к тексту выяснилось, что Элютэй в Монголии был столь славен и всемогущ, что по его имени его поколение — род стали называть элютами, которые прежде кочевали частью в Джунгарии, в Кобдо и по реке Селенге, значит, это были остатки древних ойратов времен Чингис-хана и Кутука-беки ойратского. В 1437 году сын Махмуда — Тогон-тайши разбил Элютэя, а его народ присоединил к своему владению. Оказалось, что элюты были столь многочисленны, что, по присоединении их к ойратам, их всех стали называть джунгарскими элютами. "Таким образом, — заканчивает о. Иакинф,— Западные монголы или Калмыки по стране называются Джун-гарами, по народности Джунгарскими Элютами, по поколениям именами Поколений, по родам именами Родов, по союзу Ойратами".

Еще Махмуд вынашивал идею великого похода на Китай, но тогда он не получил поддержки со стороны других князей, его дело продолжил Тогон,

особенно после победы над Элютэем. Но он вскоре умер. Его сын Эсэнь "привел в исполнение замыслы своего отца и деда".

В 1449 году Эсэнь двинул свои войска к Великой стене, заняв обширную долину Калгана. Китай противопоставил полумиллионную армию. Силы Эсэня были не меньше. Сорокатысячный китайский разведывательный корпус был изрублен полностью. Тогда Китай предложил мир, но Эсэнь не принял предложения. Китайцы хотели отступить. Эсэнь двинул войска, и началось сражение, равного которому не было в истории взаимоотношений ойратов с Китаем. "С китайской стороны не осталось в живых ни одного министра, ни одного полководца, ратники потонули в своей крови". Император Китая, опознанный только по одежде, с одним офицером был взят в плен. Эсэнь с войском подошел к стенам Пекина, и здесь, стоя на пороге столицы великой империи с пленным императором, он проявил нерешительность, ограничившись выгодным миром, и вернулся к себе в степь. И хотя в это время "Эсэнь стоял на высочайшей степени могущества", в результате дворцовых интриг, он все же был убит одним из своих вассалов в 1455 году. Отец Иакинф писал, что со смертью Эсэня "умерло, можно сказать, могущество ойратов и кончился первый, хотя и краткий, но блистательный период Джунгарского Ойратства".

Последующий период истории ойратов протяженностью в 150 лет покрыт завесой неизвестности. До нас дошли лишь отрывочные сведения и имена некоторых нойонов.

О происхождении названия Четыре Ойрата Иакинф говорил следующее: потомок Эсэня, по имени Боро-Нахал, получил особливый удел под названием Дурбот. До этого калмыцкие владетели назывались просто ойратами, а название Четырех Ойратов (Дурбэн Ойрат) приняли уже по основании Дурботского Дома, потому что самый союз их состоял из четырех поколений: Чорос, Дурбот, Торгот и Хошот. Батур-Убаши Тюмень повторил этот состав, заменив имя Чорос именем Хойт. Эмчи Габан-Шараб дал список, отличный от них; он писал, что "Дербен - Ойрат состояли: первые ёлёды, вторые — род хойды и батуды, третьи — баргу бурады, четвертые — дербеты, зюнгары, хошоуты и торгоуты". Современник Эмчи Габан-Шараба — Василий Бакунин определенно писал, что ойраты "разделялись между собой на четыре части и назывались: 1. Хошоут; 2. Баргу-Бурат; 3. Зенгор; 4. Торгоут". Интересно, что в списке В. Бакунина отсутствует Дербет. Такое же распределение состава ойратов мы встречаем и у других историков, которые должны были достаточно хорошо знать этнический состав ойратов.

Ю. Лыткин, переводчик работ Габан-Шараба и Батур-Убуши Тюменя, оставил обширные "Калмыцкие записки", хранящиеся в Архиве Востоковедов. Первая часть рукописи называется "Происхождение калмыцкого народа". В ней ученый дает материалы легендарного характера о происхождении каждой ветви ойратского союза. Он писал,

что название "Дербен-Ойрат или элет произошло гораздо раньше Чингис-хана и в него входили Элет, Хойт, Тюмут или Тюмет и Баргу-Бурят".

Монгольская историческая летопись XVII века "Шара Туджи" по этому вопросу сообщает, что "так называемые Дурбэн-Ойрат — Харият, один из них Огулэт, ставший теперь народом под именем Сархис. Один из них Хошут, Торгут, Джунгар и Дэрбэт, четверо, соединившихся в одно. Один из них Барагу, Багатут, Хойт — вот четыре тумена Ойратов". Другая монгольская историческая хро¬ника Лубсан Данзана "Алтан тобчи" говорит, что к Тогон-тайши прибыли ойраты, "огэлэты, багатуты и хойты — все четыре тумэна". В эту разноголосицу мнений свое внес и академик П. С. Паллас. Он представлял Дербен-ойратов как одну ветвь единого монгольского народа и писал, что они "разделились на четыре поколения: Оёлёт, Хойт, Тиммур и Бага-Бират именуемые. Из оных Оёлёт есть та отрасль, которая в западной Азии и Европе под именем калмык известны... Оёлёт, или калмыки..., как многочисленный народ делится на четыре отрасли, именуемые хошот, дербет, зоонгар и торгот, которые по отделении их от монголов под властью разных князей состояли".

Свое мнение высказал и бывший главный попечитель калмыцкого народа К. И. Костенков. Он считал, что племена чорос, хойт и хошот образовали союз под названием ойратского, "впоследствии к нему присоединилось еще одно монгольское племя торгоут, и союз этот стал известен под названием Дербен-ойратов". Интересно для нас то обстоятельство, что К. Костенков, оставивший детальное описание этнического состава дербетов, не включил их в состав ойратского союза.

Но наиболее аргументированные объяснения по этническому составу ойратов привел профессор В. Л. Котвич в своих лекциях по истории монголов, хранящихся в Архиве Востоковедов. "О составе союза находили у ойратских историков сведения о том, что в него входили племена Олот, Ход, Тюмюд, Баргу и Бурят. Из китайских источников более позднего времени находим: Хошуд, Дорбот, Зюнгар и Торгот". Проанализировав все имеющиеся сведения по данной проблеме, профессор предположил: "Состав Союза в разное время, видимо, менялся. К концу XVII века мы находим в Союзе все виды основных элементов: Торгуд, Дорбот и Хошуд и менее многочисленных Ход, Зюнгар, Цорос".

В. Л. Котвич также предполагал, что "организация Союза очевидно возникла под влиянием угрозы со стороны Центральной Монголии, которая, после потери Китая и западно-азиатских владений, пыталась завладеть Западною Монголиею, т. е. ойратами... С этого момента (со второй половины XVI века), — писал профессор,— ойраты объединились. Среди них появились сильные, решительные люди, ставшие во главе отдельных племен:
Во главе Зюнгар появился Хара-Хула;
во главе Торгутов — Хо-Орлюк;

во главе Хошутов — Байбагус;
во главе Дорботов — Далай-тайши.

Все эти руководители жили довольно продолжительно и всей своей деятельностью определили дальнейшую судьбу своих народов",— закончил ученый.

Профессор В. Л. Котвич внес определенную ясность в достаточно запутанный вопрос об ойратском союзе и вывел эту проблему из тупика — запутанности и туманных рассуждений предшественников.

Здесь остается один очень интересный вопрос о баргу-бурятах, которых многие называют в составе ойратов, в их числе В. Бакунин, П. С. Паллас, Эмчи Габан-Шараб, Ю. Лыткин и даже сам В. Л. Котвич.
Это говорит о давних исторических связях ойратов с бурятами. Выше мы говорили, что ойраты жили в верховьях Енисея, в Прибайкалье, по реке Селенге, в местности Баргуджин-Токум, эти же места были населены бурятскими племенами. Этнические связи этих племен продолжались и в последующие периоды, о чем говорят исследования историков, сохранившиеся источники и особенно бурятские генеалогические мифы. Заметим еще, что даже в кодифицированном Уложении "Ик Цааджин бичик" сказано: "Начиная с года огня — змеи (1618) по год земли — дракона (1628) баргуты, батуты и хойты, находившиеся в Монголии, остаются у ойратов", т. е. эти племена при разграничении территории и населения отошли к ойратам, как законно принадлежавшие им. Тот же В. Бакунин, считавший баргу-бурят равноправными членами ойратского союза, писал, что баргу-буряты "кочевали при вершине реки Иртыша и при Алтайских горах и имели собственных своих владельцев". Из них "немалая часть вступила в подданство Российской империи и ныне пребывание свое имеют в Сибири в Иркутской губернии и на своем языке называют себя бурат". Бурятский ученый М. Н. Забанов, анализируя этногенетические мифы, пришел к выводу, что эхирит-булагаты "генеалогически являются более близкими к монголо-ойратам и что некогда они были в составе ойратского племени".

Вариантов мифов записано много, в них говорится о Баргу-батуре, Буха-баторе или Буха-нойоне — прародителе бурят.

Во многих вариантах мифов говорится, что у Буха-нойона было два сына — Бурядай и Хоридой, в некоторых появляется третий сын Олютей или даже Ойрат, а в последних вариантах три сына так и зовутся: Бурядай, Монгол и Ойрат. Все существующие этногенетические мифы бурят подверг научному анализу исследователь истории бурят Г. Н. Румянцев. В одном варианте мифа говорится, что шаманка Асухан с берега Байкала родила от быка Бурядая и Хоридоя. Другая редакция мифа о Хоридое связывает происхождение хоринских родов с эхирит-булагатами. Эта редакция имеет несколько версий, общей идеей которых является общность происхождения трех главнейших бурятских племен, а иногда и

олетов (ойратов). По одной из версий, Баргу-батур разделил свои владения между тремя сыновьями — Олидаем, Бурядаем и Хоридоем. Старшему сыну Олидаю он отдал свои западные владения. Олидай поселился в степи Гоби и стал родоначальником олюдов (т. е. олетов или ойратов).

По другой версии Барга-батур имел трех сыновей. Старшего звали Илюдэр-Тургэн, среднего — Гур-Бурят, младшего — Хоридай-Мэргэн. При передвижении бурят от Тобольска на восток, рассказывается в кудинском варианте, старший сын Илюдэр-Тургэн остался на месте. От него произошли нынешние ойраты, переселившиеся на Волгу. Незначительная часть потомков Илюдэр-Тургэна переселилась на восток. Некоторые роды бурят, обитающие в районе Балаганска, как например, зюнгары и икинаты, считают себя ойратами, по-бурятски — олёд или сэгэнут.

По версии Заяканова, буряты с давних лет жили по реке Тобол и ее притокам, в местности, называвшейся Хухэ Мондерго Эса. Эта сторона в то время находилась под властью монголов. Предок бурят Барга-батур был предводителем войска Тогон-Темур-хана. Он имел трех сыновей. Старшего звали Илют-Торгут, второго — Бурят-Гур и третьего Хоредай-тайжи. Знаток генеалогических мифов, преданий, родословных бурятских родов и отдельных семей Г. Н. Румянцев изложил еще одну версию легенд: Баргубатур жил на реке Аму-Дарья. После службы у Тогон-Темур-хана имел трех сыновей. Старший Илюта-Тургут, средний Буридай и младший Хоридай. После Тогон-Темура в Монголии началась война. Баргу-батур отказался от службы, выехал с Аму-Дарьи с сыновьями и явился к озеру Балхаш. Старшего сына Илют-Тургута послал к Каспийскому морю. От него пошли калмыки.

В другом своем исследовании о Баргузинских летописях Г. Н. Румянцев отмечал, что "В истории народа Хори-бурят", сочиненной Шираб-Нимбо Хобитуевым, зайсангом хоринского рода галзут, написано, что Баргу-багатур, предок родов эхирит и булагат, размножившихся от Бурята, и торгутов (калмыков) и других, размножившихся от Илюдер-Мергена, жил в Баргузине. Баргу-багатур в древности жил близ реки Тобол. Из трех своих сыновей старшего, по имени Илюдэр-Мэрген, он оставил там. От него произошли торгуты (калмыки), от Гур-Бурята пошли эхириты и булагаты, от Хоридай-Мэргена произошли хори. "Таким образом, — писал исследователь,— одиннадцать хоринских родов, эхиритские и булагатские роды, по-видимому, являются народом, имею¬щим общее происхождение с четырьмя ойратскими туменами". Баргузинские буряты в своих исторических преданиях говорили: "Мы с бурятами северо-западного берега моря являемся братьями монголо-олетскому народу левого крыла (джунгары)". И действительно, названия родов у иркутских бурят с северо-западных берегов моря, у баргузинских бурят и у древних олетских сходны. Например, бурат, ихирит, булгат, галзут и другие, перечисленные у о. Иакинфа.

Такие же этногенетические легенды, подчеркивающие родство бурят с олетами, в XVIII веке были записаны Г. Ф. Миллером. Идея всех вариантов этих легенд-мифов о Барга-батуре, Монголе, Буряте-Олете, Буряте и т. д. заключается в подчеркивании кровного этнического родства монгольских, ойратских и бурятских племен. В них отразились отзвуки далекого прошлого — времен совместного кочевания, последующих исторических событий и откочевки других на далекие территории. Как писал Г. Н. Румянцев, одним из ближайших соседей бурят в древности и в средневековье были ойраты. Буряты входили в состав ойратов в XII веке. "В XV—XVII веках некоторые бурятские племена, особенно западные, по-видимому, если не входили в состав ойратского объединения племен, то во всяком случае поддерживали с ними тесные отношения. И легенда о Барга-Батуре как раз является воспоминанием о былых связях западных бурят с ойратами". Современник Г. Ф. Миллера — Г. Фишер говорил: "Буряты происходят от древних монголов, но,— подчеркнул он,— они сами себя причитают более к калмыкам, нежели к монголам".

Приведенные выше источники и исследования ученых достаточно ясно говорят об этническом родстве бурятских племен с ойратами. Поэтому, конечно, в течение длительного времени многие историки включали в состав ойратов Баргу-бурят; отражением этих былых связей, их иллюстрацией явились мифы и легенды.

У бурят и ойратов сохранились мифы о тотемном происхождении их прародителей. Выше мы заметили, что буряты своим предком считают не только Баргу-батура, но и Буха-нойона, а есть мифы, где прародителем считается лебедь — хун.

В мифе о Хоридое есть сюжет о похищении прародителя — лебедя. Хоридой, охотясь на берегу озера, увидел трех лебедей, которые, сбросив с себя лебединые оперенья, превратились в прекрасных женщин и стали купаться в водах озера. Это были небесные девы. От одной из них родились одиннадцать сыновей и шесть дочерей. В другом варианте вместо Хоридоя — Сэнхэлэ, а девушка-лебедь родила девять сыновей и девять дочерей. Через много лет, когда муж состарился, жена-лебедь обратилась к мужу: "Теперь покажи мне мою прежнюю лебяжью одежду, которую попробую надеть. Ты иди за одеждой, а я буду перегонять тарасун". Старик Сэнхэлэ выполнил желание жены и пошел за ее прежней одеждой. После ухода мужа Хэнхэлэ-хатан вымыла свое тело водой из девяти ключей и берестой из десяти тайг и сделалась чистою. Затем она поставила котел, чтобы гнать тарасун. После этого Хэнхэлэ-хатан вымыла лицо, причесала волосы. В это время вернулся с ее одеждой старик Сэнхэлэ. Жена взяла свою лебяжью одежду и похвалила мужа за то, что он хорошо ее сохранил. Потом она надела на себя лебяжью одежду и стала летать внутри юрты, вокруг четырех столбов, а затем вылетела через дымовое отверстие. На прощание она сказала мужу: "Я небесная девица, долго на земле жить не могу. Девять сыновей и девять дочерей будут кормить тебя. Ты не будешь голоден. Мои девять сыновей и девять

дочерей сделаются бурханами". С этими словами Хэнхэлэ улетела на южную сторону моря к сатинским бурханам, к которым и присоединилась. Сыновья и дочери Хэнхэлэ-хатан впоследствии сделались бурханами. Девять дочерей присоединились, как и их мать, к сатинским бурханам, а девять сыновей стали хонгодор бурханами. Им делают жертвоприношение одной кобылой, овцой и козлом. А у хоринских бурят, когда лебедь пролетает над юртой, матери заставляют детей брызгать молоком вслед пролетающей праматери-птице.

В других вариантах персонажи названы Хоредой-тайжи, а его жена Хон-тайжи — Лебедь-княгиня. И эти титулы прародителей бурят также связываются с титулами ойратских владельцев и генеалогическими мифами. Например, у ойратов существовала легенда о сыне тенгрия — лебеде и его жене — Золотой дагини, а их божественный сын считался прародителем княжеского рода одного из ойратских племен. Б. Я. Владимирцов в 1908 году записал у дэрбэтов Кобдоского округа легенду, в которой говорится, что после войны осталось девять человек. Некто Хара-Бакши предложил отправиться на поиски князя. Эти девять человек во главе с Хара-Бакши пришли к одной возвышенности — обо. Здесь они воткнули четыре палки и отправились в четыре стороны, условившись, что к их возвращению палка умершего облупится, а на палке оставшихся в живых появятся цветы. Хара-Бакши вышел к одной большой реке и увидел там юрту и много коров. Он спросил у обитателей юрты, не знают ли они мальчика, который мог бы стать их князем. Те ответили, что знают. "Где он находится?" — спросил Хара-Бакши. Обитатели юрты ответили: "В конце той реки лежит большое круглое озеро — Золотое озеро. Там находятся лебедь с четырьмя желтыми головами и большая золотая рыба. Желтоголовый лебедь — есть единственный сын тенгрия, а золотая рыба — единственная Золотая дагини — дочь царя драконов. На берегу растет береза, а на ней, в колыбели, лежит маленький мальчик. Рядом стоит чаша с водой и раздается голос совы-птицы. Мальчик плачет и кричит". Хара-Бакши нашел мальчика, происходившего от тенгрия, и произнес благопожелание:
"Ты, имеющий воспитателем сову-птицу, пьющий одну воду, происходящий от сына тенгрия и драконовой Золотой дагини, ты лебедь-князь (Хун-тайши)! Так как ты находился в море — ты Море-князь (Далай-тайши), ты князь Удунтуй-Бадантай, мое ведь имя Бадантай. Я тебя сделал князем". От этого мальчика ведут свое родословное древо дербетские князья.

Существует и другая версия легенды. Молодой охотник увидел купающихся небесных дев и овладел одной из них. Дева вскоре почувствовала, что должна стать матерью. Желая скрыть свой позор от подруг, она опять спустилась с неба на берег озера и там родила сына. Сделав для младенца люльку, положила в нее сына и подвесила люльку на росшее здесь деревцо. Чтобы ребенок не плакал, мать оставила нянькой маленькую птичку — элэт. Птичка забавляла ребенка своим чириканьем. Чтобы сын не умер с голоду, мать сделала закрытую чашку с

носиком, которую дербеты называют цорбогор аяга, и нацедила в нее собственного молока. От названия этой чашки и получил свое название дербетский княжеский род цорос. Имеется и другой вариант легенды о происхождении цоросов.

Г. Н. Потанин приводит легенду под названием "Одунтай-Бодунтай". В этом варианте птица, которая играла роль няни, названа ули. По распространенным вариантам она является матерью предка князей кости цорос, а дерево — отцом младенца. "Урун модон эцигтэй, ули шибо эхитэй Одун-Бадын-Тайши", т. е. "Имеющий отцом дерево Урун и матерью птицу ули — Одун Бадын-тайши". У Батур-Убуши Тюменя Удунтай Бадан-тайши может быть заменен на Хара-Бакши.

Интересно, что Г. Н. Потанин название птицы ули сближает с улы — драконом у алтайцев, лу — драконом у монголов, и с Ульгень — именем божества у алтайцев. Г. Н. Румянцев заметил, что семантическая близость названия птицы у дербетов — ули с именем божества алтайцев — Ульгень весьма вероятна. Ульгень имеется и в пантеоне бурят. Интересно сопоставить название птицы ули или оли по другому варианту, с именем "хозяина" (эжина) о. Ольхон — Элэ шубун-нойона.

Рассмотренные этногенетические мифы бурят и ойратов, так же, как и исторические материалы, показали этническую близость происхождения, не прерывающуюся на протяжении всей истории.
Эмчи Габан-Шараб в своем "Сказании об ойратах" привел эту легенду в такой редакции:

"Один охотник нашел лежащее под кривым деревом дитя. Того дерева фигура была наподобие винокурной трубы, почему и названо дитя Цорос, то есть кривое, и, якобы то дерево произросло от птицы, называемой уули, и лежащее под ним дитя питалось падающими с него каплями. У сего найденного дитяти было два сына — Аманай и Дюмюной. Аманай имел десять сыновей, Дюмюной — четырех. И называют дербетевых и зюнгоровых владельцев в рассуждении их предка, найденного под деревом, племянниками тенгриев".

Как отмечалось выше, после блистательного выступления Эсеня и его смерти, в истории ойратов наступило затишье. Но можно предположить, что в это время они восстанавливали свои силы, отдыхали. Дальнейшее развитие истории каждого племени действительно говорит о том, что каждое из них численно выросло настолько, что стояло на пороге создания своих государств. Но между ними шла борьба, с одной стороны, за старшинство в союзе племен — создании единого общеойратского ханства, а с другой стороны, они вели борьбу с монгольскими ханами за главенство над всей Монголией.

В конце XVI века все четыре ойратских племени со своими вождями, указанными выше В. Л. Котвичем, вышли на историческую арену. Среди

них старшим считался Хара-Хула. Он проводил политику объединения сил и создания единого государства, но главы других племен объявили себя независимыми ханами своих племен. А совершенный разрыв произошел немного позже. До откочевки некоторых на новые места еще продолжались совместные выступления в защиту ойратства.

Со второй половины XVI века монгольские ханы: потомок Чингис--хана — Даян-хан, а также туметские, ордосские, халхаские удельные князья-ханы имели несколько крупных сражений с ойратами.

После одного из таких сражений в урочище Шара-Хулусун, в устье реки Емель, между монголами и ойратами было заключено условие: "Если кто возьмет языка и, выведав у него о кочевьях противника, убьет его, то да отсечется у того язык и да умрет он".

Знаменитое сражение между монголами и ойратами произошло в 1587 году. "Тогда несколько сильных ойратских владельцев, вождей-богатырей выдвинулись из среды других и соединились вместе ради славы ойратского имени и защиты своих территорий от монголов". Оно описано в народной поэме "Сказание о походе Убуши Хон-Тайджи на ойратов". Отрывки из него мы приводим в редакции Ю. Лыткина.

"Монгольский Убуши Хон-тайчжи и Урянхайский Сайн-Мачжик с 80.000 войском от урочища Хара-Булак, находящегося в Хангайских горах, прибыли для сражения с ойратами и расположились станом на урочище Нал - Хара-Бурук... Отправленные на поиски монгольские разведчики нашли 7-летнего ойратского мальчика. Когда его привели к Убуши-Хон-Тайчжию и Сайн-Мачжику, те стали расспрашивать о кочевьях и вождях ойратских. Мальчик-гений-хранитель, символ возрождающегося могущества ойратов отвечал:

1. На ближней отсюда границе кочует Сайн-Серденке, сын (торгоутовского владельца) Манхая; он имеет серебряный под чернью шлем, красный панцирь с бляхами, броню из пестро-красного шелка и лошадь тома-цохор; его сопровождают 2.000 молодцев, 2.000 копий воткнуты в землю, 2.000 лошадей поводами привязаны к луке для выстойки. Скрежеща зубами и глотая слюни, он говорит: "Нет ли зверей — поохотиться? Нет ли врагов — побиться?"

2. Дальше кочует хойтский (владелец) Есельбеин-Сайн-Ка, он собрал свои колена Ирчин и Хорчин, кочующие при истоке реки Иртыш, его сопровождают 4000 молодцев, 4000 копий воткнуты в землю; 4000 лошадей поводами привязаны к луке для выстойки. Скрежеща зубами и глотая слюни, он говорит: "Нет ли врага, с которым можно было бы биться насмерть? Нет ли молодца, с которым можно было бы состязаться на словах — в красноречии?"

3. Дальше кочует зюнгарский (владелец) Хара-Хула, сопровождаемый 6000 молодцев, подобных себе; он подобен куцему серому волку, утром нападающему на овец; он смотрит глазами молодого беркута-орла.

4. Дальше на стрелке реки Уту кочует ойратский Сайн-Темене-Батур (торгоутовский владелец); у него лошадь Нарихан-Тархан с берегов реки Нарин и 8000 войска.

5. Далее кочует хошоутовский Байбагас-хан, старший из Ахаин-Табун-Барс; он склонен к убийству и грабежу и имеет голос, подобный реву десяти тигров; его сопровождают 16000 молодцев. Он, сидя в своей 15-решетчатой уединенной ханской кибитке, беседует о религии и правлении Дербен-ойратов. Сказывают, что он, открыв рот свой и распростерши свои длани, говорит: "Во всех 4-х сторонах света нет никого, кто бы мог со мною сразиться".

Перед сражением монголы, по древнему обычаю, принесли в жертву знамени-тугу взятого в плен ойратского мальчика. Перед смертью мальчик предсказал монголам наказание за нарушение международной клятвы, предварительно призвав во свидетели Бога войны со словами: "О, милостивый Дайчи-Тенгри! Ешь и пей!"

Говорят, что перед битвою урянхайский Сайн-Мачжик со своим войском отправился в свои кочевья. Оставшийся монгольский Убуши Хон-Тайчжи с 40000 войском был окружен ойратскими вождями-богатырями: Байбагас-ханом, Хара-Хулой, Темене-Батуром, Есельбеин-Сайн-Ка и Сайн-Серденке.

Сражение продолжалось три дня, наконец монголы не выдержали, свернули свое черное знамя и хотели отступить. В это время ойратский батур Сайн-Серденке ворвался в середину монгольского войска и, поднеся меч к Убуши Хон-Тайчжию, сказал: "Ваше нойонство! Ради славы Дербен-ойратов я подношу меч вашей правой почке". Убуши Хон-тайчжи был убит. Но монголы, окружен¬ные ойратами, не растерялись, а по старинному обычаю, они отрезали стремена со своих седел с той стороны, с которой садятся на лошадь, и, сражаясь на том месте, умерли на костях своего нойона. Дербен-ойраты говорили, что это поражение нанесено монголам гением-хранителем ойратов, превратившимся в 7-летнего мальчика".

Юрий Лыткин писал, что "с этого времени ойраты устремили все внимание на восстановление и утверждение своей славы и своей силы: 1587 год — есть год, с которого начинается их известность, их новые стремления, новая жизнь!"

В приведенном выше "Сказании..." дается характеристика богатырям, вождям ойратских племен, выдвинувшимся в период национального возрождения ойратов. Подвиги их, проявленные в битвах, служили примерами героизма и стойкости национального духа. О них слагали

легенды, рассказывали их в назидание после¬дующим поколениям ойратов.

Юрий Лыткин в "Материалах для истории ойратов" собрал биографии нескольких вождей-богатырей, среди них первое место отведено хошеутовскому нойону Галдаме.

"Ни об одном из ойратских владельцев не осталось в потомстве столько живых, прекрасных воспоминаний,— писал Ю. Лыткин,— как о хошеутовском нойоне Галдаме, сыне Цецен-хана от его брака с дочерью зюнгарского Эрдени Батур Хон-тайчжия. Галдама был рыцарь без упрека или, как выражается ойратский историк Эмчи Габан-Шараб, он был непогрешим даже в самомалейших поступках".
Галдама родился в 1635 году и проявил себя не только на военном поприще, участвуя в сражениях и защищая границы ойратского нутука, но и служил дипломатом, улаживал спорные дела, примирял враждующие стороны. Зимою в год Усун-Лу (1652) Цецен-хан возвращался в свои кочевья из похода на бурутов; в этом походе 17-летний Галдама лично заколол "Янгир-хана, повелевавшего бурутами и киргиз-кайсаками и питавшего непримиримую вражду к зюнгарскому Эрдени Батур хон-тайчжию и его союзнику и зятю хошоутовскому Цецен-хану". Янгир-хан считался знаменитейшим и первейшим богатырем тюркских народов того времени, поэтому победа Галдамы над ним принесла молодому воину славу, которая сопутствовала ему в жизни. Победа и порыв молодого воина, рвавшегося вступить скорее в сражение, воспета в исторической песне о Галдаме:

Пока мой вороной конь не утомился еще от езды,
Пока мое копье с сосновым древком не притупилось еще,
Отец! Пусти меня, я нападу...
Пока мой серый конь не утомился еще от езды,
Пока ружейные пули не летят еще криво,
Отец! Пусти меня, я нападу...

С этого времени до самой своей кончины в 1667 году Галдама стоял на страже ойратского нутука, кочуя между реками Таласу, Чуем и Или; сыновья лучших людей — зайсангов следовали за ним и защищали его своим мечом и грудью, дорожа дружбой и одобрением своего молодого храброго нойона и "наградою его матери Сулумца-хатун". Эмчи Габан-Шараб говорил, что "Сулумца-хатун раздавала улба (куртка под панцирем) и бу (ружье) в награду тем из сподвижников Галдамы, которые отличались военными подвигами, чем возбуждала в подвластных охоту повсюду следовать за Галдамою".

"Галдама, одетый в военные доспехи, находится у дверей ханов
(т. е. охраняет ойратские улусы);
Оседланный конь его Хонхолдур стоит в пещере скалы.

Стрелы, находящиеся в садаке, замкнуты у тебя на спине.
Сыновья лучших людей, столпившись, следуют за тобой.
О, наш Галдама!
4-х годовалого солового коня заставим привыкать к треноге,
40 богатырей заставим привыкать к битве с врагами!
Поджарого солового коня заставим привыкать к треноге,
Соколов и ястребов заставим привыкать брать лебедей!"

Эта песня была сообщена Ю. Лыткину Малодербетовским нойоном Санджи-Убуши Тундутовым.

Бдительный Галдама, сопровождаемый храбрыми богатырями, не боялся нападков врагов и не отступал перед ними. Во время Цаган-Сара года Шара-Нохо (1658) Бухарский военачальник Абу-ду-Шукур с 38000 войском прибыл к реке Таласу. Галдама выступил против него с 3000 войском. На рассвете он неожиданно напал на него в урочище Хулан-Джими, гнал его до устья реки Кок и убил. Войско было взято в плен. Галдама на каждую лошадь посадил по два человека и в таком виде препроводил их назад, до пограничного Бухарского города.

Галдама показал и примеры мирного разрешения спорных вопросов. Так например, Цецен-хан и Аблай-тайши в продолжение тридцати лет конфликтовали из-за наследства и привилегий. Галдама с Цаганом "останавливали междоусобные брани своих родителей. ...Когда войска начинали уже битву, Галдама и Цаган — один с шахматной доской, а другой с шахматными фигурами — выходили на середину и начинали игру в шахматы, которая продолжалась до тех пор, пока Цецен-хан и Аблай-тайши, тронутые дружбой своих любимцев, не расходились, прекратив битву".

Но конфликты между Цецен-ханом и Аблай-тайши были настолько острыми и глубокими, что их не могли разрешить не только сыновья их — Галдама и Цаган, но даже хутукта Зая-Пандита. В 1661 году противники собрали по 30000 войска. Встретились на речке Эмелгин-Шибету. В решающий момент к Цецен-хану присоединились зюнгарский Сенге и хойтский Солтан-тайши. Аблай вынужден был отступить и укрыться в Сюме (Аблаин-Кит), в котором он в осаде продержался в течение полутора месяцев.

Во время этой осады из Сюме вышла Сайхан-Чжу-Хатун, бага эке Цецен-хана (т. е. мачеха). Она была дочерью торгоутовского Хо-Урлюка, замужем была за хошеутовским Байбагас-ханом, после смерти которого, по старинному обычаю, была взята Аблаем-тайши. Эмчи Габан-Шараб о ней писал: "Сайхан-Чжу-Хатун все сокровища, какие у нее находились, отдавала в казну Далай-ламы и тем совершала доброе дело''. И эта ее религиозность отразилась в ее словах. Выйдя из Сюме, она сказала Цецен-хану: "Хотя нам кажется, что небо никогда не прояснится от проливного дождя, ливмя льющегося, однако ж таково свойство вещественной

природы, что дождь не имеет беспрерывного продолжения, и небо проясняется. Хотя нам кажется, что люди, внушающие страдания от мирских деяний, постоянно должны страдать, однако же бывает конец страданиям, в которых люди непостоянно же пребывают, но выходят". Цецен-хан, тронутый ее словами, сказал: "Поистине Аблай причинил мне зло, поступил несправедливо; я же не делал ему никакого зла, однако последую вашему совету". Цецен-хан изъявил желание помириться с Аблаем-тайши. Когда происходило это свидание, Галдама с несколькими людьми рысцою поехал в укрепленный Сюме. Народ, претерпевающий лишения, увидев, что Галдама с малым числом людей действительно едет в Сюме, "возрадовался и восклицал: "Взошло солнце веселья!" Это говорит об авторитете Галдамы и любви народа к нему. Цецен-хан, после выяснения мнений своих советников и Галдамы, вынужден был возвратить Аблаю все до последней нитки. "Зюнгарский Сенге также возвратил все, что взял у Аблая во время войны, говоря: "Я вполне согласен с решением Цецен-хана и Галдамы; если дано слово все возвратить, то надо исправно выполнить обещание".

Реквиемом звучат слова историка: "Таков был 26-летний Галдама, мнение которого уважали старик-отец и почтенные и старейшие ойратские владельцы. И этому разумному, благороднейшему мужу суждено было кончить жизнь от яда, поднесенного рукою жены его отца, в пору расцвета сил и здоровья, когда ему было только 32 года".

Цецен-хан имел несколько жен. Первой его женой была дочь зюнгарского Эрдени Батур Хон-тайчжия — мать Галдамы, другой женой была дочь торгоутовского, предположительно, Пунцука (Мончака). Она имела любовную связь с гелюнгом Гак-Эмчи, которую заметил Галдама. Любовники решили избавиться от свидетеля. Гак-Эмчи приготовил яд, которым и был отравлен Галдама.

"Так кончил свою жизнь храбрый, благороднейший Галдама, единственный наследник прав и преимуществ своего отца, единственная отрада его в старости, слава и гордость хошоутовских владельцев. Цецен-хан воспел это печальное событие в песне, которая спустя двести лет заставляет еще трепетать сердца Приволжских ойратов".

Галдама скончался в урочище Бочи осенью года Огненной Овцы (1667), тело его предали сожжению, а пепел отправили в Барун-тала (Тибет) на благословение Далай-ламе. Далай-лама, увидев там, где сердце, жесткую, как кость, массу, платком взял эту массу в руки, подул и сказал: "Справедливо говорят, что добродетельный человек имеет в сердце жесткую, как кость, массу". Когда спросили о перерождении души Галдамы, Далай-лама отвечал: "Душа Галдамы переродится в "номту-тенгери", т.е. в духовного тенгрия.

Такие деятели, как Галдама, пользовались всенародной любовью и известностью, независимо от их племенной и родовой принадлежности. Галдама был общеойратским любимцем.

Выше мы упоминали о хойтском нойоне Есельбеин-Сайн-Ка в связи с битвой с монголами, в которой был убит Убуши Хон-тайчжи. Сохранилось предание о том, что жена Убуши Хон-тайчжи — Цецен-хатун, "узнав о смерти своего мужа, собрала войско и, несмотря на беременность, напала на ойратов и в битве была ранена (отчего у ребенка повредился палец; ребенка звали Мухур-Мучжик; мухур значит комолый, беспалый)". Когда Мухур-Мучжик вырос, он захотел отомстить ойратам за смерть своего отца. Он собрал большое войско, напал на ойратов, полонил их и хотел было уничтожить самое имя ойратов. Есельбеин Сайн-Ка, старый, разумный, красноречивый, хитрый и опытный воин, спас ойратское имя и славу от позора; ойраты взяли в плен самого Мухур-Мучжика и заставили его поклясться соблюдать мир. Об этом событии писал и Эмчи Габан-Шараб: "Монголы повоевали ойратов и увели в плен. Есельбеин Сайн-Ка взял 1000 верблюдов и навьючил, как вьючат в дар (хурум — пиршество, гостинец), на каждого верблюда по два ящика, куда были спрятаны вооруженные воины. Под видом подарка он явился к монголам, напал на них, освободил ойратов, которым он оказал тем великое благодеяние".

Батур-Убуши Тюмень писал, что "Дербен - ойраты в отличие и в вечное воспоминание за этот подвиг поручили ему правление и поднесли титло ханское, на что от святителя Далай-ламы и получена печать (тамга). Эта стальная тамга была четвероугольная; в середине ее была надпись на индийском языке; а по обоим краям на монгольском: "Йеке Мингани Ахалаксан Нойони Тамга" — т. е. "Печать первенствующего нойона Хойтского отока Йеке Минган".

После совместного выступления ойратских племен в войне с монголами, в 1587 году наступил разрыв. Он был связан с сепаратистскими устремлениями нойонов. В основном борьба шла между Хара-Хулой и Байбагас-ханом. Хара-Хула — потомок знаменитого Эсеня — стремился восстановить прежнее влияние Цоросского дома, а Байбагас-хан как потомок Хобуту-Хасара — брата Чингис-хана — "был горд и самонадеян", а в то время он был старейшим среди ойратских нойонов, поэтому "имел первенство перед прочими владельцами и в силе". Соперничество нойонов привело к разногласиям, которые имели непредсказуемые последствия.
На личностях этих двух нойонов стоит остановиться немного подробнее, так как они сами и их потомки оставили заметный след в истории ойратов.

У хошеутовского Хани-Нойон-Хонгора от жены Ахай-хатун было пятеро сыновей. После смерти мужа, она воспитала их и "они стали лучшими между ойратами, и назвала их табун-барс" — это были Байбагас-батур,

Кундулен-Убуши, Гуши-Номин-хан, Засакту-чинг-батур и Буян-хатун-батур — Буян-отхон.

Байбагас-батур был старшим из табун-барсов, был знаком с учением Будды и любил рассуждать о значении религии. Его увлечение религией было поддержано торгоутовским нойоном Темене-батуром. Учение буддизма настолько увлекло нойона, что, несмотря на то, что он занимал первенствующее положение в ойратском союзе, сам он хотел стать монахом — служителем религии.

Когда на ойратском сейме Байбагас-батур высказал свое желание, то нойоны ответили: "Расставшись с вами, нам трудно будет поддерживать государство в целости; будучи тоином, вы не будете уже оказывать нам своей милости. Так как для нас весьма важно ваше намерение, то мы предварительно доложим о том Цаган-Номин-хану и последуем его повелению". Цаган-Номин-хану они доложили и просили сделать выбор: "Тогда ли нравственно-религиозная заслуга больше, когда один он будет тоином, или тогда нравственно-религиозная заслуга больше, когда по одному сыну у каждого из нас будут тоинами?" Цаган-Номин-хан отвечал: "Нравственно-религиозная заслуга многих гораздо выше".

Согласно этому совету, ойратские нойоны уговорили Байбагас-батура отказаться от его намерения и решили посвятить в духовный сан — банди — по одному из своих сыновей. Дербетовский Далай-тайши отдал своего сына Тоина, зюнгарский Хара-Хула — одного из десяти сыновей, торгоутовский Хо-Урлюк — сына Лоузана, хошеутовский Кундулен-Убуши — одного сына, зюнгарский Цукер — сына Лобзан-хутукту, сам Байбагас-батур, предварительно усыновив,— хутукту Зая-Пандиту. Нужно заметить, что у Байбагас-батура были сыновья — Цецен-хан и Аблай-тайши, которым он хотел оставить улус и ханство, поэтому он сказал Зая-Пандите: "Вместо моих родных сыновей будь бандием".

Когда подросли сыновья, он разделил свой улус в 130000 кибиток между сыновьями: Цецен-хану отдал 70000, а Аблаю-тайши — 60000 кибиток. Сам, сделавшись ревностным почитателем буддизма, уже не вмешивался в управление народом и умер в 1640 году в 90-летнем возрасте. А его брат, тоже один из табун-барсов — Кундулен-Убуши, известный ойратский силач, прожил более 120 лет и видел своих правнуков, он умер после 1671 года.

К некоторым моментам жизни и деятельности Кундулен -Убуши мы вернемся позже, т. к. он прожил долгую жизнь, полную приключений, и они связаны и с другими событиями истории ойратов.

Третий брат из табун барсов — Туру-Байху, был известен как Гуши Номин-хан. Он со своим наследственным улусом перекочевал с Алтая на Коко-Нор, представлявший в то время привольные для скота пастбища и

составлявший важный стратегический пункт для военных передвижений на южный Китай и Тибет.

Ю. Лыткин, ссылаясь на некоторые источники, писал, что Гуши Номин-хан "был счастливее всех своих старших братьев; избежал влияния зюнгарских владельцев, он стал владыкою Тибета и Коко-Нора и имел немалое влияние на всех ойратских владельцев".

Гуши-хана двинуться на юг со своим улусом заставили два обстоятельства. Во-первых, увеличение численности ойратского населения и возникающие от этого междоусобные войны между нойонами; во-вторых, район Коко-Нора представлял малонаселенную область, и монгольские князья, претендующие на эту территорию, были заняты также внутренними делами. И Гуши-хан занял эту территорию, став полновластным хозяином обширной области. Утвердившись на новом месте, укрепив свое положение, Гуши-хан "обратил свое внимание на Тибет", где "хотя Далай-лама был полный владыка Тибета, но в это время светская власть и обладание Тибетом принадлежали тангутскому Цзанба-хану; духовные же дела, дела совести и распространение учения Будды принадлежали Далай-ламе". Властолюбивый советник Далай-ламы по управлению светскими делами — Диба — посоветовал ему, "что тангутский Цзанба-хан, обладающий Тибетом, мучит народ, унижает учение Будды" и убедил его призвать хошеутовского Гуши-хана (Туру-Байху), обладателя Коко-Нора. Далай-лама, желавший сделать участником в управлении Тибетом Богдо-ламу, охотно согласился.

Гуши-хан явился в Тибет с войском и убил Цзанба-хана. Захватив тибетские провинции (Уй, Чжу, Кам и Нари), он отдал их Далай-ламе и Богдо-ламе, назначив управителем их под своим руководством старшего сына своего Даяна (с титулом Очир-хан) и дав ему в помощники шестого сына своего Дорчжия (с титулом Далай-батур-тайчжи). Таким образом, Гуши-хан с сыновьями стал полным хозяином Тибета и Коко-Нора.

В ойратских исторических сочинениях об этом событии рассказывается так: "В Тибет пришли 6 полков войска (зурган йеке церек), но не могли причинить препятствия религии Будды, потому что Гуши-хан со своими сыновьями и внуками победил трех великих ханов, имевших во главе Цокту-хана, уничтожил их, прославился между тибетцами, китайцами, монголами, ойратами и сохранил учение Будды".

Гуши-хан из владельца небольшого улуса в 5000 кибиток, благодаря сложившимся обстоятельствам и, конечно, личным качествам организатора и полководца, сделался ханом Коко-Нора и императором Тибета, поэтому он имел титул Гуши-Номин-хан.

Батур-Убуши Тюмень писал: "Когда 6 полков конного войска прибыли в Тибет и начали причинять препятствия религии Будды, ойратский Гуши-хан пришел с войском, уничтожил эти 6 полков войска, исполненного

ложным учением и гордостью души, и возвеличил славу ойратского имени между дербен-хара (четырьмя чуждыми народами, т. е. дербен-ойратами), китайцами и монголами. Доставив огромное благодеяние религии Будды, он стал известен под почетным титулом Номин-хан Гуши". Под шестью полками здесь имеются в виду войска красношапочной секты буддизма, т. к. в то время еще шла борьба между двумя направлениями буддизма в Тибете.

Управление Тибетом Гуши-хан отдал сыну Даяна — Очир-хану. Сам он продолжал принимать активное участие в делах ойратов. Будучи покровителем Тибета, он имел заметное влияние на дела Далай-ламы и деятельность Зая-Пандиты.

Как рассказывается, зимой года Темур-туула (1651) Зая-Пандита прибыл в Зу (Тибет). По пути он в Хара-Хото встретил Далай-ламаин гегена, Гуши Номин-хана и Йеке Диба. Они прибыли в Поталу вместе. Гуши Номин-хан и Йеке Диба просили Далай-ламу принять Зая-Пандиту и ойратских владельцев, приехавших на поклонение ему и буддийским святыням. Далай-лама принял их в следующем порядке: сначала Рабчжамба хутукту (Зая-Пандиту), за ним монгольского Йеке Алтату Цорчжи, потом Цукер-Убуши (брата зюнгарского Батур Хон-тайчжия) и Таргун Эрдени хон-тайчжи (брата хошоутовского Церен-хатан Батура, называемого также Засакту-чинг Батур, младшего брата Байбагас-хана) и других. Гуши-хан скончался в 1657 году в 90-летнем возрасте, он имел десять сыновей, о которых мы расскажем позже.

Прежде чем перейти к изложению последующей истории, заметим, что центральное положение в Джунгарии занимал зюнгарский Хара-Хула, который проводил политику объединения ойратов. В этом стремлении Хара-Хула на первых порах как старейший и сильнейший среди нойонов находил поддержку и понимание, но со временем, по мере роста и усиления других племен с их нойонами, былое единство ослабевало. Политику своего отца продолжал его сын — Батур-Хун-тайджи, о котором мы еще будем говорить. Хара-Хула умер в 1634 году, укрепив положение Батура-хун-тайджи в Джунгарии. Единство ойратов поддерживалось родственными, приятельскими отношениями нойонов, все они между собой находились в родстве, и в периоды опасности со стороны соседних народов они объединялись.

Приход части ойратов в южно-сибирские степи и освоение этих пространств было по времени растянуто на несколько десятилетий. Приходили, затем откочевывали назад разные группы со своими нойонами. Сохранившиеся документы и свидетельства тех времен зафиксировали отдельные моменты этих передвижений, оставили имена немногих действующих лиц. Все-таки из разрозненных сведений складывается достаточно полная картина процесса вхождения калмыков в состав Российского государства.

Первые упоминания о калмыках в пределах Сибири были зафиксированы в 1587 году, затем в 1596 году. Сами калмыки своим приходом в Россию считали 1585 год. Эти сведения согласуются с историей освоения Сибири. Во второй половине XVI века существовало сильное и обширное Сибирское ханство во главе с ханом Кучумом, подчинившее себе хантов (остяки), находившихся южнее Обской губы, и манси (вогулы) — в низовьях Иртыша и в Приуралье. Они имели свои княжества — Кодское и Обдорское — у хантов, Полымское — у манси. А по рекам Каме и Чусовой находились обширные владения купцов и промышленников Строгановых, которые для охраны своих владений содержали "охочих людей" — казаков.

В это время на Алтае находились довольно сильные и многочисленные княжества теленгитов и урянхайцев. С другой стороны, казахи и киргизы занимали обширные пространства степи.

Во всеобщей истории говорится, что в 1582 году, по договоренности с правительством, Строгановы организовали поход против Кучума. В походе участвовали волжские казаки и ратные люди Строгановых во главе с Ермаком. В сражении на Иртыше Ермак погиб, и русские вынуждены были в 1585 году уйти из Сибири.

В это время складывались тесные отношения калмыков с ханом Кучумом. Было замечено, что в 1597 году калмыцкие отряды находились в войсках сыновей Кучума. Хо-Урлюк одну из своих дочерей выдал замуж за сына Кучума. Такое родство считалось знаком установления дружбы и сотрудничества. Но впоследствии между калмыками и татарами произошли большие ссоры, и они закончились военными действиями. Дочь Хо-Урлюка ушла к отцу.

В конце XVI века русские построили в Сибири крепости Тюмень, Тобольск, Верхотурье, Березов, Нарым и другие. Центром Сибири стал Тобольск. В 1598 году Кучум был окончательно разгромлен и вскоре погиб. И с этого времени русско-калмыцкие отношения стали непрерывными, хотя временами обострялись и происходили крупные столкновения.

Абуль-Гази отметил, что в 1603 году калмыки совершили набег в Хиву и Ургенч числом в тысячу человек. А в сентябре 1606 года, как писал С. К. Богоявленский, "один из самых видных калмыцких князей, или тайш, Хо-Урлюк, глава торгоутов, отправил в Тару посла с предложением мира". Но в ответ "из Тары были отправлены послами казах и татарин, которые должны были передать тайше, что его люди отнимают у ясачных татар под Тарой угодья, грабят и уводят в плен жителей и объявить, что (если) он не примет подданство царю, то пусть уходит подальше от русских волостей и от соленых озер". Нужно заметить, что на первых порах незнание обычаев и истории народа приводило к недоразумениям, которые имели непредсказуемые последствия. Например, томский воевода Писемский вызвал к себе теленгитского князя Абака и предложил ему принять российское подданство, "но Абак, наслышавшись о

вероломствах, содеянных казаками в Сибири, долго не решался явиться к нему лично", только спустя четыре года "убежденный клятвами посланных к нему, он прибыл в Томск со своими родовичами и учинил присягу в верности на подданство". Узнав о теленгитском подданстве России, киргизский князь Немча отправил в Томск свою жену "в полном уверении через ее сиятельное и настойчивое красноречие получить более подарков, но на сей раз случилось противное ожиданиям его. Княгиню оскорбили томские воеводы одним неблагоразумным поступком, и она возвратилась к мужу в большом неудовольствии". Этим обстоятельством киргизские князья до такой степени были озлоблены, что впоследствии несколько раз бесчеловечно грабили Тарский и Томский уезды.

Так получилось, что не поняли и предложение о мире Хо-Урлюка. Послы, отправленные к нему, чуть ли не с ультиматумом о подданстве, не вернулись. Только впоследствии в кочевьях Хо-Урлюка "нашли обрывки одежды, седла, сумки и фляжку послов". Поэтому военные столкновения продолжались. Все-таки, как писал С. К. Богоявленский, "страх московского правительства перед нашествием многочисленных и воинственных калмыков, которые к тому же начали вести переговоры с сыновьями Кучума, побудили обе стороны сделать попытку на чем-нибудь договориться". На этот раз "инициатива принадлежала тарским воеводам, которые в январе 1607 года послали калмыцким тайшам предложение принять подданство Москвы". На этот раз в Тару приехал "один из старейших тайш Кугонай Тубиев, который шертовал за себя и за своих товарищей, 49 тайш, и за их улусов в том, что калмыки принимают русское подданство". Кугонай при том сообщил, что 50 тайш стоят во главе 120 тысяч человек, "объединенных под руководством пяти старших тайш".

В числе этих пяти были названы зюнгарский Батур Хун-тайчжи, дербетевский Далай-Батур и Юрикта — брат торгоутского Хо-Урлюка. Кугонай добавил, что он не шертует за тайш Урлюка и Курсугана, которые отошли и кочевали вверх по Иртышу.

В Москве известие о соглашении с калмыками было воспринято с радостью. При этом воеводам было предписано "оказывать новым подданым всякое внимание, брать с них дань, сколько дадут, но соблюдать осторожность и потребовать заложников". Вместе с тем, калмыки должны были быть обнадежены, что царское правительство будет их "ото всех недругов, от казацкие орды и от ногаи и от иных недругов беречи и обороняти".

В сентябре 1607 года в Тару пришли новые послы от калмыков. На этот раз они представляли не только Батура хун -тайджи, Ичинея и Юрикту, но и Улчинея и Урлюка. Послы заявили о готовности калмыцких тайш быть "под высокой царской рукой", и просили разрешения кочевать по Оми, Камышлову к Соленым озерам. С послами прибыли и торговые люди,

пригнавшие 550 лошадей. Калмыкам разрешили торговать беспошлинно и кочевать по Оми и Камышлову.

Этих послов отправили в Москву, где они поразили всех простотой своей одежды. Им была выдана нарядная одежда, в которой они были на приеме у царя Василия Шуйского. В числе этой группы тайш не оказалось Хо-Урлюка. Только летом 1608 года он послал от себя на Тару послов бить челом, чтобы русские ратные люди с ним не воевали и чтобы ему быть под высокою царскою рукою. В это время он кочевал на Иртыше — между Тарой и Соленым озером со своими сыновьями.

В 1607—1608 годах калмыки имели крупные военные столкновения с казахами, а также с монгольскими и урянхайскими ханами. Теленгиты были приняты в российское подданство. Отец Иакинф писал: "Калмыков уже нельзя застать на домашних кочевьях, они не токмо с Алтын-ханом и казачьею ордою войну ведут, но и сами между собою в несогласии; некоторые же улусы, коими проходить должно, от них отпали и никого не пропускают, и казаки должны опасаться, чтобы они их не убили". Междоусобные войны были улажены, и калмыки двинули свои войска на казахов, о которых было получено известие, что "ныне в казачьей орде промеж себя люди секутся" — т. е. у них тоже шли междоусобные войны, которыми и воспользовались калмыки. В это время тайши пришли в согласие, и все они прислали послов в Тару. Они заявили, что тайши вследствие обильных снегов к шерти в Тару приехать не могут и вообще в Тару их ждать нечего, а ясака калмыки никому не давали.

Весной 1609 года из Тары в калмыцкие улусы отправились послы Поспелка Голубин "с товарищами", чтобы привести тайш к шерти и потребовать от них ясака. Оказалось, что вследствие происшедших войн, произошли изменения. Послы застали жену умершего за это время Изенея, Кошевчея и Урлюка. Томский воевода сообщал в Москву, что "меж себя черные калмыки воюются, и лучшего князя их Изенея не стало". После смерти мужа, говорили, что "владеет всеми тайшами и улусными людьми" жена Изенея.

На этот раз эти три лица вели себя достаточно независимо. У Голубина отняли платье и деньги, не давали ему корма и велели передать воеводам: ясака никому никогда не давали и сами берут ясак с белых калмыков; "люди они кочевые, а не местные, где похотят, там и кочуют". На приглашение приехать в Тару для шерти и торга, за что получат вознаграждение, тайши отвечали: пускай к ним из Тары приезжают воевода и торговые люди в нарядном платье с дорогими товарами, и тайши отблагодарят их соответственно привезенным ими подаркам. При этом жена Изенея добавила, что "грубны им" татары Барабинской и Тереничской волостей, но жаловаться в Тару они не хотят: управятся сами.

В результате междоусобных войн ойратских тайшей оказалось, что усилились те, которые находились в южных степях Сибири. В 1608 году калмыки появились на реке Эмбе, ногайцы, кочевавшие по реке Яику, пришли в панику, а в 1613 году на берегу Яика появился 4-тысячный отряд калмыков. Ногайцы вынуждены были перейти на Волгу и даже переправиться на крымскую сторону. Нужно заметить, что в продвижении калмыков к Волге им помогли и едисанские татары. Так, в то время, когда ногайцы, переправившись на левый берег Волги, отправили войско против калмыков, на оставшихся напали едисанские татары и разгромили ногайские улусы, это и облегчило калмыкам их продвижение на Астрахань.

Хотя в это время многие калмыки разных улусов кочевали на большом пространстве от Джунгарии до Яика, главные тайши сходились на основной территории — на границе Джунгарии, по-видимому, для совета и для выработки стратегии.

В 1618 году из Тобольска в калмыцкие улусы были направлены Петров и Куницын, которые добирались до улуса Далая два месяца. Там они застали трех главных тайш: дербетевского Далай-Батура, зюнгарского Чокура и торгоутовского Хо-Урлюка.

Послы в своих записках назвали Далай-Батура "всею калмыцкою землею царем, а сам он себя царем не пишет..., а думчие ближние тайши Чугур да Урлюк-тайша". При этом послами замечено, что такие тайши, как Хара-Хула и другие независимы, а некоторые не входили ни в какие группировки, а кочевали вдали и не платили дани. В ответ на посольство Петрова и Куницына Далай отправил в Тобольск послов, которые просили разрешить калмыкам кочевать под сибирскими городами. Послам в ответ сказали, чтобы Далай отправил лучших людей в Москву для принесения присяги.

Это ультимативное требование послов смутило Далая, который имел основание беспокоиться за своих послов. Оказалось, что перед этим калмыцкие послы, отправленные в Тюмень, были там задержаны, и воевода их ограбил, отняв у них лошадей, которыми начал тут же спекулировать, а послам не давал еды. И калмыки решили не отправлять послов в русские города. Заявления калмыков привели сибирских воевод в смятение. Беспокойство их дошло до Москвы. Тобольские воеводы вынуждены были возместить убытки калмыкам, а из Москвы пришло предписание, "чтобы они старались не раздражать калмыков и не посылали против них ратных людей".

Из Тобольска выехал в калмыцкие улусы атаман Иван Савельев, которому было поручено предложить Далаю отправить в Москву послов, а в сибирские города — торговых людей. Савельев был принят Далаем, который заявил о своей готовности "быть под царской рукой" и отправил с ним своих послов в Москву.

Еще раз заметим, что и эти послы были приняты недостойным образом. Послов принял дьяк Савва Романчуков очень высокомерно, он приказал им стать на колени во время переговоров. На прием к царю им пришлось идти пешком, а подарки оттайш — барс, лошади и татарчонок — не были приняты, потому что были "худы". Но надо отдать должное послам, несмотря на такой прием, они "держались с достоинством, и на вопрос, зачем их прислали тайши, отвечали: "Ныне у них про Российское государство вести и добрые и худые, и Далай-тайша с товарищи прислали их ныне проведать про Российское государство подлинно и царского величества пресветлое лицо и к себе его государское жалованье видеть. Которые ни буди государства меж себя бывают в брани, и в то время меж ими ссылка саблями, а о мирном постановлении всегда ссылаются людьми". Они заявили также, что если царь примет тайшу Далая "под свою высокую руку", то и все калмыки хотят быть в царском подданстве.

Посольский дьяк выразил удовлетворение тем, что калмыки готовы быть в подданстве царю, но при этом указал, что Алтын - хан уже "принят под высокую царскую руку". Послы выразили сомнение, говоря, что они находятся гораздо дальше своими кочевьями. Это возражение послов вызвало недовольство дьяка. Такой холод¬ный и высокомерный прием калмыцких послов и совершенно, можно сказать, глупое поведение дьяка, наложили свой отпечаток на внешнюю политику России на Востоке.

Послы, получив жалованную грамоту на имя тайши Далая от 14 апреля 1618 года о принятии в подданство и разрешении торговать в русских городах, выехали из Москвы. Такую же грамоту в мае 1620 года получил и Хара-Хула.

Но с этого времени сношения с калмыками были отданы на усмотрение сибирских воевод, которые полагались только на силу оружия и продолжали военные действия, вследствие чего группа калмыков снова двинулась на запад. В 1619 году калмыки, воспользовавшись внутренними разногласиями ногайцев, захватили их. В этой обстановке астраханские воеводы вели политику разжигания страстей между этими племенами и народами. Сообщая в Москву о ссорах между ногайцами и едисанами, они откровенно писали: "Мы, видя у них такую многую недружбу меж их на обе стороны, ссорим порознь, таясь от них друг от друга, чтоб та наша ссора была им не явна, а недружбу им подкрепляем всякими обычаи, а приводим к тому, что ту их рознь и войну привести к конечному их разорению". Это сконцентрированная формула так называемой политики "разделяй и властвуй".

В 1620 году ойратские владельцы имели несколько военных действий: с одной стороны с казахами, а с другой — монголами, потеряли много людей. Именно поэтому, может быть, состоялось совещание, на котором присутствовали хошеутовский Байбагас, дербетевский Далай, торгоутовский Урлюк и зюнгарский Чокур. Они решили "быть под царской рукой". Совещание проходило под руководством Байбагаса. Решено было

послать послов в Уфу, сначала туда прибыли Урлюк и Чокур, затем сибирский царевич Ишим, женатый на дочери Урлюка. Послы шертовали от имени всех тайш.

Посол от Байбагаса был отправлен в Москву, который там заявил, что Байбагас бьет челом за всех калмыцких людей о принятии "под высокую царскую руку".

В Москве у посла спросили, какой обряд шерти практикуется у калмыков. Он ответил: "Лижут нож да кладут на голову стрелу и прикладывают к сердцу, то у них в клятвы место, и нынешний их Байбагас-тайша государю шертовал тем же обычаем". На этот раз послы в подарок царю привели лошадей разных мастей.

В следующем году один из братьев Байбагаса и царевич Ишим предприняли набег на ногайские улусы, перешли Яик и углубились в глубь степей, но затем повернули назад. Эти внезапные появления и уходы калмыков носили разведывательный характер.

Весной 1623 года к упомянутым тайшам: Далаю, Урлюку, Чокуру и Байбагасу был послан боярский сын Василий Волков с выговором, что тайши не соблюдают условия шерти и нападают на уфимские волости. Но этих тайш не оказалось в улусах, они были на войне с Алтын-ханом. Волкова принял брат Далая — Мангит, который шертовал только от имени дербетевских тайш и Урлюка.

В это время ойратские нойоны воевали не только с Алтын-ханом, от которого Хара-Хула потерпел поражение, но и с казахами, нарушались мирные отношения с ногайцами и башкирами.

В 1625 году произошли крупные разногласия между нойонами. Крупнейшие из тайш разбились на две партии, между которыми происходили настоящие кровопролитные сражения. Летом 1625 года умер один из сыновей Хара-Хулы — Чин, его улусы хотел захватить его брат Байбагас — тезка хошеутовского Байбагаса. Против него поднялись братья Батур и Чокур, а на сторону Байбагаса встал Хара-Хула; Чокура поддержали Далай, Батур (Хун-тайчжи) и Урлюк; более мелкие или имеющие небольшие улусы тоже разделились на две партии.

Бои происходили на левом берегу Иртыша, ниже Ямыш-озера. О результатах сражений доходили разные слухи. Одни говорили, что Байбагас и Хара-Хула были разбиты и бежали за Иртыш, другие говорили наоборот, что Чокур бежал за Кара-Кум. Русский пленный, бежавший из улуса Урлюка, сообщил: "Бьется Урлюк с Чокуром, идут великие бои". Впоследствии Чокур оказался в кочевьях Далая и Батура, а Урлюк ушел на север. Бои на этом не кончились. В Таре было получено известие, что между Табутаем, бывшим в числе зюнгаров, и Далаем с Урлюком идет бой и что летом 1627 года брат Далая — тайша Мангит собирается занять

земли между озером Чаны и рекою Омью, а жена Мангита уже перекочевала на один из островов озера Чаны.

В результате этих междоусобных войн, Хо-Урлюк свое внимание обратил на запад. Калмыки двинулись на Эмбу. Осенью 1628 года между едисанами и ногайцами происходили кровавые схватки. Этими междоусобицами решили воспользоваться алтыульцы, предложив свою помощь калмыкам. Молодые тайши во главе с сыном Чокура — Доржи — в числе двух тысяч человек и небольшой отряд алтыульцев ночным нападением застали ногайцев врасплох, захватив пленных и скот, быстро удалились. При этом говорится, что из почти тысячи алтыульцев, 800 человек имел и огнестрельное оружие. Калмыки объявили, что Яик является "исстари калмыцкими кочевными местами". С этого времени число калмыков на Эмбе и Яике быстро увеличивалось.

Калмыки с Эмбы послали в Астрахань захваченного ими в плен татарина с просьбой принять их "под высокую царскую руку" и разрешить кочевать по Эмбе и Яику; при этом они говорили, что с год как откочевали на Эмбу и Яик, "учиня с своею братьею с калмыки меж себя рознь и войну".

В это время у Ямыш-озера находились Далай дербетевский, Дайчин — сын торгоутовского Хо-Урлюка, хошеутовский Гуши-хан и зюнгар Сюнгул. Осенью 1629 года Далай отправил от себя своего сына в Уфу просить о принятии его в подданство. Затем Далай отправил послов в Москву с той же просьбой. В это время на Яике появились отряды Чокура и союзных с ним тайш. Но он был здесь наголову разбит Далаем и Гуши-ханом.

В следующем году Хо-Урлюк с двумя тысячами калмыков и сотней алтыульцев пошел на ногайцев, вызвав среди них большую панику.

Осенью 1631 года в Уфу прибыли послы, представлявшие хошеутовских Гуши-хана и Кундулен-Убуши, у С. К. Богоявленского написано Дюргучея, что есть одно и то же, и сына Хо-Урлюка — Сюнкея с подарками царю: лошадьми, верблюдами, барсами и ясырями. Послы только говорили, что тайши просили, чтобы русские ратные люди не ходили на них войной, а о подданстве ответили, что по этому вопросу "ничего не приказано". А тайши в то время кочевьем своим находились в 1—2 месяцах пути от Уфы. А в следующем, 1632 году сообщили, что Хо-Урлюк кочевал в Тургайских степях, между Ишимом и Тоболом, и посол "ехал от Тюмени до Урлюка летним путем три недели; сын Урлюка — Дайчин — в это время кочевал на яицких вершинах в десяти днях пути от Урлюка".
В мае 1633 года Хо-Урлюк оказался снова за Яиком. Ногайские мурзы подали в Астрахань челобитную, что Урлюк и его сыновья Дайчин и Лоузан вместе с алтыульскими мурзами нападают на ногайские и едисанские улусы и разоряют их. "По слухам, дошедшим до астраханских воевод, Дайчин очень образно подчеркнул контраст между мощью калмыков и слабостью русских: "Такие де у них, калмыков, люди есть, что,

пришед под Астрахань среди лета, и заметут ее снегом",— передает С. К. Богоявленский.

Через месяц калмыки появились на реке Камыш-Самара и двинулись на ногайские и едисанские улусы. Ногаи отступили к Астрахани. На этот раз астраханские воеводы снарядили значительный отряд стрельцов, юртовских, ногайских и едисанских татар и отправили против калмыков. Встреча состоялась 22 апреля на расстоянии семи дней пути от Астрахани на реке Большой Узени, между Волгой и Яиком. Здесь произошло первое значительное сражение между русскими и калмыками. Калмыков было до трех тысяч человек, а русских вдвое меньше. Калмыки подожгли камыш, ветер дул прямо в лицо русским, дым и пыль мешали им заряжать свои пищали; калмыки же, обладавшие огнестрельным оружием, спокойно расстреливали русских. Только наступившая ночь прекратила сражение. На следующее утро русские и татары увидели, что они со всех сторон окружены калмыками. Стрелецкие головы стали вести переговоры и пришли к соглашению: калмыки отойдут от царских войск, отдадут мурзам захваченных жен и детей. На этих условиях обе стороны присягнули по своей вере. Калмыки, которые должны были чувствовать себя победителями, приняли на себя больше обязательств, чем прав. Оказалось, что стрелецкие головы умолчали об одном условии договора, что мурзы шертовали на Коране в том, что они и их улусы будут кочевать вместе с калмыками. Следовательно, головы, поцеловав образ при условии не воевать с калмыками, отдавали ногайцев и едисан, царских подданных, во власть калмыков, а царское правительство теряло право их удерживать силой оружия. Дайчин выполнил условие о выдаче выкупа ногайского и едисанского ясыря, и через несколько дней после боя один из мурз привел в улусы 1052 человека, освобожденных из калмыцкого плена. Бой на Узени поднял славу калмыцкого оружия.

С этого времени Дайчин считал себя хозяином приволжских степей. Он обещал ногайским мурзам защищать их от всяких воинских людей и "громити их никому не даст для того, чтоб его, Дайчин-тайшино имя славно было во всех ордах так же, как и отец его Урлюк-тайша славен во всех ордах; а отец де его Урлюк-тайша в их землях царь, да и он де, Дайчин-тайша, вскоре учинится царь же". При этом интересно то, что дальнейшие отношения Дайчин представлял себе как военный союз калмыков, татар и русских.

В это время, когда Дайчин сражался на Узени, его два брата Киросан и Лоузан напали на бухарский город Савран и захватили 1700 пленных, а отец их — Хо-Урлюк, находясь в пределах Сибири, вел переговоры с тюменскими воеводами.

Все это говорит о том, что Хо-Урлюк с четырьмя братьями и шестью сыновьями занимали обширную территорию, при этом вели активную, наступательную политику. С Урлюком кочевали двое из зюнгарских тайш,

а с Дайчином также зюнгарский Чокур; и они поддерживали тесные связи с Далаем и Батуром хун-тайджи.

В следующем году Дайчин появился с десятитысячным войском, но он только поохотился на сайгаков, угнал стада у татар и едисан, с другой стороны было сообщение, что Урлюк кочует за Эмбой, Дайчину же прислал трехтысячный отряд, а сам "ходил войной на Ургенч и Хиву". Дайчин в это время посылал татар за Волгу с пожеланием ногайским мурзам "мира и совета".

В 1634 году в Джунгарии произошли большие перемены. Умер знаменитый Хара-Хула, долгие десятилетия занимавшийся объединением ойратов в единое государство. И хотя конечной цели он не достиг, но чувство единства, особенно в опасные периоды, удавалось сохранить — собирались старейшие представители племен и приходили к согласию.

Преемником и продолжателем дела Хара-Хулы стал его сын — Батур-хун-тайджи, оставивший в истории ойратов не менее заметный след. Он продолжал политику своего отца по объединению ойратов в одно государство. Но надо заметить, что центробежные силы сепаратизма набирали силу. Главы отдельных племен вынашивали идею создания своих собственных ханств.

Как мы говорили выше, хошеутовский Туру-Байху — Гуши-хан на Коко-Норе создал свое государство и на Тибетский трон посадил своего брата. В это же время, т. е. в 1635 году, Хо-Урлюк с оставшимися сыновьями перебрался поближе к своему старшему сыну Дайчину, уже укрепившему свое положение в приволжских степях.

Отец Иакинф писал, что в 1635 году торгоутовский хан Хо-Урлюк, стоявший более 15 лет в верхних местах Ишима, Тобола и Эмбы, совершенно оставил эту страну и, вступив в пределы России, поселился в астраханских степях на Волге. А хошеутовский князь Туру-Байху, отделившись с значительной частью своего племени, ушел к Коко-Нору и, овладев этой прекрасной и обширной страной, затем получил господство над Тибетом.

С. К. Богоявленский в "Материалах по истории калмыков" говорил, что в это время Далай-тайши прислал к Дайчину хутукту. Далай в повелительном тоне передал через этого хутукту, чтобы Урлюк не вел переговоры ни с кем, и передал ему Чокура и Салтаная. Дайчин решительно отклонил эти требования. Хутукта представлял ламаистское духовенство самого высшего ранга — перерожденца. Он приехал в качестве посредника и примирителя, настаивал на присоединении торгоутов к улусам Далая и выдаче Чокура и Салтаная. Видимо, хутукта произвел на Дайчина впечатление, и он, по словам свидетеля-татарина, боялся, "чтобы он, хутухта, его, Дайчина, неволею с собою к чекарским

калмыкам не отвел". Чтобы задобрить хутукту, Дайчин начал собирать со всех улусов хороших коней и овец и чуть было не ушел.

Но в это время он был занят военными приготовлениями. К нему прикочевали братья его: Елдень — он же Йелденг, Лоузан, отец Хо-Урлюк, алтыульские татары, пришло значительное количество ногайцев, добровольно присоединились трухмены, юргенцы, киргизы, едисаны. Предводители войск собрались на совет за речкой Бузан, в урочище Тенкире, на расстоянии дневного перехода от Астрахани. В разведку посылались калмыки за Волгу, почти до Черного моря. На встрече с русскими представителями Дайчин предложил свои услуги. Условия, выдвинутые русскими, были неприемлемы для Дайчина, особенно выдача аманатов в обмен на возможность свободно кочевать по Волге и вести торговлю. При этом Дайчин заявил, что урочище Кандаки под Астраханью "искони природные их калмыцкие места, прадеда их Чингис-хана".

Ногайские и едисанские мурзы, находившиеся у Дайчина, заявляли, что они возвращаться под Астрахань не собираются, потому что там кочевать им негде, а в "калмыках кочевья пространные и повольные, где хотят, тут и кочуют".

Нужно заметить, что при хронологическом обзоре передвижений калмыков того времени, поражает их быстрое перемещение на очень большие расстояния. Например, Хо-Урлюк весной был за Яиком, на реке Оре, а осенью оказался под сибирскими городами, на расстоянии 9 дней пути от Тобольска, оттуда он отправил послов с просьбой о торговле. В его улусе, кроме других тайш, были и ламы, и торговые люди. Посланный к Урлюку Павел Выходцев застал его на Ишиме и сделал вывод, что он был заинтересован в торговле с Бухарой. С отцом на Ишиме находился сын Елдень, женатый на дочери Гуши-хана. Беседуя с Урлюком, Выходцев был поражен его осведомленностью, например, о количестве ратных людей в сибирских городах. В бытность Выходцева у Урлюка пришло известие о смерти двух видных тайш — Далая и Чокура.

Около 1639 года Хо-Урлюк кочевал на Мангышлаке. Именно в это время у него находился Абул-Гази (Абулгази) — Хивинский хан, воин и историк, автор книг "Родословное древо тюрок", "Родословная тюрок" и "Родословная туркмен". Академик А. И. Кононов, в предисловии к изданию сочинений Абул-Гази хана Хивинского, в 1958 году писал, что он бежал из Ирана, где находился в плену, к своему народу и провел "один году калмыцкого падишаха" — Хо-Урлюка на Мангышлаке. Абул-Гази направлялся к узбекам, жившим на Арале, т. к. говорится, что "аральские узбеки, доставив калмыцкому хану большое количество подарков, увезли к себе Абулгази". Впоследствии Абул-Гази в "Родословной туркмен" писал, что "в 1630—1631 годах с северной стороны, из иля калмыков прибыло десять тысяч кибиток — имя их государя Орлок — и поселились в юрте мангытов. В настоящее время, в 1660—1661 год мыши, этот юрт называется Калмыцким юртом".

Зиму с 1637 на 1638 год Дайчин провел на Кара-Кумских песках, а на лето перешел на Ишим-Тобол, на расстояние 18 дней пути от Эмбы. В следующем году Дайчин опять зимовал на Кара-Куме, а весной подошел к сибирским городам. Урлюк, зимовавший близ Бухары, летом оказался на Тоболе. На Эмбе оставался в это время Лоузан. В том же году калмыки оказались на Волге, кочевали по рекам Еруслану и Торгулу, нападали на Самару.

В это время в Джунгарии Батур-хун-тайджи проводил не только политику укрепления центральной власти в ойратском союзе, но и подготовку общего Хурала, на котором вожди племен должны были принять составленное им Степное Уложение.

Трудно представить, скольких трудов и дипломатических переговоров, согласований, пересылок понадобилось организаторам этого съезда для примирения, приглашения находящихся достаточно далеко друг от друга и состоящих не совсем в мирных отношениях нойонов, ханов, религиозных деятелей. По отрывочным сведениям можно предположить, что Батур-хун-тайджи в течение пяти — семи лет вел переговоры и готовил статьи закона. Уже с 1633 — 1634 годов в улусах Хо-Урлюка и Дайчина были замечены ламы и приезд хутукты к Дайчину подтверждает это. В 1639 году на некоторое время установились мирные отношения Дайчина с Джунгарией. Это говорит о том, что подготовительная работа закончилась, и главы племен и народов получили приглашения на Великий Хурал.

Съезд крупнейших монгольских и ойратских ханов и нойонов состоялся в сентябре 1640 года в урочище Улан бура у Тарбагатайских гор, на территории Джунгарского ханства. Заметим, что в биографии Зая-Пандиты говорится, что он после 22 лет учебы в Тибете вернулся и прибыл "к Очирту Тайджи, кочевавшему у подножия горы Тарбагатая и остался здесь зимовать". Хурал был созван по инициативе Батура хун-тайджи. Во вступительной части Уложения перечислены имена виднейших политических, военных и религиозных деятелей, съехавшихся на съезд князей "Сорока и четырех" — формулы, обозначающей Монголию и Ойратию. Присутствовали: Эрдени Дзасакту-хан — титул халхаского Субуди, первый хан из династии Дзасакту-ханов, которые вели свое происхождение от старшего сына Гэрэсэндзэ — Ашихая; Тушету-хан по имени Гомбодорджи, внук Абатай-хана, принявшего буддизм и получившего от Далай-ламы титул Вачирай Сайн-хана, он происходил от младшего сына Даян-хана — Гэрэсэндзэ. Гомбодорджи был первым халхаским Тушету-ханом; Далай-хун — неполный титул сына халхаского Цецен-хана Шолоя, по имени Бармадаши, носил титул Далай-хун-тайджи; халхаский хун-нойон, известен с титулом Сайн-нойона; Мерген-нойон — старший сын халхаского нойона Аба по имени Ангахай; Эрдэни-хун-тайджи — сын халхаского Цецен-хана Шолоя; Хошеутовский Гуши-Номин-хан; его брат Кундулен-Убуши; Очирту-тайджи — сын Байбагас-хана, в 1657 году ездил в Тибет и за ревностное распространение ламаизма от

Далай-ламы получил титул Цецен-хана; торгоутовский Хо-Урлюк с сыновьями Шукур-Дайчином и Елденом; Цецен-нойон — двоюродный брат Хо-Урлюка; дербетевские: Тенгери-тойн — сын Далай-тайши, Дайчин-Хошучи — сын Далай-тайши, Буо Эльден — младший брат Далай-тайши; Джунгарский (зюнгарский) Батур-хун-тайджи — сын Хара-Хулы, основатель Джунгарского ханства, за распространение буддийской религии от Далай-ламы удостоен титула Эрдэни и известен под именем Эрдэни-Батур-хун-тайджи; его младшие братья: Мэргэн-Дайчин и Чоукэр. Присутствовали также нойоны, этническая принадлежность которых, из-за разночтений имен, до сих пор не совсем установлена. Например, Дайчин-хун-тайджи, Эльдэн-нойон и Мэргэн-нойон названы торгоутовски-ми нойонами, последний — это Тэмэнэ-Мэргэн, пригласивший Зая-Пандиту; но рядом присутствуют Шукур-Дайчин и Эльдэн (Йельден), которые действительно являются торгоутовскими нойонами, в этом случае имеет место тавтология, что недопустимо в таком документе, как Великое Уложение. Некоторые нойоны на¬званы под общим именем ойратских нойонов — это Дайбун-хун-тайджи, Мэдэчи-тайши; или как джунгарские: Аюши-хатан-батур, Мэргэн-Дайчин, Дамарин.

На Великом Хурале присутствовали три хутукты: Инзан-римбочи — представитель Далай-ламы в Монголии, он известен и под именем Цаган - номун - хан или Майдари - хутукта; Ангхоби или Акшоби Манджушири — наместник Далай-ламы в Джунгарии, он был наставником и учителем Зая-Пандиты; Амугаш иди-Манджушири — видный деятель буддийской религии в Джунгарии; а также Зая-Пандита, за год до этого события вернувшийся из Тибета, как представитель Далай-ламы для распространения буддизма среди ойратских племен.

Почти сто лет спустя Эмчи Габан-Шараб писал, что собравшиеся на съезде нойоны, в присутствии хутукты, возложением на головы свои бурхана Шакджи Муни Номин сякусн — хранителя веры и держанием Эрликовой цалмы присягою утвердили законы. Они торжественно поклялись: "Не будем вводить розни в среду монголов, не будем обращаться с людьми одной с нами крови так, как с рабами, хотя б они обеднели и пошли к нам в услужение; не будем отдавать их подвластному человеку иной кости, не будем проливать их кровь, за дочерьми в приданое не отдавать и иностранным не отдавать... Не только мы, но и потомки наши из рода в род, да не будем делать зла друг другу".

Мы не ставим целью определить значение принятого закона и рассматривать отдельные его статьи, хотя в ходе дальнейшего изложения истории народа, мы будем приводить примеры действия Уложения в жизни общества. Только заметим, что о. Иакинф писал, что в этих законах, как в зеркале, отразились "нравы, обычаи, образ мыслей, способы жизни и степень просвещения у монгольского народа".

Он же, комментируя изложенную выше историю ойратских племен, писал, что созыв общемонгольского съезда Батуром хун-тайджи и принятие

законов подвели итоги деятельности ойратов по созданию единого государства. При этом он подытожил, что Гуши-хан создал свое ханство на Коко-Норе и завладел Тибетом, Хо-Урлюк завладел обширной территорией, простирающейся от берегов Иртыша, Тобола и Эмбы до Волги, покорив уральских ногайцев и "турецкие племена на восточном берегу Каспийского моря, оцепляет киргиз-казачьи орды с тыла. Таким образом, ойраты без кровопролития приобрели господство над обширными странами в Азии от Алтая на запад до Каспийского моря, на юг до пределов Индии". Из этого видно, что "ойраты, размножившись в продолжение 150-летнего мира от Эсеня до Хара-Хулы, замыслили восстановить древнюю Чингис-ханову империю в Азии, и начало, увенчанное столь счастливым успехом, много обещало в будущем, если бы впоследствии домашние междоусобия и хитрая политика пекинского кабинета не привели дел их в совершенное расстройство".

На этом мы заканчиваем историю ойратов и переходим к изложению собственно истории калмыков.

Калмыки (Калмыцкое ханство)

Отсчет истории калмыцкого народа, как правило, ведется с первых десятилетий XVII века, т. е. с момента добровольного вхождения части ойратов в состав Российского государства. Мы здесь излагаем историю в непрерывном ее развитии, обращая больше внимания на внутренние связи племен в составе союза племен и народов, на племенные, родовые и семейные связи их нойонов. При этом отмечаем те исторические события, в которых принимали активное участие наши предки. Историю ойратов мы довели до знаменательной даты — принятия монголами и ойратами Великого Уложения, которыми их потомки руководствовались на протяжении двух веков. И на том Хурале в последний раз встретились главы всех ханств и племен монгольского мира. После сейма они разъехались по своим ханствам и улусам. Этнические, родственные, политические, религиозные связи очень тесно свя¬зывали образовавшиеся самостоятельные ханства, и они имели продолжение, но во главе этих ханств уже стояли независимые от других ханы, тайши и нойоны. Ойратский союз разделился на три ханства: Джунгарское, Калмыцкое и Хошеутовское на Коко-Норе.

Хо-Урлюк со старшими сыновьями был в Джунгарии на съезде, а на Яике и Волге остались его младшие сыновья и внуки. Оставшихся возглавили Сюнке-батур, Лоузан и Санжин. Они также активно продолжали военные приготовления, вели переговоры с астраханскими воеводами. В то время престиж калмыков был настолько высок, что в Юргенче (Узбекии) правил их ставленник, алтыульский мурза Айтек, а астраханские воеводы уже не требо¬вали аманатов, а просили только удалиться в дальние кочевья. 31 июля 1641 года Сюнкей в письме, адресованном астраханским воеводам, выдвинул новую формулу разграничения калмыцких земель с русскими: "Волга — место ваше, а Яик — кочевые места наши". Нужно заметить, что

Хо-Урлюк со съезда не вернулся на Волгу, а в 1642 году он показался опять на Тоболе, а Дайчин, по сообщениям некоторых источников, отправился в Лхасу, на поклонение к Далай-ламе.

В это время на Волге появился уже внук Хо-Урлюка, сын Дайчина — молодой, энергичный Даян-Эрки. Сначала он совершил разведывательный набег и отошел от Астрахани. В следующем году, 18 февраля 1643 года, значительные силы калмыков вместе с алтыульцами подошли к реке Балде. Астраханские ратные люди вышли под начальством воеводы Ивана Траханиотова. Ожесточенное сражение произошло на реке Кутумовке. Едисанские татары, перебив стоявших в их улусе стрельцов, перешли на сторону калмыков. Это сражение некоторыми называлось "осадой Астрахани", но никакой осады не было, бой длился всего один день, и калмыки, гоня перед собой захваченные стада, отошли к Бузану. Хо-Урлюк в это время находился в Индерских горах, за Яиком. В это же время, другой внук Хо-Урлюка — Батма, сын Йелдена, с значительным отрядом из калмыков и трухменцев напал на Яицкий городок, захватил пасшихся под городком лошадей, рыболовные снасти и держал городок в осаде. Дед послал к внуку "лучших" людей, которые освободили захваченных пленных русских и вернули скот в городок. Этот шаг со стороны Хо-Урлюка был более чем дипломатическим. Хо-Урлюк не одобрял подобных действий своих внуков, чтобы сохранить мирные отношения с соседями, он соблюдал большую осторожность в военных делах.

На переговоры с калмыками был послан боярский сын Степан Скарятин. Он передал требование астраханских воевод, чтобы калмыки отошли на дальние кочевья и выдали аманатов, на что Лоузан в резком тоне ответил, что калмыки всегда кочевали, где хотели, и что он в ближайшее время наметил кочевать на урочище Иргизе, между Самарой и Саратовом.

Бой на Кутумовке заставил московское правительство принять энергичные меры для восстановления своего престижа в приволжских степях.

Менее чем через два месяца действовал уже особый приказ "Астраханских дел". По Волге поплыли суда с русскими ратными людьми.

Перед этими ратными событиями у самого Хо-Урлюка были крупные разногласия с Джунгарскими тайшами. После упомянутого съезда он имел настоящее сражение с Далай-тайшой и Гуши-ханом, со стороны которых были убиты пять тайш. Чтобы не вести на востоке затяжную войну, он откочевал к сыновьям и вскоре оказался в окрестностях Самары, откуда отправил в Москву послов с просьбой принять его с сыновьями и внуками "под царскую руку". Воевода Репнин вывел войска навстречу калмыкам, и они, не принимая боя, ушли в степь.

Калмыки разделились на несколько групп. Одна группа, находившаяся в верховьях Яика, приняла бой с воеводой Плещеевым, другая группа

перешла Волгу и вместе с татарами пошла на Терский городок, где произошло сражение не столько с русскими ратными людьми, а сколько с кабардинцами и ногайцами.

Калмыцко-кабардинское сражение 1644 года — одно из самых загадочных и не совсем изученный вопрос. Всегда очень осторожный Хо-Урлюк, который в таких делах поступал, имея точные данные и определив союзников, неожиданно оказался на Кавказе. Передовыми отрядами калмыков командовал молодой Даян-Эрки. Его нападение отразили вышедшие из городка ратные люди вместе с черкесами и юртовскими татарами. Даян-Эрки отступил, ожидая подхода Лоузана с более крупными силами. Калмыки вели переговоры с ногайцами, а терские воеводы послали в Москву и Астрахань просьбу о подкреплении, т. к. если "Большого Ногая мурзы сложатся с калмыцкими людьми", то сил для защиты будет недостаточно.

Как писал С. К. Богоявленский, главные силы калмыков были под командой Хо-Урлюка, но к нему не успели присоединиться Лоузан и Даян-Эрки. Хо-Урлюк вынужден был вступить в сражение с теми войсками, которые находились в его подчинении. Хотя сыновья и внуки подошли на помощь, но объединенные войска кабардинцев, черкесов и Больших ногаев разгромили калмыков. Это было первое большое поражение калмыков, какое потерпели они в предгорьях Кавказа. В этом сражении погибли: сам Хо-Урлюк, два его сына — Йелден и Киросан, погибли трое сыновей Киросана: Калту, Чокту и Архули, двое сыновей Йелдена: Серене и Тугул, и сын Дайчина — Сарамбай. Калмыки понесли большие потери, из десяти тысяч воинов остались полторы-две тысячи, остальные погибли или попали в плен.
Нужно заметить, что Хо-Урлюку в то время было не менее девяноста лет. В 1595 году, когда он появился в южных степях Сибири, у него было шесть сыновей и шесть дочерей. Взрослые сыновья со своими улусами и войсками вели самостоятельную жизнь, почти независимую от отца, а одна дочь была выдана замуж за сына сибирского царя Кучума. В. Л. Котвич заметил, что действительно те вожди племен, которые стояли во главе своих улусов, отличались крепким здоровьем и долголетием, вели активную политическую деятельность. А, может быть, Хо-Урлюк, чувствуя приближение старости, решил принять участие в этом сражении, руководствуясь принципом, что лучше умереть на коне, чем в постели.

После этого калмыки приехали к черкесам для выкупа своих пленников, но их уже продали дальше, в горы. Вместе с калмыцкими послами в калмыцкие улусы поехал ногайский мурза Шаим, он повез с собой прах Урлюка и других тайш, чтобы обменять на жену и детей, находившихся в плену у калмыков. Дальнейшая судьба праха Хо-Урлюка неизвестна, но так как прах его оставался в Астрахани до 1649 года, считалось, что он погиб под Астраханью, и некоторые историки повторяют эту версию в своих трудах.

Зая-Пандита и принятие буддизма калмыками

Зая-Пандита приехал к ойратам в 1639 году и принял активное участие в подготовке Великого Уложения вместе с другими духовными лицами Ойратии. Участие духовенства в составлении Уложения сказалось на статьях закона, защищавших духовенство от какого бы то ни было посягательства и оскорблений, наложения штрафа. Великое Уложение закрепило принятие буддизма ойратами.

С этого времени численность духовенства стала увеличиваться во всех улусах, они беспрепятственно кочевали между владениями племен, их везде принимали с великим почетом, приглашали для проповедей, одаривали их подарками, отдавали им в учение многочисленных учеников".

Калмыцкие нойоны пригласили Зая-Пандиту для посвящения их подданных в учение Будды. В биографии Зая-Пандиты говорится, что он "по приглашению торгутов прибыл к ним весною в год курицы (1645)" по случаю болезни Даян-Эрки. Но в том же году старший сын Дайчина — Даян-Эрки, так блистательно начавший свою военную карьеру, скончался. Зая-Пандита совершил обряд похорон. Затем его пригласили Йелденг, Санджин, а в некоторых документах упоминается, что и Киросан, но по данным С. К. Богоявленского, он погиб в битве в Кабарде. Нойоны преподнесли в подарок хутукте несметные богатства. Зая-Пандита посвящал их в учение Будды, "и тем утолял жажды их в учении и приучал списывать священные книги, держать посты, читать мани, обходить вокруг (буддийских храмов) в знак почтения, поклоняться. ...Этим он положил семя, от которого должно произойти благодатное пожинание добрых дел". Приводится приблизительное количество имущества и скота, подаренного казне великого хутукты. Было подарено 10000 лошадей, 1000 — Цорджи, знатным ламам по 500 и более лошадей, более 100 лошадей взрослым грамотным банди, более 60 лошадей взрослым неграмотным банди, вновь поступившим банди по 20 лошадей, прислугам светского звания по 10 лошадей и более. Из этого становится ясным, что хутукта приехал с большой свитой из духовных лиц и учеников, а уехал с новыми учениками.

Говоря о принятии буддизма монголами и ойратами, мы вынуждены вернуться к истории вопроса, потому что исследователи, пользуясь разными источниками, писали об этом по-разному, указывая разные даты.

Мы опираемся в исследовании этого вопроса на материалы Ю. Лыткина. Он писал, что монголы и ойраты желтошапочной секты буддизма, основанной Зункавой, приняли ламаизм в XVI веке. Сам Зункава родился в год огненной курицы (1357). Отец его Даргачи, из фамилии Малч, был человек уважаемый всеми, осторожный и справедливый, мать его Ачой — была из фамилии Шинч. Зункава был четвертым ребенком в семье из шестерых детей. Родина Зункавы находилась в провинции Амдо.

Рождение Зункавы сопровождалось многими удивительными знамениями. О них говорится в биографии Зая-Пандиты: "Было много благоприятных предзнаменований. Когда Зункава вышел из чрева матери, потекла кровь на землю; на этом месте выросло сандаловое дерево со ста тысячами ветвей, на каждой ветви дерева было по одному Махакала, имевшему по шести рук и одному лицу. На это место пришел впоследствии один гелюнг-хубилган, носивший красно-желтую одежду, окружил это дерево оградою и поселился; потом воздвигнул из глины субурган. Далай-лама — Соднам Цзямцо — во время путешествия в Монголию повелел исправить этот субурган, ...устроить храм и поселить духовенство". Так был построен монастырь Го-бум, распространяющий святость и счастье и сделавшийся местом выражения уважения и почтения.

Зункава начальное духовное образование получил под руководством Дорчжи Дондуб-Ринчена, а в 1373 году отправился в Тибет, где у разных лам изучал основы буддизма и медицину. "От лам монастыря в Тенгери-гол он выслушал тантры, предавался созерцанию, упражнялся в изучении диалектики, особенно сочинения Дарма-Кирти, изучил цариг (наука диспутов), потом Ганджур и Данджур, астрологию, сочинения Нароны, в совершенстве усвоил учение о тарни и практические упражнения: рисование, религиозную пляску, пение, обряд возложения рук при благословении.

За годы учебы Зункава обзавелся учениками и последователями. С ними он уединился в пещере при реке Ем, предался созерцанию, принял обеты гелюнга.

В это время буддийская секта красношапочников переживала кризис учения. Духовенство предавалось светским развлечениям, нарушая правила нравственности, возвращаясь к шаманским обрядам: "они глотали ножи, выпускали изо рта огонь и обманывали народ внешним благочестием, обращая все внимание на заклинательные молитвы".

Зункава получил всестороннее духовное образование и в уединении много размышлял о состоянии буддизма своего времени. Он пришел к выводу, что буддизм потерял чистоту своих начал, и если не распространится истинное, очищенное учение Будды, то существа не испытают духовного наслаждения и не исполнится воля Учителя. Решившись восстановить и утвердить истинные начала учения, он установил восемь обетов (три обета для мирян, остальные пять для тойнов). "Миряне обязаны соблюдать 8 правил: 1) должны жить чисто; 2) не должны брать того, что не дали; 3) никого не должны лишать жизни; 4) не должны говорить лжи; 5) должны избегать питья и вина; 6) не должны плясать и играть; 7) должны избегать несвоевременной вечерней еды; 8) не должны лежать на высоком ложе и сидеть на высоком седалище". Если кто при этом соблюдает пост три раза в месяц, тот освобождается в этом перерождении от болезней и прочих препятствий мирской жизни; если убуши и убасанца будет свято хранить свои обеты, освободится от трех

злополучных перерождений и отвергнет десять черных грехов, он вечно будет наслаждаться в этой и будущей жизни. По мере продвижения по духовной лестнице, количество обетов увеличивалось. Зункава ввел в употребление три желто-красные священные одежды, чаши ...которые были неизвестны приверженцам Китая и Тибета.

Зункава переселился в Лхасу и, составив себе могущественную партию в центре буддизма, произвел в нем большую реформу, одержав верх над приверженцами старого порядка.

Очищенное учение Будды, установленное Зункавой, было принято в Тибете, Непале, Индии, Монголии. "Буддисты вполне могли сказать, что учение Зункавы распространилось во всех десяти странах, и духовные секты желтошапочников наполнили всю вселенную".

В жизнеописании Зункавы говорится, что он в 1409 году в первый раз совершил 15-дневное празднество Цаган-Сара и объяснил хубилганство (перерождение) Будды Шакьямуни. На этот йорял в Зу (Лхасе) собралось до 20000 хувараков (представителей духовенства). Торжество было неслыханное: оно подействовало на воображение и ум народа более чем проповедь. С тех пор Далай-лама ежегодно совершает этот йорял, на который десятки тысяч людей приезжают в Лхасу из самых дальних стран.

Зункава в 1409 году построил монастырь Галдан, ученики его: Чжалмо-цойчжи основал монастырь Брайбун, Цалцоб-цорчжи — монастырь Сере, Гендуб-руб — монастырь Раши-хлумбо, являющиеся самыми почитаемыми святынями буддистов и центрами чистоты веры.

Зункава умер в 1419 году. "Высокие истины буддийского учения,— как писал Ю. Лыткин,— обращающего внимание человека на внутреннее содержание всего сущего, и жажда наслаждения ума заставили преклониться монгольские племена перед Далай-ламой", хранителем учения Будды.

Интересно заметить, как писал историк, "шаманство на закате своего существования в последний раз показало свои права в самом зародыше возникновения учения Будды: Туметский Алтан-хан по смерти своего отца Барса-Болота, умершего в 1531 году, взял за себя его жену Молон-хатун (свою мачеху), от которой имел сына Тубет-тайчжи; Молон-хатун по смерти своего второго мужа Алтан-хана, умершего в 1583 году, лишилась и своего любимого сына. Она дала приказание убить 100 мальчиков и 100 верблюдов и зарыть их вместе с умершим сыном. Более 40 мальчиков было уже убито, когда народ пришел в смятение и прекратил убийство: буддийское учение победило старое шаманство".

Учение Зункавы быстро распространилось среди монголов и ойратов. "Из среды самого народа при нем выступили проповедники этого учения и

истребители старого. Энтузиазм и ревность религиозная овладели монголами и ойратами, они как будто хотели исчерпать всю силу своего духа в усвоении учения Будды".

С приездом Зая-Пандиты, учение Будды дошло до самых отдаленных окраин ойратского мира, можно считать, что с этого времени калмыки стали буддистами.

Дайчин и Мончак

Загадочной страницей в биографии Шукюр-Дайчина — старшего сына Хо-Урлюка, остается период после принятия Великого Уложения. Некоторые источники говорят, что он после съезда ушел в Тибет, а другие — что откочевал в Сибирь. Возникает вопрос, как такой активный и информированный человек мог не участвовать в сражении на Кавказе, а потом его ведь не было по приезде Зая-Пандиты на Волгу и тогда, когда умер его старший сын Даян-Эрки. Это говорит о том, что он действительно ушел в Тибет на поклонение Далай-ламе. Ю. Лыткин писал, что после смерти Хо-Урлюка у торгоутов первенствующим тайшой был Шукюр-Дайчин, но это только предположение.

В 1646 году в Джунгарии произошло событие, которое упоминается во всех источниках как Ухарлыкское сражение. Это была одна из междоусобных войн ойратских нойонов, но она приняла довольно острый характер и тянулась несколько лет. Автор биографии Зая - Пандиты рассказывает, что весной 1646 года Кундулен-Убуши-тайши выступил против двух дербен-ойратских тайджи — чоросского Батур-хун-тайджи и хошеутовского Очирту-Цецен-хана. Собрав войска, он двинулся в район Хара-Тала, на реке Хуху-Усун. Сражение произошло в местности Ухарлык. На стороне хошеутовского Кундулен-Убуши выступили и сыновья дербетского Далай-тайши. В сражение втягивались все новые участники. Бой закончился поражением Кундулен-Убуши и его союзников. На месте того знаменитого сражения по пути в Тибет оказался и торгоутовский Шукюр-Дайчин. После боя туда приехал и Зая-Пандита, который примирил воюющие стороны. Ухарлыкское сражение имело настолько большой резонанс, что сведения о нем дошли до сибирских городов и остались в их летописях. С этого времени следы Шукюр-Дайчина снова теряются. Он снова ушел в Тибет к Далай-ламе, а иногда он появлялся среди кочевий разных нойонов в Джунгарии.

Хотя Шукюр-Дайчин отсутствовал, но он оставался первенствующим тайшой торгоутовских улусов на Волге. Во время его пребывания в Тибете, Далай-лама пожаловал ему ханский титул и печать, но он отказался, говоря: "Подобных мне нойонов много, как я буду ханом?" Возвращаясь от Далай-ламы в 1655 году, Дайчин на обратном пути гостил у Батур-хун-тайджи в Джунгарии, оттуда вместе со своим внуком Аюкой он вернулся на Волгу.

Источники говорят, что именно тогда Дайчин преподал несколь¬ко уроков управления народом своему внуку — Аюке. Дайчин спросил внука: "Хочешь ли знать, как нойон должен управлять народом?" — "Хочу",— отвечал Аюка. "Если хочешь быть нойоном, то ты должен знать время: 1) когда быть равным с подвластными; 2) когда повелевать ими; 3) когда призревать их, как мать свое дитя. Если усвоишь три эти правила, то можешь быть нойоном (повелителем)". Еще он говорил Аюке: "Ты говоришь, что выказываешь желание один усвоить 9 разнородных знаний, но знай, что твоя жизнь кратковременна. Ты оказывай свою благосклонность 9 людям, из которых каждый усвоил бы одно из девяти знаний; если будешь иметь при себе девять таких человек, то можешь уподобиться одному человеку, усвоившему 9 знаний".

По возвращении бразды правления народом Дайчин взял в свои руки. В 1655 году он отправил послов в Москву. (Ю. Лыткин говорил, что Дайчин тогда еще находился в Джунгарии. Отец Иакинф считал, что шертная запись, по которой послы Дайчина в 1655 году клялись царю Алексею Михайловичу в верности калмыцкого народа на вечное подданство, есть первый исторический факт, который проливает некоторый свет на время пребывания калмыков в России.) Калмыцкие князья-послы, по повелению Дайчина и сына его Пунцука, обязались:

"1. Быть у российского царя в вечном послушании.

2. Не иметь сношений и связей с неприятелями и изменниками России и не защищать их.

3. По повелению государеву ходить с российскими войсками против неприятелей России и на войне служить без измены.

4. Не грабить и не убивать и в плен не брать ни россиян, ни подданных России татар ногайских, идисанских и юртовских и от всех прежних своих неправд отстать.

5. Не производить набегов на Астрахань и другие украйные города и российских городов, сел, деревень и учугов не жечь.

6. Россиян, татар, черкес, которых в прошлых и настоящем 1655 году взяли калмыки, и российские изменники татары ногайские, идисанские и янбулакские захватили в плен под Астраханью, под Темниковым и другими российскими городами, выдать всех с имуществом их и представить в Астрахань.

7. Из российских изменников ногайских, идисанских и янбулакских татар, которые в прошлых годах, изменя государю, перешли из Астрахани к тайшам в улусы, если кто пожелает возвратиться в Астрахань, отпустить без задержания; и впредь подданных России татар ногайских, идисанских

и юртовских не призывать (не переманивать); а если кто из них добровольно придет, и тех не принимать, а отсылать обратно.

8. Посланных от российского правительства в калмыцкие улусы по государевым делам не бесчестить и отпускать без малейшего задержания".

о. Иакинф говорил, что к этим статьям прибавлено: "не иметь никаких сношений с Турецким Султаном, с Кезыл-башским (Персидским) Шахом, с Крымским Ханом и Азовским Беем; с неприязненными России иноземцами не соединяться, и оружием и лошадьми не ссужать, и людей в помощь не давать, как прежде сего они Крымскому Хану людей в помощь давали и лошадей ссужали". По другой версии сюда еще добавлялось, что "и с темрюковцами, с таманьцами, с бесленейцами, с кумыками в ссылке, в соединении и в миру не быть, ружьем и лошадьми их не ссужать, людей в помощь не давать; также с иноземцами разных вер, которые великому государю не послушны... как было в прежние годы при прежних боярах и воеводах: при князе Дмитрии Петровиче Львове с товарищи они Крымскому Хану людей в помочь давали и лошадьми ссужали".

Иакинф говорил правильно, значит до заключения этого договора калмыки нападали на российские города, делали набеги на Астрахань, брали российских подданных в плен, с недругами России грабили города и поддерживали широкие международные связи.

Отдельными группами калмыков и их нойонами часто нарушались условия договора, поэтому такие же шерти были подписаны и в 1657—1658 годах.

В заключении этих договоров и установлении не только мирных, но и дружественных отношений с калмыками большую роль сыграл астраханский воевода — князь Григорий Сунчалеевич Черкасский со своим племянником Каспулатом.

В 1661 году царь Алексей Михайлович начал войну с Крымским ханом и просил у Шукюр-Дайчина войско. Тогда Дайчин заключил договор с дьяком Иваном Гороховым. Договор был подписан 8 июня, в нем обговаривалось, что 11 июня должно быть отправлено калмыцкое войско на крымских татар и с крымским ханом не должно иметь никаких сношений и пленников крымских отправлять в Москву. А в конце того договора Пунцук (Мончак) приписал калмыцким письмом: "А с донскими козаки Федором Бузаном по нашему Дайчинову и Пунцукову веленью верился родственный наш человек Дазан-Кашка, что промышлять над крымскими людь¬ми и над их улусы ратным нашим калмыкам с донскими козаки заодно и хитрости меж себя никакие не чинить". Но в том же году 9 сентября Пунцук встретился с боярином и воеводою Григорием Сунчалеевичем Черкасским на урочище Берекете и дал новую шерть за отца своего Дайчина-тайши и за всех других калмыцких нойонов и за ногайских, идисанских, янбулакских, малибашских и зинзилинских мирз,

"и, шертуя, целовал бога своего Бурхана, Бичик (священную книгу) и четки, лизал и к горлу прикладывал свою саблю". Статьи договора почти повторяли прежние. Но Пунцук высказал признание о значении сложившихся его отношений с князьями Черкасскими: "Мончак-тайша велел сказать боярину и воеводе, князю Григорию Сунчалеевичу, прежде сего де до приезду в Астрахань его, боярина и воеводы, до сватовства с ним, боярином и с племянником его со князем Каспулатом, у великого государя в послушанье он, Мончак-тайша, не бывал и никакого его, великого государя, отчин и городов не кочевывал, а как де приехал в Астрахань, он, боярин и воевода, князь Григорий Сунчалеевич, и он, Мончак-тайша, с ним и с племянником его, со князем Каспулатом, по многим воеводским присылкам и по договорам у великого государя у его царского величества учинились он, Мончак, и отец его Дайчин и племянник Ялба-тайша во всяком послушанье навеки" и клялся, что станет "радеть и служить для того, что учинились в сватовстве с ним, с боярином и воеводою, взял по его боярскому договору за сына своего племянницу его князя Каспулата Обехану, а князь Каспулату сестру". А упомянутым сыном Мончака был Аюка. Таким образом, Мончак совершил с Черкасскими древний обряд "мира и родства".

Текст этого договора интересен во многих отношениях; он раскрывает широкие связи калмыцких тайшей того времени, их международное положение. Вот шертная запись от 9 декабря 1661 года, данная Мончаком (Пунцуком):
"Я, калмыцкий тайша Бунчук (Пунцук, Мончак), за себя и за отца своего, Дайчина-тайшу Урлюкова, и за племянника своего Манчжика Ялба (Манчжик-Чжалбо, Джалба — сын Даян-Эрки, внук Дайчина) тайшу же и за иных тайшей и улусных своих калмыцких родственных владетельных людей, которые с нами вместе кочуют, и за ногайских и за едисанских и енбулуцких и малибашских и келечинских мурз и за их детей и братью и племянников и внучат и за улусных их людей шертую и по своей калмыцкой вере даю шерть и поклоняюсь и целую бога своего Бурхана, молитвенную книгу Бичик и четки, и ножик свой лижу и к горлу прикладываю".

В течение последующих десяти лет жизнь калмыков проходила в освоении новой территории. Малозаселенные степи Нижнего Поволжья и Дона стали местами кочевий калмыцких улусов. Здесь уже не возникали вопросы: пускать калмыков на нагорную сторону или нет, они сами заселили огромное пространство, установили дружественные связи с соседними народами. Как видим из условий договоров, эти процессы протекали не всегда мирно, но до больших войн дело не доходило, так как места хватало всем. Согласно условиям шертей, главные калмыцкие тайши старались не допускать крупных инцидентов, но за всеми уследить было невозможно, из-за чего и приходилось возобновлять условия договора. Но в основном калмыки придерживались его статей и верно служили России.

Что происходило в Джунгарии?

В Джунгарском ханстве не прекращались междоусобные войны, подобные Ухарлыкскому сражению. Воевали представители разных племен, родные братья боролись друг с другом за наследство отцов, в разных лагерях можно было встретить братьев, дядей, племянников; родственные отношения не были препятствием, когда речь шла об улусах и территориях кочевий.

В 1653 году скончался Батур-хун-тайджи, по предположениям В. Л. Котвича, проживший 120 лет. Для участия в погребальной церемонии в ставку джунгарского хана прибыл Зая-Пандита. В биографии Зая-Пандиты говорится, что "Хутукту сделался Ламою при изголовьи его — что значило сесть у самой головы покойника в то время, когда ему следует читать напутственную молитву,— напутствовал душу покойника и предал тело огню, в продолжение 49 суток беспрерывно отслуживали панихиду по усопшему и раздавались подаяния... Затем Зая-Пандита давал здесь наставления тем, которые удручены были горестью; и объяснил, что значит бренность и бессмертие и тем увеселил он их душу, угнетенную горестью. Сенге, младший брат Цецен - хана, которого, когда он был холост, хутукту любил, во-первых, за то, что знатного происхождения, во-вторых, благочестивый человек и, в-третьих, приходился ему из родни, служил с благоговением учение, принял благословение и дал слово списать все книги, переведенные Хутуктою". Эти слова относятся к личности Цецен-хана. Буквально перед этим он вместе со знаменитым Галдамой покорил бурутов Янгир-хана. К нему тогда приехал Зая-Пандита, чтобы отслужить панихиду по старшей матери хана. Галдама "для спасения души своей матери набрал 100 мальчиков, 50 из них подарил Хутукте, который посвятил их в звание банди, других подарил Ачиту Цорджи и другим ламам, 200-м хуваракам также подарил 200 мальчиков, из которых 100 были буруты и 100 монгольского поколения. Цецен-хан хотел ехать в Тибет к Далай-ламе, чтобы отслужить панихиду по матери. Присутствовавшие при этом Хутукта, Аблай и другие заметили: "Неприлично вам, знаменитому князю, ехать в Тибет с пустыми руками". На это хан ответил: "Чужие имения и богатства не помогут мне в возблагодарении памяти моей матери, в знак благодарности к ней я должен отправиться в Тибет к Далай-ламе, которого обойду 9 раз, сделаю ему 9 земных поклонов, потом отслужу панихиду". При прощании хан сказал Зая-Пандите: "Прикажите мне подать чарку водки". И, выпив, сказал: "У меня есть до вас одна просьба. Ваше достоинство никто не может ни увеличить, ни уменьшить, в какой бы стране ни были, вы будете уважаемы всеми, наш князь, сделав вас вместо своего сына банди, отправил в Тибет, откуда вы, получив высокое образование, воротились к нам по приказанию Далай-ламы и Банчина и распространили учение Будды. Мои родители вам обязаны вполне, а обо мне и говорить нечего. Прошу вас только о том, чтобы не допускать моих родителей переродиться в трех низших отделениях (существах) и направить их на путь спасения". На что хутукта ответил: "Постараюсь",— и приведенный в

умиление Зая-Пандита прослезился. Хан встал со своего места, взял руку хутукты, возложил ее на свою голову, потом опять сел на свое место. Этот эпизод в какой-то степени иллюстрирует религиозный, культурный быт ойратского общества.

По смерти Батур-хун-тайджи, его жена Юм-Агас приняла обет от хутукты. О ней многие современники оставили свои воспоминания. Это одна из замечательных личностей ойратской истории XVII века. Юм Агас была дочерью Хо-Урлюка, выданной замуж за хошеутовского нойона Эрдени, сына упоминавшегося выше Чокура. Юрий Лыткин, посвятивший ей отдельную статью, писал: "Когда торгоуты привезли ее к будущему мужу, Эрдени, желая выказать себя перед ними, упросил своих троюродных дядей в день свадебного торжества принять на себя обязанности: Байба-гас-Батура — обязанности яргачи, Кундулен-Убуши — юдечи, Гуши-Номин-хана — заргучи, Засакту-Батура — цогецечи и Буян-Отхона — тамкачи". (Заргучи есть тот, кто судит, произносит приговор, определяет наказание; яргачи — приводит приговор в исполнение; юдечи — стоит при дверях, телохранитель; цогецечи — держит чашу, виночерпий; тамкачи — подает табак). Дяди исполнили просьбу племянника, но впоследствии были весьма не рады: тщеславный и гордый Эрдени называл их своими заргучи, яргачи, юдечи, цогецечи и тамкачи.

Насмешки Эрдени были особенно неприятны силачу Кундулен-Убуши, который однажды выразил неудовлетворение, напомнив племяннику о своей силе. Эрдени пригласил Кундулен-Убуши поехать с ним в степь; там увидели они кем-то оставленный котел, остановились, слезли с коней. Эрдени попросил Кундулена взять чумбур и одним концом его обвязать котел, другой конец привязать к его правой ноге; потом попросил одною рукою крепко держаться за его ногу, а другою — за ногу своего коня. Вступив в стремя левой ногою, Эрдени погнал своего коня: Кундулен, державшийся за правую ногу Эрдени и за ногу своего коня, был поднят на лошадь вместе с котлом и конем. Силач Кундулен-Убуши должен был признать себя побежденным.

Гордость Эрдени возрастала и становилась невыносимой. Дяди решили избавиться от него. Однажды Эрдени с 300 молодцами отправился показать свою удаль, как подобало в то время богатырям, и нечаянно встретился с монголами, шедшими на ойратов. Увидев насколько многочисленно войско монголов, Эрдени послал одного гонца к своим дядям, другого к зюнгарскому Эрдени Батур-хун-тайдже с просьбой о помощи. Последний хотел послать подмогу, но дяди отговорили его, сказав: "Наш племянник нас не уважает, он горд и непочтителен". "Батур-хун-тайджи согласился не посылать Эрдени войска, если только они отдадут за него Юм-Агас, когда Эрдени будет убит в битве с монголами. Дяди дали согласие, Эрдени, будучи 22 лет, пал в неравном бою с монголами".

После гибели своего мужа Юм-Агас по обычаю должна была быть выдана замуж за одного из родственников мужа: Байбагас-Батура или его братьев, но они, давши слово зюнгарскому Батур-хун-тайдже, нарушили старинный обычай. Юм-Агас выдали за Эрдени-Батур-хун-тайджи. За это Юм-Агас дала клятву отомстить хошеутам, "во-первых, за то, что они не дали помощи мужу ее Эрдени и допустили ему пасть в битве с монголами, во-вторых, за то, что они, преступив старинный ойратский обычай, сами не прикрыли ее, а выдали замуж за другого, не за родственника по мужу. Говорят, что она, прижимая рукою грудь свою, выдавила молоко, которое брызгами летело к небу, и произнесла йорял (но этот жанр можно определить как харал): "Да родятся у меня два сына, которые да уничтожат самое имя хошоут!" Эмчи Габан-Шараб, как бы подтверждая слова Юм-Агас, писал, что она гово¬рила, "родивши сына, я воспитаю в нем ненависть мужа". От Эрдени Батур-хун-тайджи она родила двух сыновей — Сенге и Галдана, известного под именем Галдан-Бошокту-хана. С этими ханами мы встретимся позже. В "Истории Сибири" Г. Фишера говорится, что русский посол Ильин, отправленный к Батур-хун-тайдже в 1643 году, не застал его в ставке — он был в походе против казахов, но его главная супруга, Юм-Агас, "дочь торгоутовского Хо-Урлюка приняла подарки". После смерти ее мужа "сорокдевять суток были совершены великие подаяния, Юм-Агас приняла на себя обеты; Зая-Пандита, преподавши ей наставления духовные и мирские, возбудил в ней бодрость и светлые умы".

Юм-Агас умерла в глубокой старости в год огненного зайца, в 1687 году, когда сбылись ее предсказания и сыновья стали самыми могущественными правителями Джунгарского ханства.

Нужно заметить, что у Эрдени Батур-хун-тайджи было десять сыновей. Эмчи Габан-Шараб сообщил, что "Батур-хун-тайджи разделил свой улус на две части. Одну он отдал одному сыну, вторую — прочим восьми сыновьям". Батур-Убуши Тюмень подтвердил это сообщение. Оказалось, что одну половину нойон отдал Сенге. В этом списке не было Галдана, он находился в Тибете на учебе у Далай-ламы. Многочисленные братья считали себя обойденными, и между ними разгорелась междоусобная война. Чоросский дом разделился на два лагеря: на правое или южное (барун-гар) и левое или северное (зюн-гар). Летом 1657 года войска враждующих лагерей сошлись на берегах реки Эмель, но кровопролитие было предотвращено двоюродными братьями Галдамой и Цаганом, о чем мы писали выше, они посреди враждующих сторон играли в шахматы, чем покорили сердца присутствующих. Сенге пользовался поддержкой хошеутовского Аблай-тайши, приходившегося ему тестем, а также поддержкой и любовью Зая-Пандиты, который почитал Сенге как "великого нойона", преданного сына ламаистской церкви и родственника.

Укрепив свое положение в Джунгарии, Сенге возобновил свои посольские отношения с русскими. В 1664 году он отправил купеческий караван в Томск, в числе послов был его брат Галдан. В следующем году посольство

было повторено, а часть из них отправлена в Москву. Эти посольства стали ежегодными. Сенге в это время вел успешные войны с монголами и Алтын-ханом. И. Я. Златкин писал: "Война с Алтын-ханом, центральное событие 1667 года, была вместе с тем и последней войной между ним и Сенге. Решительная победа, одержанная правителем ханства, подвела окончательный итог вековой борьбе двух групп монгольских фео¬далов. Держава, созданная на северо-западе Халхи знаменитым Шолой-Убаши-хун-тайджи, в результате поражения 1667 года фактически перестала существовать, а династия Алтын-ханов сошла с исторической сцены". Гибель Алтын-хана произошла в бытность русского посла П. Кульвинского, который оставил сведения о расправе Сенге над ханом и его семейством. Победа над Алтын-ханом подтолкнула Сенге к новым действиям. Так, в следующем году его люди штурмовали Красноярск, а другие нападали на Томск, угоняли скот. Русскому послу Сенге отвечал, что он собирал ясак от людей, которые платили ясак его деду и отцу. Были сведения, что он призывал к себе детей Хо-Урлюка. Несмотря на отдельные трения, торговые отношения Джунгарии с русскими оставались стабильными. И что особенно интересно, Сенге платили царское жалованье, которое регулярно отвозили ему.

По сведениям разрозненных источников известно, что Сенге был убит в конце 1670 года в результате заговора, организованного его старшими братьями во главе со старшим из них — Цецен-тайджи. Заговор носил характер типичного дворцового переворота. При этом, как писал И. Я. Златкин, заслуживает внимания факт необыкновенно быстрой реакции младшего брата убитого, хутукты Галдана, на действия заговорщиков. Он, с согласия Далай-ламы, снял с себя духовный сан и расправился с убийцами Сенге, не дав им опомниться и организовать какое-либо сопротивление.

Галдан круто расправился с убийцами брата и бразды правления взял в свои крепкие руки. Из-за его расправы и репрессий не только многие нойоны, но и простые улусные люди покидали Джунгарию.

Галдан-Бошокту-хан

После гибели Сенге, у него остались два сына — Цеван-Рабтан и Соном-Рабтан — законные преемники ханства. Галдан решил обезопасить себя от этих претендентов, "нашел случай младшего из них отравить ядом". А старшего спасли семь вельможей покойного его отца, которые бежали с ним в дальние места и долго там скитались, называя себя "семь товарищей" (долон нукур, монг.)

С русскими представителями Галдан, продолжив политику своего отца, стал жить в мире и развивать торговлю. Обезопасив себя с севера, он обратил свое внимание в другую сторону.

Предполагают, что у Галдана был план объединения Монголии и Ойратии под единой властью. Поэтому монгольских ханов, признававших над собой власть Китая, считал своими врагами. Первый шаг в этом направлении он сделал в отношении Коконурского Гуши-хана, поддавшегося Китаю. Сначала Галдан захватил владения Очирту-хана — брата Гуши-хана, занимавшего территорию западной части Южной Монголии. Аблай-нойон был захвачен в плен и предан смерти.

В результате этих расправ на Волгу к Аюке пришли, как отмечалось выше, Кундулен-Убуши, Солом-Церен-тайши и Доржи-Рабтан — жена Очирту-Цецен-хана.

В 1678 году Галдан овладел Восточным Туркестаном. Историк И. Я. Златкин считал, что подчинение мусульманских владений Восточного Туркестана хану Джунгарии явилось результатом, с одной стороны, внутренней борьбы в этих владениях, а с другой — вмешательства ламаистской церкви. Как писал Чокан Валиханов: "Кашгарский хан Измаил — ревностный черногорец, принудил Аппака оставить свое отечество; ходжа пробрался в Кашмир и оттуда в Тибет, представился Далай-ламе и успел так ему понравиться, что тот отправил его к Джунгарскому Хун-тайше Галдану с письмом, в котором просил его, Галдана, утвердить Аппака в Кашгаре и Еркенде. Галдан, пользуясь этим случаем, в 1678 году покорил Малуюухарию и сделал Аппака своим наместником". В 80-х годах Галдан несколько раз совершал походы на киргизов, ферганцев и на Сайрам. А в 1684 году Сайрам был взят его полководцем Рабтаном и разрушен. И как писал академик В. В. Бартольд: "С тех пор власть калмыков в Семиречье, насколько известно, никем не оспаривалась, и многочисленные войны их с казахами, монголами и китайцами не имели отношения к этой области". "Галдан первый из калмыцких хун-тайджи кочевал главным образом в долине реки Или".

Гуши-хан, основавший свое ханство и контролировавший Тибет, вынужден был признать китайское подданство. И соответственно Тибет оказался под влиянием Китая. В это время в Халхе враждовали между собой Тушету-хан и Дзасакту-хан из-за территориальных претензий. Галдан принял сторону Дзасакту-хана.

Тушету-хана принял китайский двор. Галдан не был готов к крупной войне с Китаем. В сложившейся ситуации Китай предложил Далай-ламе сыграть посредническую роль в примирении враждующих сторон. Было назначено совещание. В 1687 году в Халху съехались три хутукты: один представлял Далай-ламу, другой — Галдана, а третьим был ургинский Чжебцзунь-Дамба, родной брат Тушету-хана. Последний на конгрессе как хозяин "занял место выше Галданова посланника", который счел это умышленным оскорблением и отказался от дальнейшего участия. Вместо примирения возникла новая ссора. А Галдану и нужен был предлог к началу вооруженного столкновения. И в следующем году брат Галдана вступил с войском в Халху. Сначала он имел успех, взял в плен двух

князей и одного хутукту со всеми людьми, но потом удача отвернулась от него. В следующем сражении Тушету-хан убил его. После этого "сам Галдан вступил в Халху и совершенно рассеял халхаские войска". Тушету-хан с братом своим — хутуктой — вынуждены были бежать к Китайской стене и принять подданство Китая. Между Галданом и китайским двором начались переговоры о примирении с Тушету-ханом или о его выдаче. В одном из посланий Галдан допустил оскорбительное заявление, что китайские министры его речи понимают наоборот и не возвращают или не выдают ему Тушету-хана. Пекинский кабинет был оскорблен этим обвинением и казнил посланников Галдана.

После этого обе стороны стали готовиться к военным действиям. Галдан с 40-тысячным войском двинулся в Халху. Китайское войско возглавлял сам император Сюань Е. Справедливости ради нужно отметить, что отношения между Галданом и Сюань Е не всегда были натянутыми. В одном из посланий китайский Богдыхан писал Галдану: "С самого того времени, как между нами пребывающая дружба и согласие соединились, то ты всегда постоянно с крайним усердием, почитая нас, дань нам приносишь и поэтому мы, видя твои честные и учтивые поступки, которые ты нам с великой ревностью оказывал, всегда тебя похваляли, то прежде сего посылаемых твоих послов без определения числа, всех, до последнего человека, сколько их прислано ни было, на границах наших с торгом пропускали, тогда послы твои приезжали не в великой свите, а притом и никаких от них непорядков не происходило, потому что главные командиры над подчиненными имели доброе и крепкое смотрение. А ныне твои послы, как нам известно есть, иногда более 1000, а иногда и несколько тысяч человек, соединившись, беспрерывно приезжают, а в проезде дорогою у подданных наших мунгал, кочующих за Великою стеною, сильною рукою скот отнимают, а вступивши внутрь нашей земли, по своему великому своевольству пускают в поля скот и топчут хлебы, вяжут людей, грабят пожитки и чинят великие и несносные обиды и противности... Поэтому мы принуждены ныне твоих послов пропускать на границе со определением числа"... Так в учтивых формах было сделано предупреждение. И заканчивалось послание выговором: "Да и от тех владельцев, которые без твоих пашпортов сами от себя присылают к нам дань, а имянно — от элетского владельца Гарма-Данцин-Хошоуция, отхошотского владельца Борокудзи-тайши, от дербетского владельца Алдар-тайши, от торгутского владельца Аюки-тайши, присылаемых послов свыше 200 человек на границах наших пропущено не будет". Для нас важно в этом послании упоминание об этнической принадлежности адресатов и особенно Аюки-хана, что говорит о его ранних международных связях.

Решительное сражение Галдана с китайскими войсками произошло на берегах реки Толы в июне 1696 года. Китайский полководец, скрыв расположение своих войск за буграми, выманил Галдана из выгодных позиций, ударил по нему с флангов и разбил Галдана. "Сражение продолжалось с 3 до 6 часов пополудни и было решительное". Несколько

тысяч человек было убито, многие попали в плен и в том числе жена Галдана — Энук (Ану).

Монгольский ученый Бадма Ринчен посвятил последнему сражению Галдана Бошокту-хана и его возлюбленной красавице Ану прекрасную легенду. В ней ученый, на основе действительных событий истории и героических битв ойратов, воссоздал и воскресил живой образ ушедшей славы ойратов. Описывая сражение ойратов с маньчжурами, Ринчен писал: "В ярости иные из ойратских воинов срывали с себя шлемы и панцири и сражались с обнаженной грудью в самом пекле. Страшно было смотреть на них, перемазанных кровью; таких бойцов монголы называли "нагими богатырями". В пылу битвы и ярость доходила до бешенства, и враги робели, отступали перед ними. Будучи шаманистами, маньчжуры верили, что в этих "нагих богатырей" вселялись свирепые, воинственные духи и сражаться с ними под силу лишь воинам белой кости да прославленным богатырям, а не рядовым ратникам. Всякий раз, как в атаку шли неукротимые и грозные, словно боги, "нагие богатыри", широкоплечие, с багрово-красными телами и налитыми кровью белками, маньчжуры в страхе бросались врассыпную".

И когда к концу битвы ойратов стало окружать многочисленное войско противника, старейший из тысяцких совершил возлияние перед черным бунчужным знаменем Четырех Ойратов, вручил Ану чашу с кумысом и произнес благопожелание:

Пусть черный и грозный ойратский бунчук
Врагов устрашит, раскидает вокруг.
Пусть силой могучею нас наделит,
Отваги придаст и мечи заострит.
Пусть тот, кто в борьбе за ойратский народ
Из этого мира в мир духов уйдет,
Лишившийся тела — да будет и там
Он преданным духом-хранителем нам!
Прославят нас люди грядущих времен,
Потомки бессмертных ойратских племен!

После этого поражения Галдана покинули многие его сторонники. Они перешли на сторону Цеван-Рабтана.

Прежде чем закончить рассказ о Галдане, нужно сказать о его политической деятельности. После покорения Средней Азии, Далай-лама пожаловал ему почетный титул Бошокту-хан (т. е. благословенный правитель). Галдан об этой своей радости поставил в известность пекинский двор. Там, исследовав этот вопрос, установили, что "никогда такого примеру не бывало, чтоб от оных (т. е. ойратских) владельцев, которые сами собою объявляли себя ханом, присланные дары приняты были", что раньше грамоты на титулы давались Пекином и следовало бы отказаться от приема даров, присланных Галданом, нарушившим порядок

и традиции. Но учитывая, что он прислал дары "от всего своего усердия, и притом нарочно прислал своего посла о себе объявить, того ради да благоволит ваше величество присланные от него дары всемилостивейше принять". Этим самым Сюань Е признал за Галданом новый ханский титул, пожалованный Далай-ламой. На этом вопросе И. Я. Златкин специально остановился; он писал, что независимо от этого пожалования Галдану главой ламаистской церкви титула Бошокту-хан неожиданное возвышение Галдана не случайно. Известно, что среди владетельных князей Чоросского дома после Эсень-хана, никто не носил ханского титула. Ханами не были ни Хара-Хула, ни Батур-хун-тайджи, ни Сенге, не был ханом ни один из правителей Джунгарии после Галдана. В этом вопросе историк, с одной стороны, имеет в виду официальную грамоту главы церкви, а с другой, что Далай-лама поддерживал Галдана как своего воспитанника. Есть и третий аспект, о чем он говорил, — это то, что Галдан мечтал о восстановлении могущества монголов во главе с Далай-ламой.

Действительно, Галдан установил жесткий административный порядок, укреплял центральную ханскую власть, пресекал сепаратизм удельных князей, расправлялся с противниками. С приходом к власти он обнародовал указ, в котором повелевалось: "Десятью кибитками должен заведовать один, и заведующий должен иметь свои 10 кибиток в распоряжении; об учинении воровства (десятский) должен объявить, если не объявит, то обрубить ему руки, а других его (людей) заковать в железо... Вообще людей, ходящих по чужим хошунам и между собой смешавшихся, должны собирать; если они без отоков (не входят в состав отоков), то водворяются в отоки, если они без аймаков, то водворяются в аймаки".

В другом пункте указа говорилось: "Если какие-либо люди, живущие в определенном отоке, переменят (местожительство), то за людей целого аймака с управляющего им (аймаком) должно взять девяток (девять голов скота). Кто, не послушавшись слов управляющего (аймаком), отделится от своего аймака и переменит (местопребывание), то с того взять девяток. Кто скрывающегося из своего отока или аймака человека доставит в его аймак, тот имеет получить с управляющего им (аймаком) лошадь, с других же столько баранов, сколько было (в аймаке) юрт... Кто, поймав перебежчика, доставит его к князю, тот имеет получить определенное вознаграждение".

Галдан-Бошокту-хан укрепил Джунгарское ханство на международной арене, раздвинул его границы, установил порядок и законность, первым стал чеканить свои монеты. Но тяжела была рука просвещенного и образованного хана для его противников. С другой стороны, его соперника Цеван-Рабтана в борьбе с ним стал поддерживать Китай. Какую опасность представлял для Китая Галдан-Бошокту-хан говорят документы. После гибели Галдана, подводя итоги кампании, маньчжурский император Сюань Е говорил: "Галдан так далеко

распространил свои победы, что он в западной и северной стороне живущих многих (татарских и бухарских) владельцев, а именно: Самархань, Бухар, Хасак, Бурут, Еркень, Хасхар, Сайрам, Турфань и Хами под свое владение подбил и покорил, а городов и местечек более тысячи двухсот во владении своем имел. И понеже он в войнах почти век свой изжил и воинским делом довольно искусился, то калкам ни по которой мере стоять было против него не можно. И тако он семи знамен калкаской народ, состоящий из многих тысяч сот человек, в один год очистил. Чего ради калкаские ханы, нояны и тайдзии... под покров наш прибежали. Однако ежели бы мы их тогда не приняли, то б они поневоле принуждены были поддаться элетам. А коль был тогда силен Галдан, то и кроме нашего изъяснения всяк видеть может... Однако ежели бы мы сего дела (т. е. войну с Галданом) благополучно окончать не могли, то б мы... ту бы на себе славу понесли, что мы все соки своего государства в северных странах истощили". Такое признание императора великого Китая делает больше чести Галдан-Бошокту-хану, чем все, что о нем говорили и писали последующие поколения историков.

После поражения в 1696 году силы Галдана стали уменьшаться, а Цеван-Рабтана увеличиваться, к последнему стали стекаться все обиженные в свое время Галданом и те, которые покидали его, видя его поражение.

Сюань Е решил окончательно расправиться с Галданом. Повсюду были разосланы агенты с его повелением, в котором предписывалось представить в Пекин самого Галдана или его голову.

Цеван-Рабтан со своими сторонниками собрались в Боро-Тала при Алтае и решили поймать Галдана. Сын Галдана — Себтин-Балчжур в Туркестане, близ Хами, на охоте был схвачен и препровожден в Пекин, где его возили по улицам и показывали народу. Галдан признал свое поражение. И. Я. Златкин так написал о кончине Галдан-Бошокту-хана: "Утром 13 марта 1697 года, находясь в урочище Ача-Амтатай, он занемог, а к вечеру того же дня он на 52-м году жизни умер. В ночь на 14 марта его труп был предан сожжению". Отец Иакинф сообщил, что Галдан "решился предупредить поносную и мучительную смерть, ожидавшую его на Пекинской площади, и принял яд. Данцзиле, верный спутник сего несчастного государя, немедленно предал тело его сожжению, а когда кости собрал в урну и потом, взяв к себе дочь его Чжонцзиху, отправил в Пекин посланника с прошением о принятии его в свое подданство".

Император Сюань Е, узнав, что Галдан умер, а тело его предано сожжению, писал сыну: "Галдану случилась смерть от принятого им ядом исполненного зелия... Но токмо того жаль, что Галданово тело сожжено. А однако ж только б мы одну его сухую голову видеть могли, хотя б он и совсем цел был, прежде сего У Сань-гуево тело также сожжено было, однако оное потом на лобном месте в ступе истолчено и по всем рынкам рассеяно. И тако сегодня закону мы уже переменить не можем".

Китайский двор, получив известие о кончине Галдана, его наследство полностью предоставил Цеван-Рабтану, "в котором надеялся иметь преданного себе вассала, а Данцзиле предписал ехать в Пекин". Цеван-Рабтан уже собрал своих подданных, принадлежавших его отцу, присоединил к себе остатки Галдановых людей и объявил себя ханом. "Когда же Данцзиле ехал в Пекин, то он отнял у него на дороге Галданову дочь и кости его, и представил в Пекин в знак преданности от своего лица".

В сентябре 1698 года прах Галдан-Бошокту-хана был доставлен в Пекин, где, по приказу Сюань Е, был выставлен в воротах города.

Галдан-Бошокту-хан в истории Джунгарского ханства остался одним из самых выдающихся деятелей — просвещенным государем, полководцем, законодателем.

События в Джунгарии были связаны и с калмыками. В 1667 году скончался Шукюр-Дайчин чуть ли не в столетнем возрасте. Его наследником стал старший сын Пунцук (Бунчук, Мончак), который уже много лет управлял народом при престарелом отце. При нем на Волгу прикочевал со своим улусом хошеутовский нойон Кундулен-Убуши "с четырьмя своими сыновьями в трех тысячах кибиток улусных своих калмык". Этому нойону, о котором мы упоминали выше, в то время было 120 лет. Он ушел из Джунгарии, конечно же, из-за расправ Галдана.

Мончак укреплял центральную власть, старался своих родственников обессилить улусами. Именно он хотел отдать в Россию своего племянника Джалбу (Ялбу) — сына Даян-Эрки, чтобы завладеть его улусом. При этом интересно то, что и Дайчин, и Мончак отправляли войска и в Крым, в помощь русским в войне с крымским ханом, в то же время они не упускали случая вмешаться в джунгарские дела, воевали с Аблай-тайши, находящимся за Уралом. Мончак не на много пережил своего отца, он умер в 1669 или в 1671 году, некоторые источники, повторяя друг друга, указывают разное время.

Аюка-хан

После Мончака во главе калмыцкого народа встал его сын — Аюка. Он был правнуком Хо-Урлюка и внуком Джунгарского хана Эрдени Батур-хун-тайджи по матери.

В утверждении Аюки главным правителем калмыков ему помог¬ли его дяди и другие родственники. Казалось бы, он не нуждался в помощи, так как его отец — Мончак — передал ему власть по наследству. Этот вопрос нуждается в объяснении. По традиции и обычаю власть и улусы переходили в наследство по старшей линии. Старшим сыном Дайчина был рано умерший Даян-Эрки, а Мончак был вторым сыном. Таким образом, после смерти Мончака остались два претендента на главенство: это сын

Даян-Эрки — Джалбу (Ялбу) и сын Мончака — Аюка. Джалбу и Аюка — двоюродные братья. Власть и улусы должны были по традиции перейти к Джалбу, но так как Мончак при жизни утвердил на это место своего сына Аюку, то Джалбу мог составить тому сильную конкуренцию. Поэтому Аюка постарался избавиться от своего противника и, обвинив его в измене, отдал в руки русского правительства. В этом и помогли ему его дяди: Дугар с братом Чиметом, Лоузан, Назар-Мамут и др.

Уладив таким образом внутренние дела, Аюка обратил свое внимание на внешние. Хошеутовский Аблай-тайши в последние годы тревожил его деда Дайчина и отца его Мончака своими набегами. Аюка решил наказать престарелого нойона за обиды, причиненные им его предкам.

Как говорят источники того времени, Аюка совершил марш-бросок с Волги на Алтай с небольшими силами по сравнению с войсками Аблая и внезапным ударом разгромил его. Самого Аблая с его сыном он взял в плен и привез к себе и, естественно, присоединил его улус к своим. Эта блестящая победа молодого правителя торгоутов сделала его имя известным в ойратском мире, а у себя он окончательно утвердился главным правителем. В походе на Аблая Аюке помогали опять-таки его дяди. Все те же источники сохранили сведения о том, что "в благодарность" за помощь в утверждении его во власти и уничтожении соперников он погубил своего дядю Дугара, выдав его с сыном Цереном российским властям в Астрахань как изменников, а улус дяди забрал себе. Дугар умер в Астрахани, а Церен был отвезен в Москву. Приняв крещение, он был наречен князем Василием Дугаровым и находился при дворе царя Алексея Михайловича стольником. Умер он во время крымского похода русских войск в 1689 году. Аюка выдал Аблая правительству, которое держало его в Царицыне под караулом, "впоследствии Аюка выпросил к себе в улус Аблая, который тревожную жизнь свою кончил на Яру Могойту-Улан, при речке Сале".

Ю. Лыткин, говоря об Аюке, писал, что он "поселяя раздор и междоусобие между своими родственниками, обессиливал их и забирал их улусы; даже хошоутовские и дербетовские нойоны мало-помалу должны были подчиниться его власти, особенно когда Джунгарскому Галдан-хун-тайчжию удалось уничтожить могущество Хошоутовского Дома и взять в 1676 году в плен Цецен-хана. Тогда из Джунгарии перекочевали к торгоутам: в 1676 году Дорчжи - Рабтан, сестра Аюки, жена Цецен-хана, с 1000 подвластных кибиток; потом дербетовские владельцы Даян, Баамбуш и другие, а в 1687 году Цаган-Батур; вскоре подчинились его влиянию и дети дербетовского Солом-Церена. Аюка достиг своей цели: стал могущественным владыкою приволжских ойратов, делил между владельцами улусы, давал кому что хотел; при ставке его были послы от владетелей улусов, в присутствии которых весною и осенью определяемы были места, где, какому нойону с его улусом летовать и зимовать — и споров о том не смел подымать ни один владелец". Василий Бакунин же уточняет, что "в 1673 или 1674 году из Зенгории на Волгу прибыл

Дербетев владелец — зенгорских владельцев родственник — Солом-Серень-Тайши с сыном своим Менко-Темирем в четырех тысячах кибиток улусных своих калмык и поддался торгоутскому владельцу Аюке".

Юрий Лыткин, говоря, что "Дербетовский владелец Солом-Церен-тайши в году модон-барс (1674) прибыл на Волгу с 4000 кибиток подвластных и, подчинившись Аюке-тайчжию, увеличил его силу", заметил, что "в 1672 году Солом-Церен вместе с Аюки-тайчжием войною ходил на Крымские улусы". И действительно в то время, "князь Каспулат Муцалович Черкасский писал государю, что калмыцкий Аюки-тайши да Солом-Церен-тайши с сыном посылали их людей 10000 человек на крымские улусы, они под Перекопом повоевали татар, побили многие тысячи, всякую животину угнали и улусы и села громили и что сам крымский хан для помочи Турецкому султану удержан в Крыму".

Пока Аюка был занят укреплением своей власти и увеличением улусов, произошли большие перемены у ногайцев. В 1670 году произошло сражение джетысан с "Большим и Малым ногаем", вследствие чего Малого ногая Ямгурчей-мурза с детьми и улусными людьми, захватив еще астраханских юртовских татар, с баями ушел на Кубань, под власть крымского хана. Аюка в это время находился в походе на Аблая. По возвращении из этого похода, он вернул к себе татар и Малого ногая. "А Большой ногай и джетысан, бывших тогда при вершинах реки Кубани, держал в атаке с два месяца и забрал по-прежнему к себе на Волгу, и в то время Малый Ногай оставил кочевать на том же месте, близ Кабарды, при реке Терке, откуда оный обще с кабардинцами и аманатов своих давали в Терскую крепость".

В том же году Аюка вместе с боярином Иваном Богдановичем Милославским, присланным из Москвы, принимал участие в подавлении восстания во главе со Степаном Разиным. В следующем году в Астрахань приехал боярин и воевода, князь Яков Никитич Одоевский, который "съезжался с калмыцким торгоутским владельцем Аюкой против города Астрахани на нагорной стороне реки Волги у речки Соляной, которая по-калмыцки называется Харсаин Саман". На этой встрече, кроме Одоевского, присутствовали стольник, князь Иван Михайлович Коркодинов, Василий Лаврентьевич Пушечников и дьяк Петр Самойлов. В условиях шерти Аюка подтвердил обязательства своего деда и отца и сам обязался: 1) ходить войною на недругов России, где будет повеление; 2) не приходить войной на города России; 3) "дурна никакого и задоров не чинить"; в общем статьи повторялись, но есть очень интересные, например, статья 12: "если русские люди, грузинцы, белорусцы, волохи и мултяне православной христианской веры будут уходить в города великого государя из улусов, то мне за тех полоненников велеть своим улусным людям по росписям иметь окуп по указу..."

В договоре было 29 статей. В статье 27 говорится: "Я, Аюкай-тайши Мончаков, шертую великому государю за себя, за братьев, племянников,

родственников, за всех улусных людей, за ногайских, едисанских, енбулуцких, малибашских, келечинских мурз, их детей, племянников и улусных людей, которые с нами кочуют, на том всем, как написано в этой шертовальной записи". В статье 28: "Если мы не будем служить и радеть великому государю, будем ссылаться с турецким султаном и другим и чем-нибудь шерть свою нарушим, то да будет на нас Божий гнев и огненный меч и тою саблею, которую я, вынув из ножен, на голову и к горлу прикладывал, от неприятеля своего да буду зарезан по горлу своему и в сем и в будущем веке да будем прокляты по своей калмыцкой вере".

Согласно условиям шерти, калмыки в 1675 году должны были идти на Крым. Аюка посылал Солом-Церена-тайшу и своего младшего брата Большого Замсу (Йеке Замсо), но они вернулись с Дона. В поход тогда пошел Мазан-батыр с тысячью человек из разных улусов. Хотя он еще был молодым, но "перелез Дон и вместе с князем Каспулатом Черкасским, с атаманом Серко Иваном и с запорожским войском ходил на промысел на крымские юрты через Гнилое море за Перекоп. В этом походе были они у Каменного моста, сбили заставы, которые были поставлены крымскими султанами, побили многих крымских людей, пожгли села и деревни и взяли шатры и бунчуки, а на обратном пути, на Перекопе, был у них бой с тремя султанами, желавшими пресечь их дорогу; тогда они взяли в плен батыршу мурзу Мансурова и иных татар".

За эту службу калмыкам была выдана грамота от 27 декабря 1675 года, в которой говорилось: "Калмыки в прежних походах с боярином и воеводами всегда бывали вместе до схода с неприятелями и до удара, а в отводе от неприятелей и до совершения службы никогда и не бывали". Тогда же был прислан указ, чтобы калмыки в следующем году тоже пошли в поход на Крым.

В 1676 году русские, калмыцкие и кабардинские войска, стоявшие на Дону, получили указ идти к Киеву, на помощь запорожскому войску. В результате совместных действий было остановлено продвижение турецко-крымских войск на Киев и Чугуев. Мазан-батыр с калмыцкими войсками принял активное участие в сражении под Чугуевом.

Но тем временем отдельные группы калмыков "и подданные татары чинили российских разных чинов людям убийство и грабежи и в полон брали и учуги разоряли".

Вступивший в ту пору на отцовский престол новый царь Федор Алексеевич прислал к Аюке окольничьего и астраханского воеводу князя Константина Осиповича Щербатова. Договаривающиеся стороны сошлись тогда за Волгой, напротив Астрахани. При этом с российской стороны, кроме Щербатова, присутствовали: думный дворянин Кирилл Осипович Хлопов, дьяки Семен Румянцев и Алексей Симонов; с Аюкой были его младший брат Замсо (Джамсо) Меньшой (Норбо Замсо) и Солом-Церен-

тайши. Калмыцкие тайши, подтвердив статьи прежних договоров, "обязались быть под государевою высокою рукою в вечном подданстве навеки неотступными". На этом съезде "с тайшами были и шертовали их всех тайшей родственные и владетельные лучшие улусные люди" и к "шертовальной записи Аюка и Солом-Церен-тайши руки приложили по-калмыцки". В этот договор были включены три статьи, которые вносили новые аспекты во взаимоотношения России с калмыками:

"1-е. Чтоб о присылаемых к нему, Аюке, из Крыма и из иных мест давать знать в здешнюю сторону и их без указа не отпускать и на получаемые с ними письма не ответствовать, но те письма, а буде понадобиться, то и самих таких присылаемых к Москве или в Астрахань присылать.

2-е. Буде которые калмыки по своим желательствам в православную христианскую веру крестятся, и тех им, тайшам и улусным их людям, не просить и об них великому государю не бить челом.

3-е. Которые посыльщики присланы будут к нему, Аюке, с Москвы с грамотами великого государя, и ему, Аюке, те грамоты принимать, встав и сняв шапку с великою честию". Этими статьями (была сделана прямая заявка на полное подчинение калмыков и их тайшей российскому государству. Вызывает только недоумение то, что Аюка при тогдашнем его авторитете поставил себя в такое унизительное и подчинительное положение.

В следующем, 1677 году, началась русско-турецкая война, продолжавшаяся почти пять лет. Армия Ибрагим-паши вступила на территорию Украины и осадила Чигирин. Аюка отправил тогда под Чигирин 3000 человек. Крупное сражение под Чигирином закончилось полным разгромом армии Ибрагим-паши. В следующем году калмыцкие отряды воевали в составе армии под командованием князя К. М. Черкасского на Чигиринских высотах.

В 1678 — 1679 годах крымский хан Мурат-Гирей возобновил военные действия на Киевском направлении и напал даже на Запорожскую Сечь. Началась ожесточенная борьба запорожских казаков с крымцами. На помощь запорожцам выступили русские полки, калмыцкие конники и кабардинские воины. Летом 1679 года под Чугуевом, а затем у города Валуйки турецко-крымским войскам было нанесено серьезное поражение. В это время отряды Мазан-батыра и донских казаков пробились в Запорожье, где соединились с местными казаками, которыми командовал атаман Иван Серко. В результате совместных действий русских полков, казаков и калмыков крымско-турецкие войска были отброшены к морю. Тогда турецкий султан и крымский хан сосредоточили в районе Азова крупные силы свежих войск, с помощью которых надеялись нанести удар по Харькову и Чугуеву. Но русские полки совместно с калмыцкими и донскими казаками, с калмыцкими и кабардинскими отрядами еще раз отразили, а затем на реке Биликлейке разбили войска султана и хана.

В это время сам Аюка со своими братьями и другими владельцами, объединившись с башкирцами, ходили на российские города, также "в Казанский и Уфимский уезды, и разоряли села и деревни", как из сел и деревень, так и с промыслов на Волге "российских людей и черемис с женами и с детьми в полон брали, конские и скотские табуны отгоняли, грабежи чинили и учуги разоряли, и, одним словом, тогда с Астраханью не токмо зимою, но и в летние времена коммуникация была весьма трудная, и малолюдными компаниями от Царицына до Астрахани и от Астрахани до Царицына и водяным путем от калмык и ногайцев проезду не было".

Для урегулирования создавшейся ситуации в отношениях с калмыками в 1683 году приехал к Аюке бывший в Астрахани боярин и воевода, князь Андрей Иванович Голицын. Он представлял молодых царей Иоанна и Петра Алексеевичей. С Голицыным приехали окольничий князь Никита Иванович Примков-Ростовский, думный дворянин и воевода Степан Богданович Ловчиков. Они встретились с Аюкой "под Астраханью за рекой Волгою на прежнем месте". Это место называлось Шара-Цеке. Аюка на этот раз шертовал "на вечное и верное подданство за себя и за брата своего Большого Замсу и за детей своих Чакдор-Чжаба, Раптана, Сан-Джапа, Гунчжаба, а также отдельно Солом-Церен-тайши за себя и за сына своего Мунко-Темира; Меньшой Замса (Норбо-Замсо) за себя; и все эти трое старших тайш шертовали за всех остальных присутствующих."

В статьях договора тайши признали нарушения условий прежних шертей. Они говорили: "Я, Аюкай, и мы, Замсы-тайши, с ратными людьми, с калмыками и татарами прежнюю шерть нарушали и ходили с изменниками башкирами в Казанские и Уфимские уезды, также и под иные украйные города, разоряли села, деревни, и под теми городами и по Волге и на промыслах и на проездах брали в плен русских людей, башкирцев и черемису с женами и детьми, конские и животинные стада отгоняли, грабежи чинили и учуги разоряли, и тех взятых русских людей всем нам, тайшам, собрав в улусах своих, прислать в Астрахань; башкирцев и черемису отпустить на их прежние места, где кто жил; ворам же, которые побрали русских людей по Волге за договором, учинить казнь и разоренье безо всякой поноровки и впредь нам самим отнюдь так не делать и учинить заказ под смертною казнью, чтоб отнюдь наши улусные люди, калмыки и татары, войною не ходили под города..."

Вследствие заключения этих договоров были остановлены частые набеги калмыков на российские города. Аюка тогда обратил свое внимание и энергию на Восток. В. Бакунин писал, что Аюка воевал с казахами за Яиком "и всегда над ними имел авантаж" и туркмен, кочевавших на Мангышлаке, "в свое подданство покорил и так усилился, что и калмыцким народом и бывшим у них в подданстве ногайцами управлять стал самовластнее... При нем же тогда кубанские, хивинские и киргис-касацкие султаны, в том числе и бывший Абулхаир-хан киргис-касацкий во услужении живали". И "в тех странах приобрел себе славу" — заключил Ю. Лыткин.

В эти годы Аюка ходил в поход в Джунгарию и, как сообщают историки, "привел на Волгу тех торгоутов, которые оставались там". Кроме того, он продолжил родственные отношения с джунгарскими ханами, выдав свою дочь Сетер-Джап за Цеван-Рабтана.

Так заканчивается, можно сказать, первый этап правления Аюки калмыцким народом. За двадцать лет своей военно-политической деятельности он стал известен далеко за пределами своего ханства, имел огромный авторитет, с ним считались правители многих восточных стран, и в 1690 году Далай-лама прислал ему ханский титул, печать и грамоту. Он достиг зенита своей славы.

Получив ханский титул от Далай-ламы, Аюка-хан чувствовал себя самостоятельным государем. Он "с дагестанцами, кумыками, кабардинцами и кубанцами войну производил и мир заключал сам собою", — писал В. Бакунин. В 1696 году Петр I ходил в Азовский поход, в котором приняли участие 3000 калмыков. Петр I, отмечая храбрость и мужество, проявленные калмыцкими "ратными людьми при взятии Азова", приказал выдать "Аюкаю и иным тайшам и улусным их людям" из приказа Казанского двора "десять портищ объярей разных цветов, мерою по 5 аршин".

В это время из Джунгарии привезли двоюродную сестру Цеван-Рабтана — Дарма-Балу, сосватанную за младшего сына Аюки — Гунделека, но 55-летний хан сам женился на ней, от которой имел трех сыновей. У Аюки в то время две старшие жены умерли, а Абайхан (Обехана), кабардинка, была отослана в Астрахань, где "до смерти своей жила в астраханских юртах, получая от Аюки свое содержание".

В том же году Петр I, уезжая за границу, официально поручил Аюке-хану охрану южных границ России от недругов. Для этого к Аюке-хану специально приезжал боярин, князь Борис Матвеевич Голицын. Он имел свидание с Аюкой-ханом на реке Шара-Цеке с 13 по 20 июля. Встреча сопровождалась приготовлениями и выбором места. В результате пересылок "Аюка приказал поставить себе ставку близко обоза Голицына и от себя со ставки поехал со всеми ближними людьми на свиданье, о чем вперед послал весть. Князь Голицын выехал к Аюке из половину дороги и с ним, по обыкновению, поздравлялись на лошадях; потом поехали вместе до палаток. Были в палатках. Князь Голицын звал Аюку к себе обедать, но тот, поговоря со своим старшиною, сказал, что ему за рогатками, пушками и многолюдством в обозе ехать невозможно.

Князь Голицын приказал откинуть все рогатки и свесть людей, оставив малое число на караулах; посвидетельствовав о том, Аюка поехал в обозе со всеми своими владельцами и ближними людьми во многолюдстве и обедал у Голицына; после обеда, посидев довольно, поехал в свои таборы. В тот день не было никакого договора. 16 июля Аюка приезжал к князю Голицыну и просил его к себе; Голицын, видя его верность к великому

государю, поехал только с одним двором в самых малых людей и без служилых. Сын Аюки, Гунджаб, вдали от ставки встретил его во многих людях. Приехав, Голицын с Аюки сидели, веселились и между собою учинили братство с великим душевным подкреплением. По братском подкреплении Аюка взял своего сына Гунджаба, отдал его князю Борису Алексеевичу, отдаючи во всякое соблюдение и учение политики московской и других политик. (Таким образом, Аюка-хан совершил древний обряд побратимства — анда — А. М.) Голицын пробыл у Аюки довольно до ночи. Аюка велел своему сыну Гунджабу и племяннику Замсину с ближними людьми не в больших людях проводить Голицына до стану его и там ночевать; они проводили и ночевали. 17 июля, по присылке князя Голицына, Аюка со всеми своими владельцами и ближними людьми не во многих же людях приехал обедать к Голицыну; после обеда пошли в особые палатки и говорили о надлежащих великому государю делах".

Договорные статьи заключались в следующем: "Если Аюка-хан будет воевать бухар, каракалпаков, хасаков (киргиз), то русские должны дать ему пушки; также давать ему ежегодно по 20 пуд пороху и 10 пуд свинцу. Без согласия (зарлик) хана не крестить калмыков, убежавших к русским; если же окрестят, то взыскивать пеню за тех окрещенных. Аюка-хан, если хочет, может посылать своих подвластных на Крым и на Кубань для добычи и грабежи; если они, будучи побиты неприятелем, убегут к русским городам, то их (калмыков) не преследовать, но оказывать возможное пособие". В шестой статье договора говорилось, "послать государевы указы на Уфу, Яик и в Донские городки, чтоб не было никаких задоров и ссор от казаков и башкир и чтоб жили мирно, о чем учинить заказ под смертною казнью. Договорные статьи закрепил князь Борис Матвеевич Голицын своею рукою и отдал брату своему Аюке, а против того взял Аюка противное письмо за его братнею рукою. Такими заручными белыми письмами разменялись 20 июля". Статьями этого договора Аюке-хану предоставлялась вся полнота власти на южных границах России, что развязывало ему руки для военных действий.

В 1698 году крымские татары и турки "в немалой силе" подошли к Таванской крепости, расположенной в устье Днепра. Русской армией командовал князь Я. Ф. Долгорукий, в его наступлении приняли участие пришедшие на помощь "российские калмыки и многих положа на месте, принудили с. великим страхом оставшихся к бегу". О силе этого набега можно судить по тому, что одних убитых турок и татар было около четырех тысяч человек.

В ответ на набеги Крыма, объединенный отряд донских казаков и калмыков под командованием атамана Максима Фролова предпринял поход против татар Казыевского улуса (малых ногаев). В 1700 году отряд казаков и калмыков в 700 человек настиг и разбил наголову у речки Соляной крупный отряд татар Казыевского улуса, возвращавшийся с

богатой добычей после их очередного набега на русские поселения, расположенные близ Камышина.

В 1701 году в семье Аюки-хана произошла ссора, приведшая всех владельцев к разногласию и к откочевкам. Старший сын Аюки, Чакдорджап застал отца в кибитке своей жены Тарбаджи и хотел его заколоть, но не был допущен до этого своими приближенными. Этот случай стал известен всему народу. Братья Чакдорджапа — Санжип и Гунделек, рожденные от одной матери, откочевали со своими улусами за Яик и стали пересылаться письмами с Джунгарским правителем — Цеван-Рабтаном.

Другой сын Аюки — Гунджаб, рожденный от другой его жены, "во время того смятения подсылал нарочного зайсанга Некея, который, в ночное время подъехав к Чакдорджаповой кибитке, и сквозь оную по нем, Чакдорджапе, из ружья выстрелил и его ранил двумя пулями". Этими выстрелами было положено начало многолетней борьбе между братьями и их потомками, закончившейся откочевкой калмыков в 1771 году. Нужно заметить, что Чакдорджап являлся не только старшим сыном Аюки-хана и его прямым наследником, но и командующим всеми войсками ханства. В его руках были сосредоточены войска, ему подчинялись старшие нойоны и зайсанги. И так как покушением на его жизнь ему был брошен прямой вызов, то он собрал войска и готов был к решительным действиям. Аюка-хан вынужден был бежать в Яицкий городок, а сын его Гунджаб ушел "на нагорную сторону реки Волги и жил в Саратове (Шара-туу) у воеводы Никифора Беклемишева", "а дербетев владелец Менко-Темир со своим улусом, в то время, не приставая ни к которой стороне, отлучался на Дон".

Для примирения отца с сыновьями от имени Петра I приехал снова князь Борис Алексеевич Голицын. По приглашению князя, Чакдорджап "с братом своим Гунделеком, с другими торгоутскими и хошоутскими владельцами, перешел всеми улусами на здешнюю реки Яика сторону, сам приезжал в Самару к князю Голицыну и при присутствии его пред отцом своим, Аюкою-ханом, который пред тем привезен был на Самару ж, стоя на коленях кланялся, и им был прощен". Также Чакдорджап и брата своего Гунджаба, который подсылал к нему убийцу, простил.

При этой встрече Голицын и Аюка-хан обменялись некоторыми пунктами договора, "чтоб за каждого калмыка, вышедшего для крещения, платить денег по тридцать рублев". Этот пункт, наверное, был очень важен в той обстановке, так как сделано заключение, что Чакдорджапа "из-за Яика-реки со всеми улусами без особливых кондиций призвать было невозможно".

Ссора в семье хана вызвала большое движение в калмыцких улусах. Брат Чакдорджапа — Санжип с 15-тысячами кибиток улус¬ных своих людей откочевал в Джунгарию к Цеван-Рабтану. Хотя по пути его хотел завоевать очень энергичный казахский хан Тявка (Тауке), но Санжип

пробился с боями и достиг Джунгарии. Судьба Санжипа была печальной. Цеван-Рабтан отобрал у него улус, а самого прогнал назад. В. Бакунин писал, что Цеван-Рабтан "Санжипа с семью человеками отпустил к хану Аюке, который дал ему на пропитание из убогих калмык двести кибиток, и потом он, Санжип, и с женою своею, будучи при Волге, нечаянно и в ночное время сгорел от пороху, бывшего в его кибитке". В ссоре были обвинены "из Чакдорджаповых знатных зайсангов пять человек, которые его противу Аюки возмущали, были арестованы и сосланы в Астрахань, где из них некоторые померли, а иные из-под караула бежали в калмыцкие улусы".

По примирении с сыновьями Аюка-хан за сына Менко-Темиря — Четеря отдал "в замужество дочь свою" по имени Бунтар "и тем всех дербетев перевел с Дону к себе на Волгу".

"В то же калмыцкое междоусобие заведено было выше Саратова на речке Терешке село-поселение крещеных калмык из собственного Аюкина Эркетенева улуса, и построена была и церковь, и то село вскоре, по соединении калмыцких улусов, по приказу Аюки первого Эркетенева зайсанга Ямана брат разорил и выжег и всех крещеных калмык увел к себе, и когда о том хану Аюке учинен был выговор, он ответствовал, что тот зайсанг учинил сие будто без его воли, и яко он штрафовать не может, объявляя, что тот зайсанг холопей своих забрать имел право".

Петр I, по возвращении из-за границы, подписал мир с Турцией и все внимание обратил на север, начав борьбу за выход к Балтийскому морю со Швецией. Калмыки и в Северной войне России принимали активное участие. В конце января 1701 года Петр I "смотрел экзерциции (учения) прибывшего в Москву калмыцкого и татарского войска, в 30000 состоящего, и все сие войско отправил к границам шведским". Калмыки часто действовали не только в составе русских регулярных войск, но и как самостоятельные боевые единицы. Один такой калмыцкий отряд 15 августа, встретив противника, атаковал его и в ожесточенной схватке наголову разбил сильный шведский корпус, и привезли они в лагерь 300 шведских ружей. Калмыки были премированы деньгами.

Высокая маневренность и стремительность калмыцкой конницы позволяла ей появляться неожиданно для противника. Так, в конце 1701 года действовавший в Лифляндии русский отряд генерала Шереметева неожиданно встретил усиленный корпус шведов. Русских от шведов отделяла водная преграда. Создав видимость подготовки к переправе и обратив тем самым на себя всю силу неприятельских войск, Шереметев послал в обход противника русскую и калмыцкую конницу, которая скрытно подошла к шведам и атаковала их. Удар настолько был стремительным и неожиданным, что противник дрогнул и обратился в бегство.

Высокие боевые качества калмыцкой конницы снискали себе заслуженную славу и среди союзников России. В 1706 году польский король Август II прислал к Петру I представителя с просьбой "дать конницы 8 полков и 4000 калмыков", на что царь ответил согласием, но Август был вскоре низложен.

В начале 1708 года шведский король Карл XII вторгся в пределы России. В этой ситуации особенно эффективными были действия калмыков и казаков, о чем можно судить из письма русского посла в Дании князя В. Л. Долгорукова. Он 12 октября 1708 года писал Г. И. Головкину: "И все приезжие офицеры из обозу швецкого в Стокгольм единогласно сказывают, что превеликую терпят обиду от партий, которые посылаютца от войска царского величества, а особливо от калмык и от казаков, которые им выспатца не дадут". Особенно показательными были действия калмыцкой конницы в битве неподалеку от Белина 22 сентября 1708 года между русским корпусом генерала Боура, состоявшим из 10 тысяч регулярных войск и 6 тысяч калмыков и шведскими войсками в составе 6 полков конницы и 4 тысяч пехоты. Первым на русских напал Остроградский королевский полк, возглавляемый самим Карлом XII. Русские, не сдержав натиска, начали отступать. Шведы бросились в погоню, но налетели на засаду конницы калмыков. Завязалась жестокая битва. Остроградский королевский полк был окружен калмыками и полностью уничтожен, а сам Карл XII чудом спасся от плена. Участвовали калмыки и в битве под деревней Лесной, когда были разгромлены войска Левенгаупта, причем и здесь калмыки проявили "отменную храбрость".

Пока часть калмыцких войск действовала на севере, на юге разыгрывались события не менее важные.

В Астрахани 30 июля 1705 года началось восстание стрельцов и солдат, продолжавшееся восемь месяцев. После этого, через год, на Дону вспыхнуло мощное движение казаков во главе с Кондратием Булавиным. С 1705 года по 1711 год продолжалось восстание в Башкирии.

На участие калмыков в этих народных волнениях можно смотреть по-разному. Астраханский бунт охватил ближние города: Черный Яр, Красный Яр, Гурьев и Терский городок, которые непосредственно соприкасались с кочевьями калмыков. Стрельцы сделали предложение Аюке-хану принять участие в их движении. Можно сказать, что косвенно Аюка-хан воспользовался этим. Когда генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев "с войсками шел к Астрахани для усмирения бунтовщиков, и тогда он, Аюка, пристал к нему со многими калмыцкими войсками и при городе Астрахани слободы разорял".

Русское правительство, конечно, было заинтересовано в том, чтобы Аюка-хан не принимал участия в народных движениях, поэтому старалось обходиться с ним ласково, похвалять его действия. Так, 30 сентября 1708 года ближний министр и Казанский и Астраханский губернатор Петр

Матвеевич Апраксин плыл по Волге из Астрахани в Казань и по пути встретился с Аюка-ханом в двухстах километрах от Астрахани в урочище речки Даниловки на Ахтубе, в трех верстах от Волги. Они говорили обо всех текущих государственных делах обстоятельно, это был не простой договор. В ходе беседы обсуждалось следующее:

I. Апраксин хвалил службу Аюки-хана России, на что "Аюка-хан обещал... служить до смерти своей во всякой верности непременно и не отходить кочевьем своих улусов от реки Волги".

II. Апраксин говорил, что указом царя ему поручены все низовые города, и если возникнут надобности, будет писать из Казани или Астрахани, "чтоб он (Аюка) послал на неприятелей ратных людей, то бы его люди верно служили и с русскими людьми друг друга оберегали за одно".

III. Апраксин требовал, чтоб Аюка-хан имел тайшей — калмыцких владельцев и улусных их людей — во всяком послушании и страхе, чтоб тайши и владельцы (нойоны) сами не ходили на нагорную сторону, где есть города, села и деревни, и не посылали своих людей для разорения; если же кто явится в русских уездах своевольством и учинит разоренье, тем ворам учинить казнь, а разоренье велеть платить их владельцам. Аюка-хан все это довел до сведения владельцев, бывших при нем, и хотел немедленно послать указы во все дальние улусы: к торгоутовскому Чимету (сыну Сюнке-Батура, младшего брата Дугара) и дербетовскому Менко-Темиру (сыну Солом-Церена), чтоб под смертным страхом сами владельцы отнюдь не отходили на нагорную сторону реки Волги и людей своих не посылали.

IV. Апраксин говорил, что "в нынешнем году люди Чимета и других владельцев учинили в Пензенском, Козловском, Тамбовском и иных уездах много разорения, сожгли более 100 сел и деревень и побрали много мужчин и женщин и конские и скотские стада". Он сделал также замечание, что захваченные "русские ясыри распроданы в Кизильбашию (Персию), на Кубань, в Хиву и Бухарию и еще много находится в калмыцких улусах русских ясырей". Аюка-хан отвечал, что это воровство учинено без его ведома калмыками Чимета, Менко-Темира и других и что они своими кочевьями отдалены от него, поэтому нельзя вовремя узнать и предупредить, и если они не вернут русских людей, то он пойдет на них войной. При этом он сделал предложение, чтобы государь "для осмотра верного тех русских ясырей в хановых калмыцких, едисанских и енбулуцких улусах оставил бы губернаторам доброго человека из своих, которые явятся, тех всех бы тотчас собрать и отослать в Астрахань". Для этого был оставлен астраханский дворянин Михаило Керейтов.

V. Апраксин говорил, чтоб Чимет-тайша был во всяком послушании у Аюки-хана, как и другие: если же тот по-прежнему будет непослушен, то б хан с ним управился и взял его в крепость; хан же не будет оставлен ни милостью великого государя, ни береженьем ратным людям. Аюка-хан

отвечал, что он "будет унимать Чимета, наказывать его со страхом и прошением, чтоб тот верно служил и не чинил разоренья жилецким людям русских городов, не посылал своих людей в русские города и без его ведома ничего не делал, иначе же хан будет беречь того, чтоб поймать Чимета и идти на него войною". (Чимет был одним из сильнейших противников Аюки после своего брата Дугара, которого Аюка выдал русскому правительству, но сам он вскоре погибнет геройской смертью в битве с турками — А. М.)

VI. Апраксин сделал упрек Аюке-хану за то, что он обещал послать войска против султана Мурата, но не послал. По этому вопросу Ю. Лыткин писал, что "когда в году гал-гахай (1707) чеченцы, кумыки и ногайцы сделали нападение на русских, Аюка-хан не дал русским требуемого войска".

VII. Аюка-хан просил Апраксина послать указы во все города от Астрахани до Саратова, чтоб города, куда хан будет присылать "оберегали и давали ему ратных людей и пушки, когда ему, хану, от каких неприятелей будет насилие". Апраксин отвечал, что все будет сделано и, в свою очередь, попросил: "Если же этим городам будет какое неприятельское наступление и насилие и воеводы будут писать и присылать к Аюке-хану о присылке ратных людей в оборону себе, то хан, по обещанному своему слову и верной службе, должен посылать ратных своих калмыков на всяких неприятелей и оберегать те города".

VIII. Аюка-хан говорил, что он желает иметь также верную и правдивую дружбу и названое братство с ним, Петром Матвеевичем, какое у него учинено было крепкое братство с бояриным князем Борисом Алексеевичем (Голицыным), что Петр Матвеевич, по великого государя указу, учинен правительным губернатором над Казанью, Астраханью и всеми Низовой земли городами и всякие дела вручены ему полным его великого государя указам, как прежде сего никому так не было. Апраксин отвечал, что он желает верного названого братства и крепкой дружбы с Аюки-ханом "для всяких лучших царского величества, общего их государя дел".

В 1708 году Чакдорджап с саратовским воеводой Иваном Бахметевым ходил на башкир. Тогда же калмыцкие войска освобождали Саратов от осады бунтовщиков: донских казаков, булавинцев и некрасовцев.

Иван Бахметев и Чакдорджап с калмыцкими войсками ходили и под Полтаву. Но калмыки прибыли 4 июля. В этот же день Головкин писал Петру I: "Сего, государь, часа получил я Ивана Бахметева письмо, в котором он пишет, что по письму моему, оставя они все коши, поспешали с калмыками, сколько могли и пришли за три мили от Полтавы, а иттить ли им далее и куды, о том просит указу". Но в Полтавской битве участвовали другие группы калмыков, о чем говорилось в указе Петра I. Царь благодарил их и пожаловал им и донским казакам 20 тысяч рублей.

Перед этими событиями Петр I давал распоряжения Азовскому губернатору И. А. Толстому и Казанскому губернатору П. М. Апраксину, чтобы они выбрали место для поселения крещеных и некрещеных калмыков в устье Днепра по их выбору.

С разгромом шведских войск под Полтавой изменилось и отношение Турции к России. Если до Полтавы турецкое правительство выжидало удобного момента, чтобы вырвать из рук ослабленной России Азов и Таганрог, потерянные Турцией по договору 1700 года, то теперь надежда на ослабление России была оставлена, к тому же ее подстрекали к войне ее союзники.

В создавшейся обстановке русское правительство вынуждено было предпринять ряд мер на случай войны. По распоряжению Петра I организация охраны южных границ была возложена на Ф. М. Апраксина. Русское правительство понимало, что в условиях, когда силы России были напряжены до предела, калмыцкое войско может оказать ей существенную помощь.

Поэтому П. М. Апраксин 5 сентября 1710 года снова встретился у речки Даниловки, на прежнем месте, с Аюка-ханом и другими тайшами и имел беседу о следующих делах:

I. Апраксин, выразив признательность Аюке-хану за верную службу, добавил, что царь "пожаловал хана излишним жалованьем с прибавкою, указав давать хану в 1000 руб., также учинил прибавку в порохе и свинце для служб людей".

II. Аюка-хан и тайши: торгоутовский Чимет, дербетовский Читер, сын Менко-Темира, и торгоутовский Дондук-Омбо, сын Гун-джаба, обещали не оставить службы своей, согласно II пункта предыдущих переговоров.

III. "Августа нынешнего 1710 года Петр I с нарочно посланным курьером собственноручно писал губернатору, чтоб ныне, в будущую осень, всем хановым людям, тайшам и улусным их людям прикочевать к Дону и зимовать на Дону", что было необходимо для предупреждения набегов кубанских воровских донских казаков Некрасова. Аюка-хан отвечал, что "хотя то и не без труда" ему, "однако ж то изволение государево готов исполнить за волю государеву и за братскую с губернатором дружбу и любовь, и ныне, будущею осенью, пошлет к Дону против Манацкого городка, недалеко от Черкасского, 10000 калмыков с тайшами: торгоутовским Чиметом Батуровым и дербетовским Читерем Мунке-Темировым, которым велит кочевать до весны на рр. Салу и Маныче, в днище от р. Дона"...

IV. ...Аюка-хан сказал Чимету, Читеру и Дондук-Омбо, бывшим при нем, под страхом и хотел послать указы в дальние улусы, чтоб калмыки без указа отнюдь не переходили на нагорную сторону р. Волги; "буде же кто

явится преслушен, тем чинить конечное разорение и самих головою отсылать в русские города". Тайши все это подтвердили.

V. Обсуждали вопрос о направлении калмыцкого войска против башкир. Аюка-хан отвечал, что туда три недели назад послал Дорджи-тайши — сына Назар-Мамута с 5-тысячным войском, а в следующем году может послать из больших людей самого Назар-Мамут-тайшу.

VI. Говорили о взаимодействии русских и калмыцких войск против неприятелей.

Комментируя этот договор, Ю. Лыткин писал, что Аюка-хан "на Дон отправил 10000 войско, большую часть которого составляли дербетовцы, усмирившие казаков, производивших на Дону воровство и разбой". Здесь имеются в виду некрасовские и булавинские казаки.

9 ноября 1710 года Турция объявила войну России, в феврале следующего года 10000 кубанских татар перешли Дон и устреми¬лись на помощь крымскому хану, появившемуся на территории Украины, но узнав, что в тылу у них появились 10000 калмыков, вернулись на Кубань.

Именно тогда Чимет Батуров встретился с татарами. О последней битве Чимета и его героической смерти В. Бакунин писал, что "в 1711 году весною был в партии со своими калмыками и с царицынскими казаками для перенятия возвращающихся из российских жилищ с пленом кубанских татар, которых разбил и плен возвратил было, но на возвратном пути догнала его другая с Кубани к российским жилищам идущая партия с изменниками, донскими казаками-некрасовцами и при драке с тою партиею из калмыков, бывших при нем, Чемете, большая часть ушла в свои улусы, а он, Чемет, с оставшими калмыками и царицынскими казаками при реке Аксае сидели в осаде, и до тех пор дрался, пока не токмо весьма в малом числе людей остался, но и сам убит, а голова его по причине, что он на Кубани частые делал поиски и всегда с удачею, отвезена в Крым и Константинополь". Это был настоящий герой, ему тогда было далеко за 70 лет, отец его Сюнке-Батур погиб в битве с кабардинцами и ногайцами в 1644 году."

Услышав это печальное известие, Аюка-хан послал на Кубань во главе с Чакдорджапом 20-тысячное войско в помощь командующе¬му русскими войсками П. М. Апраксину. Апраксин узнал, что кубанские татары, услышав о большом походе калмыцких войск, начали переправляться через реку Кубань в горы, где "над ними поисков чинить невозможно, и тогда,— как писал В. Бакунин,— калмыцким войскам дал волю итти на кубанцев вперед, которые сколько их, кубанцев, на обеих сторонах реки Кубани найти могли, всех перерубили, а жен и детей их многие тысячи побрали в полон, а лошадей и скота их отогнали весьма великое множество".

Кубанский султан Бахты-Гирей в 1715 году предпринял ответ¬ный поход против калмыков. Этот его поход был настолько неожи¬данным и сильным, что калмыки не успели оказать сопротивления. Султан успел захватить джетысан и джембулук, разорил часть калмыцких улусов, взял ставку самого Аюки-хана. Хан вынужден был бежать в Астрахань, "под прикрытие князя Александра Бековича-Черкасского, собиравшегося тогда в Хиву". Он тогда от русских не получил действенной помощи. "Аюка сумел один помириться с Бахты-Гиреем, а Чакдорджапу в 1717 году удалось вернуть с Кубани уведенных туда джетысан, джембулуков и келе-чинов в числе 15000 дымов или семейств".

В 1714 году Аюка-хан принимал у себя китайское посольство во главе с Тулишенем. Это посольство имеет свою предысторию и имеет отношение к связям калмыков с Востоком и политическими интересами хана.

В 1698 году в Тибет для поклонения Далай-ламе было отправ¬лено калмыцкое посольство во главе с двоюродным братом Аюки-хана — Рабджуром. Посольство Рабджура состояло из 500 человек, в числе которых была и родная мать хана. Основной целью посольства было поклонение святыням буддизма, приобретение там священных книг и лекарств. После посещения Далай-ламы, Рабджур поехал в Пекин засвидетельствовать свое посещение Лхасы и "верноподданическое усердие". Китайский Богдыхан решил воспользоваться случаем и использовать Рабджура в борьбе с Джунгарским ханом Цеван-Рабтаном. Рабджур со своими людьми был поселен у Китайской стены. Есть сведения, что Аюка-хан от себя посылал в Пекин другое посольство. Например, в год "желтоватого зайца (1699) поехал от них посол Эрке-гецюль с большим серым конем в подарок Богдыхану'', возможно, что это то же самое посольство Рабджура Аюка-хан, подробно разузнав о судьбе своих людей, послал в 1712 году, с разрешения Петра I, новое посольство во главе с зайсангом Самтаном в числе 20 человек. Китайский двор решил использовать этот визит для ответного посольства к хану. В. Бакунин говорил, что цель посольства Тулишена "состояла существенно в том, чтобы посоветоваться с ханом Аюки об испрошении у российского двора дозволения возвратиться Рабджуру на родину через Сибирь; потому что, по уверению пекинского кабинета, будто бы сам Цеван-Рабтан не ручался за безопасность Рабджурова проезда через земли киргиз-казаков".

К приезду китайских послов Аюка-хан писал к астраханскому губернатору М. И. Чирикову. Он просил прислать сто человек драгун, пушки с ядрами, музыкой, переводчика, овощей, фруктов, вина, водки, грецких орехов, сахару, изюму, фиников, "всего противу прежнего излишние пришли, едут с дальнего государства небывалые послы, также по своей милости и от себя ко мне пришли". Такие же просьбы поступили от сыновей и внуков хана.

Китайских послов Аюка-хан принял в степи за Волгой, недалеко от Царицына. Хан с коленопреклонением принял грамоту Богдыхана. Аюка-

хан соглашался с мнением китайских послов об опасности возвращения Рабджура через Джунгарию и выражал намерение отправить в Пекин посольство с поднесением даров императору, при этом он сделал заключение, "что торготы по одеянию и религии очень близки к маньчжурам". Китайское посольство имело целью столкнуть Аюку-хана с Цеван-Рабтаном, но с другой стороны, за спиной хана стояла Россия. Аюка-хан просил послов о скором возвращении Рабджура.

В бытность китайского посольства в присутствии главного Буканг-ламы, главных нойонов, духовенства и зайсангов Аюка-хан официально объявил, что своим наследником назначает старшего сына Чакдорджапа и в знак того отдал сыну печать, присланную к нему Далай-ламой на ханское достоинство, а сам стал употреблять другую печать.

В эти годы к Аюке-хану приехал Шакур-лама. Хан, оказывается, обращался к Далай-ламе с просьбой прислать к нему высокую духовную особу, так как бывший главный лама ханства Бюкюнгин-лама состарился.

О приезде Шакур-ламы сообщил в своем письме Чакдорджап. Астраханскому губернатору М. И. Чирикову он писал с большой радостью, что "приехал к нам великий лама, будет у нас вскоре праздник и в том празднике, он, лама, будет у меня в гостях". В. Бакунин писал, что в 1718 году прибыл по прошению Аюки-хана от Далай-ламы духовный особа по имени Шакур-лама, которого хан "принял с великою честью и отдал ему во владение калмыцкий улус, принадлежащий ламинскому чину, имянуемый Шабинар, которого в то время счислялось до четырех тысяч кибиток".

Далее историк сделал подробное сообщение, что "Шакур-лама был природою торгоутский калмык, зайсангский сын из Табун Отокова улуса" и в прошедших годах с калмыцкими посланцами "будучи от роду десяти лет отправлен был" к Далай-ламе для изучения наук и будучи там "с лишком 20 лет обучился тангутского языка и другим наукам, духовным их чинам принадлежащим, и был ламою в тамошнем одном монастыре, называемом Нюкур, и губернатором над провинциею тому монастырю подчиненною. А таковых монастырей в тангутском народе находится семь, по которым и народ тангутский разделяется на семь провинций, а оными не только в духовных, но и в светских делах управляют яко губернаторы духовные их ламы, из каковых и тот Шакур-лама был".

В одной из бесед с астраханским губернатором А. П. Волынским первый зайсанг калмыцкого ханства Яман подтвердил сообщение В. Бакунина, говоря, что Шакур-лама "с лишком двадцать лет у Далай-ламы был" и в одном из семи монастырей находился главным правителем. На протяжении почти двадцати лет Шакур-лама был главным ламой калмыцкого народа, пользовался большим авторитетом и принимал активное участие в общественной и политической жизни ханства.

Нужно отметить, что Аюка-хан поддерживал связи со многими иностранными государствами, их правителями. Его хорошо знали в Тибете, Китае, Джунгарии, кроме того, например, с персидским (иранским) шахом он имел переписку и посольства. В 1717 году в Персию им было снаряжено большое посольство, в котором каждая группа из 5—7—10 человек представляла его жену, сыновей, внуков и других нойонов. Всего в посольстве было 103 человека. М. И. Чирикову хан писал, чтобы послам был дан корм и в сопровождении проводили до шахова величества. Калмыки вели широкую торговлю с Турцией, Хивой, Бухарой. В одном из писем Чакдорджапа говорится, что "в прошлом году ездили мои калмыки в Казбулатскую землю торговать", а также "что хивинского купца посылал в Царьград с торгом, а потом в Москву с 160 лошадьми торговать". Аюка-хан через посланца своего просил: "Посыльщик послан калмыченин Дакбон в Хиву и тот мой Дакбон в Астрахань с караваном прибыл и табак мой здесь взяли... прикажи тот мой табак отдать". А в письме Аюки-хана от 1719 года говорится, "шахова посыльщика изволь ко мне отпустить в лодке, также дать гребцов и арбузов и дынь".

В письмах калмыцких нойонов есть просьбы, которые дают нам представление об их запросах и расширяют представление о жизни и быте кочевников.

Кроме упомянутых выше подробностей, в письме Чакдорджапа говорится, например, о просьбе прислать соколов, балабанов, кречетов для охоты; о том, что Чакдорджапова жена отдыхала на горячих водах на Тереке; что Аюка-хан просил М. И. Чирикова прислать соленую капусту, пшеничных сухарей, яблок. Из письма Чакдорджапа можно узнать также и о том, что он упал, сломал ногу и просит прислать "погребок с десятью скляницами, одною ногою я лежал, и ныне здоров, да пожалуй пришли ко мне коляску немецкую, которые живут о дву колесах, за болезнью мне ездить", по-видимому он еще не мог ездить верхом.

Ниже приведем одну из грамот Петра I Аюке-хану, которая раскрывает многие стороны жизни Калмыцкого ханства, его положение и связи; она оформлена по всей форме того времени:

"Божиею милостию от пресветлейшего и державнейшего великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца и многих государств и земель восточных и западных и северных отчича и дудича и наследника и государя и обладателя нашего царского величества подданному верному нашему калмыцкому Аюкаю хану з братьями, з детьми и племянники, милостивое слово.

К нам, великому государю, к нашему царскому величеству, писал ты, подданной наш, с посланцом своим Ходжюмом Кашкою с товарищи, прося у нас, великого государя, чтоб присылать к тебе по нашему определению хлеба и мы, великий государь, пожаловали тебя, подданного нашего,

повелели послать к тебе ныне из Казанской губернии две тысячи четвертей муки и впредь отпускать по тому ж повсягод и о том наш, царского величества, указ к боярину нашему и губернатору, к Петру Самойловичу Салтыкову с товарищи послан к тебе, подданному нашему, видя к тебе такую нашу, царского величества, милость и жалованье служить верно. Нам же, великому государю, доносил ты, подданной наш, что с посланцов твоих пошлин нигде брать не велено, а тех с них пошлину берут из посланного твоего в Перейду к шаху посланца Сарчю и оттуда возвращающегося хотели в Астрахань в пошлинах удержать и чтоб с посланцов твоих пошлин не брать и о том наших, царского величества, указом определить и по тому твоему прошению с посланцов твоих когда будешь ты посылать чрез Астрахань и Сибирские города и о том напредь к нам, великому государю, писать будешь, что оных в тот край посылать намерен, то мы, великий государь, с тех твоих товаров, которые при них будут ценою до трех тысяч рублев пошлин иметь не велим и о том нашим, царского величества, указы в губернии посланы и так, когда ты, подданной наш, похочешь посланцов своих посылать, как и ныне в Перейду чрез Астрахань посылал посланцов и внучат своих тогда надлежит тебе наперед о посылке тех посланцов своих нам, великому государю, доношение учинить чрез письма или чрез посланцов своих или хотя чрез стольника нашего Дмитрия Бахметева, а буде ты, подданной наш, которые посланцов куда за границу пошлешь недонесши нам, великому государю, и возвращаяся оттуда будут они с собою какие товары вывозить или которые посланцы твои будут товаров у себя иметь выше трех тысяч рублев и с тех брать станут пошлин, потому что из него могут именем твоим пролыгатца, чтоб пошлин с товаров своих не платить и того тебе, нашему подданному, в немилость себе и во оскорбление не ставить, еще нам, великому государю, ты же, подданной наш, доносил, что в прошлом году послал ты в Тобольск ради покупок про себе посланца своего и тот у Соли Камской остановлен и в Тобольск не пропущен, и оной от Соли Камской приехал к Москве и о сем также просишь нашего, царского величества, указу и в Тобольск для покупок про свои обиход посланцу тебе, подданному нашему, по-прежнему нашему, царского величества, указу и пошлин с тех на тебя покупок с трех тысяч рублев на всякой год имать не велено, о чем к губернатору той Сибирской губернии князь Черкасскому вновь нашим, царского величества, указом подтверждено и которые ныне приехали в Тобольск от Далай-ламы посланцы твои двадцать четыре человека и с ними от Далай-ламы к тебе, подданному нашему, едут посланцов двадцать четыре человека и тех велено пропустить и наш, царского величества, указ к Сибирскому губернатору о сем послан же, только впредь надле¬жит тебе о таких посланцах нам доносить заранее, чтоб мы, великий государь, ведая о них, о пропуске их указ свой посылать, а без известия таких указов послать невозможно, чтоб другие, назвавшись твоими посланными, не пролыгались, нас же, великого государя, ты, подданной наш, просил за Алдитирью Мурзу Черкасского, чтоб давать ему наше жалованье и определить ему по-прежнему команду и по нашему, царского величества, указу отправится отсюда в Астрахань особой губернатор из знатных

людей, которой будет ведать и Терек, и при отпуске его отсюда дан будет ему указ об нем, Алдитирье, посланцы твои, подданного нашего, Худжем Кашка с товарищи пожалован нашим, царского величества, жалованьем и отпущен к тебе, подданному нашему, и о чем надлежит, наказано им и изустно от ближних наших людей тебе, подданному нашему, объявить по указу нашему, чему тебе верить и потом надлежит исполнить по всегдашней своей верности и к нам, великому государю, писать, а наша милость к тебе, подданному нашему, за такую верность умножена будет. Писан в Санкт Питербурхе лета 1719 марта 10 в государствования нашего 37 год". Этот указ был принят на заседании правительствующего Сената 26 февраля 1719 года.

Грамота несет в себе всестороннюю информацию о связях Аюки-хана, о ведшейся широкой торговле, о положении с соседними народами. Повторение некоторых слов подчеркивает величие одного и зависимость другого по принятой форме того времени.

В это время Петр I готовился к персидскому походу. Поэтому многие своевольства калмыков на южных границах России прощались Аюке-хану. Царь хотел привлечь калмыцкое войско в эту кампанию.

Перед персидским походом Петра I произошли события, которые внесли коррективы в планы царя, хотя они имели, можно сказать, семейный и локальный характер.

В 1721 году сын Гунджаба — Дондук-Омбо женился на кабардинке Джан, урожденной княгине Коргоки, а свою прежнюю жену — Солому, дочь хошеутовского нойона, которая приходилась ему мачехой, от которой у него были сын и несколько дочерей, он бросил. Это вступление в брак калмыцкого нойона и дочери кабардинского князя отмечается во всех документах, потому что оно имело политические последствия. В том же году астраханский губернатор Артемий Петрович Волынский был в Гребенских казачьих городках "для усмирения российскими войсками противных кумыков и примирения кабардинских владельцев баксанских с кашкатовскими", и тогда к Волынскому от Аюки-хана были посланы зайсанги Яман и Олдоксон с небольшою калмыцкою командою, и "чрез посредство тех зайсангов он, Волынский, кабардинских владельцев обеих партий к себе призывал и примирил, причем им, Волынским, от всех кабардинских владельцев о подданстве России впервые взяты формальные присяги".

К тому времени, 19 февраля 1722 года умер Чакдорджап, которого Аюка-хан назначил своим преемником. Это событие в корне изменило расстановку сил в Калмыцком ханстве. Тут нужно сказать о наследниках самого Чакдорджапа, чтобы стало понятнее изложение последующих событий.

Василий Бакунин, современник этих нойонов, был лично знаком со всеми из них. О Чакдорджапе он писал так:

"Он имел разных жен, из которых: 1-я Джал, дочь хошеутова владельца; 2-я, Тарбаджи, также дочь хошеутова владельца; 3-я Габиль, дочь дербетева владельца Менке Темиря; 4-я Цаган-Лама, дочь Цецен-хана хошеутова; 5-я Джизага, дочь хошеутова вла¬дельца, а прежде была замужем за Аюкиным родным братом, а за Чакдорджаповым дядею Джамсою; 6-я Бату, дочь хошеутова вла¬дельца, прежде была замужем за внучатым братом хана Аюки — владельцем Чиметом (который геройски погиб в 1711 году); 7-я Даши Бирюнь, дочь зенгорского владельца, прежде была замужем за сыном хана Аюки Гунделеком, от которого имела и сына, именуемого Амдоу, он же Дамрин Бамбар, а Гунделеков улус состоял в двух тысячах кибитках; 8-я вышеописанная татарка Хандаза; 9-я — вдова, бывшая жена российского подданного, жившего на реке Терке, недалеко от казачьего Шадрина городка, брагунского владельца Кучюка, к которой Чакдорджап приезжал только по зимам.

От тех жен были у него, Чакдорджапа, дети. От первой Джалы — Дасанг, Баксадай Доржи, Нитар Доржи и Гунцук Джап (был нем и безумен). От третьей Габили — Дондук-Даши, Бодонг, Солом Допчин, Доржи Раши, Яндык и Бусурман тайджи. От четвертой Цаган Ламы — Данжин Доржи, отец владельца Лаванга, который "в 1757 году был с калмыцким войском в Прусском походе и в Польше на винтер-квартире умер оспою". У Чакдорджапа "был старший сын Бату, рожденный от подложницы (наложницы), однако же почитался в числе его детей и нойонов".

Подробно перечисляя все эти данные, В. Бакунин заметил, "что у калмык, по их древнему и общему обыкновению, никто из одного с собою рода жены себе взять не может, то есть торгоутский у торгоутского, хошоутов у хошоутова, зенгорский и дербетев у зенгорского и дербетева, хотя б то и за сто колен было, под страхом смертного греха.

И потому принуждены торгоутские владельцы жен за себя брать из хошоутова, зенгорского и дербетева родов, а своих дочерей выдавать за хошоутовых, зенгороких и дербетевых владельцев, а по женскому колену брать по матери своей, на двоюродной сестре и на тетке, то есть на материной родной сестре, тако ж на родной своячине и на мачехе жениться может".

Во время персидского похода Петр I оказал "знаки отличного внимания" Аюке-хану. "Он изъявил желание лично видеться с ним и угостить столом".

О встрече Петра I и Аюки-хана оставил записки известный путешественник XVIII века — шотландский врач Джон Белль. Движение императора началось из Москвы. Джон Белль так описывает этот поход: 5

июня 1722 года "поехали мы из Нижнего Новгорода, и плыли по Волге. В Казань прибыли мы 8 числа, откуда его величество выехал накануне.

Мы продолжали путь 9 числа и прибыли 20-го в Саратов. В сей город приехали мы вместе с императором,— писал путешественник,— которому надобно было здесь переговорить с Аюкою-ханом — калмыцким владельцем. Кочевал оный тогда на восточном берегу Волги, в недалеком расстоянии от сея реки"...

"На другой день его величество изволил звать Аюку-хана и его супругу к себе откушать на галеру, которую для ради сего подвели к берегу как возможно ближе: при чем сделан был с оныя на землю сход для спокойнейшего им на оную всхода"...

"Аюка-хан приехал на лошади верхом, последуем двумя своими сынами, которые также ехали на изрядно убранных лошадях. Хан сошел с лошади в расстоянии около шестидесяти футов от берега, и встречен был тайным советником и гвардии офицером. Император, увидя его приближение, сошел на землю, поздравил его, взяв за руку, повел на галеру, и представил его императрице, которая сидела на верхнем помосте под великолепным балдахином.

Вскоре, по прибытии Аюки-хана на галеру, приехала на берег и ханша, в закрытой коляске, со своею дочерью и двумя госпожами, сопровождаема будучи стаею всадников, император ее встретил и представил императрице".

"Аюка-хан,— писал Джон Белль,— был еще крепок и веселого нрава. Сей владелец был весьма благоразумен и смышлен, и умел заставить себя почитать соседей своих откровенностию и честностию своею, и я помню, что в бытность мою в Пекине, Богдыхан отзывался об нем с великою ему похвалою. При том же имел он совершенное сведение о восточных делах"...

"Ханше было около пятидесяти лет, вид она имела благопристойный и кроткий. Приехавшие с нею госпожи были молоды. Ханская дочь цвет в лице имела весьма изрядный, а волосы так черны, как агат. Оные были у нее связаны назади, и лежали по плечам. У калмыков почиталась она совершенною красавицею. И мать и дочь одеты были в долгия платья из персидския дорогия материи, и в круглых опушенных соболями шапочках, по их обычаю.

Император просил Аюку-хана, чтобы дал ему десять тысяч человек войска для персидского похода. Калмыцкий хан ответствовал ему, что они к его услугам, но думает, что и половина сего числа для него довольно будет, и тотчас же дал приказ, чтоб пять тысяч калмыков соединились с царем в Терках. Император и императрица были очень довольны своими гостями, и отпустили их к вечеру, учинив им пристойные подарки.

Императрица подарила ханше золотые часы с репитициею, осыпанные алмазами, и несколько кусков парчей и других дорогих материй".

Путешественник обратил внимание на то, что эти "два сильные государя заключили сей Договор гораздо в меньшее время, нежели наши европейские полномочные употребляют на обед". Тот же Джон Белль еще по пути из путешествия в Персию, в 1715 году побывал среди калмыков и оставил интересные сведения об их жизни и быте. Путешественник писал: "После обеда поехал я с некоторыми из наших людей за реку, чтобы посмотреть ярмарку, на которую съезжаются туда калмыки для продажи своих лошадей. Было их тут от пяти до шестисот человек и стояли они станом с множеством лошадей, которыя паслися по воле, выключая тех, на коих они сами сидели. Кибитки их расположены были вдоль реки. Они имеют коническую фигуру. Построены они из шестов, наклоненных один по другому, у коих вверху оставлено отверстие для принятия света и для выпущения дыма. Сии шесты укреплены поперек пробоинами, длиною от четырех до шести футов, кои приколочены гвоздями, а все сие прикрыто толстыми войлоками и сукнами. Они мне показались лучше всех, сколько мне ни случа¬лось видывать, ибо способны ко скорому поставлению и столь легки, что один верблюд может их свезти пять или шесть. Сии калмыки собою коренасты и чрезвычайно сильны. Лицо имеют широкое, нос плоский, глаза маленькие черные, но весьма острые. Одежда их очень проста, она состоит в кафтане из бараньей кожи, который подпоясывают они кушаком, в малой круглой шапке подбитой мехом с шелковою красною кистью... и в сапогах. Все они бреют голову, выключая одну прядь волосов, которую запле¬тают и носят назади.

Они вооружены стрелами, саблями и копьями, коими действуют с великим проворством. Они храбры и отважны... Как они с утра до вечера на лошади, то и неудивительно им быть хорошими ездоками.

Женская их одежда мало различествует от мужския. Кафтаны их несколько токмо подлиннее и опушены лоскутками разных цветов. Они носят серьги и волосы заплетают. Знатнейшия их женщины носят летом шелковое платье. Они чрезвычайно целомудренны, неспособны к ветреничеству и не знают, что такое есть прелюбодейство. Из калмыков бывают весьма хорошие служители и нет таких трудов, коих бы они не снесли, лишь только бы поступали с ними ласково...

Стада их состоят в верблюдах, конях и овцах. Лошади их хорошего роста и очень сильны. Как начинают они их обучать на шестом годе, то бывают они чрезвычайно упрямы и бешены... Коровы их среднего роста, овцы их очень велики и вместо хвостов имеют курдюки.

Сколь долгия ни предпринимают они путешествия, однако ж не возят с собою других припасов кроме сыра, или скиснувшегося и высушенного молока, из коего делают они небольшие катышки, кои распускают в воде и пьют оную. Когда изойдет у них сей припас, тогда находящихся у них в

запасе лошадей убивают и едят. Мясо их жарят на решетке, или взоткнув на стрелы, никогда не едят они его сырого, так как думают многие... Правда, что они возят с собою большие части лошадиного мяса, которое сушат на солнце, или коптят в дыме, но сего не можно назвать сырым мясом. Я его отведывал, и оно не столь неприятно, как о том думают".

Говорят, что Аюка-хан, после свидания с Петром I, сказал: "Теперь охотно умру, удостоившись у великого Императора толь любезного его разговора".

На обратном пути из персидского похода Петр I тоже имел свидание с Аюка-ханом, о чем поведал В. Бакунин. Он писал, что "по всеподданейшему его, Аюкину, прошению изволил удостоить его посещением дома его. При возвратном из Астрахани походе оной же Аюка-хан близ города Черного Яра паки приезжал с ханшею своею и с детьми своими Черен Дондуком и Галдан Данжином на галеру для отдания всенижайшего поклона их императорскому величеству. И при обоих тех случаях, представляя он свою старость и в здоровье слабость, просил их императорского величества о содержании по нем, хане, жены его и детей в высочайшей их императорского величества милости и о учинении по нем наследником старшего сына его Черен Дондука. И по тому его прошению он, Аюка, и с фамилиею его высочайшего милостию их императорского величества обнадежен".

Аюка-хан заботился о будущем своих младших сыновей.

Оказалось, что у императора на этот счет были свои виды. Заметим также, что при этих встречах хана с императором почти все калмыцкие нойоны отдавали ему поклоны и при этом высказывали свои нужды, обращались с просьбой разрешения многих вопросов.
В персидский поход Петра I Аюка-хан отправил отряд под командованием своих внуков Бату Чакдорджапова и Дондук-Омбо, при них были главные зайсанги ханства — Яман Мазанов и Олдок-сон.
Калмыцкое войско с донскими казаками участвовало при взятии Дербента на Сулаке. Но возникли некоторые разногласия. Бакунин сообщил следующее: "По возвращении же калмыцких войск из того Дербентского похода захватили они и увели с собою в свои улусы от Терской крепости больше тысячи кибиток тамошних татар, российских подданных, именуемых хондроу, из которых Арслан-мурза с родом в нескольких стах кибитках отобран к Астрахани, и когда о сем Аюке-хану был выговор, он ответствовал, якобы то внук его Бату учинил собою, да и в прочих таких делах напредь того извинялся непослушанием ему большего сына его Чакдорджапа, а в самом деле он, Аюка, в калмыцких улусах был самовластен и улусы между владельцев сам разделял и кому что хотел давал". При этом историк добавил интересную подробность, говоря, что Аюка-хан "во всю свою жизнь не токмо с крымскими ханами пересылку имел, но и к шаху персицкому и к турецкому султану нарочных своих посланцев посылал, а у шаха последним посланцем его был астраханский

бухарец Абдулла Бегимов, кото¬рый в бытность его в Испагании местничился с здешним курьером Дмитрием Петричасом, который в 1720 году по возвращении обоих их от шахова двора в Гилянь, захватя его, Абдуллу, в свою квартиру, высек плетьми".

Несмотря на существующие шероховатости в выполнении обя¬зательств, заслуги Аюки-хана перевешивали над проступками. Петр I за заслуги в персидском походе наградил его почетной золотой саблей.

12 сентября 1723 года русское правительство заключило договор с шахом Тахмаспом, по которому Иран уступал России западный берег Каспийского моря с Дербентом и Баку, провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад на южном берегу Каспия.

Участие калмыков в персидском походе было последним в период правления Аюки-хана. После более чем 50-летнего правления, на 82 году жизни, 19 февраля 1724 года Аюка-хан умер. С его смертью закончилась целая эпоха в истории калмыцкого народа.

Аюка-хан был выдающимся деятелем ойратской и калмыцкой истории. Он стал официально признанным ханом Калмыцкого ханства. Вся его военная и политическая деятельность принесли ему заслуженную славу и признание. Авторитет его был очень высок, с ним считались и признавали его силу. Он укрепил Калмыцкое ханство как самостоятельное государственное объединение.

Цеван-Рабтан и Галдан-Церен

Рассказывая о Джунгарском ханстве, мы остановились на смерти Галдан-Бошокту-хана.

А там тем временем развивались достаточно сложные события. На место дяди пришел к власти племянник, поддержанный Китаем в надежде на то, что Цеван-Рабтан будет более послушным, чем Галдан-Бошокту-хан.

Цеван-Рабтан, после представления Пекину, все свои силы направил в сторону казахов. Казахский хан Тавкя (Тявка, Тауке) сам дал повод к возобновлению военных действий. Он напал на караван дочери Аюки-хана, которую, в сопровождении большой свиты, везли в невесты Цеван-Рабтану. Сын Тавки, захваченный в плен Галданом, находился у Далай-ламы. Тавкя просил Цеван-Рабтана освободить сына. Джунгарский хан исполнил просьбу Тавки и в сопровождении пятисот человек проводил его к отцу. Но Тавкя поступил совершенно неадекватно, он перерубил этих послов, а одного нойона с семейством и сто кибиток его людей увел к себе. Никто из исследователей не довел до конца изучение конфликта Цеван-Рабтана с Тавкя, но мы знаем, что дочь Аюки-хана — Сетер-Джан стала женой джунгарского хана и была с ним до конца.

Цеван-Рабтан продолжил политику своего дяди по укреплению Джунгарского государства и расширения его завоеваний. Так, И. Минаев в рецензии на книгу Н. Веселовского о посольстве И. Унковского к Цеван-Рабтану писал: "Подобно своему предшественнику, Цеван-Рабтан был воинствен, и, как кажется, имел грандиозные завоевательные планы; они-то и привели его к борьбе с китайцами и заставили в момент сильной неудачи искать покровительства у русского императора". Академик С. А. Козин утверждал, что в период правления Цинов "Джунгария, со всей очевидностью, считала себя преемницей национально-исторических прав бывшей Юаньской державы, а следовательно, и прав сюзерена над вассальными странами и народами этой державы... Отсюда факты неоднократных захватов джунгарами этих стран, имевшие место и в XVI—XVII веках (Гуши-хан Хошоутский) и даже в XVIII веке (Цеван-Рабтан Джунгарский), какими бы внешними поводами ни вызывались эти захваты".

Джунгарское ханство в результате войн Галдан-Бошокту-хана потеряло много людей. Оно оказалось стиснутым между двумя сильнейшими империями: Цинской и Российской, а с другой стороны — с казахами не прекращались военные столкновения из-за территориальных претензий. Много людей уходило и в Коко-Нор, ханство, основанное Гуши-ханом, и в Тибет.

В этой обстановке Цеван-Рабтан начал свою деятельность с укрепления центральной власти. Дальнейшие события показали, что новый хан успешно справился со своими трудностями. Например, Черепановская летопись свидетельствует: "Эрдени Шурукту контайша, который перед тем Цаган-Араптан назывался и в 1697 году принял правление, последуя правилам дяди своего Бушукту-хана, покорением рассеянных по разным местам калмытских улусов под свою власть так усилился, что он не только начатую Бушукту-ханом против мунгал и китайцев войну мог продолжать, но и тибецкой и тангутской земле побеждением тамошнего хана и прогнанием Далай-ламы делался страшным". Свидетельство такого источника — это высочайшая оценка деятельности и возможностей Цеван-Рабтана.

В первые годы своего правления Цеван-Рабтан старался избегать военных столкновений. Он стремился в своем ханстве развивать земледелие и промышленность. И. Унковский свидетельствовал, что "лет за 30, хлеба мало имели, понеже пахать не умели. Ныне пашни у них от часу умножаются, и не токмо подданные бухарцы сеют, но и калмыки многие за пашню приемлются, ибо о том от контайши приказ есть. Хлеб у них родится: зело изрядная пшеница, просо, ячмень, пшено сорочинское. Земля у них много соли имеет и овощи изрядные родит... в недавних летах начали у него, контайши, оружие делать, а железо у них, сказывают, что довольно находится, из которого панцыри и куяки делают, а завели отчасти кожи делать и сукна, и бумагу писчую у них ныне делают". Немногословный Эмчи Габан-Шараб, отметив, что Цеван-Рабтан

"людей подчиненных привлекал к землепашеству", писал: "Включаю его в число совершивших добрые дела". Хан также поддерживал со всеми соседями широкую торговлю.

Коллегия иностранных дел России, пристально следившая за действиями джунгарского хана, в 1734 году писала, что Цеван-Рабтан "бухарцов, живущих в городах в Еркени, в Турфане, в Кашкаре, в Аксу и в прочих к ним принадлежащих городках, под свою власть привел и дань брать начал. Ханов же и многих беков и лучших людей из тех городов к себе побрал, которые уже при нем, контайше, и пашню завели... Всех бухарцов при нем, контайше, кочует, кроме пашенных, около 2000 человек". Из этих данных И. Я. Златкин сделал вывод, что Цеван-Рабтан окружил себя многочисленными представителями мусульманской аристократии, потомками правивших в прошлом Восточным Туркестаном династий, а также "лучшими людьми", т. е. богатым купечеством. Ханы, беки и "лучшие люди" завели пашню, завели имения.

Подобно своим предшественникам, Цеван-Рабтан продолжал поддерживать связи с Калмыцким ханством на Волге и Хошоутскими владениями на Коко-Норе. Последняя жена Аюки-хана — Дарма-Бала была дочерью Цеван-Рабтана. Культурно-религиозные связи калмыков с Тибетом проходили через Джунгарию, и Цеван-Рабтан старался не препятствовать паломникам и посольствам с Волги.

И. Я. Златкин говорил, что встречаются некоторые данные о поддержке Далай-ламой плана объединения калмыков с Джунгарским ханством. Далай-лама поручил Шакур-ламе сообщить калмыцким князьям о желательности объединения ойратов. "В прошлых годах по прибытии Шакур-ламы от Далай-ламы, объявил он, Шакур-лама, повелением Далай-ламиным, хану Аюке, чтоб они все, калмыки, из-под российской протекции к своему однозакон-ному хану откочевали, и хан де Аюка и жена его Дарма-Бала и Шакур-лама и Эмчи-гелюнг предложили, чтоб им откочевать к контайше". Это сообщение не было новостью. В калмыцких аристократических кругах эта идея витала в воздухе, поднимаясь при изменении политической ситуации в ханстве. Более сложными были отношения Цеван-Рабтана с Хошеутовским ханством Гуши-хана, принявшим цинское подданство, поэтому действия против него затрагивали интересы Китая. У Гуши-хана нашли приют многие знатные нойоны, бежавшие и от Бошокту-хана и от самого Цеван-Рабтана.

Не добившись успеха в Коко-Норе, Цеван-Рабтан обратил свои взоры на Тибет, светским правителем которого был внук Гуши-хана — Ладзан-хан. В результате переговоров с последним дочь Цеван-Рабтана стала женой сына Ладзан-хана.

Некоторые историки отмечали, что Цеван-Рабтан, продолжая политику своего дяди — Бошокту-хана, "начал замышлять то же самое, за что ратовал и Галдан: он думал соединить под своей властью все четыре рода

древнего ойратского союза, сделаться самостоятельным ханом всех ойратских поколений и восстановить сполна старые границы чжунгарских владений".

Для осуществления своих планов Цеван-Рабтан посылал к Аюке-хану послов, чтобы привлечь его на свою сторону, но из Коллегии иностранных дел зорко следили за этими переговорами.

В 1716 году Цеван-Рабтан начал военные действия против Лхасы, а в сентябре следующего года "главный город Тибета был взят ойратами; фактически хозяином Тибета стал хан Джунгарии".

Но Пекин не мог допустить расширения Джунгарии. Сюань Е двинул свои войска в Тибет и в 1720 году он был освобожден. При описании этого события о. Иакинф сообщил подробности. Гуши-хан, при покорении Тибета, ханом этой страны сделал своего сына Даян-хана, ему наследовал сын — Далай-хан Ладзан — внук Гуши-хана. За сына Ладзана — Даньчжуня Цеван-Рабтан выдал замуж свою дочь Ботолок. Затем Цеван-Рабтан, "узнав, что зять его Даньчжунь занимается таинствами волхования (харалчжада), сжег его (за волхование) между двух раскаленных котлов". Ойраты овладели Тибетом без кровопролития, т. к. "Тибетцы более желали быть под Элютами, нежели под властью Китая, несмотря на то, что Элюты разграбили все сокровища Будамиского дворца".

При этом великий синолог сообщил, что в годы правления Цеван-Рабтана "Аюки, хан Торготский, приходил из России в Чжуньгарию, откуда увел с собою остальных торготов. После сего Хойт, сильнейший из Дурботских родов, возведен на степень ханства, и Элюты посему продолжали по-прежнему называться Четырьмя Ойратами".

Первые годы правления Цеван-Рабтана были сложными в отношениях с Россией. Сложности были связаны с бывшими их подданными, которые кочевали в Сибири. И Цеван-Рабтан "желая ликвидировать очаг конфликтов, направил в киргизские районы Южной Сибири крупный отряд своих войск, с помощью которого все киргизы оттуда выведены и переселены в район Иссык-Куля".

Летом 1713 года Сибирский губернатор М. Гагарин направил к Цеван-Рабтану И. Чередова с требованием, чтобы хан Джунгарии прекратил сбор ясака с населения Барабинской волости. Эта миссия не имела успеха. За этим М. Гагарин подготовил и снарядил экспедицию во главе с подполковником Бухгольцем. Она в Ямышеве заложила острог и послала к Цеван-Рабтану Трубникова, но он попал в плен к казахам.

9 февраля 1716 года десятитысячный отряд ойратских войск во главе с полководцем Церен-Дондобом, который брал столицу Тибета — Лхасу, осадил ямышевскую крепость. Экспедиция Бухгольца вынуждена была

отступить вниз по Иртышу, она тогда в устье Оми заложила крепость и город Омск.

Спустя некоторое время упомянутый Чередов оказался в ставке Цеван-Рабтана. С ним хан отправил в Петербург своего посла Борокургана с просьбами к Петру I охранить их от Китая и разрешить его подданным кочевать "по обе стороны Иртыша невозбранно".

Петр I решил воспользоваться приездом Борокургана, чтобы завязать с Джунгарией более тесные дружественные отношения и отправил с ним И. Унковского.

В 1719 году в Китай был отправлен от Петра I Л. Измайлов. Он встретился в Селенгинске с представителем Китая Тулишенем, который приезжал к Аюке-хану. Тулишен говорил Измайлову, что китайские войска одержали победу над джунгарами и чтобы Измайлов посоветовал Цеван-Рабтану прекратить сопротивление. Л. Измайлов, разгадав замыслы Пекина, отказался выполнить просьбу Тулишена. При этом был разыгран целый дипломатический спектакль. Посол Цеван-Рабтана "поехал из города в путь свой, а провожали его честно и для выезду его стреляли у города из стоящих трех пушек", а при выезде людей Измайлова не было оказано такой чести. Измайлов в результате своей поездки в Пекин и переговоров сделал вывод, что главным в политике Китая является уничтожение Джунгарского ханства. И в этой борьбе "Сюань Е и его сановники вынуждены были сочетать вооруженную борьбу против ханства со сложными дипломатическими маневрами, имевшими целью привлечь к участию в этой борьбе Русское государство или, в крайнем случае, Калмыцкое ханство".

Посольство И. Унковского имело целью склонить Цеван-Рабтана к подданству России, как это сделал Аюка-хан. Но в это время умер старый китайский император Сюань Е, ему наследовал сын — Инь Чжень. В связи с этими событиями к Цеван-Рабтану пришли послы из Пекина и Хошеутовского ханства, заявившие "жить по-прежнему в дружбе".

Вместе с И. Унковским в Петербург приехал новый джунгарский посол Доржи, миссия которого ограничивалась согласием Петра I поддерживать традиционную дружбу.

В 20-х годах Цеван-Рабтан активизировал свою политику. В Южной Сибири появились его сборщики ясака с населения; его посол в Пекине поставил вопрос о возвращении ханству Хами, Турфаня и части территории Халхи; усилился натиск ойратов на казахские кочевья в Семиречье. В 1723 году, собрав крупные силы, хан нанес удар по владениям Большого и Среднего жузов, подчинив большую их часть и превратив в своих данников.

В том же году в Коко-Норе вспыхнуло крупное восстание хошеутовских князей во главе с внуком Гуши-хана — Лубсан-Даньдзином, направленное против Китая, за восстановление былой самостоятельности хошеутовских владений. Восстание было подавлено. Сам Лубсан-Даньдзин бежал к Цеван-Рабтану, который решительно отклонил требование Пекина о выдаче беглеца.

Цеван-Рабтан умер в конце 1727 года. Смерть хана имела трагические последствия и для других членов его семьи. Они связаны непосредственно и с событиями истории Калмыцкого ханства. На этих событиях стоит остановиться несколько подробнее.

После смерти Чакдорджапа — официально объявленного преемника Аюки-хана, старший из 12 сыновей Чакдорджапа — Дасанг — немедленно прислал посланца к Астраханскому губернатору А. П. Волынскому. Через посланца он передал, что "для нынешнего нашего дела живого мы ничего не режем, и через десять тысяч манжиков поминки мы справляем" и заверил губернатора, что "в услугах е. и. в. ныне и впредь хочет быть верным так, как дед и отец его". То есть Дасанг считал себя наследником отца своего и преемником ханства. У Аюки-хана от последней жены были два сына, а их мать — Дарма-Бала, дочь Цеван-Рабтана, хотела сделать преемником мужа своих сыновей. Она была еще сравнительно молода и склонила Аюку-хана в пользу их сына. Двенадцать сыновей Чакдорджапа и двое сыновей Гунджаба потребовали свои доли и предъявили права на наследство. Создалась сложнейшая ситуация. И уже при жизни престарелого хана начались междоусобные столкновения.

Именно в этот период в Калмыцкие улусы приехал из Джунгарии сын Цеван-Рабтана и сводный брат Галдан-Церена — Лоузанг Шуно. Он же приходился Дарме-Бале братом. Матерью Шуно была дочь Аюки-хана — Сетер-Джап.

Свой приход на Волгу он объяснил так, что войско и улусные люди отца его любили и хотели сделать его преемником ханства, а сводный брат — Галдан-Церен, завидуя его популярности, хотел его "убить до смерти". Младший сын Аюки-хана — Галдан-Данжин говорил, что он послан к Дарме-Бале "со обнадеживанием, что хан-тайша будет к ним, калмыкам, немедленно и их примет в свою протекцию".

Один из самых осведомленных зайсангов — Олдоксон — доносил В. П. Беклемишеву, что приехал к калмыкам "хон-тайшин сын, Лоузанг-Шоно, а сказывают де будто он к нам бежал от брата своего, но калмыки имеют в отношении Лоузанга-Шоно немалое подозрение, и признают де за шпиона".

В 1723 году Цеван-Рабтан направил на Волгу посла сосватать свою дочь за сына Аюки-хана. А через год для продолжения этих переговоров с Волги в Джунгарию прибыл зайсанг Еке-Абугай сватать сыновьям Аюки-

хана дочерей Цеван-Рабтана. Эти переговоры не были доведены до конца из-за смерти Аюки-хана.

Последние годы жизни Аюки-хана были омрачены борьбой его многочисленных потомков за наследство. Уже при нем начались военные столкновения за улусы и ханский трон. В такое смутное время и приехал упомянутый Лоузанг-Шуно. Один из главных зачинщиков смуты — Дондук-Омбо — выдал за него свою дочь. И, по словам Олдоксона, он стал "зело самоволен, так что кого хочет, того бьет и ножом режет и скот отнимает, все калмыки в великом несогласии". Он даже нападал на русского посланника Якова Татаринова, отобрал у него пищаль, хотел застрелить, но не дали ему совершить это преступление зайсанги, тогда он "двух калмык прибил едва не до смерти... и многих лошадей перестрелял".

За посольством Еке-Абугая в Джунгарию приехало другое посольство. И в это время скоропостижно скончался Цеван-Рабтан. Ему наследовал сын Галдан-Церен, по словам о. Иакинфа, "злой, коварный, беспокойный". Он обвинил свою мачеху Сетер-Джан и прибывших туда калмыцких послов в том, что они отравили его отца. Начались расправы. Галдан-Церен казнил четырех и отправил в ссылку двух членов калмыцкого посольства, заключил в тюрьму и держал год в заточении Еке-Абугая, а мачеху свою и трех ее дочерей подверг мучительной казни.

Галдан-Церен отправил посла Боджир в Россию. Тот был 1 февраля 1728 принят Петром I. В письме своем к императору хан объяснял: "Брат мой меньший к калмыкам ушел и с владельцем Дондук-Омбо соединясь, к мачехе моей прислал отраву, чтобы ею меня отравить. И помянутая моя мачеха, убояся тою отравою меня отравливать, рассуждая, что ежели про оное сведает мой отец, то ей не без беды пробудет, вымыслила оною отравить отца моего, что она и учинила, от чего он, отец мой, и преставился".

Выше мы упомянули о втором посольстве, о составе которого ничего неизвестно. Но именно это посольство, по нашему мнению, связано с интригами Лоузанга-Шуно и его тестя Дондук-Омбо. Галдан-Церен прислал письмо и к калмыкам, в котором писал: "А ныне, ежели памятуя предков наших... дружбу, от Орлюка и поныне, и быть чтоб в добром состоянии, то Шону и Дондук-Омбу обоих, поймав, отдайте, а я недружбу взыщу". Джунгарский хан не раз повторял эту просьбу, даже обращался к российскому правительству. Лоузанг-Шуно, находясь в калмыцких степях, умер в 1732 году.

Выезд Шуно в калмыцкие улусы был связан с политическими целями его отца Цеван-Рабтана. Вокруг имени Шуно разыгрывались большие политические интриги, сведения о них противоречат друг другу. Но одно вырисовывается ясно — он должен был склонить калмыцких владельцев к откочевке в Джунгарию. Поэтому он вошел в легенды многих народов как Шуно-батыр — страдалец и герой.

С калмыцкими представителями Галдан-Церен расправился жестоко, а с другой стороной он поступил более дипломатично. Он, желая сблизиться с Тибетом, сыну покойного хана отдал неболь¬шой удел, сестру свою Ботолок выдал за Вэйчжен-Хошоция — хойтского тайшу, а сыну ее Баньчжуру, рожденному от Даньчжуня, также отдал небольшой удел. Ботолок после первого мужа осталась беременной и родила уже по выходе замуж за второго. Это был Амурсана, который, как получается происходил не от хойтского, а от хошеутского рода. Таким образом Галдан-Церен обезопасил свое ханство с юга. Значительный корпус он отправил навстречу китайской армии, которую разбил полностью.

Два полководца хана: Церен-Дондуб старший и Церен-Дондуб младший расположили свои войска в верховьях Иртыша и готовились напасть на Халху.

Осенью 1732 года Галдан-Церен со всеми своими силами напал на Дзасакту-хана и захватил все его имущество, скот, двух сыновей и наложницу. Дзасакту-хан, отправившийся в это время в Пекин, получив известие, "в сильном негодовании отрезал у себя косу и хвосту лошади, на которой ехал, торжественно поклялся над сими вещами продолжать мщение до смерти". И нужно признать, что он жестоко отомстил джунгарам.

Галдан-Церен праздновал победу. В это время Дзасакту-хан, получив помощь войсками от других князей и Китая, устремился на ойратов. Бой произошел недалеко от монастыря Эрдени-Чжао. Галдан-Церен потерпел поражение, войска его были истреблены, сам он спасся бегством. После этого он не мог уже предпринять крупных военных действий. В 1739 году был заключен договор с Китаем по разграничению территорий, согласно которому Галдан-Церен потерял почти половину земель на востоке.

Галдан-Церен продолжал дело своего отца по развитию земледелия и промышленности. Русский посол Л. Угримов, находившийся во владениях хана, оставил интересные сведения и наблюдения. По его словам, пахотные угодья в долине реки Или, у подножия Талкинского перевала, орошали с помощью арыков, в долине реки Гурбульджин землю обрабатывали бухарцы, построившие для себя дома и селившиеся целыми поселками.

Возле ханской ставки располагался сад. "Был я во оном саду,— писал посол,— встретил нас один бухаретин, которой над теми садами имеет по указу своего владельца смотрение". В этих "садах видно было довольно всяких дерев, и величиною оной сад, например, кругом будет версты три, которой огражден стеною из незженого кирпича вышиною выже сажени". По свидетельству Л. Угримова, таких садов в Джунгарии было довольно много.

Один сад Галдан-Церен дал во владение шведскому офицеру Ренату, участнику экспедиции Бухгольца, попавшему в плен в 1716 году, который организовал в Джунгарии производство пушек и мортир.

Л. Угримов посетил еще один сад Галдан-Церена. Он располагался в Илийской долине, на берегу озера Хашатунор. Этот сад был огражден кирпичной стеной в окружности "верст на 5 или больше... где и прочего кирпичного строения имеется довольно, и птичьи покои... А потом показывали оные сады, в которых довольно изобретено разных фруктов и овощей".

Другой русский посол Д. Ильин, вернувшись из Джунгарии, рассказывал, что "там делают ружья, порох, добывают селитру, медь и железо".

Важную роль в развитии литейного и пушечного производства сыграл Ренат. Он говорил Л. Угримову, что для армии Галдан-Церена изготовил 15 пушек четырехфунтовых, 5 пушек малых и 20 мортир десятифунтовых. Дворянин И. Сорокин, тоже находившийся в плену, рассказывал о добыче железной руды. Руду плавили в горнах, а из полученного железа "делали турки, сабли, панцыри, латы, шлемы" и такого дела мастеров было у ойратов около тысячи человек. Галдан-Церен старался развивать различные производства, набирал мастеровых людей, которые б могли "во всем железном мастерстве знать силу", а "также и фабричных мастеров, которые б могли делать всякие материи" и изделия "золотые, серебряные и шелковые".

Галдан-Церен умер в 1745 году. Обозревая историю Джунгарского ханства, можно сказать, что со смертью этого хана закончилось и могущество ойратского государства. И. Я. Златкин, проанализировав историю Джунгарского ханства, пришел к выводу, что "годы правления Цеван-Рабтана и особенно его преемника Галдан-Церена были временем наибольшего могущества Джунгарского ханства, наиболее активной его роли в жизни Восточной и Центральной Азии... Ойратские феодалы сохранили свое государство и опрокинули планы могущественной тогда державы Восточной Азии — Цинской империи и союзных ей группировок восточно-монгольских феодалов. Ойраты сохранили, наконец, свои силы и, следовательно, потенциальную возможность возобновить борьбу как против Цинской династии, так и против других противников".

Галдан-Церен оставил после себя трех сыновей: Лама-Дарчжу, Цеван-Дорчжи-Нямгала и Цеван-Чжаши. Между этими сыновьями и их родственниками начались нескончаемые интриги и соперничество за власть, приведшие государство к уничтожению.

Калмыцкие междоусобия

Фактически претендентов на ханство после смерти Чакдорджапа было три человека. Это Дасанг — старший сын Чакдорджапа, Церен-Дондук —

сын Аюки-хана и Дондук-Омбо. У первого были законные права, так как Аюка-хан официально передал ханскую печать и назначил своим преемником его отца — Чакдорджапа. У второго права основывались на том, что он — сын хана, значит должен стать преемником отца. У третьего права основывались на том, что после смерти его отца Гунджаба, дед его усыновил, значит он считался как бы тоже сыном Аюки-хана.

В журнале Калмыцких дел при губернаторе Волынском записано, что Аюка-хан не хотел, чтобы из калмыцких владельцев кто-либо был силен, чтобы противостоять его сыну Церен-Дондуку, он делал так, чтобы "между ими был баланс и чтоб никто не имел такой силы, чтоб сыну его могли быть противны".

По обычаям и традициям права Дасанга были более обоснованы, ему принадлежали самые большие многочисленные улусы, значит были и войска. Аюка-хан, по просьбе Дарма-Балы, решил передать наследство и ханскую власть сыну — Церен-Дондуку. Поэтому он решил обессилить Дасанга улусами, для этого стал настраивать против него остальных его братьев, чтобы те требовали свои наделы.

Аюка-хан призывал к себе Дасанга для переговоров. На свидаие с дедом Дасанг приехал "с великим конвоем", и когда он был у хана в кибитке, другой его брат Нитар Доржи "с конвоем недалеко стоял на конях в готовности в противном случае к обороне Дасанга". И поэтому, как писал В. Бакунин, "хан Аюка то непослушание Дасангово принял себе за обиду и Дасангов к себе с великим конвоем приезд за бесчестие счел и в калмыцких улусах крепкими указами и под штрафов публиковал, чтоб все калмыцкие войска собирались и шли на Дасанга, а главную над теми войсками, которых было до 20000, команду поручил внуку своему Дондук-Омбе", при котором были младший сын хана Галдан-Данжин и брат Дасанга — Дондук-Даши. А в Астрахань губернатору Волынскому и командовавшему персидским корпусом генерал-поручику Матешкину сообщал, что Дасанг от него уехал, поссорясь с братом своим Дондук-Даши, и он приказал, чтобы, кто начнет из них драку, по ним стрелять.

Дасанг тоже послал к губернатору зайсанга, просить помощь и защиту, при этом он со своими улусами приблизился к Астрахани, почему к нему на помощь и были присланы капитан Брюс и поручик Андреян Лопухин и с ними две роты Ингерманландского и Астраханского батальонов, 50 человек драгун Астраханского гарнизона с двумя полковыми пушками, 100 человек донских казаков и несколько сот юртовских татар. А сам Волынский для переправления улусов Дасанга с луговой степи через реку Ахтубу — в луга "лодок, сколько возможно было" собирал. При этом он послал к Дондук-Омбо и другим дворянина Данилу Танбеева, чтобы уговорить их не нападать на Дасанга, но войска противной стороны его не допустили до командиров, Танбеева "били и ограбили, а бывших при нем Дасанговых калмык поймали и саблями рубили".

24 ноября 1723 года "при реке Ахтубе у устья речки Берекети, от Астрахани в сорока верстах" Дондук-Омбо с командой совершил нападение на Дасанга. С обеих сторон было убито до 100 человек, столько же ранено. На этот раз Дасанг был защищен появившимся на шлюпке Волынским, "с двумя его (Дасанга) братьями, с их женами и с знатными зайсангами, да и улусов их до 2000 кибиток, которые в лодках успели перебраться через реку Ахтубу".

25 ноября Волынский следовал берегом речки Берекети для охранения Дасанговых улусов, но Дондук-Омбо опередил его. Он с 13000 человек встретил губернатора, "недошед до российской команды с триста сажень, построился к бою полуциркулем", то есть был совершенно готов к атаке. Специальному посланнику губернатора он ответил, чтобы тот не заступался за Дасанга, "в противном случае будет он с ним, губернатором, поступать по-неприятельски".

При этих военных действиях внутри калмыцких улусов произошли движения. Калмыцкие подданные ногайцы, джетысан и джем-булуки, "которых считалось первых двенадцать, а других более трех тысяч кибиток, а командовал джетысанами Буркут-солтан, Мамбет Мурза, Салтан Мурат Беев сын, а джембулуками — Акмамет-мурза, Джусуп, Мурзин сын, в декабре месяце ушли на Кубань". Дербетев владелец Четерь-тайши со старшим сыном — Лабан-Дондуком и большей частью улусов отошел за Дон, а младший сын его — Гунга Доржи с меньшей частью улусов нахо¬дился при своем тесте Дондук-Омбо и был при нападении тестя на Дасанга. Доржи Назаров со своими улусами оставался при реке Яике, а ханские улусы зимовали на нагорной стороне реки Волги, "одним словом, весь калмыцкий народ разделялся на четыре части".

Тогда же Дасанговы два брата от одной матери пожелали креститься. Из них Баксадай Доржи поехал в Петербург и, будучи там, был крещен. Восприемником у него был Петр I и наречен он был именем Петр, и "велено ему, крещеному владельцу, писаться Тайшиным". При нем же "крестилось из лучших их зайсангов семь человек, а восприемниками им были князь Меньшиков и другие из первых министров".

Нужно заметить, что Чакдорджап еще перед смертью шести своим сыновьям отделил специальные части улусов: Бату — 400 кибиток, Дасангу — 1000, Баксадай-Дорже — 500, Нитар-Дорже — 200, Дондук-Даше — 400, Данжин-Дорже — 400. Остальным шести сыновьям, по их молодости, не выделил их доли, но завещал, чтобы все кочевали вместе с Дасангом и слушались брата.

Всего же у Чакдорджапа было более десяти тысяч кибиток подвластных ему керетов и аха-цатанов. Кроме того, его жены имели отдельные улусы, превышающие тысячи кибиток.

Когда передали, что "хан Аюка весьма болен и ничего не действует'', тогда Дондук-Омбо уже приготовился перекочевать за Дон, к этому он подговаривал и других нойонов. А когда хан умер, все оказались "в великом сумнении, опасаясь того, чтоб ханскую жену кто из владельцев не увел к себе и не женился на ней". Выше мы встречались со случаями женитьбы нойонов на мачехах после смерти отцов, дедов, а также на женах умерших братьев. В данном случае женитьба на Дарма-Бале была связана с великими улусами и ханским троном.

Этот вопрос обсуждали в Петербурге на заседании Сената уже 16 апреля, куда срочно был приглашен А. П. Волынский. Он получил инструкцию, чтобы калмыцким ханом объявить Доржи Назарова. Но Волынский перед этим должен был взять в аманаты сына Доржи Назарова, а также "реверс о верной службе". Доржи Назаров должен был отказаться от своих подданных татар и крепко смотреть за владельцами. При этом, если "Аюкина жена и прочие владельцы будут представлять к тому ханского сына Церен-Дондука или кого из внучат — и их склонять ласкою и подарками к тому, чтоб Доржу Назарова признали ханом", а если они не примут этих предложений, "тогда с ними поступать действом воинским, как с неприятелями, и нового хана во всем защищать".

Из Сената к бригадиру Шамардину, бывшему на Царицынской линии, был послан указ, чтобы он поступал по предложениям Волынского в отношении калмыков и не требовал дополнительного подтверждения. Кроме того, Шамардину разрешалось взять казаков до трех тысяч к своим полкам. У Шамардина в это время были четыре драгунских полка, до двух тысяч донских казаков, к ним прибавлен Воронежский гарнизон, расставлены везде посты с пушками.

По приезде в Саратов, Волынский стал посылать нарочных к Доржи Назарову для встречи. Но тот был занят борьбой с напавшими на его улус казахами. Волынский полтора месяца пересылался с Доржи Назаровым, от которого приходили разные известия. От хошеутовского владельца Лекбея приехавший Лама Раб-джамба говорил губернатору, что Доржи Назаров получил оставшиеся после Аюки-хана улусы, а также улусы его сыновей — Церен-Дондука и Дасанга, которых счислялось до десяти тысяч кибиток, и намерен отойти к Далай-ламе или в Китай, или к Коко-Норским калмыкам, а может быть, к хун-тайше, т. е. в Джунгарию.

1 сентября Волынский получил известие, что Дарма-Бала, Церен-Дондук, Шакур-лама, Дондук-Даши и Яман желают с ним встретиться и остановились на Волге-реке на урочище, называемом Гряды, ниже Саратова в тридцати верстах.

В это время к губернатору прибыл дворянин Степан Шахматов, посланный им к Доржи Назарову. Он объявил, что Доржи Назаров прибыл и стоит "против города, недоехав до Волги версты с три" и обещал к "губернатору быть обедать". И в третьем часу пополудни губернатор "съехался с ним,

Доржею Назаровым, с которым приехал и зять его, владельца Дондука Хошоутова брат родной, Тарба Церен и при них было знатных зайсангов человек с 50, да протчих калмык человек с 400". С губернатором сели обедать только Доржи и его зять, а зайсанги сели двумя другими столами, для которых "поставлено было варенова и жаренова мяса в чашах, тут же поставлены были бадьи с вином, пивом и с медом". После обеда губернатор пригласил нойона "в особливую кибитку" с переводчиком Василием Бакуниным.

В этой беседе открылись новые сведения. Оказалось, когда Петр I был в Астрахани, в присутствии "господ сенаторов сиятельных графов генерала-адмирала и действительного тайного советника Петра Андреевича Толстова", говорил Доржи Назарову, что после смерти Аюки-хана он будет пожалован ханом "над всеми калмыцкими владельцы и улусами", поэтому и прислан Волынский объявить об этом повелении.

Доржи Назаров отвечал, что "благодарствует за высокую е. и. в. милость и тем зело доволен" и кто бы "не желал себе такова великова счастья". При этом он высказал свое мнение, что "по смерти хана Аюки по линии надлежит быть ханом сыну его Черен-Дондуку или ближним их фамилии Дондук-Омбе или Дасангу, а он, Доржа, хотя и той же фамилии, но далее их", поэтому если он будет назначен ханом, то его слушать никто не будет. На доводы губернатора Доржи говорил, что при его назначении, "то они для лица" примут, но разъехавшись, могут его убить, "объявляя, что и сам господин губернатор знает, какой калмыцкой народ своевольной и бесстрашной".

Губернатор предлагал жениться на Дарма-Бале, тогда к нему перешли бы улусы. На это предложение нойон ответил уклончиво, говоря "что ему ханскую жену яко старшую себе взять невозможно, ибо он ее почитает как мать". Доржи обещал по этому вопросу посоветоваться со своей женой и старшим сыном Лубжею и дать ответ, но, отъехав к себе в улус, об этом разговоре уведомил Дарма-Балу и больше он с губернатором не встречался. При этих встречах Доржи обратил внимание губернатора на то обстоятельство, что из всех претендентов "паче всех подозрителен Дондук-Омбо" и что его поймать невозможно, "объявляя о его осторожности", что он может уйти куда-нибудь, а потом, делая набеги, беспокоить калмыцкие улусы. Так и случилось впоследствии.

Потом губернатор встретился с главным и первым зайсангом ханства — Яманом. Он говорил губернатору, что владельцы все люди молодые и страха никакого не видели, поэтому "бесятся и сами не знают, что делают, а старых и добрых людей не слушают, а ханская жена человек яко безглавной и для того манит всем и кого видит сильного, того партию и держит".

Яман представил в наместники ханства Церен-Дондука и говорил, что его поддержат мать, Шакур-лама, Чакдорджаповы сыновья и он сам.

Волынский подал мысль, что, может быть, оставить так, не назначая никого ханом. На это Яман ответил, что для него лично и Шакур-ламы все равно, кого "изволит пожаловать е. и. в.", но такого хана, как Аюка, "не сыскать, и при том рассуждал, что кому ни быть ханом все равно и только что прибавок ему будет один титул и место первое, а пожиток его с одних только с его собственных улусов, а протчие де владельцы всяк владеет своими улусами и управляет и хан к ним ничем интересоватца не повинен и слушать его никто не будет". Но ханом, если по калмыцким обычаям, "надлежит учинить линии ханской или из детей или из внучат", т. е. Церен-Дондука и Дасанга, при этом он заметил, что Гунджабова "сына Дондук-Омбо и поминать нечего" в том смысле, что, учиты¬вая известные причины, ханом "никоим образом допустить его невозможно", хотя он человек неглупый.

В разговоре был затронут вопрос, не уйдут ли калмыки в Джунгарию. На это Яман "рассуждал, что довольно в тех сторонах как у Далай-ламы, так и у Хон Тайши бывал и видел как живут, и что калмыкам такова покойного и безопасного и пожиточного места нет, как около Волги".

Затем губернатор встречался с Шакур-ламой и ему задавал вопрос, кого можно поставить наместником ханства. Лама ответил, что "надлежит учинить линии ханской или из детей или из внучат и из племянников" и назвал тех же нойонов. В это время Дарма-Бала поехала к губернатору. При этом она хотела предложить интересный расклад улусов, чтобы "Долан Дечинов" (т. е. часть Дасанговых улусов) и "Табун Дечинов" (т. е. Баксадай Доржину часть) отдать им же. А если сверх этих улусов будут просить еще, то чтобы присягали исполнять свои обязательства.

Даши-Бирюнь — жена Гунделека — со своим улусом Бага-Цатанами хотела соединиться с Дасангом, чему препятствовал Дондук-Омбо, который собирал войска. Дондук-Омбо успел захватить половину Бага-Цатанов и разделить своим зайсангам и так поусердствовал, что даже у "жен из ушей серьги повыбрали". Сестра Аюки-хана — Доржи Рабтан обратилась к губернатору, объявляя, что, когда происходила ссора между Аюка-ханом и Чакдорджапом, она их помирила и просила, чтобы сейчас губернатор помирил торгоутовы улусы.

Калмыцкие улусы тогда стали кочевать в отдалении друг от друга, опасаясь нападений. Так например, Дасанг занимал улусом прибрежную часть Каспийского моря, а другие кочевали "по обе стороны реки Медведицы, а именно: к вершине, в близости Ямановы, а ниже их Шакур-ламины, Черен-Дондуковы, Дарма-Балины, Дондук-Дашины, Батуевы, Дондук-Омбины". Бывшего Аюки-хана улусы кочевали на Узенях, хошеутовские владельцы Лекбей и Дондук кочевали у Волги, а Доржи Назаров - в Рын Песках.

13 сентября губернатор имел беседу с Шакур-ламой, при этом приехал Дасанг и по обычаю "кланялся три раза в землю", а войдя, подошел к

Шакур-ламе, "который, его обняв, приложил свою голову к его голове, а протчих зайсангов и протчих калмык на головы их накладывал свою руку, в которой имел четки". А 18 сентября пришли к губернатору Бага-Цатановы зайсанги — Лоузанг-гецюль, Замьянг Байсхуланг и объявили, что "они были ханова сына Гунделека и по смерти его, жена его Даши Бирюнь была замужем за Чакдорджапом, после которого хотели на Даше Би¬рюнь жениться Черен-Дондук, Дасанг, Баксадай Доржи". Когда Аюка-хан спрашивал ее об этих сватовствах, она, оказывается, ответила, что пока не подрастет ее сын и не станет владельцем улуса, не даст согласия, и хан с ней согласился. А Дарма-Бала, подозревая ее склонность сблизиться с Дасангом, отобрав ее сына и дочь, отдала Эмчи-гелюнгу.

В разговоре губернатора с Шакур-ламой по делам Дасанга выяснилось, что у них большие затруднения с разделом отцовских улусов, в число которых входили такие зайсанги, как Билютка и Дюбжур, которые владели самостоятельными улусами.

Дасанг настаивал, чтобы отцовские, т. е. Чакдорджаповы улусы отдали ему. Шакур-лама старался примирить Дасанга с его братьями, которые тоже требовали своей части.

Дальнейшее развитие событий показало, что Дасанг не имел ни способностей, ни авторитета, ни качеств владельца. В его положении самым лучшим было принять предложение Шакур-ламы и примириться с братьями, выделив им принадлежащие, по обычаю, части наследства. Кстати, Шакур-лама тогда говорил Дасангу, что приехал в последний раз примирить его с братьями.

Затем Волынский встречался со стороной Дарма-Балы, ее сыном Церен-Дондуком, Шакур-ламой и их знатными зайсангами. После встречи со всеми знатными нойонами, сопоставив их мнения, губернатор принял решение и 20 сентября 1724 года объявил Церен-Дондука наместником Калмыцкого ханства. Это не означает, что наместника калмыцкого ханства назначил астраханский губернатор. На это он получил полномочия от царя и Сената.

Наместник ханства был приведен к присяге в присутствии Шакур-ламы, Дарма-Балы, нойонов, знатных зайсангов.

Присяга Церен-Дондука начиналась по форме: "Я, Калмыцкий владелец, бывшего хана Аюки сын, Черен Дондук, обещаяся и божуся по закону моему, пред бурханами..." и "...в заключении сей моей присяги, полагая на чело мое Шакджи-Муни бурхана и прилагаю мою печать". Текст присяги был оглашен публично и "клал ему Шакур-лама бурхана на голову".

Дондук-Даши прислал своего знатного зайсанга Самандагу, через которого просил прощения его вины за нападение на брата своего Дасанга в партии с Дондук-Омбо, ссылался на свою молодость и

неопытность. Вину ему простили. Дондук-Омбо, ссылаясь на болезнь, не приехал, опасаясь ареста за нападение на Дасанга и российские войска. К нему был послан майор Беклемишев с присяжным листом, который он подписал и печать свою поставил. Присягу подписали все нойоны, "кроме Доржи Назарова, который того не учинил, принося разные отговорки".

В присутствии всех знатных нойонов и зайсангов с Дасангом помирились с условием, "чтоб всех Чакдорджаповых детей и их улусы с Дасангом соединить". Текст присяги при назначении Церен-Дондука наместником Калмыцкого ханства считается первым официальным документом, переведенным на калмыцкий язык, поэтому он широко обсуждался на неоднократных и многолюдных съездах и советах нойонов, зайсангов и духовенства.

После принятия присяги, все нойоны и зайсанги, по калмыцкому обычаю, поздравляли Церен-Дондука "обнимая". При этом был дан обед. "Владельцы и знатные зайсанги сидели с губернатором за столом, а протчие зайсанги сидели за другим столом, для простых калмык поставлено было бык и несколько баранов жареных и в чашках вареное мясо и бадьи с вином и медом".

"26 сентября Шакур-лама, Церен-Дондук и Дондук-Даши и знатные их зайсанги, а также Дасанг, а при нем Хошеутовского владельца Дондука сын Кичик, Балбуев сын Церен-Дондук съехались к губернатору и обедали".

После обеда Церен-Дондук, Дасанг и Дондук-Даши, "говоря особливо несколько часов" о своих делах по разделу улусов, губернатору и Шакур-ламе объявили, что ни к чему не пришли, и ответ скажут завтра.

В те дни распространился слух, что Дасанг хочет креститься, но главный его зайсанг объявил, что если Дасанг с братьями крестится, то весь калмыцкий народ "будут сумнительны и разбегутся". Сам Дасанг в беседе с Волынским сказал, что рад бы то совершить, но т. к. "он уже человек совершенных лет и тако как ему оставить тот закон, в котором родился и обык, и принять закон новой, о котором мало слыхал" не возможно. К тому же и улусные люди тогда от него все уйдут.

Нужно заметить, что, несмотря на, казалось бы, осведомленность русского правительства о калмыцких делах, приходили распоряжения Волынскому, явно невыполнимые им. Первое — назначение ханом Доржи Назарова. Это говорит о незнании обычаев и традиций народа. Второе — назначение Церен-Дондука наместником ханства, оно также не укладывалось в принятые обычаи. Третье — 11 ноября Волынский получил из Сената указ, которым предписывалось взять в аманаты кого-нибудь из братьев Церен-Дондука, а если у него будут дети, то и из детей его. Слух об аманате настолько расстроил калмыцких владельцев и зайсангов, что

они готовы были к любым действиям. Многие зайсанги тогда со своими семьями и людьми крестились.

Принятие крещения зайсангами было связано тоже с указами из Сената, которые пришли в начале 1725 года. В одном из них предписывалось: оклад хана Аюки разделить его сыну Церен-Дондуку и жене Дарма-Бале. Два указа касались крещеного Петра Тайшина. Предписывалось дать новокрещенному охрану из 24 человек при одном сержанте.

По приезде из Петербурга сам Петр Тайшин объявил братьям, что Петр I говорил ему, что для него недалеко от Астрахани построит город, в котором крещеные его калмыки могут зимовать, а летом кочевать, где хотят. На это заявление первый зайсанг Дасанговых улусов Билютка сказал, что "россияне желают всех их калмык крестить и поселить, и чтоб они советовали и положили на чем-нибудь на одном — или б всем креститься и поселиться, или б куда-нибудь от России откочевать". А по его мнению, "лучше им помереть в своей вере и для того б в линию не входить, а кочевать бы до времени между Кубани и Волги по шти рекам и Манычу".

Тайшин же заявлял владельцам, что им всем нужно мириться с ним, в противном случае он "может калмыцкими и российскими войсками их разорить, объявляя, что по крещении его дан ему такой императорский указ, чтоб изо всех волжских городов и с Дону войсками, сколько когда он потребует, чинить ему, Тайшину, вспоможение".

Эти заявления Тайшина настроили его братьев, других нойонов не только против него, но и против Волынского как сторонника Тайшина, как представителя русского правительства.

С началом междоусобий, калмыцкие улусы были впущены в линию, построенную между Волгой и Доном по распоряжению Петра I против калмыцких нападений на русские города. Когда нойоны пришли к временному соглашению, улусы, находящиеся в линии, были выпущены на свои кочевья.

Во время этого затишья к наместнику ханства Церен-Дондуку и находившемуся при нем Дасангу приехали Дарма-Бала, затем Дондук-Омбо, Дондук-Даши, Бату, Данжин-Доржи, которые решили оставить Дасанга при его 1000 кибиток, Баксадай-Доржи тоже оставить при 500, Нитар-Доржи — 200, а Гунцук-Джапу к прежним 100 прибавить еще 100, Дасангову сыну Чидану вновь дать 400, Дондук-Даши к его 400 прибавить 600, а Бату и Данжин-Дорже каждому к их 400 прибавить по 100, Бодонгу вновь дали 400, а четырем младшим братьям каждому дали по 200 кибиток, а оставшимися за этим разделом кибитками дозволено было владеть Дасангу.

Самоуверенные заявления Петра Тайшина о его полномочиях и заверениях Петра I, что его объявят ханом, настроили против него братьев — Дасанга и Нитар-Доржи. Как свидетельствует В. Бакунин, "Нитар Доржи при одном случае Петрову зайсангу Тунгулаку, крестнику покойного канцлера графа Гаврилы Ивановича Головкина, за то, что он крестился, кинжалом голову прорубил и бок проколол". Братья при этом договорились убить Тайшина. Нитар-Доржи напал на его кибитку, захватил его жену и находившегося при Тайшине иеромонаха. Нитар-Доржи нападал и на В. Бакунина, "бил его палками, метался на него с кинжалом и, выведя его из кибитки, хотел его из ружья застрелить, но до совершения убийства не допустил зайсанг Джалчин", А после отъезда Бакунина, "на другой день того зайсанга Джалчина из ружья убил до смерти". Нитар-Доржи также хотел убить самого Волынского, когда он вместе с Тайшиным водным путем отправился из Царицына в Дмитриевск. Губернатор, остановившись у слободы Дубовки, "отправил сильную партию российских регулярных и нерегулярных войск, чтоб его поймать живого или убить, которая от Царицынской линии на него, Нитар-Доржу, нападала, и при том из калмык его побито около ста человек, да живых поймано 61 человек, а сам Нитар-Доржи ушел в улусы Дасанговы".

Волынский направил Дасангу строгое предписание, чтобы он своего брата "поймал и к нему, губернатору, прислал или содержал у себя под караулом".

Об этих поступках нойонов Волынский уведомил Сенат, откуда он получил указ, в котором предписывалось ему стараться примирить братьев, "а в противном тому случае поступал бы с ними и оружием" или отдал бы Дасанга на суд наместника ханства.

Между тем, убийство Нитар-Доржи обсуждалось и готовилось на всех уровнях. Например, Петр Тайшин говорил губернатору, что он имеет такого человека, который может Нитар-Доржу позвать к себе в гости и "опоить", т. е. отравить, и для этого, говорил он, хорошо "дать бы ему отравы", да сделать так, чтобы эту отраву "не брать от калмыцкого лекаря, то опасно, что он может разгласить".

И Волынский "отравы взяв от штап-лекаря Меллера, которую он по посланному к нему ордеру нарочно для того сделал" и Петру Тайшину "вина дал и говорил ему, чтоб он Нитар-Доржу отравил, обещая дать денег пятьдесят рублей".

16 июля из Дубовской слободы был тайно отправлен в Царицын подполковник Заозерский, которому были даны инструкции, что¬бы, по прибытии в Царицын, объявить полковнику Еропкину секретно о целях своего прибытия и требовать "от него Малороссийских казаков тысячу человек добрых и вооруженных и доброконных" и вместе с донским атаманом Осипом Поздеевым идти по внешней стороне царицынской линии. Заозерский потребовал еще 150 драгун с капитаном Коровиным.

Также бригадир Витерания должен был с двумя тысячами донских казаков присоединиться к нему. Ему также дали проводников из верных калмыцких зайсангов. Они должны были поймать Нитар-Доржи и зайсанга Дюбжура "живыми или как бог даст". Было обещано и обнадежено "крепко, кто оных достанет живых, тем за Нитара 200 рублев, а за зайсанга Дюбжура 100 рублев".

18 июля губернатор отправил к Нитар-Дорже "именем брата его Петра пять ведер вина простова, шесть ведер меду с вином вареного" и "приказано было Нитар-Доржу и ближних его гораздо попоить".

На следующий день поступило сообщение, что Нитар-Доржи разбит Заозерским, и "как у них был бой владелец Нитар-Доржа без ружья и без платья, наг, только в одних штанах и без шапки и бос и не на оседлой лошади со оставшими своими калмыками о два конь побежал в степь". Во время поисков были пойманы ближайшие сторонники Нитар-Доржи, они подверглись жестоким пыткам, допросам. От них пытались узнать о дальнейших целях Нитар-Доржи. Они сказали, что он с братом Дасангом и другими поддерживающими их людьми намерены, перейдя Дон, уйти на Кубань.

26 июля пришел Указ из Сената о переводе Волынского губернатором в Казань, а на его место был прислан бригадир фон Менгден. Но до своего отъезда Волынский продолжал заниматься поимкой Нитар-Доржи. Он писал Дасангу, чтобы тот брата своего поймал и передал губернатору, при этом накрепко обнадеживал, обещая под клятвою, что они этому "брату Нитырю", хотя он и не достоин, но учитывая "за честь и заслуг бы деда их и отца и всей их фамилии не токмо соблюдут его живот, но и бесчестия никакого" ему не сделают, "кроме одного содержания под честным арестом з довольною пищею" со всеми его людьми до полного его раскаяния. 2 августа пришло известие, что Нитар "намерен бежать на Кубань и для того готовит лошадей и сушит мясо, и днем бывает у себя в доме, а на ночь выезжает в пустые поля, опасаясь поимки".

Петр Тайшин стал доносить на брата, что он собрал 500 человек и собирается бежать на Кубань. Затем пришло известие, что "Нитар-Доржи с лутчими людьми в нескольких тысячах стоит отсюда верстах в сорока по край улусов своих".

23 августа состоялся обстоятельный разговор губернатора с зайсангом Дасангова улуса Билюткой, присланным Дасангом, который спрашивал, что делать с Нитар-Доржи "поймать его или убить или окормить" т. е. отравить. Губернатор ответил, что "ежели его, Нитара, поймают жива, обещает ему, Билютке, дать пятьсот рублев, а ежели убьет, то триста рублев".

Билютка говорил, что его брата Ган-Шарапа Нитар-Доржи хотел ножом зарезать. Волынский воспользовался этим сообщением и сказал, что убить

Нитар-Доржи легче людям, живущим с Дасангом, "а паче всех приличнее то сделать брату его, Билюткину, Ган-Шарапу, который не токмо застрелить его, но и зарезать может, т. к. человек молодой", тем более, "что Нитар его хотел зарезать, а ныне он живет при нем".

Билютка не только согласился с предложением губернатора, но выразил сомнение, "что уже они как-нибудь однако сделают, только дадутся ли ему обещанные пятьсот рублев". Губернатор твердо заверил его.

После конфиденциальной беседы, Билютка представил губернатору посланца самого Нитар-Доржи — Адияна. Адиян подал от нойона письмо, в котором Нитар просил прощения за все преступления, содеянные как против своих калмыков, так и против россиян. Посланец предъявил губернатору от Нитара "в подарок лошадь, на которой он сам ездил".

К этому времени прибыл бригадир Витерания и стал собирать все имеющиеся войска в регионе, а также просил Церен-Дондука помочь калмыцкими войсками.

8 сентября от Дасанга приехал тот же Билютка и передал, что "брата своего Нитар-Доржу яко противника е. и. в. и вредителя своему отечеству он, Дасанг, за благо рассудил: живова поймав и губернатору с товарищи отдать или убить и тело его им показать".

12 сентября, квечеру, к губернатору прибыл посланец от Даши-Бирюни — манжик Зотбо. Он объявил, что "сегодня пополудни Дасанг брата своего Нитар-Доржу зазвал к себе в войска и когда де он вошел в нему, Дасангу, в кибитку, тогда де в кибитке началась драка, отчего оная кибитка вся тряслась и потом де выскоча из оной Билюткин брат Ган-Шарап махал знаменем и имянем Дасанговым войскам своим публиковал, что Нитар-Доржи за продер-зость им, Дасангом, заарестован". Узнав подробности трагедии, позже он сообщил, "что Нитар Доржи у Дасанга в кибитке удавлен шелковою веревкою, а Дасанг де оное таит и разгласил, что будто он, Нитар Доржи, был пойман живой и связан и потом уже умер".

Другие подробности сообщил губернатору зайсанг Билютка, рассказавший, что Нитар, по приглашению Дасанга, приехал "человеках во ста оружейных, которых Дасангов придворник к кибитке, кроме одного его, Нитара, объявя, что во оной токмо одни владельцы будут нечто советовать секретно, не допустил; и когда де он, Нитар, вошел в кибитку, тогда де ухватили его помянутой Байбасар и Билюткин брат Ган-Шарап и протчие, которые для того, по приказу Дасангову, нарочно были изготовлены и чрез великую силу его связали, и хотел де Дасанг его живова к губернатору прислать, но будто он противу четверых зело долго боронился силою своею, отчего и надсадил себя и так уже будто лежа связаной умер". Билютка обещал прислать тело Нитара губернатору и его дядьку Цойджина.

Убийцы Нитара — Байбасар, Билютка и его брат Ган-Шарап получили свои сребреники. За телом Нитара и его дядькой была послана команда Олонецкого полка "с пятьюдесятью человек драгун и двести человек донских казаков". 14 сентября тело Нитара и его дядьку привезли в Дмитриевск. Губернатор осмотрел тело Нитара, и заметил, что "видно на шее, что удавлен, также и на боках есть синие знаки, как бит был". При том, один из убийц по имени Дакба," объявил, что и он, Дакба Сюндюк в числе тех, которые для поимки его, Нитаровой, были изготовлены в Дасанговой кибитке был нарочно с лучною шелковою тетивою и когда де Нитар в кибитке против их силою своею стал борониться и говорил Дасангу, называя его отцом, для чего он над ним так делает, тогда де Дасанг из оной кибитки вышел вон и за ним де вышел и Билютка, а брат де его Ган-Шарап тое тетиву положил Нитару на шею петлею и тянул, и тако де его свалили с ног, завязали и потом де он, Нитар, умер".

Губернатор убедился, что Нитар-Доржи действительно мертв. Петр Тайшин почти радостно заявил ему, что т. к. брат его мертв, опасаться некого. Губернатор попросил, чтобы Петр Тайшин вернул ему яд, и 18-го сентября он отдал губернатору "отраву ему данную для окормления брата его Нитара, которая по возвращении отдана штап-лекарю Ягану Меллеру и велено ему оную вылить, что он и учинил".

Дело, связанное с Нитар-Доржи, Бакунин изложил очень кратко, не вдаваясь в детали. Он писал, что Дасанг, видя многочисленность российских и калмыцких войск, направленных на него и его брата Нитар-Доржи, был "принужден брата своего Нитар Доржу за вышеписанные многие его злодейства удавить, и сам приехал к губернатору Волынскому с раскаянием о разорении братьев своих, все вины возлагая на умерщвленного брата своего Нитар-Доржу".

Мы подробно остановились на истории убийства одного из внуков Аюки-хана по следующим соображениям. Во-первых,Нитар-Доржи представлял собой неординарную личность, в нем соеднились степная удаль, смелость, богатырская сила и преданность старшему брату — Дасангу, чьи интересы он защищал, и вместе с тем, он был сторонником старых традиций, он не хотел нарушения обычая наследования улусов и как мог защищал эти устои старины. Губернатор вынужден был признать, "что Нитар-Дорже в калмыцких улусах никого противника нет". Виной его гибели стали сложившиеся обстоятельства, предательство братьев и астраханского губернатора Артемия Петровича Волынского. Нитар-Доржи стал героем легенды о Миитр-Доржи-нойоне. В легенде, сохранившейся в народной памяти на протяжении почти трехсот лет, отразились практически все детали исторической действительности. Во-вторых, Нитар-Доржи, будучи человеком смелым, пользовавшимся большой популярностью в воинской среде, представлял опасность для других претендентов на ханский престол. Они были заинтересованы в гибели героя и пристально следили за всеми его действиями, доносили и, можно сказать, помогли довести дело до трагического финала. В-третьих, в этой

истории выявилась совершенно беспомощная политика Волынского в отношении калмыков. Он не понял, что имеет дело с народом, обладающим большим военным потенциалом и связями со многими соседями. Аюка-хан создал устойчивую систему управления, называвшуюся Зарго. Оно руководствовалось законами и традициями, нарушение которых могло иметь непредсказуемые последствия. По неверным представлениям Волынского о калмыках и политическом положении в ханстве из Сената присылали указы, ни один из которых им не был выполнен. Достаточно высокомерно и пренебрежительно он отзывался о калмыках, но при этом вынужден был признать пользу от калмыков Российскому государству. В своих дневниках Волынский называл калмыков, то "идолы", то "бестия", и опасался их. Например, "идолы те больше делают добра, нежели господа наши". Или другая запись: "сия бестия бродят в рознице все. И так не хочется в дураках остаться, да то б еще и ничто, только боюсь, чтоб не приняли в иной образ и не подумали, что я стращаю: а ныне я всякого дурака счастливее почитаю, понеже они легче могут ответ дать". Волынский не понял, что имеет дело с самыми смелыми воинами своего времени, продолжателями традиций своих предков. А Петр I, хотя и не жил среди калмыков, но умом великого государственного деятеля понял больше и как можно лучше использовал эту силу для славы России. Правда, Волынский оказался у калмыцких дел в самое сложное время, сложившееся после смерти Аюки-хана, но мы также знаем, что В. Н. Татищев и Н. А. Бекетов оказывались в подобных ситуациях, но действия их были основаны на конкретных знаниях людей и обстановки, объективном и умелом, дипломатическом решении сложнейших вопросов. Поэтому в разыгравшейся трагедии виновен и Волынский, т. к. в его руках были все нити заговора.

Пока был жив Нитар-Доржи, противники Дасанга не смели в открытую выступить против него. Но когда не стало главного защитника Дасанга, то его многочисленные братья воспрянули духом и открыто признавались, что теперь они готовы не только помириться, но и спать с ним на одной постели. Дасанг был разгромлен, улусы его отобраны, сам он спился.

Дондук-Омбо

Главным противником наместника ханства Церен-Дондука теперь стал его племянник — Дондук-Омбо.

Но нужно заметить, что внешние враги, соседи желали воспользоваться междоусобиями калмыцких нойонов. Так, осенью 1726 года на Волгу приходили казахские Средней орды Шемяки-хан и Барак-солтан, Меньшей орды Абулхаир-хан и Ишим-солтан с 10000 войском. Им удалось разорить улусы, захватить добычу и отправить к себе в орду. Церен-Дондук с братом и другими нойонами собрали 20000 войско, догнали одну партию у морской косы и уничтожили ее, другую партию окружили у берега Яика. Казахи, увидя превосходящую силу калмыков, остановились "и для защищения своего с четырех сторон обрываться стали (окапываться)

землею и, перерезав верблюдов, лошадей и рогатый скот, окладываться наподобие вала". Осада длилась четверо суток. Потом они помирились на следующих условиях: добычу всю возвратить, казахам оставить по одной лошади. И "впредь на калмык нападений и воровских набегов не чинить и мир содержать чрез столько лет, как в то время родившийся младенец придет в возраст и в состоянии будет на лошади ездить и сайдаком владеть", в чем присягнули представители обеих сторон.

С другой стороны калмыки имели вооруженные столкновения с турецкими подданными, крымцами, которые нападали на российские города и казачьи станицы.

На Дону и Кубани производил набеги Дондук-Омбо, который подговаривал других присоединиться к нему, а в противном случае — набегами разорял несогласных.

В 1731 году с 10000 войском Дондук-Омбо напал на войска Церен-Дондука и полностью разгромил его, наместник ханства вынужден был укрыться в Саратове. Верховный тайный совет дал указ подполковнику Беклемишеву, в котором указывалось, что "меж калмык паче всех враг и злодей и противник - Дондук-Омбо, и подобен он бывшему возмутителю Нитар Дорже, и для того ему, Беклемишеву, стараться и изыскивать такого способа, как бы того злодея Дондук-Омбу убить, обнадеживая, кто учинит сие, награждение, не жалея денег, как и помянутый Нитар промыслом губернатора Волынского изведен, ибо когда б можно было его, Дондук-Омбу, достать и умертвить, то б и другие владельцы, видя сие, спокойнее и послушнее были". Как видим, перед Беклемишевым ставилась такая же задача, как и перед Волынским, "не жалея денег", умертвить Дондук-Омбо. Но Дондук-Омбо оказался умнее и хитрее, да и среди российских военачальников в то время не было равных ему по воинскому таланту и организаторским способностям. При том он хорошо знал местные условия, дружил со всеми народами. Беклемишев не мог выполнить данное указание Сената и попросил помочь ему войсками.

Между тем у калмыков накопились дела, связанные с духовной жизнью общества и дипломатическими отношениями со странами Востока.

Наместник ханства Церен-Дондук, главный Шакур-лама и ханша Дарма-Бала вместе с другими нойонами обратились в Москву. Они просили: Церен-Дондук "об отпуске посланцев его к Далай-ламе для отвозу туда пепла отца его Аюки-хана; Шакур-лама и Доржи Назаров — о позволении самим им туда ехать". Последним двум было отказано в поездке под разными предлогами. И в "декабре месяце 1729 года отправлены были чрез Саратов, Казань и Сибирь к Далай-ламе посланцами: от ханши Дармы Балы — Намки гелен, от Черен Дондука - Батур Омбо; от Шакур-ламы - Балдан Габцу, от Доржи Назарова — Шарап Данжин, от Дасанга — Лоузанг Норбу гелен, от Дондук Даши — Иши Цой Гелен, а всех 40 человек". С этими посланцами должен был до конца ехать дворянин от

Сибирского губернатора Плещеева, но посланцы того дворянина оставили в Селенгинске.

А в январе 1731 года прибыл в Москву китайский посол Асхани Амба Туши, при нем было по два маньчжура и монгола. До калмыцких кочевий послы добрались только в мае. В грамоте от китайского Богдыхана говорилось, что они посланы "к торгоуцкому хану", чтобы поздравить и узнать о здоровье хана.

В. Бакунин, будучи переводчиком по калмыцким делам, оставил подробный отчет о приеме послов калмыками. Встречать послов приехали Ган-Даши и Джап. Китайские послы говорили зайсангам, "что они от Богдо-ханова величества отправлены Торгоуцкого Аюки-хана к наследнику". Они не знали еще, кто ему наследовал.

Богдыхан в послании, адресованном "Торгоуцкому хану", довольно пространно описал китайско-джунгарские взаимоотношения. В заключении говорилось, что против зюнгаров послано большое войско "для всевания и разорения", и предлагалось, если "ваши торгоуцкие люди будут приходить к вам и их вы будете принимать, также и зюнгаровы люди, которые будут бежать и несколько будут к вам приходить, то вы по тому ж в неумедленном времени принимайте жив добром порядке содержите, а между ими ежели будут знатные тайши и зайсанги или придворные, то конечно нам отдавайте". Также сообщалось, что "послано великое войско двумя дорогами для воевания Зюнгаров и к тебе Торгоуцкому хану посланы Мантай и Асхай со уведомлением... вас торгоуцкого хана". Заканчивалось послание предложением, что так как "торгоуцкая земля и Пекин, между ими далное расстояние, что нельзя ни о чем вскоре знать дать", поэтому "вы из своих людей послали к их крайним улусам для получения подлинного известия". Таким образом, пекинский двор предлагал калмыкам союз против Джунгарии. Такое предложение не могло быть принято тогда ни калмыками, ни петербургским кабинетом.

В бытность китайского посольства в калмыцких улусах, в Москве было принято решение об объявлении Церен-Дондука калмыцким ханом. Для этого из Москвы был прислан генерал-майор Иван Измайлов, назначенный тогда губернатором в Астрахань. Новому хану были вручены: грамота на ханство, "сабля оправная, панцирь с наручи и с прочим убором, да шуба и шапка соболья, покрытые парчою", а деньгами были награждены его мать — Дарма-Бала, Шакур-лама и нойоны. При этом от Церен-Дондука была взята присяга служить верно е. и. в. и по указам "исполнять и все то содержать, что отец его Аюка-хан при учинении присяги своей обещал".

Условия присяги с подписью и печатью Церен-Дондука Бакунин положил перед собой на стол при приеме китайских послов, чтобы они убедились в "подданстве торгоутского народа е. и. в.". В своих ожиданиях Бакунин не ошибся. Послы действительно заметили присягу Церен-Дондука с его

подписью и печатью. Попросили разрешения снять копии с присяги на маньчжурском и монгольском языках. Таким образом, документы или копии с них попадали в архивы Пекина, Далай-ламы и т. д.

Между тем положение новоиспеченного хана было непрочным. Дондук-Омбо настойчиво вел борьбу против него. Он привлекал на свою сторону многих владельцев. В ноябре, в районе озера Сасыколи, произошло сражение сторонников хана с Дондук-Омбо. Дондук-Омбо имел 10000 войско, при нем находились его брат Бокшурга, братья Дасанга — Петр Тайшин, Бату, сын Дасанга — Чидан, хошеутовский нойон Дондук, а на стороне хана были его брат Галдан-Данжин, Шакур-лама. В стороне от активного участия в сражении из сильнейших нойонов оставались: Доржи Назаров с сыновьями, Дондук-Даши с младшими братьями. Хан был разбит в этом сражении, улусы его отобраны и поделены между сторонниками Дондук-Омбо. Сам он с матерью и женами ушел в Саратов. Дербетевские владельцы тоже оставались в стороне. Эркетеневские зайсанги, хотя считались находящимися в подчинении у хана, не приняли участия в сражении, подались со своими улусами к Царицыну.

Когда в Москве узнали о действиях Дондук-Омбо, в Коллегии иностранных дел был созван специальный совет, на "котором присутствовали канцлер граф Гаврила Иванович Головкин, генерал-фельдмаршал князь Василий Володимерович Долгоруков, тогдашние вице-канцлер Остерман и генерал-фельдцейхмейстёр Миних" и действительные тайные советники — князь Алексей Михайлович Черкаской и барон Миних.

Они рассудили, что Дондук-Омбо, опасаясь за свои действия, может с калмыками отойти на Кубань или за Яик. Поэтому решили "послать туда знатную персону немедленно, дав ему полную мочь в следующем:

1-е. Чтобы он, едучи дорогою, учинил распоряжение, что ежели б противные калмыцкие владельцы похотели, переправясь чрез Волгу, пойти на Кубань, то б он старался до того их не допускать. И для того поручить ему в команду полки по Царицынской линии и на Черемшанских форпостах (Черемшанские форпосты были по реке Черемшане, в бывшей Самарской губернии) и приказать донским и яицким казакам быть ему во всем послушными, а ему из оного войска взяв пристойное число, расставить по Волге или инде где, куда чаять тем противникам на Кубань итти, причем равномерно велеть и генералу-майору Еропкину, по требованиям того посылаемого, отправлять и с его стороны команды, куда он назначит.

2-е. А ежели б те калмыцкие владельцы вознамерились итти за Яик, в таком случае по приезде его в Царицын отправить ко всем владельцам, которые к противникам не пристали, посылаемые к ним грамоты, а с которыми будет можно и персонально видеться и объявить им о причине своего приезда, и чтоб они, владельцы, собрались все вместе с своим войском и шли немедленно за оными противниками и старались для

недопущения их за Яик учинить над ними и над их улусами поиск, а при оных калмыцких владельцах отправить и полковника Беклемишева, придав для лучшей их надежности тамошнее легкое войско, сколько возможно и по тамошнему пристойно будет".

И, в-третьих, предлагалось снестись с Дондук-Омбо, предлагая помириться, не предпринимая военных действий.

Выполнение этой задачи было возложено на генерал-поручика князя Ивана Федоровича Барятинского.

Надо заметить, что в сложившейся ситуации, когда Дондук-Омбо заметно усилился захватами улусов у других нойонов и нападениями на хана, определился ему достойный противник. Это был Дондук-Даши. Дондук-Омбо это хорошо понял и теперь старался его достать при удобном случае и уничтожить.

В то время, когда И. Ф. Барятинский уже был в пути к Царицыну и Астрахани, Дондук-Омбо со всеми улусами перешел Волгу с луговой на нагорную сторону, готовясь напасть на Дондук-Даши. Но последний со своим улусом отошел на реку Куму и от Дондук-Омбо старался держаться в отдалении.

Барятинский, по приезде своем, всем калмыцким нойонам отправил через посланцев именные грамоты от императрицы. Дондук-Омбо ответил, что Барятинский, еще не встретившись с ним, обвиняет его в преступлениях, поэтому он не намерен встречаться с ним, а хочет отправить своего посланца ко двору е.и.в.

Дондук-Омбо в одном из писем В. П. Беклемишеву писал, что "прежде сего дед наш Аюка-хан, и у него было две жены и от старшей жены было четыре сына: Чакдоржап с братьями, а от меньшей жены один был — мой отец". Так как "хановы два брата Замсы и Араптан померли и Большой Замсо с женою и с улусом отдан Санжепу, а меньшого брата жену Нараптану с улусом отдал отцу моему". Он с обидой говорил, что этот третий улус у него отобрали, почему он вынужден был выступить против Церен-Дондука.

Барятинский, не найдя противника на предполагаемом месте, на нагорной стороне Волги, приказал "шести драгунским полкам, а именно Псковскому, Ямбурскому, Ревельскому, Троицкому, Нижегородскому и Симбирскому и двум пехотным: Муромскому и Ярославскому" выступить к Дону. К ним определил снарядить 3000 донских казаков. При Барятинском находились хан Церен-Дондук с братом Галдан-Данжином и Шакур-лама. Дондук-Даши совершал в это время сложные маневры, передвигаясь с улусом. Перейдя Куму, он двинулся мимо Кабарды и Кубани, чем привел в смятение генерал-майора Еропкина, находившегося с войском в крепости Святого Креста (ныне Буденновск).

Барятинский потребовал от хана, чтобы к нему присоединились эркетеневские зайсанги, кочующие за Доном, но хан выразил сомнение в их верности, что подтвердил и Шакур-лама.

При этом были учтены международные связи. Российский резидент Неплюев в Константинополе информировал Турцию о возмущениях калмыков; он потребовал, чтобы крымский хан и азовский паша, по появлении Дондук-Омбо, не пускали бы его на свои территории и отгоняли, на что получил согласие и понимание со стороны Порты.

Барятинский встретился с астраханским губернатором И. Измайловым, согласовал свои действия и предупредил губернатора о возможности движения калмыков за Яик. Князь узнал, что Дондук-Омбо располагает 20000 войском, поэтому он стал стягивать еще и другие войска. Он получил письмо от Дондук-Омбо, в котором тот оправдывал свое поведение примерами ссор Чакдор-джапа с отцом Аюкой-ханом, а Дасанга — с братьями, когда брат его Нитар-Доржи был выдан Волынскому и по вине которого "Нитар Доржи удавлен был в утесненных обстоятельствах".

Барятинский, изучив создавшуюся ситуацию в калмыцких улусах, отправил доклад. Он был обсужден в Петербурге и Москве. Там пришли к выводу, что хан Церен-Дондук в калмыцком народе не имеет должного авторитета (кредита, как тогда говорили), поэтому нужно искать выхода из ситуации примирением сторон. К Барятинскому присоединилось 3000 войско Дондук-Даши и 2000 войско Церен-Дондука, состоящее из багутов, собственного его улуса, и с ним был "брат его Галдан-Данжин с малым числом эркетеней". Князь наметил путь движения своих войск "от Нагавкина на Сал-реку и оттуда чрез урочище Яшколь и Улан-Хак" до самых Мочагов.

Перед походом Барятинского хан Церен-Дондук прислал ему письмо, в котором расписал путь движения. Письмо интересно во всех отношениях, поэтому приведем его полностью. В нем указывалось:

1. "От вершин Салы реки до Яшколя две перекочевки, между тово воды нет, а в урочище Яшколе воды довольно; от Яшколя до Улан-Хаку две перекочевки, между тово воды нет, а в урочище Улан-Хак воды довольно; по Улан-Хаку на низ две перекочевки, воды довольно; от Улан-Хака до Мачагов две перекочевки; между тово воды нет; а в Мачагах воды довольно, в Мачаги придем на урочище Башлоу.

От Яшколя между Улан-Хака и Кумы реки итти до Мачагов воды нет.

От вершин Черного Салу реки до Боргоуту одна перекочевка, в урочище Бургусту воды довольно; от Бургусту до Сарпы две перекочевки; между тово воды нет; а в урочище Сарпе воды довольно, а от Сарпы до Волги реки дальние две перекочевки, между тово воды нет. К Волге реке придем ниже Черного Яра, расстоянием одна перекочевка".

2. "От сего места до Оноту речки одна перекочевка, воды и дров довольно; по Оноту речке до вершин одна перекочевка, от вершин Оноту до Уласту одна перекочевка, воды и дров довольно, от Уласту до Эргенин Уласту одна перекочевка, воды и дров довольно; от той Уласту до Сарпы одна перекочевка, воды и дров довольно; от Сарпы до Волги реки две перекочевки, между тово воды нет. К Волге реке придем на Яблонной Буерак".

3. "Ежели из лагеря от Нагавкина итти по утру рана, то будет ходу, а именно:

До Салу реки 1 день, а буде не рано пойдем, то 2 дни и между тем есть и воды.

А по Салу реке до вершин итти 6 дней, воды и камышу довольно.

От вершин Сала реки до урочища Магна Булука 1 день и во оном урочище есть воды довольно.

От Магна Булука до урочища Шара-Булука итти 2 дни, между тово воды нет, токмо вешнее время в буяраках бывает снеговая вода, а в урочище Шара-Булуке воды довольно.

От Шара Булука до Маныча 2 дни, между тем вод нет, токмо в вешнее время в буяраках бывает снеговая вода, а в урочище Маныче вод довольно.

От Маныча до Кумы реки 2 дни, между тем вод нет.

А по Куме реке итти вниз до Сулацкой дороги ж 4 дни.

А по Сулацкой дороге итти до Мачагов 2 дни, между тем вод нет".

Эти сведения дают хорошее представление о том, как калмыки ориентировались в степи и как хорошо знали все имеющиеся урочища, речки, возвышенности с водными источниками или без них.
Из поступивших писем стало известно, что большая часть Чакдорджаповых улусов находилась с женой Дасанга — Соломой. Она сообщила Измайлову, что во время нападения Дондук-Омбо на ханские улусы, она со своими зайсангами Киро и Самандага и братом Налахой с улусом в десять тысяч кибиток отошла к Астрахани. Это подтвердил Измайлов, послав ей на помощь тысячное войско.

Войска Дондук-Омбо поддерживали его брат Бокшурга и Петр Тайшин, кроме того из эркетеневых зайсангов — Ямана сын Балган и брат Дамрин, из ханских Хабучиновых зайсангов — Дурал, шабинеры Эмчи-гелюнга и другие, которые во время самого сражения, находясь на стороне Церен-Дондука, "во время бою больше смятения чинили".

Барятинский, двигаясь по намеченному маршруту, не вступая в бой, потерял от болезни 45 человек и около 3000 лошадей и вынужден был повернуть на Черный Яр. При этом он предупредил генерал-майора Стрекалова, находившегося в крепости Святые Анны, чтобы он передал на Кубань азовскому паше Хаджи Мустафе не принимать к себе Дондук-Омбо, и тот заверил, что без указа султана, согласно мирному договору с Россией, того не примет. От Стрекалова получил письмо и киевский генерал-губернатор граф Вейзбах, написавший крымскому Каплан-Гирею, чтобы тот не принимал калмыцкого нойона в свою протекцию. На свое письмо Вейзбах получил совершенно неожиданный ответ. Каплан-Гирей писал, "что хотя калмыцкий народ разного с крымцами закона, но понеже оба сии народы природы татарской, потому калмыки издревле, по востребованию нужд их, а особливо по случающимся между собою ссорам, приезжают к крымцам наподобие гостей и, исправя свои дела или в ссорах своих получа чрез посредство крымцев примирение, паки в свои места возвращаются, как, напротив того, и крымские беки к калмыкам для подобных своих дел езживали и возвращались, каковому примеру и Дондук-Омбо по причине происшедшей с братьями его ссоры последовал". Крымский хан посоветовал российской стороне стараться помирить калмыков между собой.

В бытность Барятинского на Волге был захвачен Петр Тайшин, а Бату ушел на Яик к Дорже Назарову. За Дондук-Омбо и его братом Бокшургой, которые ушли на Кубань, выслали погоню. При подведении итогов оказалось, что у них находятся их собственные улусы Бага-Цохур и Ики-Цохур до 6000 кибиток, "других торгоутов, из ханской стороны им захваченных, около 3000, дербетев до 2000, а всех около 11000 кибиток". Доржи Назаров с сыновьями тоже захватили некоторую часть ханских и Шакур-ламиных улусов, а всего 15000 кибиток, и ушли "за реку Яик и доходили до реки Эмбы", но, опасаясь казахов, которые нападали на них, вынуждены были захваченные улусы числом до 9500 кибиток возвратить.

Между тем возобновилась борьба за Чакдорджаповы улусы. Теперь на них претендовал сын Дасанга — Чидан как продолжатель рода по старшей линии. С другой стороны, эти улусы хотел взять себе хан Церен-Дондук, женившись на Соломе — бывшей жене Дасанга. С третьей стороны на них претендовал Дондук-Даши как один из старших сыновей Чакдорджапа от другой его жены. Он писал Барятинскому, чтобы ему "пожаловали отцовские ево улусы Керетев и Цатанов всех, дабы он, Дондук-Даши, имел над ними надо всеми старшинство".

Надо заметить, что в результате междоусобных войн одни улусы увеличивали свою численность, другие теряли людей и даже свою самостоятельность. Например, упоминавшаяся Даши-Бирюнь — владелица Бага-Цатанова улуса, много лет старалась сохранить улус, пока не достигнет совершеннолетия ее сын. Но многочисленные нападения со стороны соперничающих между собой нойонов, их притязания заставили ее принять решение поехать в Москву с просьбой отпустить ее к Далай-

ламе на поклонение. Она была принята императрицей Анной Иоанновной. При том она сообщила, что "больного сына своего Дамрина Бамбара за малолетствием его и за одиночеством и за большою силою сродников, которые насильством отнимают у нее улусы, до возрасту оного, усыновила себе пасынка своего Дондук-Дашу и улус свой с ним соединила, дабы он от насилия и от неприятелей защищал".

Императрица удовлетворила ее просьбу и по отпуске ее, было ей пожаловано: "золотая готовальня, часы золотые и парчи 20 аршин на 660 рублев, да 6 мехов лисьих и 4 бельих в 140 рублев да денег 500 рублев, всего на 1300 рублев". Свите ее было выдано жалованье в 200 рублей. Но нойонша в пути заболела и умерла.

Дамрин Бамбар соответственно обратился к князю Барятинскому. Он сообщил, что "мать моя для того, что я мал и другие родственники сильно брали мои улусы, учинила Дондук-Дашу сыном, а меня ему меншим братом". При этом он уточнил: "Дондук-Даши мой болшей брат, вам имеется братом, потому и вы мне болшей брат. Для братства подарок вам — одна девочка, вручаю".

Дондук-Даши также "болшему брату и князю" Барятинскому писал, что "едучи в пути мать моя Даши Бирюнь от оспы умерла. А по нашему обычаю, кто умрет, то надобно поминать... и мы по своему обычаю поминаем сорок девять дней". Он просил дать время на улаживание личных дел. Так к Дондук-Даши перешел Бага-Цатанов улус из 2000 кибиток.

В ходе многочисленных военных столкновений между Дондук-Омбо и ханом Церен-Дондуком выявилась позиция эркетеневских зайсангов во главе с Яманом. Он, будучи первым зайсангом при Аюке-хане, возглавлял Зарго, фактически являясь председателем правительства. Нужно отдать должное заслугам Ямана. Он был надежным проводником политики Аюки-хана, поддерживал его во всех начинаниях, был ему верным слугой. Он бывал по делам ханства в Джунгарии, в Тибете у Далай-ламы, дружил с крымским ханом, не говоря уже о других предводителях разных народов, которые его хорошо знали. Жизнь и деятельность Ямана заслуживают специального исследования как политика и государственного деятеля, как сына легендарного Мазан-батыра и продолжателя его многочисленного рода. После смерти Аюки-хана он вместе с Шакур-ламой и Дарма-Балой старался сохранить установившиеся традиции в управлении народом. Российские политики всегда консультировались с ним по различным вопросам, касающимся положения калмыцкого народа и отдельных нойонов. Но в результате продолжавшихся междоусобий в среде нойонов, у него возникли разногласия, в первую очередь, с Шакур-ламой, затем с Дарма-Балой, а в Церен-Дондуке он вовсе разочаровался. Он готов был принять сторону Дондук-Омбо. Но так как тот по своим действиям являлся мятежником, государственным преступником,

поднявшим бунт против законного хана, то Яман принял нейтральную позицию.

Положение дел эркетеневских зайсангов Барятинский несколько раз обсуждал с Церен-Дондуком, Шакур-ламой и не менее известным Намки-гелюнгом, знатными зайсангами Ишею и Джапом. При рассмотрении оказалось, что эркетеневские зайсанги, находясь за Доном, нападали на казачьи станицы и русские села, грабили население и угоняли скот, за что были отданы на решение суда Зарго. Члены Зарго Намки-гелюнг и зайсанг Джап представили Барятинскому, что на этих зайсангов "российского иску за обиду весьма много, а именно: более тридцати тысяч рублев". Из эркетеневских зайсангов на суде присутствовал Септенев сын Бакши. Он возражал против предъявленного иска, говоря, что в тех случаях с ними были зюнгары, а они в настоящее время уже кочуют за Волгой.

Сам Яман имел беседу с капитаном Афанасием Висленевым, где заявил о своем намерении принять крещение. Он говорил, что к этому его склонил сын Балган, и они со всеми своими родственниками решили креститься. Говорил, что с Балганом желает креститься Септенев сын Бакши и Буджинов сын. Затем Яман и Балган имели беседу на эту тему с полковником Беречинским, где они подтвердили свое намерение.

Полковник Беречинский отправил эркетеневских зайсангов на квартиру к князю Барятинскому, где состоялся обстоятельный разговор. Протокольную запись беседы мы решили привести полностью, так как она с наибольшей полнотой проясняет сложившуюся ситуацию.

Сначала к Барятинскому были приглашены: Яман с братьями Септенем, Дамрином и с сыном Тарбою и с Септеневым внуком, с которыми состоялся следующий разговор:

Барятинский: За какою нуждою приехали?

Яман: Желаем восприять православную христианскую веру и креститься.

Барятинский: Какая причина всему этому?

Яман: Мы не хотим "быть под властию у хана в общении с протчими калмыками, ибо на них хан сердитует и злобу имеет".

Барятинский: За что хан на них сердится?

Яман: "Хан на них сердитует за то: первое, когда хан имел бой с Дондук Омбою, тогда сын мой Балган, будучи с калмыками с стороны ханской, против Дондук Омбы в бой не вступал; другое, что оной же Балган, по разбитии Дондук Омбою хана, с ним, ханом, не увидевся и оставя его, пошел и кочевал за Доном; третье, что он же, Балган, с ханом и в поход не пошел".

Барятинский: Хан справедливо сердится, потому что действия Балгана "есть важная причина".

Яман: "Вышеписанное все заподлинно было".

Барятинский: Почему о своем намерении не сообщили заранее?

Яман: "Как недавно, сперва Балган креститься пожелал, то и нам присоветовал, и мы оное за благо ж приняли и охотно желаем быть в христианском законе".

Барятинский: "Оное ваше намерение весьма хорошо, токмо надобно вам в том утвердиться и положить намерение, как вам по крещении быть и где кочевать".

Яман: "Мы желаем с улусами своими кочевать особливо при Черкаском или в линии, по рекам Медведице и Илавле, на что б нам позволение было дано".

Барятинский: "Около Черкаского кочевать вас пустить невозможно, а по Медведице и Илавле назначено быть русскому населению".

Яман: "В этом больше полагаюсь на вас, князь".

Барятинский: "Вам, всем зайсангам, как я, так и хан, писали и чрез посланцов приказывали многажды, чтоб вы за Волгу шли, а вы, зайсанги, для чего ослушались и за Волгу итти не хотели".

Яман: "Мы сперва за Волгу не переправлялись за тем, что российские за обиды и исков стали на нас взыскивать".

Барятинский: "Вам можно было уже давно расплатиться в обидах, переправиться за Волгу".

Яман: "Эти иски весьма великие, которые нам платить зело трудно. К тому ж мы под властью ханскою, как выше показали, быть не желаем, и худо ль или добро нам будет, токмо хотим быть на сей стороне, и хотя умереть все вместе в том готовы".

Потом к Барятинскому пригласили эркетеневских же зайсангов: Габунга с братом, сыном и племянником.

Барятинский: Какую нужду имеете?

Габунг: Желаем креститься.

Барятинский: Какая в том причина?

Габунг: "Главные наши сродники Яман с братьями и детьми того пожелали и мы от них отстать не хотим и чтоб быть с ними вместе под особливым правлением, а не у хана".

Барятинский заверил зайсангов, что об их просьбе будет писать в Петербург.

3 октября от полковника поступил рапорт, что ханские эркетеневские зайсанги взяты в Царицын под караул, т. е. арестованы.

В списке, представленном полковником, значились: "Яман, Септен — брат Яманов, Дамрин — брат Яманов же, Тарба — средний сын Яманов, Балганжап — племянник Яманов, Амур — внук Септенев, Габунг — Хулхайчинов брат, Зелем — Габунгов брат, Миладжап — Габунгов сын, Гунчюк — Хулхайчинов сын, Джалчин — Хулхайчинов племянник, Босой — Джалчинов брат, Бату Менко — их же родственник, Сангарай — их же родственник".

Перед этим Яман заявлял, что родственников у него восемнадцать человек, что он имеет 3000 войско, а в улусе у него 4000 кибиток.

Из перечисленных выше зайсангов, Балган был привезен в Москву и по его желанию крещен и дано было ему имя Иван. Яман с братьями Септенем и Дамрином, находясь в Царицыне, все умерли, Иван Балган умер в Петербурге. Эркетеневский улус весь был отдан хану Церен-Дондуку.

В 1732 году Дондук-Омбо со своими улусами и другими захваченными калмыцкими улусами перешел на Кубань в турецкие пределы. Дипломатические шаги Петербурга, предпринятые в Константинополе и в отношении крымского хана о высылке беглеца из своих пределов, успеха не имели. Как отмечено выше, Каплан-Гирей в своем письме к Вейзбаху, сообщал, что Дондук-Омбо находился у них в гостях.

Князь Барятинский был отозван в Петербург, на его место назначили генерал-майора Тараканова.

Дондук-Омбо продолжал свои набеги на улусы, оставшиеся на Волге, угонял скот и захватывал людей. Ему симпатизировали находившиеся за Волгой Доржи Назаров с сыновьями и хошеутовские нойоны. Они тоже совершали набеги на ханские улусы и на Дондук-Даши. В этих условиях хан вынужден был просить защиты у Тараканова.

В октябре 1733 года Дондук-Омбо обратился к генерал - поручику принцу Гессен Гамбургскому и генерал-майору Бибикову, находящимся в крепости Святого Креста, чтобы они поручились, что ему не причинят вреда, если он возвратится на Волгу. Просьбу Дондук-Омбо поддержали

его родственники — кабардинские владельцы Магомет и Касай. При этом Дондук-Омбо требовал:

"1) чтоб Петра Тайшина освободить и содержать в прежнем достоинстве; 2) отдать бы крещеных калмык по-прежнему в улусы или б поручить их для содержания Петру Тайшину; 3) возвратить бы им и тех калмык, которые россиянам за малую цену проданы; 4) владельцам Бату и Дондуку отдать их улусы; 5) освободить зайсангов Эркетеневых; 6) его, Дондук-Омбу, содержать с прочими его братьями в равенстве; 7) прислать бы к нему за собственною императорскою рукою и печатью указ". Это действительно была не просьба, а требование. Свое требование нойон заключил тем, чтобы посланца его пропустили ко двору е.и.в.

В мае месяце Тараканов совершил поездку на Кубань. В донесении генерала отмечены некоторые знаки, которые давали сведения о продвижении кочевников. Татаринов поехал с "товарищи от Черного Яру в степь чрез вершины реки Сарпы к урочищу Яшколь, которое расстоянием от Черного Яру ездою три дни", а с этого урочища поехали на речку Джурюк Сал, которая, по сообщениям проводников, будет "от речки Аксай полтора дни", а "от Яшколя два дни, а оттуда поехали на речку Гашон", откуда поехали "до речки Кубряли, а оттуда ехали до другой речки Кубряли ж, а от другой речки до третьей речки Кубряли до урочища Акчюрка, которое от Черкаска расстоянием сутки, а от речки Кубану три дни, ... и оттуда поехали к вершине реки Маныча, которое место расстоянием до Черкаска казачья городка три дни, а оттуда ехали до урочища Эгистюбе (которое от Кубани расстоянием один день), а от Черкаска два дни, где предположено ж у него, Бакты Гирея, с помянутыми посланцы съезжатца, но и тут его не нашли, токмо видели два следа свежие и тут были полдни, и на одном бугре лежал изогнутой камыш и Дондук Омбин калмыченин Накбо сказывал ему, Татаринову, что его, Накбин и Мамутов и Чюрюмов кош и ныне при нем, Бакты Гирее. И он де Накбо, бывши при нем, Бакты Гирее, присмотрел, какие он на таких местах (где с кем предложит съезжатца) оставлял знаки, где выроет на земле круг и проведет концом в которую страну поедет и где его искать, и тако де они рассуждая, оставя камышенную примету, поехали по означенным двум свежим следам и наехали по тем следам за речкою Зегирликом следов с десять свежих же и по тем следам ехали степью к реке Кубану день, где наехали множество следов старых и свежих, по которым и последовали и возвратно приехали к вершине реченной речки Зегирлику, где наехали на место, на котором было восемь огней и оттуда поехали по свежим же следам возвратно к Кубани до урочища Донгузлу, которое к Кубани зело близко, и от Азова расстоянием сутки и от того урочища следы все разошлись розно". Итак, блуждая по следам неизвестных, никого не встретив, вынуждены были они вернуться в Черкасск.

Но при этом было получено известие, что по приходе калмыцких войск на Кубань, "Салад Гирей султан с Кубани отошел в горы и при нем татары

Солтон улу и Энбулуки и некоторые другие, а на Кубани остались этсаны и хатай хапчаки, к которым также и к Салад Гирею часто пересылали зайсанга Олдоксонова брата Замбу и протчих и, договорясь с ними, вступили в хатай-хапчатские и во этсанские аулы".

В то же время в заволжских улусах происходили не менее кровопролитные сражения. Доржи Назаров с хошеутовскими нойонами успевали отбивать нападения то со стороны казахов и каракалпаков, то набеги со стороны других своих же улусов.

Хан Церен-Дондук присылал своего посланца - манжика Алдар Омбу к Барятинскому с сообщением, что "Доржа и Лубжа неприятельским образом Шакур-ламиных шабинеров разорили и взяли как бурханов и книг, так скарб и скота и людей и ружей, а у протчих улусных людей чего сколько взято, того и исчислить невозможно". При этом говорил, что "отец мой вышеписанные улусы отдал на поминовение себя Далай-ламе, а Далай-лама приказал, чтоб Шакур-лама теми улусами владел. А по закону нашему, которое отдано бывает Далай-ламе, то не токмо кому раззорять, но ежели недоброю совестию позавидует кто, те как в сей жизни, так и в будущем веке великий грех принять могут. А ныне Доржею и Лубжею взятое буде мне от них возвратить, в том им будет противно. А ежели отданное отцом моим Далай-ламе и взятое Доржею и Лубжею от них я не возвращу, в том буду яко отеческих прав нарушитель и Далай-ламиной суммы повредитель". Он просил генерала о посредничестве в деле восстановления справедливости.

В августе 1733 года состоялся съезд у Тараканова, на котором присутствовали: хан Церен-Дондук с братом Галдан-Данжином, Дондук-Даши с братом Бодонгом, Шакур-лама и другие высокие духовные особы, лучшие зайсанги.

Присутствовавшие высокие особы у генерал-майора 19 августа обедали, "с ними при столах сидело со ста человек, и протчих за ними было с пятьсот человек. А 20 числа генерал-майор был у хана и у Шакур-ламы, а между тем с ханом и братом и племянником его и с Шакур-ламою секретно говорили, к чему допущены были их лутчие зайсанги Самтан и Иши и духовные Намки-гелюн и Сойбин Иши и Алдар Омбо".

Протокольная запись разговора сохранилась полностью, мы решили привести ее с небольшими сокращениями.

Хан, Шакур-лама и все остальные, объясняя причину своего приезда, сказали, что имеют опасность с двух сторон: "первую от Дондук Омбо из-за Волги, другую — от Доржина — сына Лубжи от Яика". Они опасались, что эти нойоны с наступлением зимы могут на них напасть.
Тараканов (с упреком): Если вы знаете об их намерениях и ведете тайные переписки, то обо всем должны нас поставить в известность, чтобы принять решение.

Хан и Шакур-лама: Хотя Лубжа нам душу (клятву) дал, но то ложь. А сам, согласясь с Дондук-Омбо, готовит нападение.

Тараканов: Если "правдиво и прилежно постараетесь", то узнаете о тайных пересылках Лубжи с Дондук-Омбо и нам сообщите, а спорные дела можете решить сами.

Шакур-лама: Надо чтобы Тараканов поручился о безопасности Лубжи, чтобы Лубжа приехал к ним для совета. А если он не приедет, то будет у них война и с Лубжой, и с Дондук-Омбо.

Тараканов: Почему вы между собой так воюете, из-за этого "сами без неприятеля совсем разоритесь и обнищаете, и тому мы удивляемся, что вы ныне между собою в таком несогласии и злобе живете". Он обещал писать Лубже и поручить собой, а также писать е.и.в.

Шакур-лама: "Прежде сего мы друг другу верили и не токмо присяги, но и слова твердо содержали, а хотя о самом себе и о своем народе говорить бы мне и непристойно, однако ж принужден сказать правду, ныне мы стали не люди — собаки, друг другу не верим, и меж собою едимся и сами все видим, что погибаем, да за несогласием и непостоянством исправитца не можем".

Тараканов: "Вы, лама, муж старой и умной и в вашем законе верховная духовная особа, вам надобно всех учить и к лутчему наставлять".

Шакур-лама: "Ныне у нас владельцы все молодые, нас старых людей не слушают, а держат при себе молодых и непостоянных людей, и что с ними выдумают, то и делают".

Тараканов: Всякое дело прежде нужно продумать, а потом действовать.

Шакур-лама: Все то правда, только наши люди ветреные так не рассуждают".

Тараканов: Как думаете мириться с Дондук-Омбо?

Хан и лама: Дондук-Омбо требует к себе Дарма-Балу и Галдан-Данжина, но мы без совета е.и.в. не можем это решить.

Тараканов: С Дондук-Омбо можете помириться и без указа е.и.в., но ведь он вас грабит и угоняет улусы и скот. Также может обмануть всех. А посылать к нему таких первых персон, как ханша Дарма-Бала и Галдан-Данжин, не нужно, "отпускать запрещаю".

Хан и лама говорили о верности своих е.и.в. и сказали, что с Дондук-Омбо "войною свою обиду отмстить желаем".

Тараканов: Война с Дондук-Омбо потребует большого войска, так как Дондук-Омбо сам имеет многочисленное войско, да и кубанцы будут теперь ему помогать, защищая свою землю.

Хан и лама: Конечно, мы надеемся на помощь российских войск, потому что сами не справимся.

Тараканов: Будем ловить Дондук-Омбо, где бы он ни находился, но время упущено. И российские войска вернулись на квартиры. Где вы намерены зимовать?

Хан и лама: За Волгой зимовать опасаемся из-за нападений казахов и каракалпак, поэтому будем зимовать "на нагорной стороне Волги, около Кумы, в Мочагах, где всегда мы зимовали, там у моря места теплые и кормные и снегу там мало бывает".

Тараканов: Вам, из-за опасения со стороны Дондук-Омбо, лучше зимовать между Астраханью и Гурьевом, вверх по Яику, где такие же условия бесснежные, "а от казахов и каракалпаков опасения вам иметь не для чего, ибо оные ныне в подданстве е.и.в. состоят и на вас войною без позволения е.и.в. не пойдут".

Хан и лама очень настаивали, что им лучше зимовать в Мочагах для сохранения скота.

Тараканов предупредил их, что трудно будет их защитить со стороны открытой степи.

Окончательный свой ответ на этот вопрос хан со свитой передали на следующий день через Намки-гелюнга и Иши. Они объявили, что все владельцы "и весь калмыцкий народ советовали и согласились, что конечно надобно зимовать за Волгою, к Куме, в Мочагах".

В начале 1734 года Тараканов был переведен в Киев, а на его место прислан полковник Беклемишев. Он должен был вместе с И. И. Измайловым заниматься калмыцкими делами.

В январе того же года хан и несколько нойонов прислали в Москву своих послов с разными просьбами. К ним были посланы грамоты, "при том случае послано ко всем к ним жалованья товарами, а именно: к хану на 500 рублев, к матери его ханше Дарме-Бале на 500 ж рублев, к ханскому брату Галдан-Данжину на 200, к Шакур-ламе на 300 рублев". "Тогда ж и дербетев владелец Лабан-Дондук прислал сюда посланца своего, донося, как напредь сего Его величество государь император Петр Великий деда его Менко-Темиря тайшу и отца его Четеря-тайшу жаловал и что он, Лабан-Дондук, в калмыцкие междоусобии не вступал, обещая при том и впредь служить верно. А генерал-майор Тараканов в Коллегию доносил, что тот владелец Лабан-Дондук — человек смирный и добрый и кочует

спокойно". И Лабан-Дондуку было послано "жалованья товарами на 200 рублев".

Петру Тайшину простили его вину и освободили, разрешив ему ехать ко двору, взяв с собой жену свою, если она пожелает креститься.

В это время Дондук-Омбо с восьмитысячным войском приходил на Волгу, чтобы расправиться с Дондук-Даши и соединиться с Лубжой. Ему удалось захватить Бага-Цатанов улус в 2000 кибиток. При этом к нему присоединился Эркетенев улус в 3000 кибиток.

Генерал Левашов от крепости Святого Креста посылал в погоню за Дондук-Омбо донского походного атамана Ивана Краснощекова и полковника князя Эль-Мурзу Черкасского с "доброконными донскими, яицкими и гребенскими казаками и служилыми татарами, да брагунского владельца Мурдара Бека с братом его и с узденями", но они не догнали мятежника.

В это время пришел указ, в котором говорилось, что по представлениям статского советника Ивана Кирилова и полковника Алексея Тевкелова "о народах калмыцком, башкирском и киргиз-касацком написано, что один с другим весьма несогласные, и ежели калмыки какую противность покажут, то можно на них киргизцов обратить, а напротив того буде киргиз-касаки, что сделают, то на них калмык и башкирцов послать". И так "их смирять и к лутчему послушанию приводить мочно, без посылки российских войск". А потому "ныне в калмыцком народе имеются неспокойства и Дондук Омбо с нагорной стороны, а Доржа Назаров с детьми с луговой стороны чинят многие противности". Поэтому для примирения был послан с грамотой к Дондук Омбо донской старшина Данила Ефремов. "А к Дорже и Лубже велено послать из Астрахани офицера". И если те нойоны не примирятся и будут продолжать свои нападения, "тогда велено генерал-лейтенанту Левашову и генерал-майору Измайлову искать способу оных Дондук Омбу и Доржу, а паче сына его Лубжу силою оружия к покорению привесть или хотя уже искоренить". Предписывалось, если Доржи и Лубжа не прекратят военные нападения, то Левашову, согласовав с Измайловым, посылать "киргизцов на них, калмык, войною, уповая, что когда они, киргизцы, на них, противников, пойдут и поиск над ними учинят, тем приведут их, калмык, в прежнее послушание, а они, киргизцы, заслужат и получат от е.и.в. милостивое жалованье, при том же и добыч себе иметь будут". И велено было "содержать все сие в высшем секрете".

Несмотря на предпринимаемые меры и предосторожности, Дондук-Омбо продолжал нападать с превосходящими силами на калмыцкие улусы. Многих нойонов с улусами он уводил сам, а другие, из-за опасения быть совсем разбитыми и лишенными улусов, сами вынуждены были переходить на его сторону. Силы Дондук-Омбо увеличивались, он успел склонить на свою сторону многих. Оставшиеся при хане улусы жили в

страхе, ожидая нападений если не со стороны Дондук-Омбо, то со стороны соседних народов, это и своих же калмыков, которые использовали создав¬шуюся ситуацию и нападали на других.

Создавшееся положение в Калмыцком ханстве обсуждалось на специальном заседании 27 июля 1734 года. В Кабинете е.и.в. присутствовали: вице-канцлер Остерман, действительный тайный советник князь Алексей Михайлович Черкасский, генерал Андрей Иванович Ушаков и действительный советник барон Петр Павлович Шафиров. Свое мнение они 3 августа представили императрице Анне Иоанновне.

По решению Кабинета министров к Дондук-Омбо был отправлен донской старшина Ефремов. Он должен был примирить нойона с ханом, чтобы "со всем калмыцким народом жить в тишине и в покое на прежнем своем месте при Волге". Дондук-Омбо же по возвращении на Волгу должен принести присягу в своей верности, а забранные у других улусы возвратить по принадлежности. С Ефремовым также была "послана грамота и к кабардинским владельцам Магомету Коргокину с братьями, дабы и они с ним, Ефремовым, к Дондук Омбе ехали и его к возвращению на Волгу склоняли".

В инструкции, данной Ефремову, было предписано, чтобы он "кабардинских владельцев склонял к тому обещанием знатного награждения". А о грамоте, посылаемой Дондук-Омбо, говорилось, что он прежнюю не хотел принять стоя, поэтому если он и эту не захочет принять, то ему передать "что издревле обыкновенно не токмо к ним, но и к китайскому богдохану, к турецкому султану и к персицкому шаху посылающиеся императорские грамоты их монаршескою рукою не подписываются, токмо единою печатью утверждаются, и, как он и сам, Дондук Омбо, знает, и к деду его, бывшему Аюке-хану, грамоты присылались без подписи ж императорской руки, только за единою государственною печатью, и везде им верят и по ним исполнение чинят, и для того и ему, Дондук Омбе, в том сомневаться не в чем и надлежит весьма той грамоте верить".

К Дорже Назарову тоже была послана грамота о том, чтобы он с ханом "примирились по древним их калмыцким обыкновениям".

К Измайлову и Беклемишеву предписали "особливые указы". Так как хан Церен-Дондук показал свою неспособность управлять калмыцким народом, то "наведаться секретно и самим усмотреть, кого б из тамошних владельцев в ханы употребить было возможно, который бы мог тем народом управлять и владельцев в покое и согласии содержать так, как и при хане Аюке содержано было, и чтоб они о том свое мнение сюда прислали".

Тогда же Петр Тайшин приехал ко двору и на коленях просил отпустить его вину. И 17 ноября жена его Черен Янжи была представлена пред императрицей и просила о крещении, "посему она и окрещена и наречено ей имя Анна, восприемницею у нее изволила быть Ее величество государыня императрица Анна Иоанновна, восприемником был Остерман".

В это время в Петербург приехал посол от Дондук-Омбо — зайсанг Лама-Джап. В требованиях нойона были те же пункты, приведенные выше, к ним было добавлено: "обретающиеся при нем улусы от него не разлучать"; дать его посланцу на руки "за императорскою рукою грамоты к турецкому султану и к крымскому хану, с какою милостию он, Дондук Омбо, по-прежнему в Россию приемлется".

И в это же самое время дербетевы владельцы, выражая свою верность, писали, "что они в калмыцкие междоусобия никогда не мешались, а ныне зашли на Кубань за бессилием своим и не по своей воле".
Также от Петра Тайшина был зайсанг Матвей Галдей. Он "объявил, что в 1733 году из Дербетева улуса ушло к Азову калмык сто двадцать кибиток, которые по требованию Дондук-Омбы и владельца их Четеря ханом крымским не отданы, а сказано, что они хотят принять магометанский закон".

В то же время сын дербетева владельца Четеря и зять Дондук-Омбы — Гунга Доржи в двух тысячах человек "пришед к Дону между Мелеховской и Раздорской станиц, в урочище Собачьей Коловерти, разбил казачий караул", а потом, переправившись через Дон на салах, разбил 76 кибиток донских юртовских калмык, "из которых взял в полон людей мужеска и женска полу 249 человек, да и донских казаков и малороссиян немало". Да отогнал казацкого и калмыцкого скота: верблюдов 556, лошадей 2687, коров 3342, овец и коз 11638, денег взято 62 рубля и сверх того несколько панцирей, ружья и посуды". Из Черкасска от генерал-майора Шувалова была снаряжена погоня, отбившая 20 малороссиян и 21 человек юртовых калмык.

В 1733 году с турецкой стороны был отправлен под командованием Фети-Гирей солтана "знатный корпус крымских и кубанских войск с тем, чтобы пройти мимо крепости Святого Креста в Персию". Дабы не пропустить эти войска, туда были посланы генерал-поручик принц Гессен Гамбургский и генерал-майор Еропкин, но "из крымцев и кубанцев несколько тысяч человек, под предводительством горских жителей, обойдя российское войско горами и тесными, россиянам неведомыми проходами, напали в одно время как спереди, так и с тылу на российскую команду", которая вынуждена была отступить к реке Терек. Кубанцы и крымцы, потеряв до 2000 человек, прошли в Персию.

Против татар, отправивших войско в Персию, был командирован с Дона походный атаман Иван Фролов, но он, не дойдя до реки Кумы, получил известие, "что в степи есть люди, малою партиею разъезжающие".

Поэтому "взяв с собою полковника казачьего Емельяна Борисова и 200 человек, за оными гонялся, которые навели его на вышепомянутое крымское и кубанское войско, а при оном находились и кабардинские владельцы Кашкатовской партии, также и владелец Дондук Омбо с калмыками тысячах в десяти и с пушками своими. И по учиненном на него, Фролова, от того войска нападении полковник казачий Борисов со 100 человек казаков побиты, а атаман Фролов ранен и с 50 человек казаков взят был в полон и содержался у кабардинского владельца Батоки Бековича, откуда высвобожден" позже. При этом Фролов был атакован теми войсками и находился двое суток в осаде. О чем узнав, "Большой Кабарды владельцы Коргокины дети Магомет и Нитча, также и Касай, пришед с войском своим 2500 человеках" выручили и препроводили его в Кабарду.

Военный историк, автор пятитомной истории "Кавказской войны" В. А. Потто эти события описывал несколько иначе. Он писал, что часть тех крымских и кубанских войск с награбленной добычей пошла обратно в Крым "и на реке Куме, повыше урочища Мажар, столкнулась с Краснощековым, который шел на Сулак с полугора-тысячной донской партией. На помощь к крымцам подоспели десять тысяч калмыков, некрасовцев и закубанских горцев. Окруженный со всех сторон Краснощеков устроил вагенбург и засел в осаду. Бой длился двое суток, а на третьи на помощь к русским подошли кабардинцы под предводительством одного из старейших владельцев их, Бамата Кургокина, который оказался шурином калмыцкого вождя Дундука-Омбо, а потому, свидевшись в ним в тот же день, стал уговаривать его пропустить казаков без боя. "Русские идут на Сулак, а не на тебя,— говорил он,— так мой совет не ввязываться в чужое дело. Если ты будешь драться заодно с татарами, то я стану за русских".

Данила Ефремов, согласно инструкции, полученной в Москве, заехал в Кабарду, к владельцам Магомету Коргокину с братьями. К Дондук-Омбо они послали Магомета Коргокина, сына владельца Месоуса, и знатных узденей — Куденетова и Танбиева.

Первый зайсанг Дондук Омбо — Норбо Черень встретил Ефремова в урочище Учкундук, откуда кабардинские владельцы по просьбе Дондук-Омбо были отосланы назад. Оказывается, кубанский сераскир Арслан Гирей, у которого находился Дондук-Омбо, был в неприятельских отношениях с кабардинскими владельцами, поэтому, по существующему положению или обычаю, он вынужден был бы выдать их Арслан Гирею.

На встрече с Дондук-Омбо Ефремов ему подал грамоту е.и.в. и письмо от Остермана, которые тот "принял сидя и в шапке".

Дондук-Омбо при этом выдвинул требование, чтобы он "над прочими калмыцкими владельцами имел старшинство и ими управлял", потому что большая часть калмыцкого народа уже находится при нем. И это

подтвердил его посол Джимба Джамсо, которого Ефремов представил, "что он из духовных и его собственный писец и к нему присылаемые письма хранит и все его секреты знает и в нем небессилен, и что Дондук Омбо об нем ему, Ефремову, говорил, что он ему столько верит, сколько самому себе".

Так, Джимба Джамсо сообщил, что при Дондук-Омбо на Кубани калмыцких улусов: "собственных его Бага-Цохур и брата его Бокшурги Ики-Цохур — 6000; Дербетев — 2000; хана Церен-Дондука — 2000; ханского брата Галдан Данжина — 4000; Гунделековского сына Дамрин Бамбара Бага-Цатан — 2000; Дасангова сына Чидана (которого Дондук Омбин сын Галдан Норбо в 1734 году зарезал) — 2000; Петра Тайшина — 300; Дондук Дашиных братьев — 300, при Дорже Назарове с детьми собственных их и других владельцев улусов — 10000; а всех с лишком 28000; в том числе других владельцев и Дондук Омбе не принадлежавших, которыми он завладел, с лишком 10000 кибиток". При этом указано, что при хане Церен-Дондуке и его брате Дондук-Даши, дербетевом Лабан Дондуке, Лекбее хошеутовом, Шакур-ламе осталось всего 10000 кибиток, половина которых "скудные и бесскотные".

После сообщений Джимбы Джамсо и доклада Ефремова в Кабинете министров было решено: когда Дондук-Омбо "к Волге придет и присягу верности учинит и тогда повелено и главное правление над всеми калмыками ему поручить".

Джимбе Джамсо, при его отправлении назад, устно "от кабинетных министров именным императорским указом объявлено: что Дондук Омбо в главные правители калмыцкого народа жалуется в той надежде, что он человек умный и может весь их калмыцкий народ привесть в добрый покой и согласие, и содержать в верности к е.и.в., чего хан Церен Дондук за слабостию своею, а особливо за пьянством, учинить не мог".

Ефремову была дана и секретная инструкция, что если из-за хана Церен-Дондука будут возникать какие-нибудь отрицательные разногласия, то его пристойным образом и под конвоем взять и отправить ко двору.

После изоляции хана у Дондук-Омбо теперь оставался единственный соперник, его двоюродный брат — Дондук-Даши. Эти два нойона были достойными соперниками. Нужно заметить, что приход к власти Дондук-Омбо не говорит о его силе и таланте, то же мог совершить и Дондук-Даши. Только он действовал в тех сложнейших условиях более осмотрительнее, хитрее и продуманнее. Он прекрасно знал всех нойонов и российских генералов, со всеми виделся, говорил и ждал удобного случая.

И об этом соперничестве двух достойных противников, имевших одинаковые права на ханский трон, знали и в российских кругах.

Поэтому из Коллегии писали к Измайлову, чтобы он "калмыцкого владельца Дондук Дашу за показанные к России верности от Дондук Омбиных нападений охранял. И по приходе Дондук Омбы к Волге, старался их, Дондук Омбу и Дондук Дашу, примирить". Если же Дондук Омбо "злобы своей на Дондук Дашу не оставит", то в нужном "случае его, Дондук Дашу, самого принять в город и содержать в довольствии, а буде он в город идти не похочет, то опасно, чтоб он, Дондук Даши, с отчаяния не ушел на Кубань или в Крым." И поэтому губернатору стараться "пристойным образом, призвав в который город, задержать, а по последней мере, где его в малолюдстве излуча, хотя б он и не хотел — взять и содержать во всяком довольстве".

Дондук-Омбо тянул время своего возвращения на Волгу под разными предлогами. И от Ефремова требовал, "чтоб Шакур-лама, а особливо владелец Дондук-Даши в калмыцких улусах не были, ибо он от Дондук-Даши опасается и согласен с ним быть не надеется".

Хан Церен-Дондук и Шакур-лама 15 ноября 1735 года были задержаны в Царицыне и отправлены в Москву, а затем — в Петербург.

По приближении своем Дондук-Омбо соблюдал осторожность, страховал себя от нападений как со стороны крымцев, так и со стороны российских войск.

13 октября он с войском пришел на урочище Россоши и расположился своим лагерем в десяти верстах от ставки губернатора. Дондук-Омбо потребовал, чтобы поблизости от них не было никаких войск. После согласований этих требований, "в двух верстах от лагеря поставлено было две ставки, одна для публичных, а другая для уединенных разговоров, и при том еще палатки и кибитка. И от ставки, саженях в 20, караул из 12 человек драгун с тремя барабанщиками, да в саженях пяти музыка, а по установле¬нии всего того прислан был от Дондук Омбы тот же зайсанг Абуджи, который ходя по ставкам, осматривал, нет ли чего в них скрытного к их повреждению и не заведено ль где войско, и, осмотря, послал к Дондук Омбе с известием нарочных, а сам остался при ставках".

На следующий день, 14 ноября, Дондук-Омбо с братом Бокшургой, Лубжей и Бату в сопровождении зайсангов и более 2000 человек, "все оружейные и старшина Данила Ефремов приехали к губернаторской ставке и, не доехав до оной сажени за 20, остановились и слезли с лошадей, а как войско их все ставки окружили и оружие свое приуготовили — тогда они, владельцы, сняли с себя сабли и губернатор Измайлов, подошед к ним, их встретил и по взаимных комплиментах — взял было Дондук Омбу за руку, чтоб до ставки проводить, но он говорил губернатору, что есть его из владельцев старее, а старых людей должен он, Дондук Омбо, почитать, указывая на владельца Бату, почему губернатор, взяв Дондук Омбо правою, а Бату — левою рукою, к ставкам повел, а прочие за ними шли, причем били в барабаны "поход" и музыка играла".

Придя в ставку, "сели в переднее место: по правую губернатора сторону — Лубжа, подле его Бату, а подле уже оного — Дондук Омбо, подле его лекарь его — Зодбо Джамцо, позади Дондук Омбы — Манжи Джимба Джамсо, а потом — зайсанги. По другую сторону подле губернатора — владелец Бокшурга, а затем прочие их попы и зайсанги, все вокруг, а при губернаторе больше при том случае не было, кактолько дети его, Данила Ефремов, секретарь Василий Чириков, адъютант и два переводчика".

Поданный губернатором текст присяги Дондук-Омбо, прочтя сам, "приказал первому своему зайсангу Норбо Череню читать всем вслух". При этом он высказал возражение, что сюда не включены те владельцы, которые к нему пришли позже, поэтому могут возникнуть споры. На что губернатор говорил ему, что он, уже будучи главным управителем, сможет решать все эти вопросы по своему усмотрению.

Потом Дондук-Омбо дал знать губернатору, что с ним будет говорить секретно, и они вышли в другую ставку. При Дондук-Омбо был его первый зайсанг Норбо Черень и Манжи Джимба Джамсо, а при губернаторе — старшина Данила Ефремов, секретарь Васи¬лий Чириков и переводчик Яков Самсонов. Дондук-Омбо говорил, что хотя он такую присягу и должен дать, только "противен ему владелец Дондук Даши, которому не оставит он, Дондук Омбо, учинить отмщения". И если в присяге будет написано, что обиды никому не причинит "кроме Дондук-Даши, то он присягать и будет". Согласились на том, что по этому вопросу он будет писать е.и.в. "И потом, взяв экземпляр присяги, приказал Джимбе Джамсе на оном подписать, что в верном подданстве и в послушании присягу учинил, и ту надпись и он, Дондук Омбо, подписал рукою своею и печать свою к тому приложил".

При этом Дондук-Омбо попросил губернатора, чтобы присутствовал находящийся здесь крымский татарин Тугул Дархан, чтобы видел, "какая будет ему, Дондук Омбе, милость е.и.в.".

По возвращении "в публичную ставку, Дондук Омбо приказал присягу свою зайсангу Норбо Череню пред всеми вслух прочесть и, по прочтении оной, говорил, что он е.и.в. верным подданным и в послушании воли и указам е.и.в. до конца жизни своей непременно быть желает и потом, взяв бурхана, положил на свою голову и ту присягу сам губернатору отдал, а губернатор затем объявил его, Дондук Омбу, главным калмыцкого народа управителем. После того присягали прочие владельцы, то есть Бокшурга, Лубжа и Бату, и их знатные попы и зайсанги, и читаны были им и всем калмыкам печатные — о учинении Дондук Омбо главным управителем — грамоты". Дондук-Омбо "за высочайшую е.и.в. милость приносил нижайшее благодарение и за здравие е.и.в., приняв однесенную ему чарку водки, немного выпил и, отдав оную зайсангу своему, отговорился, что хотя он от рождения своего никакого вина не пивал, но за здравие е.и.в. — пил, а прочие владельцы и зайсанги пили довольно и сколько кто мог".

Для калмыцкого войска тоже было поставлено угощение. "Во все то время играла музыка, а в лагере губернаторском производилась и ружейная пальба". Владельцы, зайсанги и духовные — все получили подарки. На третий день Измайлов отъехал в Царицын, а при Дондук-Омбо был оставлен Данила Ефремов.

Заметим здесь, что присутствовавший татарин Тугул, хану Церен-Дондуку ранее говорил: "Тебе наш крымский хан и Жан Темир говорят, чтоб ты с русскими людьми в миру не был, всегда бы войну имел, а шел бы под власть нашего турецкого хана". На что Церен-Дондук ответил, такого никогда не совершит против российского государства, т. к. "отец мой был ханом и российскому государству такого не делал, русские люди меня вам в обиду не дадут, а с вашим ханом готов, что друг к другу отсылатца с поздравлением", т. е. жить в мире и дружбе.

По возвращении к Волге, Дондук-Омбо послал Джимбу Джамсо в Петербург с просьбой, чтобы, во-первых, в калмыцких улусах при нем не были хан Церен-Дондук и Шакур-лама и просил их не крестить, говоря, что если "они будут крещены, то оставление ими своего закона имеет быть причиною, что он, Дондук-Омбо от того будет мучим совестию". Во-вторых, главный управитель высказывал опасение со стороны Дондук-Даши. Так как он "вместе с ним в калмыцких улусах жить не желает, а желает, чтоб его тамо в улусах не было и просит, чтоб к тому от стороны е.и.в. приняты были потребные меры, а ежели того учинено не будет, то он, Дондук Омбо, принужден то учинить собою, объявляя, что и напредь сего они, калмыцкие владельцы, между собою некоторых искореняли", то есть убивали.

В одном из пунктов донесения посол говорил, что прежде "между россиян и калмык древнее обыкновение" было, каким образом суд производить, а "ныне, за частыми их калмыцкими междоусобиями и за многими с тамошними россияны произшедшими ссоры, то вышло из памяти, и российские городовые командиры судят по своим российским, а калмыцкие владельцы — по своим, калмыцким правам, и от того обидимым обоих сторон довольства не чинится". И Дондук-Омбо просил опубликовать указ, "каким образом между россияны и калмыки суд производить".

Дондук-Омбо также напомнил, что перед этим, когда от казахов и татар "были на их, калмыцкие улусы, военные наступления и тогда от российских тамошних командиров требовано обороны, но ной не получено за отговорками, что указу о том не было". Поэтому он просил, "чтоб дать ему на руки грамоту с прочетом тамошним командирам, чтобы оные во время таких неприятельских приходов улусам их без отговорок российскими войски и пушки охранение чинили".

В девятом пункте послания Дондук-Омбо говорил, что при своем уходе с Кубани, он крымскому хану объявил, что идет по-прежнему в подданство

е.и.в. и "во время между российскою империею и турками содержания мира он, Дондук Омбо, калмык своих на крымские и кубанские набеги чинить не допустит", но если между двумя империями "будет война, то в таком случае он, Дондук Омбо яко подданной е.и.в. имеет поступать по указам е.и.в.". Поэтому он просил, если "с турками будет разрыв мира, то б немедленно его, Дондук Омбо, уведомить, чтоб он мог от нападения кубанских татар улусы свои охранить, объявляя, что в зимнее время их калмыцкие улусы кочуют на нагорной стороне и от кубанцов не зело в дальнем расстоянии".

Дондук-Омбо хорошо продумывал свои действия в отношениях с Россией и с соседними народами, не забывая при этом решать вопросы внутренних взаимоотношений, спорные судебные дела, заботиться о кочевых местах улусов и их безопасности.

Его посланец Джимба Джамсо с почетом и награждением был отправлен домой. Главному управителю были отпущены денежное и хлебное жалованье с обещанием и на будущее.

Служба Дондук-Омбо на верность началась с военных действий, с участия в русско-турецкой войне. Эта кампания началась для России неудачно. 40-тысячный корпус генерала Леонтьева, в 1735 году двинувшийся на Перекоп, не достигнув цели, вернулся назад. В следующем году армия под командованием Миниха действовала успешнее, заняла столицу ханства Бахчисарай, но, опасаясь быть запертой возвращавшимися из иранских провин¬ций татарами, которые проходили через крепость Святого Креста, отступила из Крыма.

Более успешно русские войска действовали под Азовом и на Кубани. Об участии калмыков в этой войне подробно написал В. А. Потто. Он поведал, что фельдмаршал Ласси осадил Азов, "сорок тысяч калмыков, под начальством хана Дундука Омбы, прошли за Кубань и в верховьях Урупа напали на ногайцев. Несмотря на крепкую местность, становище взято было штурмом"...

"Проведав затем, что десять тысяч ногайских кибиток, принадлежавших султан - аульскому роду, стоят в верховьях реки Зеленчук, хан повернул в ту сторону, но не смея штурмовать ногайцев, засевших в тесном ущелье, он обложил их станом и тридцать семь дней держал в непрерывной осаде. Наконец на помощь к нему подошли казаки с Дона и с Терека. Тогда ногайцы увидели невозможность дальнейшего сопротивления и, чтобы спасти себе жизнь, поспешили отдаться в русское подданство. Их немедленно выселили на Куму и Терек". Потом калмыки, переждав весенние разливы рек, "снова пошли на Кубань вместе с донцами и терца¬ми". На этот раз в четырнадцать дней пройдено было ими все пространство от истоков этой реки до самого впадения ее в Черное море. Сильная крепость Копыл, резиденция турецких сераскиров, была взята приступом и уничтожена; остальные города, становища, аулы были

истреблены, и вся страна, превращенная в пустыню, спалена огнем и покрыта развалинами, пеплом и трупами. Досталось мимоходом при этом и нашим некрасовским раскольникам".

"Когда калмыки и казаки двинулись назад,— говорит очевидец,— то они оставили после себя больше пятнадцати тысяч трупов, которые валялись по полям, потому что прибирать их было некому". Столь совершенной победы и такой огромной добычи казаки никогда еще не приобретали".

Весной 1737 года Дондук-Омбо вернулся на Кубань. "Усиленными маршами, по сто и более верст в один переход, прошел он через выжженные татарами степи, где не было корма коням, и, достигнув устья Кубани, взял и уничтожил богатый город Темрюк, не отстоявший себя даже пушечным боем. Янычары, составлявшие его гарнизон, поголовно были вырезаны; некрасовские городки, находившиеся по соседству, разрушены, а сами некрасовцы загнаны в невылазные плавни. Одни только черкесские племена адыге избежали погрома, и то лишь потому, что ушли в неприступные горы, куда итти за ними не было никакой надобности. Азов в это время уже сдался, и так как на Кубани, за совершенным уничтожением всего живого, делать больше было решительно нечего, то казаки возвратились домой, а Дондук с частью калмыцкого войска присоединился к фельдмаршалу Ласси и с ним участвовал в крымских походах".

В. А. Потто из походов Дондук-Омбо сделал некоторые выводы о его полководческом таланте. Так он писал, что "калмыцкий хан, человек полудикий, лучше наших фельдмаршалов понял, с кем имеет дело, и потому-то без артиллерии и рогаток, без обоза и провианта, с одной только конницей, в два-три живых и быстрых набега он сделал более, нежели сделали в Крыму целые регулярные армии. В эту войну регулярные армии наши четыре раза занимали Крым и четыре раза его оставляли. Чтобы судить о наших потерях, довольно сказать, что в первом походе Миниха мы потеряли из пятидесяти тысяч людей тридцать тысяч, погибших исключительно от зноя и безводицы. Императрица была так довольна службой калмыцкого хана, что послала ему в дар соболью шубу и драгоценную саблю".

В марте 1737 года из Петербурга от имени императрицы Анны Иоанновны была прислана грамота Дондук-Омбо. В ней говорилось: "Мы, великая государыня наше императорское величество, усматривая от того времени, когда по всемилостивейшему нашему соизволению поручено тебе, подданному нашему, главное правление над всем калмыцким народом верные к нам твои, подданного нашего, службы, порядочное правление калмыцкого народа, показанную ревность и прилежность и знатные поиски над неприятели нашими кубанцы, всемилостивейше жалуем тебя, подданного нашего, и учреждаем ханом калмыцким и во знак нашея императорского величества к тебе, подданному нашему, милости повелели к вам послать нарочно отсюда знатную персону обер штер-крикс

комиссара Федора Соймонова... и знаки ханства: знамя, саблю, шубу, шапку тебе вручить".

Когда приехал государственный адмиралтейский обер штер-крикс комиссар Соймонов с атаманом Данилой Ефремовым, Дондук-Омбо со ставкой находился в урочище Шорпа. Приехавшие, обговаривая предстоящее объявление грамоты, жили восемь дней. Затем они пришли в ставку нойона и несколько часов находились в кибитке. Потом вышли из кибитки Данила Ефремов и знатный первый зайсанг Норбо Черень. И перед кибиткой Данила Ефремов собравшимся прочитал указ о пожаловании Дондук-Омбо калмыцким ханом, а Норбо Черень прочитал текст на калмыцком языке. По прочтении указа, собравшиеся с тысячу человек, "по своему обыкновению кланялись и благодарили". Из знатных нойонов присутствовали Бату Чакдорджапов, Доржи Назарова сын — Бай, "да владельца Четеря брат — Солом Доржа". Потом Соймонов и Ефремов поздравили хана и возвратились к своим ставкам. Через "три дни был у Дондука Омбы публичной праздник Урюс, на которой были званы Соймонов и Ефремов и обедали, и при том были и означенные владельцы, да калмыцкого народа мужеска и женска полу было с семь тысяч человек и по обеде, сидя до вечера, разъехались каждый к себе".

При этом сын хана Галдан-Норбо и Ефремов стали собираться в поход. Через четыре дня выехали, командирами при войсках, кроме Галдан-Норбо и Ефремова, были Бату, Бай, Лекбей и Лабан Дондук. При них должно было быть десять тысяч войска. Но из Черкасска от Данилы Ефремова приехал Иван Поздеев и объявил, что столько войска не имеется. "Дондук Омбо приказал немедленно собрать войска в дополнение пять тысяч человек", которые были собраны и с зайсангами отправлены в Черкасск и через два дня они отправились в Крым.

Об успешных боевых действиях Дондук-Омбо осталось много подробных сведений, которые вошли в различные рапорты, донесения и доклады с арены боев. Эти исторические документы впоследствии были изданы.

Так например, в "Сборнике русского исторического общества", напечатаны бумаги Кабинета Министров императрицы Анны Иоанновны. В одном Протоколе от 14 апреля 1738 года к генерал-фельдмаршалу императрица за собственной подписью говорила, что к Дондук-Омбо был специально послан капитан-поручик Лопухин для "побуждения его к походу при вас с калмыцким войском" на Крым. Но хан упорно стоял на том, что "ему против Кубани итти надобно". Поэтому, писала императрица, "мы уже на то ему позволить и удовольствоваться принуждены, что иногда и от сей его на Кубань экспедиции не без знатной пользы быть может, понеже, таким образом, с трех сторон вдруг на неприятеля нападение учинится". И генералу было предписано, чтобы при случае и он помог войсками.

Другой участник тех событий Г. Манштейн, "бывший в Российско-императорской и Прусско-королевской службах", оставил "Записки". В них он писал: "В начале апреля месяца выступил Дондук Омбо с 20000 подданных ему калмык и следовал к Кубани". От захваченного пленника узнав положение противника, он спешно "между рек Кубани и Орпы нагнал кубанцов. Они занимали выгоднейшее положение и установили кибитки свои вокруг себя в три ряда, наподобие укрепления. Однако это не удержало Дондук Омбо. Он поручил сыну своему Галдан Норме с 10000 человек напасть на неприятеля. Галдан прямо пошел на них и приближась, войско свое спешил и напал на кубанцов с храбростью. Они встретили его равномерно и по продолжившемся два часа сопротивлении были разбиты". Далее Манштейн повторяет сведения о том, что Дондук-Омбо держал в осаде кубанцев и вместе с донскими казаками принудил их к сдаче. Но при этом он сообщил, что сдавшиеся прислали к Дондук-Омбо "знатнейших мурз с объявлением, что они хотят Российской империи покориться и просят его принять их как подданных самодержицы всероссийской". Это предложение было принято. "Султан и 200 мурз явились к Дондук Омбо в табор, учинили в хранении верности присягу и оставили несколько знатнейших своих аманатами".

Манштейн одну из глав своих "Записок" назвал "Удивительное предприятие калмык", в которой писал:

"Фельдмаршал Ласси во время сражения приказал калмыкам окружить неприятеля и напасть на него с тылу и с боку. По окончании битвы их не было на месте, что очень беспокоило фельдмаршала, он опасался недалеко ли преследовали неприятеля в горы, и чтоб там их не отрезали от армии и всех не истребили. Но через два дня приехали они к армии, привели с собою более 1000 человек пленных, в числе коих находилися и мурзы, и сказывали, что из своего собственного побуждения проехали по горам до самого Бахчисарая". В Крыму тогда было 5000 калмыцкого войска, командовали ими, кроме Галдан-Норбо, Бату Чакдорджапов и другие.
Затем это войско, в составе армии Ласси, продолжило наступление вдоль Азовского моря и подошло к лучшему городу тогдашнего Крыма — Карас-Базару.

Крымский хан "с большим ополчением отборных татар вышел атаковать армию. Татары сначала приступали с храбростию, но чрез час казаки и калмыки сбили их с немалым уроном и преследовали в горы около 15 верст".

Этот эпизод из военной истории калмыков использовал в своем романе "Слово и дело" Валентин Пикуль и с присущим ему талантом романиста ярко описал картину похода. Писатель назвал героя "тысячником", но он был "темником". Нужно заметить, что командиры такого ранга, как Бату, Галдан-Норбо командовали войсками численностью свыше 5—10 тысяч воинов, а тысячниками при них были нойоны с войсками своих улусов.

Например, Чакдорджап, Аюка-хан, Дондук-Омбо, находившиеся во главе армий, выступали в поход, имея свыше десяти-двадцати тысяч воинов, а командование меньшим по численности войском поручали именно темникам и тысячникам. Знаменитый Мазан-батыр, например, был тысячником.

В. А. Потто писал, что "замечательные действия калмыков, бесспорно, много содействовали нашему успеху в турецкой войне, завершившейся в 1739 году Белградским миром". Согласно этого договора к России отошел тогда Азов.

Численность калмыцкого войска при Дондук-Омбо доходила до 50000. Он на Кубани при себе имел 30-тысячную армию, а на Волге, при его жене, находилась 20-тысячная армия, охранявшая калмыцкие улусы от казахов.

О готовящемся походе казахов и каракалпаков еще в 1736 году доносил Соймонов. Он с тревогой писал, что не хватает людей и ходатайствовал: "Всепокорно прошу не соизволит ли откуда для показанного резону нерегулярных конных на нынешнюю зиму для разъезду между поставленными солдатами какое число определить или не употребить ли здесь имеющихся крещеных калмык, купя им от казны лошадей и военное оружие, до трехсот человек, и дать им для лучшей их охоты, чтобы ревностнее поступали, в вознаграждение денег, ибо они, калмыки, здесь своих лошадей, также и военного оружия, за скудостию, не имеют".

Соймонов свою просьбу повторил и в следующем году, и Коллегия решила удовлетворить ходатайство. Оказалось, что с такой же просьбой обращался и астраханский губернатор Измайлов. Он "просил разрешения выбрать и выписать при Астрахани крещеных калмык шестьсот человек годных к военной службе". Это представление оставалось в Сенате без рассмотрения до декабря 1736 года, до прошения Соймонова, напоминавшего "об опасности, грозившей калмыцким улусам со стороны каракалпак¬ского нашествия". В Коллегии иностранных дел предположили "толь наипаче необходимым, что покамест калмыцкий хан Дондук Омбо из Кубанского похода не возвратился, калмыцкие улусы, конечно, надобно было от такого нападения охранять и до разорения не допускать, что ему, Дондук Омбе, при наряде в этот поход обещано".
По этим донесениям Правительствующий Сенат от 4 января 1737 года приказал: "по мнениям оной Коллегии и его вице-губернатора для охранения калмыцких улусов от намеренного каракалпацкого нападения употребить ныне в службу имеющихся при Астрахани крещеных калмык до 300 человек. И для лучшего их к тому охоты и чтобы ревностнее служили купить из казны лошадей и ружья".

Указ был получен в Астрахани 10 февраля 1737 года. Соймонов распорядился о сформировании команды. Рядовых казаков из калмык записано было 271 человек. Командиром над ними поставлен был "казацкой службы полковник Слободчиков".

Один из зайсангов был назначен "главным якобы товарищем сотнику", да и из калмыцких старост шесть человек назначены хорунжими, рядовых 271 и русских 22 человека.

Эти калмыки и были первыми казаками Астраханского казачьего войска.

Галдан-Норбо

Галдан-Норбо — старший сын Дондук-Омбо (в документах его имя пишется Галдан Норма, Галдан Нарма).

Во главе 20-тысячного калмыцкого войска из Крыма военным маршем он был направлен против казахов, за Волгу. Находясь в этом походе, Галдан-Норбо поднял бунт против своего отца — хана Дондук-Омбо.

Дело в том, что добившись ханской власти силой оружия, хитростью и угрозами, Дондук-Омбо стремился к установлению абсолютной власти. Для упрочения своей власти, как отмечал профессор Н. Н. Пальмов, он проводил систему террора над отдельными владельцами и зайсангами. Упоенный властью, ослепленный победами во многих войнах и избалованный милостями императрицы хан дошел до того, что, по словам своего преемника по управлению калмыцким народом, его двоюродного брата Дондук-Даши, "не взирая ни на владельцев, ни на знатных, ни на подлых, ни на духовных, ни на всякий мужеский пол и женский, иных умерщвлял, других арестовал, а иных и вовсе искоренял, а потом писал о них, что якобы они какую-либо противность учинили" русскому правительству. В такой обстановке было очевидно, что многие владельцы признали власть хана только из-за опасения разорения и физической расправы, им не могли понравиться нарушения традиционных норм управления. Многие были недовольны ханом и ждали удобного случая для выражения протеста.

В конце 1736 года неожиданно был арестован Бату — внук Аюки-хана, в то время старейший среди калмыцких нойонов, человек около сорока лет проведший в военных походах и сражениях, не раз командовавший общекалмыцким войском. Он содержался в Астрахани вместе со своим сыном Тангутом. 2 января 1737 года он в секретной камере у астраханского вице-губернатора Л. Соймонова говорил: "Лубжины и прочих владельцев улусные люди все злобятся на Дондук-Омбо, ...по повелению Дондук-Омбо, сын ево, Галдан-Нормо, умертвил племянника ево, Батуева, Дасангова сына Чидана, и все улусные люди смотрят ссоры между Дондук-Омбо и Лубжею, и когда они поссорятся, то может показаться явное на Дондук-Омбо ото всех владельцев нападение". Бату довольно точно обрисовал создавшуюся ситуацию и предсказал назревающие события. Он хорошо знал настроения отдельных владельцев и мог ясно предвидеть будущие конфликты. Именно то, что Бату, пользовавшийся огромным авторитетом и влиянием среди других владельцев, мог не только знать эти настроения, но даже возглавить

оппозицию, возможно и заставило подозрительного Дондук-Омбо арестовать его. Бату говорил, что если Дондук-Омбо не возвратит отобранные у других владельцев их улусы, то может произойти бунт и, по его мнению, эту оппозицию может возглавить Лубжа-старший — сын известного в истории калмыков нойона Дорджи Назарова, владельца многолюдного большого улуса, называемого Табун Оток. Но Лубжа в мае 1737 года умер. И силы оппозиции сконцентрировались вокруг Галдан-Норбо, который, по праву старшинства, был явным претендентом на ханство.

Движение калмыков на Яик и Волгу явилось причиной событий в Центральной Азии. Большой дипломат при Дондук-Омбо, человек, который тонко и умело действовал в сношениях с другими, его старший зайсанг Джимба Джамсо, находясь 24 ноября 1737 года в Царицыне, в квартире полковника Кольцова, говорил ему, что хан Дондук-Омбо имеет подлинное известие о казахах, кочующих со всеми улусами расстоянием от Яика за три дня пути, на урочище Елюнту и имеют намерение идти кочевать через Волгу на нагорную сторону и на Кубань к урочищу Домботюп. Зайсанг говорил, что "китайцы войски своими зенгорцев из жилища их выбили, от которого де утеснения помянутые зенгорцы пришли кочевать близ касацких жилищ и намерение имеют их воевать". Другая причина движения казахов заключалась в том, что сын Абулхаир-хана находился в Оренбурге в аманатах, и он имел намерение, чтобы сына своего "каким ни есть обманом от российской стороны взять".

Первое известие о восстании Галдан-Норбо было получено 14 августа 1738 года. С этого момента события развивались стремительно и сведения поступали со всех сторон, основываясь на которых можно выяснить мотивы и цели восставших. В своем письме от 20 августа к полковнику О. П. Пилю, исполнявшему должность Астраханского губернатора, Дондук-Омбо писал, что Галдан-Норбо, посланный командиром войска против казахов, 8 августа забунтовал и что он послал трех знатных человек: Галдана, Габунг Шарапа и Гюргу с тем, чтобы они объявили Галдан-Норбо: "Ежели признаваешь меня за отца, а многих торгоутов за отчизну, то оное твое намерение весьма противно, и намерение б свое отменил" — и потребовали покориться хану и принести повинную.

Между тем оказалось, что в стане бунтовщиков не было единства. Отдельные нойоны, составлявшие со своими отрядами основное войско, которое в документах называют "Великое войско", не поддерживали Галдан-Норбо, а находились в оппозиции. Поэтому армия разделилась на сторонников Галдан-Норбо и его противников. Из-за острых разногласий между ними чуть было не произошло военное столкновение. В сводках от 23 августа говорилось, что они стоят друг против друга в пяти верстах. Галдан-Норбо пригласил противников "чтоб приехали к нему для совету". Но получив какое-то тревожное известие, он, не дождавшись приглашенных, "выброся вареное мясо из котлов, на побег пошел".

"Великое войско" пустилось за ним в погоню. Галдан-Норбо остановился и приготовился к сражению. Но до сражения дело не дошло, между ними начались переговоры. Было достигнуто временное перемирие, и Галдан-Норбо заверил, что с ханом "сам разведется и ехать обещал". После этого "Великое войско" повернуло назад, и Галдан-Норбо оставался на Яике.

Владельцы, находившиеся при войске, сообщали о движениях Галдан-Норбо и его предложениях, а хан писал в Астрахань, в Царицын и на Дон, просил помощи войсками и вооружением. Галдан-Норбо находился в постоянном движении: то он намеревался напасть на "Великое войско", перебить всех командиров и войско забрать себе, то готов был идти к Абулхаиру и, соединившись с ним, идти на своего отца. Возникали предположения, что Галдан-Норбо с войском, проложив силой оружия дорогу, может уйти в Джунгарию и в Тибет к Далай-ламе или же, перебравшись на правый берег Волги, уйдет на Кубань, как в свое время сделал его отец.

Первое предположение подкреплялось тем, что буквально через неделю после бунта к Галдан-Норбо присоединилась его сестра. Об этом случае сообщалось в письме к Царицынскому коменданту П. Ф. Кольцову от 17 августа.

В письме говорилось, что Галдан-Норбо с войском дошел до урочища Самарды и там с пятью тысячами человек хотел уйти к Хун Тайже и от себя тайно прислал к сестре Джибзанг Даре, которая была замужем за сыном Солом Доржина, и та пришла к нему с тридцатью людьми, в числе которых были "знатных людей три сына, два дьякона, один черный, да три попа", и кроме этого сообщалось, что "после ее побега, муж ее Балик скоропостижной смертью умер ночью".

Через десять дней после первых известий о восстании Галдан-Норбо в канцелярию астраханского коменданта поступило подробное и обстоятельное донесение об этих событиях. В нем секретно говорилось, что Дондук-Омбо, отправляя своего сына Галдан-Норбо командиром войска, приказал своим "главным и секретным" зайсангам Норбо-Череню и Дамрину иметь "над ним смотрение". А с войском отправились калмыцкие владельцы: Лекбей, Четерев сын — Лабан Дондук, Доржи Назарова сын — Бай, братья Дондук-Даши — Бодонг и Бату "да племянник его ханской, Бокшургин сын Нингбу" с лучшими зайсангами. И когда это "войско пришло в Рын-Пески, то дочь ево ханская, а ему Галдан-Норбе сестра родная, Лабан, которая была в замужестве дербетева рода владельца Солома Доржи за сыном ево Мяаджино и оставя оного своего мужа постриглась и дано ей имя Джибзан Дара, бежала в сорока человеках к нему, брату своему, в войско". В этих донесениях есть разночтения: в первом местом встречи указывается урочище Самарда, а во втором — Рын-Пески; количество сопровождавших сестру людей: в первом — тридцать, а во втором — сорок; в первом случае муж сестры назван Балик, а во втором — Мяаджино; в первом говорится, что Галдан-Норбо посылал

к сестре людей, а во втором, что она сама приехала и т. д. Но эти разночтения в данном случае не меняют хода событий. После приезда Джибзанг-Дары поход остановился, поэтому владельцы поставили вопрос перед Галдан-Норбо, почему "оной поход медлит и сестра ево зачем приехала". Галдан-Норбо ответил, что сестра его "едет к Далай-ламе и он ее хочет до тех мест проводить". Владельцы стали уговаривать, чтобы Галдан-Норбо отпустил сестру домой, а сам продолжал бы поход. При этом Галдан-Норбо своего двоюродного брата Нингбу стал склонять на свою сторону, чтобы тот помог ему своими войсками, "и секретно свое намерение ему объявил, что он намерен войною итти на него, отца своего (Дондук-Омбо) и его убить" и "обещал ему, Нингбе, дать часть улусов, а две части себе взять". Но Нингбо отказался поддержать Галдан-Норбо и с зайсангом Кусепом и "в несколько тысячах войска отделились и стали в одном месте и окопались". А Галдан-Норбо со своими сторонниками приготовился подчинить их себе силой оружия. Видя какой оборот принимает инцидент, владельцы Лабан Дондук, Бодонг и Бату заявили Галдан-Норбо, что если он пойдет против своего отца, то они пойдут против него и потребовали, чтобы он, Галдан-Норбо, принес присягу, "чтобы против воли отцовской никаких противностей не чинить, а поступать по отцовской воле". Галдан-Норбо сначала обещал дать присягу, но, по некоторым соображениям секретного характера со стороны владельца Лекбея, отказался. Потом, отъехав с войсками к Яику, приготовился к бою, но от основного войска отделились владельцы Аршак и Сербеть со своими войсками. Сторонников у Галдан-Норбо оставалось все меньше и меньше. Тогда он объявил, что со всеми владельцами и их войсками отправится на казахов и по возвращении из похода поедет к отцу. На этих условиях "показанные владельцы с войском с ним соединились для присматривания обращения ево и с тем известием в нескольком войске возвратно приехали и показанной ево, ханской, племянник Нингбу и зайсанги". Получив известия об этом, Дондук-Омбо в "сыне своем весьма признал злое против себя умысел и опасен того, чтоб нечаяно на него, хана, не наехал и не учинил вреда". К тому же хан опасался того, что сын его может, используя войско, забрать к себе разрозненные калмыцкие улусы, которые находились кочевьями по Волге от Астрахани до Царицына. Поэтому хан, находясь около Черного Яра, в Царицын послал сына Аюки-хана — Галдан-Данжина, а в Астрахань — упомянутого племянника Нингбо, "чтоб все кочующие улусы переправить за Волгу на нагорную сторону". Сам хан остался с полковником Пилем и "стал ожидать себе во оборон" российские войска. "А к сыну своему в войска тому ныне минуло десять дней еще людей своих десять человек скрытно отправил", чтобы они доносили ему о всех передвижениях Галдан-Норбо с войсками.

Полковник Пиль спрашивал у Дондук-Омбо о том, что "дочь ево при войске ль с сыном его находится", и "может ли он, Галдан-Норбо, с нею к Далай-ламе проехать". На это Дондук-Омбо, после некоторого рассуждения, отвечал, что те зайсанги, которые при ней находятся "жен и детей своих при себе не имеют", семьи их находятся при нем, и "оставить они жен и

детей своих по месту не могут, да и женскому полу такой длинный путь снести невозможно". Полковник также спрашивал, не могут ли они пройти к Контайше или соединиться с казахами.
Между тем поступали сведения о сборах большого количества казахского войска и продвижения их к Яику и о том, что Галдан-Норбо подтягивает свои войска навстречу им.

После этих событий Дондук-Омбо отправил к сыну своему посла от Большой Куры эмчи Цоржинова попа Абу Гелюна, который "вскормил сына ево", т. е. был дядькой. Абу Гелюн должен был клятвенно заверить Галдан-Норбо, что никаких обид ему не будет сделано и по возвращении "некоторое число прибавят во владение улусу".

Последнее обещание было связано с требованием Галдан-Норбо, который поставил отцу условие, чтобы тот отдал ему Барун или Зюн. Дондук-Омбо в своем письме к Кольцову писал об этом так: "Я отсюда посылал Галдан-Норбе объявить, что ссоритца нехорошо, и лутче надлежит помиритца, на что Галдан-Норбо ко мне ответствовал, чтоб я в том для верности учинил присягу, и сверх прежде данных ему Цаатанов Правой или Левой улус отдал". Это означало, что сын требовал ни больше ни меньше, как почти половину калмыцкого народа, ибо весь народ ханства делился на правое и левое крыло по традиционному обычаю монгольских народов, а в каждое крыло входило несколько улусов с несколькими тысячами кибиток.

Нужно заметить, что далеко идущие планы Галдан-Норбо не ограничивались этими претензиями. Имеющиеся документы и исследования говорят о том, что он строил план полного захвата ханской власти — лишить отца не только власти и могущества, но и устранить его физически. Дондук-Омбо, наверное, хорошо знал своего сына и мог предугадать его цели. Поэтому, как писал исследователь М. Новолетов, "в это время гордый хан увидел себя в критическом положении и в первый раз сознался перед правительством в своем бессилии" и просил подкрепления правительственными войсками. Профессор Н. Н. Пальмов, специально разбиравший тему восстания Галдан-Норбо в своих "Этюдах по истории приволжских калмыков", писал, что Галдан-Норбо "разрабатывал план нападения на Дондук-Омбо и захвата власти, а многие знатные владельцы помогали ему в этом деле войсками и советами." Дондук-Омбо сам в своих письмах к комендантам городов, вице-канцлеру А. И. Остерману и императрице Анне Иоанновне, сообщая о восстании сына против него, писал, что "оный сын мой, Галдан-Нормо, согласясь с некоторыми моими зайсангамй, намерен мне учинить злодейство. И знатно, что и противные мои родственники в том же с ними согласии, и я имею опасения, чтоб они над моей персоною какого зла не учинили". Упомянутый полковник Пиль докладывал в Кабинет Министров, что виделся с Дондук-Омбо и застал хана "от сына своего весьма опасна". В разговоре с полковником Дондук-Омбо высказал опасения, как бы Галдан-Норбо не увлек за собою еще больше калмыков, и как бы через это

"себя перед ним, ханом, не усилил" настолько, что справиться с ним хану будет невозможно. Русское правительство было заинтересовано в примирении калмыцкого хана с сыном и его сторонниками. Поэтому Остерман ответил на письмо хана правительственными грамотами к Дондук-Омбо, Галдан-Норбо и отдельно к владельцам. Также послал указы донскому атаману Даниле Ефремову, в Царицын к Кольцову и в Астрахань — Пилю. Донскому войсковому старшине Степану Ефремову и полковнику Кольцову было приказано "добродетельным образом приводить" Галдана-Норбо и его сторонников Бая и Лекбея "к повиновению хану", а сам хан "в том успокоении" может поступать "со общего согласия с вышепомянутыми полковником Кольцовым и старшиною Степаном Ефремовым". В заключении Остерман писал, что вы "мой друг по своему благоразумию, не оставите способа употребить, чтоб реченного сына вашего, Галдан Норму, и других добрым порядком в прежнее к вам послушание привесть". А в грамоте к Галдан-Норбо говорилось, что он свое "зломыслие" совершил как результат воздействия недоброжелателей, задумавших нарушить спокойствие калмыцкого народа, что от всего этого может в калмыцком народе произойти новое смятение, за которое ответственность падет на него, Галдан-Норбо. Поэтому ему приказывалось "от того богопротивного намерения отстать и таких злых возмутителей не токмо не слушать, но и от себя отогнать, и отцу своему, хану Дондук-Омбо, отдавать по-прежнему сыновнее послушание". В грамотах к владельцам их призывали "пристойным образом отводить Галдан-Норбо от его богопротивного начинания".

Несмотря на все предпринятые действия со стороны Дондук-Омбо и правительства, Галдан-Норбо, поддержанный сильными сторонниками, владельцами Баем и Лекбеем, стоял на своих условиях и представлял большую опасность.

Серьезные опасения хана были основаны на анализе событий. Хотя большая часть войска осталась на его стороне, но положение оставалось еще довольно шатким. Многие из владельцев ждали поворота событий и в любое время могли перейти на сторону Галдан-Норбо, которого поддерживал Бай со своим войском.
Кроме того, как сообщал посланный к хану переводчик Самсонов, "из зайсангов в партии сына ево имеется Норбо Черен з братом, Солом Черенев сын Дамбрин з братьями сам пять, из эркетеней Балганов сын Гюмбе Черен, из багацатанов Тасархаев сын Тарба", да и к тому же хан получил известие, что сын его намерен послать к казахам, "чтоб они приняли ево в свою партию, и обещает отдать за их ханского сына сестру свою замуж", которая находилась при нем.

После обсуждения создавшегося положения, Дондук-Омбо пришел к выводу: если сын его с войском пойдет на него, то нужно предпринять меры, чтобы препятствовать его переходу на нагорную сторону, и на всех переправах поставить заставы, а если сын силой будет брать переправы, то их пропускать, уж в степи он сам знает, как расправиться с

восставшими. Но в этих операциях ему необходима была помощь со стороны комендантов городов и донских казаков. Дондук-Омбо оставался с войском на Волге, в Катерининском урочище, и когда 31 августа он встречался с полковником Пилем, говорил, "когда оных противных к себе владельцев и зайсангов получит, то с ними много будет число дела, ибо и фамилия ево ханская к нему недоброжелательна" и дал записку "кто ему к поимке потребен из зайсангов". В реестре "кого при войске Галдан-Норбы из зайсангов изловить надлежит" значились восемнадцать человек с указанием улусов и того, чьи они сыновья. Над своими недругами хан готовил суровый суд и расправу.
23 сентября от Дондук-Омбо к царицынскому полковнику П. Ф. Кольцову поступило письмо, в котором он доносил, что калмыцкое войско, посланное на казахов, узнав о том, что те откочевали вдаль от урочища Мугулзур, возвратилось назад. А Галдан-Норбо он просил передать, "что ссоритца не хорошо, а лутче надлежит помиритца... А возвратившийся посланец мой объявляет, что в войске большая часть лошадей отощала и в пропитании людям весьма скудость имеетца".

Несмотря на то, что большая часть владельцев с войсками была на стороне хана, восстание Галдан-Норбо вызвало большой резонанс, особенно его намерение уйти в Джунгарию. Поэтому управляющему Оренбургской комиссией В. Н. Татищеву от 14 октября 1738 года было предписано "учинить поиск" над Галдан-Норбо и поймать его. "За поимку его живым,— писал Н. Н. Пальмов,— назначалась награда в 500 рублей, за убитого обещано было заплатить "в полы". В случае, если бы не удалось захватить Галдан-Норбо живым, то, по поимке, надо будет доставить его "куда способнее": или в Яицкий городок, или к Татищеву в Самару, и здесь держать владельца "под крепким караулом, но во удовольствии в корму, впредь до особых распоряжений о нем".

25 сентября полковник Кольцов рапортом доносил в Коллегию, что владельца Лекбея удалось задержать на переправе через Волгу и посажен он "под крепкий караул" в Черном Яру. В тот же день О. П. Пилю предписывалось, Галдан-Норбо и Бая с войсками не пропускать на нагорную сторону, пока Волга льдом не покроется. А если они будут переправляться, то постараться поймать живыми или убить, согласно указу. Собранными войсками предлагалось захватить жену Бая с детьми и знатных зайсангов, и после доставить в Астрахань, где содержать их при "доброй квартире, всяком довольстве в корму и в платьи" и иметь "крепкий караул, чтоб уйти не могли". Захваченные члены семей и сторонники восставших должны были служить своего рода заложниками.

Как убедился Н. Н. Пальмов, правительство; после изучения поступивших сведений, предусматривало возможность победы Галдан-Норбо и Бая над Дондук-Омбо. В этом случае полковник Кольцов, Пиль и Татищев должны были "оных всячески ласкать, чтобы оные за Яик, а паче на Кубань с отчаяния отойти не могли". Поэтому они должны были принимать всех посланцев с донесениями и отправлять ко двору с заверением, что "могут

они получить нашу милость, и быть по-прежнему в нашей протекции, и когда они кого сюда пошлют, и вам оных отправить сюда с удовольствием". Правительство также не хотело оставлять Дондук-Омбо без поддержки и помощи, без обеспечения его личной безопасности, поэтому всячески старалось создать ему возможные условия "учинить поиск" над сыном и его сторонниками. В приведенном указе говорилось: "Стараться, чтобы их, Галдан-Норму и Бая, не упустить, но живых поймать, или уже и убить, дабы тем случаем их смятение прекратить". Там же говорилось, что пойманного Лекбея из Черного Яра следует перевезти в Царицын водным путем "под твердым конвоем" и содержать "под крепким караулом, не отказывая в пище и одежде".

Таким образом, для поимки Галдан-Норбо были приведены в движение регулярные войска и казаки; гонцы с указами, письмами, донесениями отправлялись из Петербурга на Дон, в Астрахань, Царицын и Оренбург.

В начале октября стали поступать сведения о продвижении Галдан-Норбо. Некоторые знатные владельцы и зайсанги со своими войсками стали покидать его лагерь, а оставшиеся терпели нужду и нехватку продуктов. Галдан-Норбо приходилось силой удерживать основное войско. Но воины говорили, что "хотя де он, Галдан-Нормо их всех перекуют, но и тем их не удержит,— все от него отстанут и пойдут к своим кибиткам". Дондук-Омбо и полковники предпринимали все возможные меры к примирению. До середины октября верным Галдан-Норбо оставался из всех владельцев только Бай со своими улусами. После многочисленных пересылок посланцами между отцом и сыном, стороны на определенных условиях стали приходить к согласию. 21 октября капитан Л. Т. Шахматов, находившийся при Дондук-Омбо, вернулся в Астрахань и привез О. П. Пилю письмо от хана, который писал: "Сын мой, Галдан-Норбо, пришел ко мне в покоризну и между собою в мир приходим".

Итак, Галдан-Норбо вынужден был капитулировать перед отцом. Тому было несколько причин: во-первых, от него отошли наиболее влиятельные и знатные владельцы со своими войсками; во-вторых, он был окружен со всех сторон правительственными и ханскими войсками; в-третьих, он испытывал нехватку продовольствия и одежды, да и окружавшие его люди могли в любое время отойти к хану, о чем доходили сведения. Таким образом, более чем двухмесячное восстание ханского сына против своего отца потерпело поражение. Это выступление Галдан-Норбо некоторые исследователи называли бунтом, другие восстанием, но как бы оно ни называлось, оно преследовало личную цель ханского сына — захват ханской власти или желание получить в свое распоряжение половину ханства, поэтому оно носило скорее характер внутрисемейной ссоры, от которой больше пострадали рядовые воины и их семьи.

Несмотря на то, что главный зачинщик ссоры сдался и сложил оружие, смятения в улусах еще продолжались полтора года. Наиболее последовательным из владельцев оказался Бай. Он со своими улусами

постоянно находился в движении: то отходил к Яику, то приближался к Волге, а иногда уходил даже на Мангышлак. О его передвижениях со всех сторон поступали сведения. Оренбургскую комиссию вместо Татищева возглавил князь В. А. Урусов, и он занимался поимкой Бая на Яике. Князь просил Коллегию снабдить его точными указаниями на случай, если "Бай намерения своего ко уходу вдаль не отменит". Он получил грамоту Коллегии, в которой ему советовали отправить к Баю "доброго офицера" и "склонить его к соединению с ханом". Далее говорилось, чтобы Бай не ушел вдаль, взятых у него пять человек зайсангов удержать в Яицком казачьем городке, а жен их и детей отпустить к Баю. А о нем самом было предписано "взять того владельца Бая одного или с фамилиею его в Яицкий казачий городок и в оном, до указу нашего, содержать со всяким удовольствием в корму и в платье под крепким смотрением, чтоб уйти куда не мог". В своем упорстве Бай предъявлял претензии к хану, который захватил часть его улусов и не возвращал. И, конечно же, он боялся теперь репрессий за то, что находился на стороне Галдан-Норбо. В одном из сообщений говорится, что его люди передавали: "К хану де нам итти разве только смотреть как нашу братью передавил, лучше де нам в поле на коне помереть, нежели нам удавленными быть". На последнем этапе поимки Бая посредником между ним и ханом явился татарский табунный голова Булатаев, он передавал письма от одного к другому и следил за передвижением Бая. 26 октября, т. е. через год после капитуляции Галдан-Норбо, о Бае поступило известие, что он с двумя своими женами и ханской дочерью бежал из своего улуса, но оказалось, что он отошел недалеко. Жены его и ханская дочь в Узенях пришли к Булатаеву, и тот их отправил к Дондук-Омбо. 2 ноября поступило сообщение, что ханская дочь доставлена в Черный Яр и сдана ханскому дарге.

Но только спустя пять месяцев после этого, 2 апреля 1740 года, пришло известие от Дондук-Омбо, что Бай пришел к нему и "которые он сделал противности, и те б ему отпустить, и от смерти ево освободить". Хотя вину Баю простили, разбирательство всех обстоятельств дела затянулось, и только 5 мая хан сообщал Боборыкину, заменившему Кольцова, что улус Бая перешел в полное его распоряжение, а 20 июня Дондук-Омбо сам ходатайствовал перед властями о выдаче Баю казенного жалованья, причитавшегося ему за два года.

Возвращаясь к судьбе дочери хана, нужно сказать, что даже после того, как брат ее сдался отцу, она долго не хотела идти на примирение. Со своими сторонниками она присоединилась к Баю и еще вынашивала мысль уйти к Далай-ламе. Зайсангов Норбо-Череня и Дамрина с их сорока воинами она удерживала при себе как заложников. Дондук-Омбо рассылал письма во все ближайшие заставы и просил всеми возможными способами дочь его "поймать и содержать под караулом". В ноябре 1738 года из Коллегии в Яицкий городок прислали указ, в котором всем пограничным местам предписывалось, что если "ханская дочь с калмыки явится, то б старались всех их переловить живых или побить до смерти". И таким образом она продержалась до вышеописанного момента сдачи

вместе с женами Бая. Дальнейшая судьба ее неизвестна. Историк М. Новолетов писал, что союзники Галдан-Норбо — Лек-бей, Бату с сыном Тангутом, Кичик-Дондуков, зайсанг Зундуй и другие знатные лица и в том числе ханская дочь умерщвлены жестоким ханом. Но эти данные не соответствуют действительности.

Бату со своим сыном после первого ареста и беседы с полковником О. П. Пилем был освобожден и отпущен. Он принимал участие в командовании основным войском и активно содействовал примирению Галдан-Норбо с его отцом, то есть он был на стороне хана и защищал его интересы. Несмотря на это, хан оклеветал Бату и просил Пиля, арестованного Бату с сыном его "содержать под крепким караулом и с людьми видеться не допускать". На допросах Бату отрицал все обвинения в свой адрес, да и все знали о его безупречном и ничем не запятнанном участии во всех мероприятиях правительства, его авторитет был по-прежнему высок во всех кругах. Пальмов писал: "Правительству известны заслуги Бату в дербентском и крымском походах". Известие об аресте Бату было воспринято императрицей Анной Иоанновной с "немалым удивлением". И поэтому в указе за ее подписью было написано, что владелец Бату до сих пор был известен как доброго состояния человек, зарекомендовавший себя с лучшей стороны в "службе", какие случалось ему нести с 1731 года. В 1736 году сам Дондук-Омбо посылал его в крымский поход в качестве главного командира калмыцких войск. А в деле Галдан-Норбо хан под присягою подтвердил непричастность Бату к выступлению его сына. "Изо всех вышеописанных обстоятельств помянутой Бату,— писала императрица,— не токмо никакая противность не показалась, но еще к тебе (т. е. к хану Дондук-Омбо — А. М.) доброжелание является. Поэтому мы удивляемся, что ты, не донося нашему императорскому величеству, с ним, Бату, и с сыном его, яко со владельцы, тако поступил, что с пользою калмыцкого народа несходственно, ибо оттого и калмыцкие владельцы могут прийти в страх и в калмыцком народе будет новое смятение". Она также обращала внимание и на то, что если "внешние неприятели ваши уведают, то могут признать, яко в калмыцком народе есть несогласие и от того возымеют случай всеми силами на оный нападение учинить". Императрица сделала выговор хану, что так поступать с Бату "с пользою калмыцкого народа не сходственно". Она требовала от Дондук-Омбо ясного объяснения. Но до получения объяснения, пока шла переписка, в Астрахани от оспы 2 декабря умер Бату, а его сын Тангут — умер 3 декабря 1738 года. Они были похоронены на татарском кладбище. Упоминавшийся выше владелец Лекбей, перевезенный из Царицына в Астрахань, умер в ноябре того же года.

Какова же дальнейшая судьба самого Галдан-Норбо? Хан с ним поступил также, как и с другими его сторонниками. Он передал его в Царицын полковнику Кольцову, который в Коллегию писал: "Так как отданной мне калмыцким ханом Дондук-Омбою сын его Галдан-Нормо содержится здесь, за бывшим пожарным временем и неудобными квартирами в городовой башне, где ево и содержать не без сумнения", то необходимо

было бы для него "в пристойном месте построить светлицу с летним покоем", и предлагал "для лучшего содержания отправить его в Ставрополь, где крещеные калмыки живут". Полковник Кольцов командиру команды дворянину Афанасию Толпыгину передал инструкцию о содержании Галдан-Норбо, которая поступила к нему из КИДа. Она интересна не только как документ своего времени, но и своей обстоятельностью и содержанием. В ней говорилось, что "содержится здесь в башне калмыцкого хана Дондук-Омбо сын Галдан-Нормо, до которого имеется некоторая важность, и при нем один служитель", поэтому Толпыгину предписывалось: во-первых, быть при нем, Галдан-Норме, приставом, и иметь при нем всегдашнее крепкое надзирание, "дабы оной каким случаем куда скрыться и уйти не мог". Поэтому "из караула солдатами учинить тебе определения, чтоб в каждой день и ночь был у той башни во дверях один часовой с ружьем, а другой бы солдат, без вынимания из ножен шпаги, пребывал в той башне безвыходно", также "и вокруг той башни в день по одному, а в ночь по два часовых было ж, которыя б кругом той башни ходили и смотрели, чтоб реченной Галдан-Нормо из окон вылесть не мог и чтоб они, переменясь и стоя на часах, имели крепкое и недреманное смотрение, дабы реченной Галдан-Нормо весма уйти не мог". Во-вторых, "в пищу покупать тебе, что ему, кроме вина, угодно будет. Также для ночного света брать... на каждую ночь по четыре свечи сальные" и "свечи с огнем на шандале держать в медной посуде в воде, чтоб от небрежения, от чего, боже сохрани, не воспоследовало пожарного времени". В-третьих, если Галдан-Норбо "в воскресные дни или праздники пожелает при случившихся компаниях у полковника Кольцова быть, то тебе при присутствии своем, ему, Галдан-Норме, в том не воспрещать". Но в простые дни, говорилось дальше, "никуда с ним не ходить, а содержать его как арестанта надлежит". В-четвертых, "будучи при нем поступать тебе учтиво и ласково и караульным солдатам приказать такмо поступать". И предупреждалось, чтобы пищу отдавал "настоящее ценою и без всякого себе прибытку, опасался за то немалого штрафа". В-пятых, предупреждалось, если Галдан-Норбо "каким-нибудь случаем ис под аресту сбежит, то ты имеешь пред судом тягчайше ответствовать и потом до чего достоин будешь неотменно упущено тебе не будет и сию инструкцию содержать тебе в секрете". В-шестых, о содержании и просьбах Галдан-Норбо нужно было рапортовать Кольцову ежедневно и немедленно.

Такое содержание Галдан-Норбо, да еще в Царицыне, вблизи которого кочевали калмыки, показалось хану все же недостаточным. Дондук-Омбо в письмах к Остерману и в Коллегию просил, чтобы отослали сына подальше, "в отдаленное место", чтобы он не смог видеться с калмыками. Хан опасался того, что сын может установить связь с его противником Дондук-Даши или же с княгиней Анной Тайшиной и вновь поднять восстание. В результате настойчивых обращений хана, Галдан-Норбо с тремя его служителями в сопровождении конвоя был отправлен в Казань. Н. Н. Пальмов писал, что это доставило большую радость хану. Он сообщал Кольцову, что получил грамоту императрицы, которая "повелела

отвезть в дальнее место" его сына и что за оказанную "ко мне милость, премного благодарствую, кланяюсь". В Казани Галдан-Норбо прожил почти год. За это время через переписку было принято согласие о крещении Галдан-Норбо и женитьбе его на вдове — княгине Анне Тайшиной. Княгиня, после смерти своего мужа, неоднократно присылала письма к Дондук-Омбо, чтобы "хан отпустил к ней из Дондук-Дашиных братьев одного, чтоб которой на ней женился". Архимандрит Гурий, автор капитального исследования о христианизации калмыков, изучая архивные документы, столкнулся с этими вопросами. Он писал, что Анна Тайшина думала не о том, как усвоить христианскую веру, а о том, как бы лучше устроить свою личную жизнь. Именно здесь столкнулись интересы княгини и Галдан-Норбо. Гурий писал, что Галдан-Норбо из Казани просил о крещении и разрешении жениться на Анне Тайшиной. И она, конечно, согласилась. То и другое было разрешено правительством и уже было приказано выдать обоим в качестве помощи 600 рублей. Но Галдан-Норбо неожиданно скончался, о чем 27 июля 1740 года из Казани извещал казанский губернаторский товарищ, князь Гагарин, и просил разрешения на пересылку трупа Галдан-Норбо в калмыцкую степь для погребения. Гагарин об этом посылал запрос и в Коллегию, но ответа не получил. Между тем время шло, поэтому находившийся при Галдан-Норбо дядька, Докъя-гецюль, снова послал запрос об отправке костей, указывая, что до окончания 40-дневного поминального срока остается всего 13 дней и нужно торопиться с исполнением обряда. Труп Галдан-Норбо было разрешено сжечь, а прах его, не дожидаясь официального разрешения, отправить в степь с Докъя-гецюлем в сопровождении толмача Степана Иванова. Галдану-Норбо в то время было всего 25—27 лет, у него остались три малолетних сына. В истории калмыков их имена связаны с уходом калмыков в Китай в 1771 году, в котором они сыграли немаловажную роль.

Дондук-Омбо с тринадцати лет участвовал в самых крупных военных кампаниях, имел контакты с крупнейшими военными и государственными деятелями России. И, как мы убедились, его хорошо знали в Крыму и в Турции, знали его и народы Кавказа и Средней Азии. Человек жесткий и недоверчивый, он со многими близко не сходился. И только его умение организовать, собрать разрозненные улусы, заставить подчиниться своей воле непокорных нойонов, а также несомненные его воинская доблесть и полководческое дарование заставляли признавать его как лидера. Он так и не подчинился никому, никаким грозным указам, которые посылались ему, не поддался никаким военным угрозам. Обладая такими способностями и оказавшись во главе калмыцкого народа, он оставался одиноким в своем окружении. Те немногие, и надо сказать, талантливые люди, находившиеся около него, лишь временно, боясь жестокой расправы с его стороны, поддерживали его, что наглядно доказал бунт его старшего сына Галдан-Норбо.

После расправы с бунтовщиками, он уже ничем не проявил себя. Занимался делами кочевий, улаживая конфликты калмыков с русским

населением. Занимался хан и любимой соколиной охотой, для чего отовсюду требовал присылать ему ловчих птиц, соколов, балабанов, кречетов.

Летом 1740 года к Дондук-Омбо были присланы из Коллегии полковник Боборыкин и лейб-гвардии Преображенского полка поручик Николай Чириков. Они привезли хану Грамоту от е.и.в. в честь заключения с Отоманской Портой вечного мира. Грамота была вручена хану в его ставке, находившейся в то время в урочище Эргени Бургуста. Хан, приняв грамоту, прочитал ее сам, потом отдал Денжину, исполнявшему при нем секретарскую должность. Тот читал публично всем присутствующим, а были при том знатные зайсанги, духовные и владельцы, которые стояли, сняв шапки. А к тем, которые кочевали в это время в отдалении, были отправлены послы для публичного объявления Манифеста. Грамота сопровождалась подарками и жалованьем. Из подарков хан "взял халат серебряной" и надел на себя. Затем Боборыкин и Чириков с визитом посетили ханшу Джан и Дарма-Балу, которым также вручили подарки. Всем калмыцким владельцам были присланы и вручены жалованья.

В честь заключения мира с Турцией и получения Манифеста, Дондук-Омбо, как доносил Боборыкин, объявил амнистию и "воров и осужденных" за "воровства и смертные убивства, по их правам к наказанию и к смертной казни в винах их простил и освободил семьдесят трех человек", также отдал приказ освободить российских пленных, взятых на Кубани татарами и казахами, находившихся среди калмыков.

Кстати, перед этим тот же Боборыкин доносил в Коллегию, что двух казаков из его команды ограбили калмыки и он об этом доложил хану. Воры были разысканы и "за такое их воровство учинена была тем ворам кара, всем троим переломили по руке, а одному из них же еще нос и ухо отрезали", а потерпевшим были возмещены убытки.

Он описал и другой случай. Над калмыками, которые угнали лошадей у черкес от Кубани и Азова, по ханскому приказу было "при собрании множественного числа знатных и незнатных калмык, учинено публичное наказание, а оных было двадцать человек, троим ломали руки, а протчих били плетьми каждого по тридцать ударов..., наказанных водили с публикациею по всем улусам с тем, ежели кто от сего времени в заповедные, по указам, места для воровства паки ходить дерзнет, те горьше наказаны и живота лишены будут". Также были наказаны угнавшие лошадей из российских городов. В числе воров были два зайсанга, которым также "переломили по руке".

В донесении Боборыкина отмечены места летнего кочевья некоторых нойонов. Так, хан со ставкой находился близ Сарпы, в урочище Эргени Бургуста, а владельцы Бай и Галдан-Данжин находились близ Астрахани, на нагорной стороне реки Волги, Лабан Дондук — между Царицыном и

Доном, Сербеть — в урочище Енотаевском, Бодонг — на луговой стороне, между Астраханью и Красным Яром.

В другом донесении Боборыкина от 29 декабря отмечены места зимних кочевий. Он писал, что хан Дондук-Омбо со ставкой находится в урочище Джинджили (ныне Зензили); кибитки Галдан-Данжина и матери его Дарма-Балы, Бокшурги, Нимбы — на урочище Шурали; Бодонга — на урочище Мочаги, Бугуту; Убушина, Ельзетыева, Сербетева, Гунцюк Джапова — на урочищах Бушулу и Шурали, а также близ Мочагов; Лабан Дондук с кибиткою и с улусами на Дону, Бай — за Красным Яром, в степи, а Галдан-Данжин, Сербеть, Бодонг, Ельзето и другие владельцы кочуют при войске, в урочище Копцюке.

В конце 1740 года Дондук-Омбо уже был тяжело болен. В своем письме к Боборыкину от 27 декабря, сообщая, что своей ставкой находится на урочище Джинджили, он писал: "Болезнь моя по отъезде вашем становится лутчее и позывает меня на еду, а ныне, собрав своих лекарей и духовных людей, и буду по своему закону в нынешнего месяца двадцатого числа молебствовать".

В годы своего правления Дондук-Омбо тоже снаряжал посольство к Далай-ламе. За великие военные заслуги хану было разрешено послать паломников в Тибет, при этом ему были предоставлены большие льготы. Посольство по численности в 70 человек превосходило все прежние. Также "калмыкам дано было право взять с собой товаров и вещей в неограниченном количестве и везти их чрез границу беспошлинно". Донской войсковой старшина Данила Ефремов, друг и приятель хана, докладывал в Коллегию "об ассигновании Дондук-Омбо на покупку разных товаров и вещей 10 тысяч рублей", полагающихся от правительства за кубанский поход. На весь путь, туда и обратно, отпускались подводы и корм от казны.

Подробно обсуждали маршрут посольства. Караван посольства должен был отправиться из Царицына до Тобольска через Саратов, Симбирск и Казань. Царицынский бургомистр приготовил 73 подводы с подводчиками. 28 ноября калмыки выехали из Царицына на Дмитриевск (Камышин). Послы везли прах умершего в Петербурге в 1736 году Шакур-ламы, а также прах Дасанга. Сын последнего Чидан ранее просил об отправке праха отца, но сам был зарезан Галдан-Норбо. Возглавлял посольство уже известный политический деятель Джимба Джамсо. Он как самое доверенное лицо хана имел специальное задание: привезти Дондук-Омбо от Далай-ламы грамоту и другие знаки ханской власти. Но посольство было остановлено в Селенгинске, и хан не дождался его возвращения. Сложная политическая и военная обстановка на границе Китая, Джунгарии и России требовали согласования многих деталей прохождения такого многолюдного каравана, а для этого требовалось время. К возвращению посольства мы вернемся чуть позже.

Дондук-Омбо умер 21 марта 1741 года. После его смерти начались такие же ссоры между нойонами, какие происходили после смерти Чакдорджапа и Аюки-хана. Жестокий хан держал всех в страхе. И вчерашние его сторонники сегодня оказались в противниках. Многие обиженные, у которых в свое время были отобраны улусы, предъявляли претензии, жалобы и требовали восстановления справедливости.

К астраханскому губернатору и комендантам городов поступило предписание, выяснить, что намерена предпринять ханша Джан; какое мнение по создавшемуся положению имеют знатные владельцы, зайсанги и простой народ; кто из владельцев имеет кредит в калмыцком народе, то есть пользуется наибольшим авторитетом; не намерены ли соединиться с другими народами. Ответы были достаточно конкретные. Коменданты говорили, что ханша Джан сначала намерена была со своими сторонниками перейти Яик и соединиться с трухменцами и хивинцами, потом, с согласия владельцев Бодонга, Сербетя и зайсангов, хотела откочевать в Кабарду. Насчет кредита говорили, что калмыцкий народ и зайсанги все желают видеть ханом владельца Галдан-Данжина, а Бодонг и Сербеть "принуждают ханшу Джан каким-нибудь приличным образом Галдан-Данжина, обманув, умертвить".

Из этих сообщений стали вырисовываться цели сторонников ханши Джан. А сначала складывались достаточно мирные отношения между всеми сторонниками. Так, после похорон хана, две ханши: Дарма-Бала и Джан, Галдан-Данжин жили мирно по соседству своими ставками. Например, Дарма-Бала была намерена женить своего сына на Джан, об этом уже говорили все, но у Бодонга были свои виды на ханшу Джан. Поэтому Бодонг вместе с Сербетем склонял ее к убийству своего соперника.

Новый астраханский губернатор, генерал крикс-комиссар князь Голицын в своем донесении Коллегии писал, что "ханша Джан намерена была за владельца Галдан-Данжина идти замуж", но верные хана Дондук-Омбы зайсанги "отвращают, склоняют ее, чтоб вышла за владельца Бодонга". А племянник Дондук-Омбо — Нингбу сообщал, что "из-за этого разногласия через неделю может начаться между ними война". При этих тревожных сообщениях происходили движения улусов, сборы войск и перемещения одних к другим. Российские войска тоже были приведены в движение.

Ханша Джан старалась сохранить власть и добиться от правительства утверждения ханом старшего сына Рандула. Самым опасным соперником в этом вопросе был Галдан-Данжин — последний, младший сын Аюки-хана. Он действительно в данной ситуации являлся законным претендентом на ханство.

Правительство, узнав о том, насколько высок авторитет Галдан-Данжина в среде калмыцких нойонов, зайсангов и в народе, смотря по обстоятельствам, решило поддержать его кандидатуру.

Астраханский губернатор обратился к нойону в таких выражениях: "Высокопочтенный господин калмыцкий владелец, Галдан-Данжин, мой особливой друг" и говорил, что к нему, к Галдан-Данжину, перешел улус Багутов, принадлежавший его старшему брату — хану Церен-Дондуку; что племянник его Бодонг самовольно захватывает чужие улусы и успокаивал его, чтобы он не боялся опасности.

А князю Голицыну в это время пришел указ о том, что когда Галдан-Данжин будет в "состоянии над ханшею Джан поиск учинить, то оного ему в самое действо произвесть не запрещать", и стараться, чтобы он "ханшу Джан, и сыновей ее, также и владельца Бодонга переловил и вам отдал", то есть, астраханскому губернатору.

Подполковник Андрей Эгбрехт спрашивал Голицына, что делать ему, когда противные стороны сблизятся со своими войсками. Он находился тогда в урочище Мантохой.

27 июня, а не мая, как писал Н. Н. Пальмов, по приказанию ханши Джан, командующий ханскими войсками Бодонг напал на улус Галдан-Данжина в урочище Бага-Болхуны, на луговой стороне Волги, ниже Черного Яра и разбил его. При этом Бодонг захватил самого Галдан-Данжина, а также Бая — сына Доржи Назарова, его дядю — Убуши. Они все были убиты. При разбирательстве этой трагедии выяснилось, что Галдан-Данжина убил Сербеть. Затем Бодонг напал на войска А. Эгбрехта, хотел захватить жену и детей Галдан-Данжина.

Это сражение и убийство первых нойонов ханства раскрыло и выявило все силы и цели противников. Ханша Дарма-Бала послала в Петербург ходатайство "о передаче власти над калмыцким народом Дондук-Даши, как единственному лицу, которое в состоянии прекратить смуту в калмыцком народе и спасти его от разорения".

Дондук-Даши

Здесь мы возвращаемся к личности Дондук-Даши, который, как уже говорилось выше, был единственным достойным противником Дондук-Омбо в борьбе за ханство и законным претендентом. В годы правления калмыцким народом Дондук-Омбо, у него не было возможности сразиться с ним в открытом бою: его с улусом держали около Астрахани, затем отдалили на Орь-реку, потом его самого забрали в Москву. И ни об одном из калмыцких нойонов не составляли таких специальных характеристик, какие были составлены о нем. Одна из них была составлена еще в 1732 году и называлась "Экстракт о показанных верных и добрых поступках калмыцкого владельца Чакдоржапова сына Дондук-Даши". Экстракт состоял из 5 пунктов, в которых говорилось:

1. Во время нападения Дондук-Омбо и Петра Тайшина на хана Церен-Дондука, он, не вступая в бой, пробрался по Куме на Сулак, затем на Дон

и пришел в Царицын. По прибытии представился князю Барятинскому и объявил, что он принял сторону хана.

2. Во время похода Барятинского на мятежников он с трехтысячным своим войском находился при князе.

3. Когда Барятинскому, при его походе через степь, потребовались верблюды, Дондук-Даши "без всяких отговорок приказал в своем улусе верблюдов потребное число сыскать и продать настоящею ценою, которых верблюдов куплено и в полки роздано сто двадцать два, и теми верблюдами весьма немалая нужда заменена, ибо в таком дальнем и трудном походе на весь путь провианта на лошадях никак провезти было не можно".

4. Дондук-Даши, соединясь с ханом и с другими владельцами, будучи в походе при российском войске, свои войска посылал с ханскими войсками на противников.

5. В поимке противников и сохранении улусов делал больше, чем сам хан — Церен-Дондук.

В Кабинете Министров был составлен специальный доклад. В нем говорилось, что "Дондук-Омбо поручил в калмыцком народе правление 10-летнему сыну своему Рандулу и жене своей Джану и перед смертью доносил сюда, также об этом просил он подтвердить Далай-ламу через посланника своего Джимба Джамсо".

В Кабинете говорили, что на свое представление не получив "всемилостивейшего соизволения", ханша Джан хотела захватить власть силой оружия и "тем калмыцкий народ привела в смятение так, что старая ханша, Аюкина жена — Дарма-Бала, за опасностию от нее ушла в город Черный Яр, а сын ее, владелец Галдан-Данжин, к которому из калмыцкого народу большая часть была доброжелательна и знатные ж владельцы Бай и Убуша с их родственниками, отделясь своими улусами, были при городе Красном Яре и 27 минувшего июня был между ими бой, при чем оные владельцы ханшиными калмыками переловлены живые и все трое побиты до смерти".

"Оная Дондук Омбина жена Джан Кабардинскому главному владельцу Магомету Коргокину сестра родная, и по той причине, будучи ныне на луговой стороне Волги, приняла намерение перейти на нагорную сторону и, отделясь от Волги, к Кабарде домогатца...".

"Вышеозначенная Аюкина ханша Дарма-Бала по полученному о убиении сына ея, Галдан-Данжина, известию... просит о показании милости к внуку ее, владельцу Дондук-Даше, желая наследия ему в улусах детей ее, хана Черен-Дондука и Галдан-Данжина, понеже по их обыкновениям бездетные жены в улусах наследия не имеют, также один знатный зайсанг чрез

полковника Боборыкина представляет, что ежели ныне для прекращения калмыцких ссор правление того народа поручено будет оному Дондук-Даше, то чаятельно, что все калмыки будут жить спокойно и печальные утешатся, объявляя, что многие из калмыки к нему доброжелательны, в противном же тому случае чаятельно, что часть калмыцкого народа отойдет за Яик к трухменцам, а другая — к черкесам, а третья к крымцам, чем имя калмыцкое пресечься может. А тот владелец Дондук-Даши хану Аюке внук, а крещеному владельцу Петру Тайшину родной брат, а хану Дондук-Омбе брат же двоюродный и в 1732 году, во время хана Дондук Омбы противности к службе Всероссийского двора, показал верность и прилежность, за что хан Дондук Омбо оного ненавидел и вместе с ним жить не хотел, поэтому Дондук-Даши был переселен за Самару и милостию обнадежен и ныне призван сюда". И Кабинет Министров решил:

1. Впредь до указу определить в наместники ханства калмыцкого владельца Дондук-Даши.

2. Определить ему жалованье в тысячу рублей, "муки ржаной тысячу четвертей и отдать ему во владение сверх собственного своего улуса — улусы хана Церен-Дондука и брата его Галдан-Данжина". Ему "во всяком удовольствии при себе содержать ханшу Дарму-Балу с невестками ее Церен-Дондуковою и Галдан-Данжиною женами и с дочерьми их, да ныне на отпуск дать ему тысячу рублев, а при объявлении наместничества надеть на него, по-прежнему обычаю, шапку и шубу соболью и дать саблю оправную".

3. Искать способа, чтобы ханшу Джан с сыновьями "захватить и переловить и под крепким конвоем отослать в Царицын и оттуда в Казань", но "оставить ее при собственном мужа ее улусе, которой он до правительства калмыцким народом имел и определить ей жалованья против старой ханши, Дармы-Балы, денег по пятисот рублев, муки по тысячю четвертей на год".

4. "Владельцу Бодонгу, Дондук-Дашину меньшему брату, который ныне в калмыцком народе старшей и во всем ей, Дондук-Омбиной жене, помогает, ежели он от нее по увещаниям добровольно отстанет, отдать во владение с меньшими его братьями все отца их Чакдоржапа улусы, а протчих владельцев каждого оставить при собственных их улусах и которые из оных ханом Дондук-Омбою были забраны, оные им возвратить".

5. Здесь были предусмотрены сложности от противников, поэтому посланы указы к донским казакам, чтобы выделили тысячу человек, астраханскому губернатору князю Голицыну с гарнизоном, Царицынскому полковнику Кольцову и князю Урусову яицкими казаками помогали.

6. "Искать способу Дасангова внука, а Чиданова малолетнего сына, по прошению калмыцкой крещеной княгини Анны Тайшиной, достать и сюда ко двору отправить".

К ханше Джан был прислан указ, в котором говорилось: "Донесено сюда о происходящих ныне по смерти нашего верного подданного хана Дондук-Омбы в калмыцком народе ссорах и драках, отчего и весь калмыцкий народ может прийти в крайнее смятение и разорение", поэтому, чтобы "калмыцкий народ, будучи под нашею протекциею, всегда в добром покое пребывал, повелели для объявления тебе о нашей милости и определения для содержания калмыцкого народа в добром порядке впредь до нашего указа наместника ханства калмыцкого от нашего двора отправить знатную особу, нашего тайного советника Василия Татищева", который должен возникшие ссоры разобрать "добрым порядком".

В это время произошло нападение казахов на калмыцкие улусы. Ханша Джан в своем письме к князю Голицыну подробно описала инцидент. Она писала, что из двух казахских орд — Ортой-джюс и Кеши-джюс — два хана Кучюк и Барак с тремя султанами, в том числе Аблай Бембет, "да два малых султана, да два знатные старшины Эшед-Батур да Джанбек Батур и другие старшины в собрании войск шесть тысяч семьсот человек" переправились через Яик и пришли к Волге. 26 августа против урочища Халта Али "казахи сошлись с нашим войском, где от нашей стороны воинского действия происходило трои сутки". Она писала, что хотя казахи могли уйти на лошадях, но только "от Волги отошли отводом пешие три мили", потом "чрез воинское действие, паки остановлены на безводном месте". На пятый день "при происхождении воинского действия, показанные казацкие командиры и старшины с общего согласия к сыну моему Рандулу, к Бодонгу и Сербету прислали от себя старшину, имянуемого Бармака Батур, который объявил: уведомились де они, кайсаки, что хан Дондук Омбо умер и по смерти оного по междоусобной войне калмыцкие улусы пришли в разорение, и отпору никакого чинить не в состоянии, которых де с войском всех забрать можно и для того пришли, рассуждая, чтоб калмыцкие улусы все забрать, а ежели взять будет невозможно, то б заключить мир, а ныне по приходе они, касаки, самовидцы, что хотя главного командира и не стало, точию оставшие владельцы улусы и войско находятся в прежнем состоянии". И так как "такая присловица во всяком народе есть, что ежели кто будет продолжать войну, то окажется белые кости, а ежели продолжится мир, то окажутся седые волосы, и хотя де их, кайсак, войною взять и можете, точию де уповаем, что толикое ж число людей можете умертвить, сколько нас возьмете, а ежели де мир заключите, то как с нашей, так и с их обоих сторон спасение души обрящете и потом с нашей стороны имеющие при войске владельцы и знатные зайсанги, обще рассуждая, что по указу с кайсаками велено быть в миру", поэтому "с показанными пятью султанами кайсацких командиров и со упоминаемыми старшинами Эсед Батуром и Джянабек Батуром и с протчими знатными сороки человеки, прежде утверждения присяги и заключению мира, имели договор в такой силе: 1)

чтоб быть в примирении, как от сего время народится мальчик и будет в совершенном возрасте, чтоб мог быть в состоянии владеть сайдаком, то б до того время войны не иметь, а ежели про между нами набегами что будет взято, оное возвращать и впредь чтоб того не причиняли, по справедливости штрафовать; 2) чтоб нам, калмыкам, кочевать по сю сторону Яика, а им бы, кайсакам, кочевать по ту сторону Эмбы; 3) как прежде сего они, кайсаки, и мы, калмыки, в военное время полоняли людей, оных бы разменивать теми ж людьми, и на оных кондициях как они, кайсаки, так и мы, калмыки, договорясь, присягами утверждали". К договору присутствовавшие трое султанов приложили свои печати. Этот случай показал, что войско Дондук-Омбо сохранено и способно не только к междоусобной войне, но и к отражению внешних нападений.

Доходили слухи, что ханша Джан имеет намерение уйти под протекцию персидского шаха. Татищев послал запрос о подтверждении этих слухов и принятия соответствующих мер.

Российские резиденты из персидского лагеря сообщили, что "присланные от ханши Джан к персидскому шаху посланцы 4 человека были, а именно, старшиною трухменец Суюргып с письмом, чтоб шах взял дочь ее за сына своего". Шах на это предложение объявил, "чтоб ханша как можно верхами со всеми при ней калмыками, хотя тайным образом приехала к персидскому лагерию, обнадеживая, что и оставшие ее улусы полномочием своим приведет, и для того шах и человека своего к ней, ханше, послал". А майор Эль-Мурза Бекович сообщил, что ханша Джан сестре своей, находящейся в Кизляре, написала, что просила шаха дать ей место для житья, так как "она с российскими в ссоре и желает жить с своими улусами близ Тарков". По этим сообщениям Татищев просил находящихся там офицеров "при свидании с братьями ее Мамбетом и Хасаем объявить, чтоб они сюда писали с просьбою и обнадеживанием ее и с улусами по-прежнему возвратить", т. к. она своими действиями может "обе Империи привести во вражду".

Здесь нужно отметить, что В. Н. Татищев был специально назначен руководителем Комиссии калмыцких дел. Он, еще будучи начальником Оренбургской экспедиции, столкнулся с калмыцкими делами. Вместе с комендантами Саратова и Царицына — Беклемишевым и Кольцовым — ему тогда было поручено выбрать удобное место для поселения княгини Анны Тайшиной. Они остановили свой выбор на местности Кунья Воложка, расположенной между рек Кондурчи и Черемшаны. Построенный городок был назван Ставрополем. Татищев также принимал непосредственное участие в поимке Галдан-Норбо. Поэтому назначение Татищева на эту должность было не случайным. Проанализировав деятельность Волынского, занимавшегося до этого калмыцкими делами, Татищева тщательно проинструктировали, сделав ему предостережение, чтобы "он в порученных ему делах с калмыцкими владельцы поступал склонным и искусным образом и никаких излишкостей и непристойностей ни в чем, так ж и обид никому отнюдь не чинил и никакого из подкомандных своих

до того не попускал под опасением ЗА ТО ТЯЖКОГО ОТВЕТА". Инструкция была подписана канцлером Андреем Остерманом, князем Алексеем Черкасским и графом Михаило Головкиным.

Татищев взял с собой своего сына секунд-майора Евграфа. Именно Евграф находился у кабардинских князей, когда Джан прикочевала к братьям.

Тогда Татищев написал Кизлярскому коменданту премьер-майору фон Зестдеру, что "для возвращения ханши Джан с детьми и ушедшими при ней людьми для лучшего уверения отправлен от меня сын мой секунд-майор Евграф Татищев".

Тогда же он направил письмо кабардинским князьям, в котором писал, что Джан "ищет протекции у персидского шаха и с тем посылала нарочных от себя татар, но я не уповаю, чтоб шахово величество для нее с российскою империею, наруша мирные договоры, в ссору вступил". И предупредил он братьев, "что она об уходе намерение имеет и действительно исполнить хочет, то вашему почтению и верности вашей всевозможные меры употребить, чтоб за того ее с Бодонгом и протчими не допустить, а стараться чтоб сюда возвратить и притом поступить с ними как с неприятелями". При этом находящийся в Кизляре Кишенсков был предупрежден: "Как посланцы ханши Джан, едущие из Персии пойманы будут, оных извольте под крепким караулом и командою скрытно прислать сюда".
Затем пришло известие от российского резидента Калушкина из Персии о том, что шах во всем отказал ханше Джан. Партия ханшей и ее сторонниками была проиграна. С этого момента были употреблены все силы к возвращению беглецов, только Бодонг, опасаясь за свою жизнь, несколько раз уходил назад. При этом он находился при сыновьях Дондук-Омбо, а дочери были при матери. В честь возвращения ханши Джан Татищев в Астрахани устроил приемы с угощениями и развлечениями, которые длились десять дней.

В. Н. Татищев имел право говорить, что "я, почитай, не имея никакого при себе войска, калмык благополучно развел и одному другого обидеть не допустил, а другие, прежде меня бывшие при таких комиссиях, имея при себе немалые войска своими поступками, какие войскам труд и убыток, а калмыцким улусам разорение учинили". Здесь Татищев имел в виду действия Волынского и князя Барятинского, которые действительно при таких же ситуациях не смогли добиться успеха.

Надо сказать, что во время этих событий в Калмыцком ханстве, в Петербурге произошел переворот и 25 ноября 1741 года на российский престол вступила дочь Петра I — Елизавета Петровна. В следующем году состоялась ее коронация в Москве, куда был приглашен наместник Калмыцкого ханства Дондук-Даши. В знак особого расположения ему "был пожалован портрет императрицы Елизаветы Петровны, осыпанный алмазами". При этом было отмечено, что он "к службе Имперской показал

верность и прилежность, за что хан Дондук-Омбо оного ненавидел и вместе с ним жить не хотел". Поэтому "Дондук-Даши от него, хана, был отлучен за Самару, откуда для того взят был в Петербург и при отпуске его в наместники ханства был обнадежен, что и действительным ханом пожалован будет".

Будучи на коронации императрицы, Дондук-Даши сделал представление об улусе Дондук-Омбо — Бага-Цохур, владельцы которого "улусы калмыцкие многократно в смятение приводили" и "весьма обогатились и усилились и ружьем удовольствовались" и в таком состоянии находятся, "что хотя и Дондук Омбы нет, но и зайсанги его без всякого труда могут улусы их паки привесть в междоусобие". Поэтому он предложил "Галдан-Норбиным детям из того улуса дать принадлежащую часть", а оставшуюся часть до указа поручить ему.

При обсуждении этого вопроса Татищев согласился с просьбой Дондук-Даши, но предложил в том взять от него реверс. Так как этот документ представляет исторический интерес, приводим его полный текст:

"Реверс Дондук-Даши Понеже по всемилостивейшему Указу пожалован я, нижепоименованный, наместником ханства Калмыцкого, того ради по всеподданнейшей моей должности сим Реверсом обещано следующее:

1. Служить верно и прилежно и во всем поступать и исполнение чинить по Указам.

2. С неприятели какова б оные народа и звания ни были никакого сообщения и дружбы и пересылок не иметь, также и другими чужестранными народы без Указу не пересылатца, а какие чужестранные послы будут ко мне приезжать, о том мне в сторону объявлять и ответы им давать какие указом будет повелено.

3. Крещеных калмык в улусы калмыцкие не принимать.

4. Аюкину ханшу Дарма-Балу с ея невестками и внучеты по отдаче мне хана Черен-Дондука и брата его Галдан-Данжина улусов во владение, содержать мне при себе в добром призрени и во всяком довольстви и никому из калмыцких владельцов за прежние ссоры не мстить.

5. Брату моему, калмыцкому владельцу Бодонгу, ежели он от Дондук-Омбиной жены Джана добровольно отстанет, отдать во владение с меньшими моими и его Бодонговыми братьями все отца нашего Чакдоржапа улусы, а протчих калмыцких владельцев каждого оставить при собственных их улусах и которые из оных ханом Дондук-Омбою были забраны, оные им возвратить, в чем во всем поступать мне со общаго согласия со отправленным со двора тайным советником Татищевым.

6. Во знак вящей моей верности отдаю для содержания в Российском городе сына своего Асарая.

Все вышеписанное обещаю я исполнять под клятвой. В Санкт-Петербурге сентября 4 дня 1741 года".

По разделу и содержанию Багацохуровского улуса у Татищева состоялось совещание. Улус этот временно был поручен жене Галдан-Норбо — Никбе. Губернатор рассуждал, что до окончательного выяснения вопроса Никбе нужно отдать часть, называемую Барун, а за детьми Дондук-Омбо оставить Зюн и Запсар.
Вследствие этого Багацохуровский улус был разделен таким образом: "На часть Галдан Норбы, который родился от первой Дондук-Омбиной жены Соломы, досталось 604 кибитки и оные отданы во владение детям его, Галдан-Норбиным Цебек-Дорже, Кирипу и Аксахалу.

А другой Дондук-Омбиной жены Джаны детям:
Первому Арандулу — 604
Другому Додбе — 404
Третьему Асараю — 404
Четвертому Джубасара — 404
Итого 1816 кибиток".

В инструкции, данной Татищеву, указывалось: Дондук-Омбы племянника Нингбу оставить при собственном отца его Бокшурги улусе, называемом Ики-Цохур, а улусы Доржи Назарова отдать его внукам: Бамбару, Иомчину и Ользету; Лекбееву сыну Лабанг Дорже отдать улусы его отца Лекбея — хошеуты, "а Бага-Цатанов улус никому во владение не отдавать, а оставить его при Гунделе-кове сыне Амдоу (Дамрин Бамбар), а за малоумением его по завещанию матери его, Даши Бирюни, поручить его в смотрение наместнику Дондук-Даше". Остальные улусы были оставлены при их владельцах. Дондук-Даши были отданы собственные улусы Церен-Дондука и Галдан-Данжина, кроме того, Церен-Дондук имел улусы, которые "собственно принадлежат до ханской персоны" — хабучины. Они принадлежали Аюке-хану и переходили только к ханам.

Также Дондук-Даши были отданы улусы керетовы, принадлежавшие умершим его братьям: Дасангу, Бату и Данжин-Доржи.

Здесь можно уточнить этнический состав Багацохуровского улуса, который выявился при его разделе. Так, бригадир Кольцов в ставке Дондук-Даши вручил ему реестр по улусу. В нем было, с указанием зайсангов, отмечено:

"Ики-Зюневых:	Иши-Замсы Хашхи Гойрюпа	-47 -96 -85

Зубак Хонхотовых		-64
Кетчинеровых		-80
Берюсовых, Гурбатовых и Керетевых		-203
Бага-Зюневых		-380
Ики-Баруновых		-384
Шубучинаровых Дугуна		-257
Шабатовых: Харнуты и Батутовых		-216
Солом-Нормы, Ласрана, Джамбы, Санжи-Раши собственных их людей		-84
Улусных		-60
Бага-Запсуровых		-215
Ики-Запсуровых		-158
Цорджин шабинаровых		-77
Бурхановых шабинаров		-14
А всего кибиток".		2420

И это количество, по согласованию наместника ханства и Кольцова, с указанием "каких званий по частям" было расписано, а именно:

"Галдан-Норбе, который родился от первой Дондук-Омбиной жены Соломы:

Ики-Зюневых:

Зайсанга Нармы	372 кибитки
Зайсанга Солом Нормы	30 кибиток
Зайсанга Джамбы	26 кибиток
Зайсанга Санжи-Раши	19 кибиток
Зайсанга Ласрана Бурхан шабинаров Бакши	71 кибитка
Джамчю-гелюнг Доржи Зайсанга Нормоджапа	17 кибиток
и Манджи Абгая	72 кибитки

Итого: 604 кибитки

Другой Дондук-Омбиной жены Джан детям:
Первому — Рандулу — Ики-Баруновых:

Зайсанга Бардаржи	57 кибиток
Зайсанга Цагуна (Цагана)	31 кибитка
Зайсанга Гунги	20 кибиток
Зайсанга Дархан-Омбы	50 кибиток
Зайсанга Дондука	57 кибиток
Зайсанга Улан-Омбы	84 кибитки
Зайсанга Молы	45 кибиток

Зайсанга Баргая	22 кибитки
Зайсанга Ладжипа	20 кибиток
Зайсанга Аралы	54 кибитки
Зайсанга Саги	60 кибиток
Зайсанга Хоргона	34 кибитки
Ранжибай Цоржиновых шабинаров	70 кибиток

Итого: 604 кибитки.

Второму — Додьбе — Бага-Зюневых:

Зайсанга Галдана	120 кибиток
Зайсанга Тарбаджи	39 кибиток
Зайсанга Хурумши	18 кибиток
Зайсанга Чюдура	58 кибиток
Зайсанга Дондука	49 кибиток
Зайсанга Суди	15 кибиток
Зайсанга Джап Болота	81 кибитка
Зайсанга Шармета	24 кибитки

Итого: 404 кибитки

Третьему — Асараю — Бага-Баруновых:

Зайсанга Темиря	105 кибиток
Зайсанга Дугана	116 кибиток
Зайсанга Сари	100 кибиток
Зайсанга Сетеря	18 кибиток

Итого: 404 кибитки.

Четвертому — Джубасару — Берисовых:

Зайсанга Цой-Раши	142 кибитки
Зайсанга Далучи	18 кибиток
Зайсанга Хашхи	33 кибитки
Зайсанга Зана	42 кибитки
Зайсанга Бюрю-Церена	65 кибиток
Зайсанга Тели	7 кибиток
Зайсанга Ендона	9 кибиток
Зайсанга Хатая	5 кибиток
Зайсанга Отхона	28 кибиток
Зайсанга Актарака	10 кибиток
Зайсанга Гунцека	23 кибитки
Зайсанга Улан-Солома	7 кибиток
Зайсанга Чибака и Хоргона	15 кибиток

Итого: 404 кибитки.

А всего всех 2420 кибиток".

Некоторые аймаки имели двойное название. Например, жена Галдан-Норбо — Никба просила дать ей улус, называемый Ики-Зюн, "то ж и Арбан-хоюр", который состоит из четырехсот кибиток. То есть "Ики-Зюны" назывались еще и "Арбан-Хоюр".

В связи с этими разногласиями Татищев имел разговор с зайсангом Токмуком. Он говорил, что есть "знатные зайсанги, а именно: 1. Имянуемого улуса Бага-Зюна — Тиогусин Галдан; 2. Улуса Ики-Баруна зайсанг Серчик; 3. Улуса Запсара зайсанг Дамрин; 4. Улуса Бага-Баруна — Саид Джирхуин Тиомир да Нохоин Кичик, итого зайсангов пять человек и при том же он, Токмук, объявлял, что Бага-Барунов 1200 кибиток, Ики-Барунов 650 кибиток, Запсаров 200 кибиток, Ики-Зюнов, то ж и Арбан Хоюр 300 кибиток, Бага-Зюн 300 ж кибиток, итого 2650 кибиток".

К разделу Бага-Цохурова улуса Дондук-Даши прислал письмо Татищеву, в котором обстоятельно объяснил, что "по нашим правам Бага-Цохуров улус на какие части делить надлежит, а понеже наш большой хан детям своим улусы делил в такой силе:

1. Первой жены большему сыну, а моему отцу дано Керетей и Цатанов восемь тысяч кибиток.

2. Второй жены большему ж сыну Черен-Дондуку дано восемь же тысяч кибиток.

3. Дондук Омбина отца часть, которой был один — семь тысяч кибиток отданы детям его Дондук-Омбе и Бокшурге, а что тысячи кибиток пред протчими не додано и то учинено затем, что оной родился не от настоящей жены, того для по нашим правам тако и надлежит.

4.Отца моего брату Гунделеку, которой был манжиком, настоящей части не дано, токмо кормители его тысяча кибиток Бага-Цатаны, ибо оной манжиком учинился с таким намерением, чтоб ему ехать к Далай-ламе и быть при нем, того для полной части ему и не дано.

5. Черен-Дондуковым двум братьям Галдан-Данжину и Баранге-Череню дано по шести тысяч кибиток, о чем я и сам сведом, что наш большой хан детям своим улусы делил тако, а ныне Бага-Цохуров хотя и немного, однако ж надлежит разделить по тому ж праву".

Дондук-Даши приведением в качестве примера разделение наследства своим дедом Аюки-ханом дал понять, что по существующему обычаю деление производилось с учетом законности брака и рождения детей. Нужно отметить, что у калмыков законной считалась только первая жена.

Здесь же наместник представлял Кольцову сведения о том, сколько прежде этого "во время мирного их жития калмыцких улусов состояло" и

сколько осталось после казахских нападений и междоусобных ссор, "а именно: во владении у отца его наместникова Чакдоржапа было 11 тысяч кибиток или более, а ныне от оных осталось только три тысячи 438 кибиток, Церен-Дондуковых было восемь тысяч, а ныне осталось три тысячи 673 кибитки, Галдан-Данжиновых было с шесть тысяч, а ныне в остатке 2312 кибиток, шабинаровых было с пять тысяч, а ныне в остатке с две тысячи кибиток, Доржи Назаровых было с восемь тысяч, а ныне в остатке с две тысячи кибиток, хошотовых было с три тысячи, а ныне в остатке с пятьсот кибиток, дербетевых было с четыре тысячи, а ныне надеется в остатке не более трех тысяч кибиток, а всего в остатке от сорока пяти тысяч токмо 16923 кибитки".

При всех этих подсчетах Дондук-Даши предъявлял требования о восстановлении улусов по их владельцам, как это было при его деде — Аюке-хане.

Несколько слов о судьбе сторонников ханши Джан. Хошеутовский владелец Сербеть был преданным сторонником хана Дондук-Омбо и его жены Джан. Он принял активное участие в разгроме войск Галдан-Данжина. Впоследствии он был пойман и подвергся пристрастному допросу с применением пыток и ударов кнутом.

На вопрос: "Кто с ханшею главные советники были?" он ответил: "В тайных делах у ханши главные советники: зайсанги Арла, Кусеп, Шандани Шарап, Темер Болот, Дундук Сезин, Габун Нимя — гелюн Неудюль, Боролин Даржа, в протчие же советы призываны были из владельцов я, Сербет, Бодонг, Ерембель, из зайсангов Худай, Чиган Чеучен (Цаган-Цецен), Данжин, Бюрюсан Хошучи, Ганжин, Цойджип, Байса, Бюрюнамро, Эмчи Габун Шарап".

На вопрос: "С чьего совета убил Галдан-Данжина?" он ответил: "Когда войска начали с Галдан-Данжиным и с протчими его товарищи владельцах сходиться к бою, то ханша Джан приказывала своим владельцам, в том числе и мне оного Галдана-Данжина с товарищи его ловить и бить до смерти и как оного Галдана поймали, то по оному ее, ханши, приказу, не докладывая ей вторично, велел я людям своим калмыкам, а именно: Хара Туке, Батырю Харабеин Етше убить его до смерти, кои и убили, ... а владельца Бая кто убил, я не знаю, Убашу убили ханшина владения зайсанги Темир Булатовы братья Баяр, Сумелю".

В указе Елизаветы Петровны по этим делам говорилось, что "владельца Сербета за его бывшую противность до весны содержать в Астрахани, а весною водяным путем отправить в Казань под крепким конвоем, и тамо оного содержать под караулом во всяком довольстве. А зайсангов, которые у ханши Джана употреблялись в противных советах удобвозможным образом искать случая переловить и с владельцем Сербетем отправить в Казань и содержать под караулом в довольстве ж, дабы тем способом единаче калмыцкое беспокойство привести в доброй

порядок". Вместе со всеми "советниками ханши" в Казань попал и Эмчи Габун Шарап — историк, автор "Сказания о Дербен-Ойратах".

Сербеть был крещен 17 мая 1743 года и дано ему имя Семен Артемьев, но он стал писаться Семен Хошоутов. По его желанию он был отправлен из Казани в Москву к ханше Джан.

А ханша Джан с детьми была крещена 16 декабря 1744 года и наречены им имена: "Ей, Джану,— Вера, дочерям ее: Бунигаре — Надежда, Делеку — Любовь; сыновьям ее: Рандулу — Петр, Додьбе — Алексей, Асараю — Иона, Джубасару — Филипп..."

Восприемницею у нее и детей ее от святыя купели соизволила быть сама императрица Елизавета Петровна. Крещеным были даны фамилия и титул князей Дондуковых и "при том высочайше повелено ей, ханше, именоваться и писаться княгинею, дочерям ее княжнами, а сыновьям ее князьями, о чем потом и имянной е.и.в. указ за прописанием собственныя руки в 6 день июля 1745 года Сенату данной воспоследовал. А пред крещением объявлено ей было, что ей, ханше, и вина ее отпускается, по крещении же выдано ей в награждение тысяча рублев, да детям ее всем шестерым тысяча ж рублев, а для крещения всем им сделано было платье ценою в тысячю семьсот рублев.

По имянному е.и.в. указу, состоявшемуся в 29 день ноября 1744 года повелено вместо определенной напредь сего на содержание ее с детьми годовой суммы дву тысяч рублев, отпускать на такое оной содержание по тысячю двести рублев в год, да определенному тогда ж в кадетской корпус сыну ее Рандулу сверх обыкновенного тамошняго содержания давать жалования по сту двадцати рублев на год.

А 17 декабря того ж года по имянному ж е.и.в. указу оной княгине Вере Дондуковой с детьми отдан в вечное владение бывшаго в Сибирском приказе купчины Алексея Квасникова каменной двор в Москве на Тверской улице, которой велено содержать им самим из всемилостивейше определенной на них суммы, а продавать оной двор им запретить.

1745 года июня 22 другой княгини Веры Дондуковой сын князь Алексей, 1747 года июля 2 третий сын князь Иона, а 1754 года четвертый князь Филипп по имянным е.и.в. указам определены в Кадетский корпус".

Князь Петр, служивший в кадетском корпусе прапорщиком, умер в 1752 году, а Филипп, служивший сержантом, умер в 1761 году.

Что "до дочерей ее, то меньшая княжна — Любовь еще в 1744 году в Москве умерла, а большая в 1750 году по высочайшему е.и.в. соизволению выдана замуж за находящегося в Ставрополе калмыцкого крещеного владельца Ивана Дербетева" и "дано тем новобрачным в награждение пятьсот рублев".

В 1749 году, по просьбе Веры Дондуковой, ей было позволено "для детей ее в кадетском корпусе находящихся жить вместо Москвы в Санкт-Петербурге на том же жалованье, на котором она и в Москве содержалась".

В 1746 году Вера Дондукова обратилась с просьбой выдать замуж княжну Надежду за Семена Хошоутова. На это ей из Коллегии Василий Бакунин ответил, что так как Сербеть был женат на дочери Дондук-Омбо от первой жены, то по христианской вере сестру первой его жены отдать невозможно.

В это время пожелала креститься дочь Галдан-Данжина — Тютеря. Дарма-Бала писала Татищеву, что она оставляет на попе¬чение шабинеров, кешиктенов, зайсангов в трехстах кибитках, чтобы они находились в услугах внучки ее Тютери и просила губернатора быть в курсе. Татищев поинтересовался состоянием имения Тютери и посланный капитан Копытовский рапортовал: 1) при Тютере было девятнадцать зайсангов, да духовного чина и калмык двести кибиток, с которых никаких податей не собиралось, а были они только для одних услуг; 2) улусных людей ее было тысяча кибиток; 3) около нее остались из них только тридцать кибиток, остальные находились в кочевьях в разных местах.

Тютеря была крещена и было дано ей имя Елена Иванова. Она была отправлена в Ставрополь к крещеным калмыкам, там на ней женился Семен Хошоутов — убийца ее отца.

О дальнейшей его судьбе позаботилась княгиня Вера Дондукова, по ее просьбе отправили его в Ставрополь. При этом отметили, что "владелец Семен Хошоутов в калмыцких улусах имел своих подданных калмык до двух тысяч кибиток и потому был знатным владельцем и ханским зятем, а ныне в Ставрополе над всеми крещеными калмыки главными полковник Кирило-Шарап из зайсангов и равной ему войсковой судья из владельцов не знатных Петр Торгоутский, и потому владельцу Семену Хошоутову быть в их команде будет обидно". Поэтому предписали "тайному советнику Оренбургскому губернатору Неплюеву определить его, Семена Хошоутова, в службу в Оренбург к крещеным калмыкам и к другим тамошним нерегулярным войскам полковником, или дать ему другой какой, применяясь к Ставропольским крещеным калмыкам войскового старшины чин с годовым жалованьем не меньше ста двадцати рублев, почему ему давано было и в Казани в бытности его под арестом. По прошению крещеной калмыцкой княгини Веры Дондуковой зятю ее, владельцу ж и Ставропольскому ротмистру Ивану Дербетеву во удовольствие той княгини чин войскового старшины дать заблагорассуждается, но в Ставрополе тем чином определить его, кажется, невозможно затем, что тамо большей его брат Иван же Дербетев состоит в ротмистрах и старше его и для того и помянутого княгини Дондуковой зятя, ротмистра Ивана меншого Дербетева, тайному советнику Неплюеву определить в Оренбург к крещеным же калмыцким и

другим нерегулярным войскам войсковым есаулом или другим тому подобным каким чином... обоим владельцам Хошоутову и Дербетеву велеть тамо построить и дать казеные дворы".

В истории калмыцких ханов Дондук-Даши назван "лучшим из ханов". Своей государственной деятельностью он заслужил эту характеристику. Мы знаем как добивался ханского трона Дондук-Омбо, какие были им потрачены силы, в какое движение были приведены улусы и целые народы, сколько пролито крови. Дондук-Даши же, придя к власти, не сделал ни одного распоряжения по сбору войск не только для отражения нападений или оказания сопротивления, но и преследования кого-либо. Он не прибегал к силе оружия в деле приведения улусов к спокойствию, а через посыльных и письменные пересылки старался примирить недово¬льных и обиженных. Конечно, тут сказались и умелые действия такого деятеля, как Татищев.

Дондук-Даши с первых дней своего прихода к власти начал собирать сведения о количестве калмыцких улусов и численности кибиток в них. Он располагал сведениями о числе кибиток в определенных улусах при Аюке-хане и сколько их осталось на данное время, знал сколько отобрано людей у нойонов его предшественником, сколько ушло в российские города, сколько из них приняли крещение. Для решения внутренних и пограничных споров он решил привести в соответствие действующие российские и калмыцкие законы и права.
Будучи на коронации Елизаветы Петровны, он подавал прошение о составлении калмыцкого права, так как у калмыков, много лет назад отделившихся от Дербен-Ойратов и "живущих среди многочисленного и чуждого народа, изменились нравы и привились многие хорошие и дурные качества, прежде у них не бывшие", поэтому пришло время для составления новых законов на основе старых.

По этому вопросу Татищеву прислали указ о том, чтобы губернатор сочинил право на основе российских и калмыцких законов, отыскав "к тому пристойные указы предков наших, имеющиеся о калмыцких делах в Астраханской губернии и древние между калмыками же и татар с тамошними нашими пограничными в судах происходимые обыкновении" и привлек к этому делу бригадира и коменданта Кольцова и полковника, Саратовского воеводу Беклемишева, узнав их мнение на сей счет. "При сем для вашего известия посылается перевод с их калмыцкого и мунгальского права, постановленного 1640 года и с которого усмотрите: 1 -е. Что у них за убивство человека положена плата, а смерти нет. 2-е. За кражу вместо наказания ворам великая плата ж. 3-е. Что ежели кто покраденого скота след приведет в чей улус, которой того следа в другое место не отведет, то оной платить повинен".

При этом указывалось, что в новом праве нужно постановить: "1-е. О убивстве по нашим правам, изъясня при том бываемые случаи; 2-е. За краденых с обе стороны лошадей и другой скот написать не малую цену,

дабы тем бываемое пред сим калмыцкое обыкновение, что они вместо всякой лошади, которая хотя б и великой цены была, платили лошадь за лошадь, ...ворам за отгон и за кражу чинить жестокое наказание".

В своей просьбе Дондук-Даши указывал на несоответствия законов и наказаний за одни и те же преступления калмыкам и русским. Он писал, так как между "россиян и калмык в больших и малых, явных и тайных делах суд и расправа производятся неодинаково, по разными образы и по подобию жребия", отчего "калмыцкий народ несет большую тягость и хотя россиане нашего человека явным образом убьют до смерти, то мы в том справедливости получить не можем". Поэтому он просил "для произведения между нами справедливого суда и расправы во всех местах единым, а не разными образы пожаловать выдать письменное право" и командирам волжских городов "наикрепчайше подтвердить", чтобы по тому "суд производили".

А к Татищеву в частном письме наместник писал: "От вас требую совета в том, что калмыцкие улусы в междоусобном неспокойстве долговременно продолжились, и от происхождения многих непорядков прочие владельцы всякой по своей воле в делах правление чинили". Поэтому "намерение имею, кроме Аюки-хана другими владельцами в делах, что не в пользу калмыцких улусов учинено, оное уничтожа учинить по надлежащей справедливости".

Татищев и Беклемишев не написали никаких законов. У Дондук-Даши с Татищевым по поводу сочинения прав и справедливого решения суда между калмыками и русскими происходили острые полемики и имелись расхождения. За время пребывания Татищева на посту губернатора они так и не пришли к согласию и вынуждены были разорвать отношения.

Уже в 1749 году другому астраханскому губернатору О. И. Брылкину, при разборе дела об убийстве, Дондук-Даши писал, что удивляется и сожалеет, что "убийца по вашему суду и прав быти может, но по нашему суду — он не прав", и определенно рассуждал: "Ваши судные права с нашими имеют разность, почему и спору много бывает". Но он и через восемь лет после своего обращения к императрице не получил ответа.

Выше мы приводили несколько примеров наказания воров по калмыцкому суду, которым публично ломали по одной руке и били плетью до тридцати ударов. В 1750 году произошел неординарный случай. Оренбургский губернатор Неплюев сообщил о нападении калмыков на купеческий караван. Оказалось, как сообщил Спицын, что "на шедшей из Оренбурга, между Борской и Красносамарской крепостей, в степи, не доехав речки Ветлянки, российских купцов караван ограблен. Караван вез с восемьдесят пудов серебра, вместе с грузом воры взяли лошадей с сорок штук и товару немалое число". Таким образом, этот грабеж выходил за рамки обычного угона скота. Немедленно написали Дондук-Даши. Наместник ханства в своей ставке собрал всех владельцев, зайсангов,

духовенство для совершения присяги, чтобы каждый "в своем улусе таких воров под страхом наказания отыскивал и потаить не мог, в чем они пред кибиткою его, наместника ханства, при бытности моей 8 сентября, по закону их и присягали, но прежде оных реченной наместник, будучи в кибитке своей, где и я был, взяв собственного его бурхана, имянуемого Шакджи Муни, полагал на чело свое, а бывшим в собрании пред кибиткою помянутым владельцам, зайсангам и их духовным вынес того бурхана и читал вслух присягу находящейся при нем, наместнике, яко в секретарской должности калмыченин Ончук. По окончании присяги, Дондук-Даши объявил, что сыскано воровских калмык четырнадцать человек". Но приведенные только четыре человека стали говорить, что взяли только девять лошадей, а серебро отбито от них "посланною из Оренбурга командою". По приказу наместника воры были привезены, "которым при мне и при собрании множественного числа калмыцкого народа в страх онаго учинено жестокое наказание, пред кибиткою оного наместника били на каждого плетью по пятидесяти ударов и выкололи по одному правому глазу и арестовали их" до получения от Неплюева известия.

Профессор Н. Н. Пальмов в своих "Этюдах по истории приволжских калмыков" приводит в качестве примера судебного разбирательства дело об убийстве Матрохина. Следствие по этому делу показало, что восемь калмыков напали на сержанта астраханского гарнизона, который в числе семи человек вез почту из Москвы в Астрахань. Матрохин вместе со своими спутниками был убит. Убийцы признались в преступлении и уплатили штраф. При этом выяснилось, что калмыки со времен Петра I и Аюки-хана за убийство знатного человека платили штраф 100 рублей, а за простого — 50 рублей. И на этот раз преступники, заплатив штраф, были освобождены от дальнейшего наказания.

Ко времени разбирательства этого дела астраханским губернатором был назначен Жилин. Он писал Дондук-Даши, что таких преступников нужно присылать к ним за крепким караулом в кандалах, а отсюда отсылать в дальние российские города и применять их в казенной работе. Наместник соглашался с губернатором, но в то же время и возражал, что во времена Петра I русский человек, убивший калмыка, должен был платить штраф, и спрашивал, "оные два права как соединить, и об оных смертоубийцах одно что быть определя, неумедля ко мне пишите, ибо от недавнего времени оное стало быть, что ежели ваши россияне умертвят калмыка, за убивство денежную плату производить пресекли, и чтоб в том нашем старом обыкновении нас оставить". Жилин ответил, что такого указа нет и потребовал прислать преступников. Дело Матрохина зашло в тупик. Дондук-Даши был не против жестокого наказания преступников, но стоял на своем — за приведение в соответствие российских и калмыцких законов. Три года спустя вмешательство канцлера Бестужева-Рюмина сдвинуло это дело с мертвой точки и из 24 человек 7 были выданы, они после суда были отправлены на каторгу в Рогервик.

В переписке по этому делу Дондук-Даши писал Жилину, не находит ли он допустимым продажу злодеев-калмыков "на восток: в кайсаки, в Хиву, в Бухару или на запад: в Крым и в Турки", хотя существовали указы, запрещавшие продажу людей в иностранные государства, и пояснял: "Я, по моему мнению, к прекращению воровства сие конечно за полезно признаваю".

Много лет спустя, уже при других обстоятельствах, выяснилось, что свое намерение Дондук-Даши применял и на практике. Так например, в сообщении говорилось, что калмык Бальчи, напав на калмыка Аксахала, хотел умертвить его, но тот, вырвавшись из рук убийцы, донес хану. Хан приказал выдать убийцу Аксахалу головою, чтобы тот продал его Кабардинскому узденю Хурмале, а Хурмале приказано продать его дальше в Крым, куда он и был продан. Таких примеров много и интересно в них то, что даже только покушение на убийство влекло за собой наказание как за убийство; и второе — доводили до всех наказом, что многих таких, проданных в ближние области, продавать еще дальше.

Выдача преступника головой обозначала, что он передается потерпевшему полностью, т. е. к нему переходила семья — жена, дети, а также скот и имущество. Самого же преступника потерпевший мог продать или даже убить.

При угоне скота дело могло разрешиться присягами. Если воры не были выявлены, но имелись явные подозреваемые, то потерпевшие предъявляли иск, при этом за подозреваемых в их невиновности должен был присягнуть богатый и знатный человек, способный возместить убытки. Встречались оригинальные примеры присяги. Например, калмыки из аймака зайсанга Аксахала были обвинены в угоне пятнадцати волов у малороссиян, которые возили соль. В данном случае Аксахалу было предложено, чтобы он "присягнул в том, что якобы человек его быков не украл, а искал пропалых верблюдов и ест ли присягнет, то малороссиянам от иску отказать, а когда же не присягнет, то б малороссиянам взыскать за пропалых быков настоящую цену". Малороссиянин, "не соображаясь с калмыцкими правами, избрал присягу сам", что если "зайсанг Аксахал в присягу из валяющейся головы мертвого человека напьется воды, то б ему, малороссиянину ничего не взыскивать, а когда пить не будет, за быков заплатил". Присяга была настолько редкой, что даже Аксахал отозвался тогда, что "ни в каких законах таков прав неизвестно". Но малороссиянин настаивал именно на этой присяге, и зайсанг был вынужден "во удовольствие малороссиянина и присягнул". Согласно условиям присяги в этом случае подозреваемый в угоне быков был оправдан.

Бывший астраханский губернатор Н. А. Бекетов, рассуждая о калмыцком суде, говорил, во-первых, что по калмыцкому Уложению "калмыкам ворам не положено за воровство колоть глаз, а велено класть клейма на щеках и бить по пятидесяти ударов плетью и содержать целой месяц на

деревянной кобыле". При этом он заметил, что "выколония ж глаз за воровство узаконено ханом Дондук-Дашею". В своих рассуждениях губернатор зашел еще дальше, говоря, что "причинившей же воровство калмык при посредстве хозяина, у которого им кража учинена, сто раз плетью наказать, а сверх того как от сего учиненного ему наказания выздоровеет и на кобылу посажен будет".

После рассуждений о калмыцком судопроизводстве, Бекетов приказал, во-первых, "что выколоние глаз и положение на щеках клейма не только тиранское наисамое варварское наказание есть и ест ли за первое воровство такое наказание чинить, то кажется ни с какими законами согласно быть не может". Он вместе с тем предложил "наказание плетьми усугубить: за первое воровство против положенного по калмыцким правам вдвое, а за второе, учиня такое ж на теле наказание, вместо того, чтоб сажать на деревянную кобылу", отдать на полгода на каторжную работу. Во-вторых, "штраф взыскивать по-прежнему с воров".

Бекетов рассуждал о калмыцком судопроизводстве, что оно варварское и жестокое, а между тем на обращения Дондук-Даши об урегулировании судопроизводства и приведении законов российских и калмыцких в соответствие, канцлер граф А. П. Бестужев-Рюмин писал, "что касается до таких воров, которые смертного убийства не учинят, то по здешним правам положено: за первое воровство бить кнутом и отрезать левое ухо и посадить в тюрьму на два года, а за второе — бить кнутом же и, урезав правого уха, посадить в тюрьму на четыре года, а за третье воровство, хотя б и при том также убивства учинено не было, велено казнить смертно ... то вы впредь до указу по тому поступать имеете".

Канцлер не нашел больших расхождений в мерах наказания преступников. Только отметим, что калмыки наказанных плетью преступников вместо тюрьмы отправляли в монастыри на физическую работу, а во всем остальном наказания соответствовали статьям древнерусских актов.

Все усилия Дондук-Даши и обращения его к правительству России по составлению законов, отвечающих интересам обеих сторон, не были реализованы из-за непонимания сути. Все свое внимание хан обратил на составление собственно калмыцкого уложения. Заметим, что Дондук-Даши был образованным человеком, читал и писал по-калмыцки и по-русски. Поэтому он был озабочен тем, чтобы дать образование не только духовенству и знати, но и простолюдинам. В статьях его законов мы читаем: "Если которые духовные лица будут старательно учиться наукам, то таковых по мере (усердия к наукам и успехов) награждать и уважать". "Если сыновья знатных людей не будут обучаться монгольской грамоте, то с отцов таковых взыскивать по трехгодовалой лошади, сыновей же отдавать для обучения учителю; с многих известных людей взыскивать по трехгодовалому барану, а с людей низкого звания брать по пятнадцать копеек и детей их отдавать по-прежнему для обучения учителю. Если чей-

либо сын не будет учиться до пятнадцати лет, то таковых штрафовать". Некоторые статьи его законов были направлены на укрепление и сохранение нравственности в среде духовенства, нойонов и зайсангов. Например, "если зайсанг без суда будет защищать каким-нибудь образом вора, то, вызвавши, осмеять и пристыдить его при обществе; вторично — поступить так же; в третий раз водить его в одних только штанах вокруг княжеской юрты". В общем же деятельность Дондук-Даши в этом направлении преследовала ясную цель — привить соблюдение законов, обычаев, нравственности, порядка в обществе.

Баранта занимала значительное место в правовой жизни калмыков, конкретно — в регулировании пограничных инцидентов с соседними народами. Профессор Н. Н. Пальмов отметил: "В качестве одного из верных средств возместить обиду русских калмыками, коменданты городов нередко прибегали к баранте". О существовании баранты сохранились сведения со времен Аюки-хана. Например, в 1720 году калмыки отогнали табун у самарских крестьян. По этому делу к хану приехал капитан Василий Беклеми¬шев. Признавая справедливость претензий представителя русской администрации, "Аюки-хан по суду своему велел тот их табун отдать Чакдоржапову сыну Дасангу". Но последний не подчинился распоряжениям хана, тогда Аюка-хан "дал им лист, чтоб за оной табун брать из Дасангова владения калмык барантою". Два года спустя подобный же случай повторился с самарскими же крестьянами, и тут было решено, "доложа хану, взять баранту". Нужно отметить, что баранта применялась в обычном праве у многих народов Средней Азии и Северного Кавказа. Примеры ее сущес¬твования и применения на практике отмечены в трудах М. М. Ковалевского, Ф. И. Леонтовича и др.

Сам Дондук-Даши обращался к астраханскому губернатору И. М. Измайлову с просьбой, что "у нас Доржинов Лубжа взятых людей и многие числа скота весною не отдал, с которых как повелите, барантою ли взять или вы чрез посланца своего оное возвратите". В этом случае дело не требовало судебного разбирательства. Дондук-Омбо в свое время царицынскому коменданту П. Кольцову говорил, что русские люди захватили его двух табунщиков и увезли и что "е.и.в. изволило указать, чтоб баранты не брать". Это говорит о том, что для баранты требовалось разрешение или указание.

В другом случае Дондук-Даши сообщил коменданту Еропкину, что его купцы, отправленные в Кабарду, подверглись нападению и грабежу, что "так делать непристойно и, не объявя главным командирам, брать барантою". И он коменданта поставил в известность, что "и я вышепомянутых своих купцов в Кабарду с письмом от себя для взятья баранты отправил". Он также просил Еропкина написать письмо кабардинским владельцам об отдаче баранты. При этом добавил, "ежели по вашему и по моим письмам кабардинские владельцы купцам моим баранту не отдадут, и для взятья лошадей человека не пришлют, то я уже

вас и уведомлять не буду, точию калмыцким холопам отдам вволю", то есть уже обиженные могли вернуть свои убытки силой оружия. Он же в 1760 году поставил в известность полковника Спицына в связи с иском кабардинцев, что если "справедливости не учинить правым калмыкам, баранту взять не воспрещу, что для ведома чрез сие вам сообщаю". Так же он укорил Спицына в том, что татары "наших людей побили, а вы запрещаете мне с кубанских татар баранту взять".

Вопрос о баранте особенно проявляется в решении дел между калмыками и донскими казаками. Так например, в 1752 году полковник Спицын писал, "чтоб впредь от калмык у казаков ничего барантою взято не было и во всяких бы заходящих делах ведались судом". И через два года после этого, от 26 октября 1754 года за подписью сенатора графа Алексея Бестужева-Рюмина последовал указ наместнику ханства Дондук-Даши, в котором говорилось, что "при разобрании живущих на Дону калмык рассматривано быть имеет, ежели же которым из них своего долгу по подлинному усмотрению платить будет нечем, а будущие от вас при разобрании на Дону калмык, зайсанги станут их просить на свои поруки, и в платежи признанных на них долгов в положенное время подпишутся, то и таковые к вам отпущены быть имеют, а между тем надлежит вам в таковом случае попечение возыметь, чтоб оные долги в свое время всемерно заплачены были, ибо иначе взята будет за то баранта".

Таких примеров решения спорных вопросов и конфликтных ситуаций с донскими казаками было много. Как видим, канцлер на государственном уровне разрешал или запрещал баранту. Приведем другой пример, связанный с казахами. В 1760 году через Яик перешел большой казахский табун. Дондук-Даши писал Спицыну в Царицын, что "по возвращении ныне зашедших сюда кайсацких лошадей хозяевам и посланцам взять у них баранту". На это комендант ответил, "что весь калмыцкий иск ныне барантою из оного конского табуна удержать не надлежит". Но, несмотря на предупреждения с обеих сторон калмыцким владельцем Бамбаром все-таки была взята баранта. Этот случай был осужден Дондук-Даши, в письме которого говорилось, что "оной Бамбар против нашего обеих установления иначе учинил, оное не сколько не пристойно, но и весьма противно". Бамбар самовольно нарушил установленный обычай возмещения убытков, тем самым нарушил и традицию народного права.

Эти и другие примеры говорят о том, что баранта официально существовала как норма, регулировавшая спорные вопросы и конфликты.

Дондук-Даши имел намерение вернуть под свою власть ушедших во время калмыцких междоусобий принадлежавших ранее им ногайцев. При этом один из знатных зайсангов в 1723 году объявлял, что "татары издревле были трех владениев: 1) российская, обретающая при Терской крепости; 2) калмыцкая; 3) кумыцкая" и "все три при России и при калмыках и кумыках жить не желают, а желают уйти на Кубань".

В 1743 году Дондук-Даши писал, что пришли к нему мурзы от джетысан и енбулук и просят его принять к себе. При этом он указал, что в данное время находится в достоинстве своего деда и отца — ханом, и напомнил, что даже "когда указом Петра Великого императора повелено было нам разобрать их себе и что тогда дед мой хан, также и отец мой того не учинили, и чтоб и ныне не повелено было их разбирать и с тем ходатайствовал указ".

На следующий год он обратился в Коллегию, чтобы находящихся при Астрахани "етсан и ембулук от тягла и подвод учинить свободными", а в справке Астраханской губернской канцелярии говорится о том, что в 1737 году хан Дондук-Омбо требовал от канцелярии "обретающихся в Астрахани трухменцов 133, етсан и ембулуков 353 кибитки, да в Красном Яру трухменцов 30, тогмутов 10 кибиток отдать ему". Но ему ответили, что эти татары "пришли к Астрахани из давних лет своею волею из разных мест" и подати платят е.и.в.

Заметим, что калмыки трухменцов, кочующих на Мангышлаке, называли "улан-темял".

Пять лет спустя, Дондук-Даши напомнил Брылкину: "Требовал я от вас в прошлом году, чтоб издревле подвластных наших бухарцов, трухменцов, татар и тогмутов, которые во время бывших между нами ссор, для покоя от нас отшед и живут при Астрахани, отдать ко мне обратно". На эти настойчивые требования Дондук-Даши указом ответили, что этот вопрос нужно решать в комплексе с положением крещеных калмыков и тех, которые желают принять крещение, а также желающих уйти из калмыцких улусов.

В 1752 году полковник Спицын, будучи на приеме у Дондук-Даши, спрашивал его о татарах. На что тот ответил, что когда "калмыцкий народ пришел к Волге в подданство российское, тогда джитсанские и джамбулацкие и малебашские татары, кочующие тогда по ту сторону Яика по разным местам, были завоеваны ими, калмыками, и приведены к Волге, которые здесь и находились, но в бывшее замешание, тех из малебашских татар половина ушла в турецкую протекцию, тому более сорока лет, а другая половина, минхундру называемая, осталась при Кизляре и тамо кочевали", которые во время персидского похода Петра I владельцем Бату были возвращены и с "джитсанями и енбулуками обще кочевали". Но во время калмыцких междоусобий "оставшая малебашских татар половина обще с джетсанскими и джимбулуцкими татары ушли в турецкую протекцию тому двадцать девятый год". И из тех татар, малебашских, мурзы — прежде ушедшей половины Тим мурза и после ушедшей половины минхундровских Дегой мурза — просят о возвращении. Наместник просил подтвердить указом об их подданстве.

Дондук-Даши, уже будучи ханом, в 1760 году прислал Спицыну письмо, в котором писал: "Находящиеся в вершине Кубана назы¬ваемых хас уулу

татар мирзы прислали ко мне посланца, которой словесно объявил мне, что они древние мои подданные бывали и в междоусобие наших улусов, рассеявшись, отошли в Крым, а теперь на старые свои жилища Кубань возвратились, где и нахо¬дятся благополучно и, видя меня, яко древняго их господина, находящегося в совершенном здравии с сим приветствием до меня прислали. В присланном же письме своем пишут: первое, напред сего между Волгою и Кубаном и женской наш пол имели между собою переезд для дружеского своего свидания в надежде той и ныне по благосостоянию сего времени и по обычаям тем, хотя они и на Кубане состоят, приемля меня за волжского своего государя и господина, с сим приветствием прислали". Сообщение это говорит о бытовании и сохранявшихся на тот момент дружеских отношениях народов, несмотря на происходившие временами конфликты между империями, в протекции которых они находились.

К чести калмыцких ханов нужно сказать, что они, несмотря на все случавшиеся войны, откочевки, неоднократные уходы и воз¬вращения отдельных групп ногайцев, сохраняли целостность и единство племен во главе с их мурзами, не разбирали их по улусам, вопреки присылаемым указам разобрать их, что в то время обозначало ликвидацию племени как этническое целое.

Дондук-Даши приходилось заниматься и семейными ссорами нойонов. Среди них его разногласия со старой ханшей Дарма-Балой занимают особое место. Однажды он приехал к Татищеву очень встревоженным и расстроенным и сообщил, что бабка его получила известие, что сын ее Галдан-Данжин жив и содержится в тайном месте. Старая ханша обвинила внука в укрывательстве ее сына. При проверке этого слуха открылись многосторонние связи ханши. Оказалось, что полковник Спицын перехватил несколько писем от посланцев Аблай-салтана. "Три письма были написаны по-татарски; два из них, от Абулхаир-хана и Аблай-салтана, адре¬совались Дарма-Бале, одно было написано к наместнику от Аблай-Салтана". Четвертое письмо было из Джунгарии от "зюнгарского попа Гумунг-ламы". Письма были переведены и вот их содержание.

Письмо Абулхаир-хана к Дарма-Бале.

"Сын ваш Галдан-Данжин в добром здоровьи находится, посланный от меня посланец его видел, что он содержится у россиян под караулом, о чем вам во известие доношу". Выяснилось, что информатор во известие Абулхаир-хана ошибся и дал неправильное сообщение.

Для нашей истории интерес представляет второе письмо — письмо Аблай-Салтана к Дарме-Бале.

"Я, Аблай-салтан, желаю вам здравствовать, и все наши подданные вам кланяются. Объявляю вам о себе, что я от Галдан-Череневых рук в добром здравии и с честью свободился, и в дом приехал. А вы там в добром ли

здравии находитесь? А меня Галдан-Черень имеет себе за сына, а племянник ваш Септень имеет за брата меньшего. И я вам нарекаюсь братом меньшим". По существующей субординации и обычаю побратимства, таким образом Аблай-салтан стал побратимом-андой Джунгарскому хану Галдан-Церену и Дарма-Бале.

Третье письмо было от Аблай-салтана Дондук-Даши с поздравлением в связи с назначением его в наместники ханства Калмыцкого и приветствием о здоровье.

Четвертое письмо было адресовано Дарма-Бале Джунгарским Гумунг-ламой — братом Дарма-Балы. Он писал: "Я, брат ваш, Гумунг-лама, в бытность свою у Далай-ламы, пожалован; так и по возвращении своем сюда пожалован главным надо всем духовным чином, в которые уже и вступил... А более для того стараюсь, что ты мне сестра родная, и о вас сожалею. Нежели от веры отстать и в другой вере бы, лучше умереть".

Так открылись связи ханши с Джунгарией и казахами, а также ее намерение при удобном случае откочевать туда с калмыцкими улусами. Хотя она сама, конечно, не могла осуществить такое мероприятие, но племянник ее — джунгарский хан Галдан-Церен вынашивал идею объединения всех ойратов в одно государство. В этом отношении Дарма-Бала была связующим звеном. Из-за этого она была удалена в Саратов. При ней поехали 30 человек: один лама-эмчи, 14 зайсангов, три знатные дамы и служители. На содержание ханши и людей, находящихся при ней, из саратовских казенных доходов было назначено жалованье по 100 рублей в месяц. Ханша находилась "под честным караулом", которому вменено было в обязанность "накрепко смотреть, чтоб она ни с кем письменной пересылки не имела, а паче, чтоб сама куда не ушла". Условия городской жизни не понравились ханше. Она писала астраханскому губернатору, жаловалась на холод, болезнь и на то, что "русских овец мясо здоровью моему противно, кирпичной же чай и калмыцких баранов мясо весьма б изрядно было, точию в Саратове отыскать невозможно". Для покупки калмыцких баранов она хотела послать людей, но ей не разрешили. Для нее специально купили в Царицыне десять калмыцких баранов и кирпичного чая в Астрахани.

Дондук-Даши в одном письме к губернатору писал, что у ханши находятся "нашего старого хана" и "привезенные от Далай-ламы, поистинне нам, по нашему закону надобные, каковых впредь и достать не можно разные бурханы, книги и протчие к службе нашей по нашему закону потребные вещи, тако ж и одно весьма хорошее блюдо, в которое во время их службы бьют, чтоб вышеписанное повелено было мне отдать... ибо мы в том имеем великую надобность".

В другом письме наместник сообщил, что "через отпущенного от нее Доржу-гецуля она, моя бабка Дарма-Бала, приказывала ко мне следующее: памятуя наш закон и покойных деда и отца для одного

спасения, чтоб я выпросил о уволении ее сюда у е.и.в. и по нашему б закону по смерти ее я погреб; да при жизни своей Аюка-хан на себе носил одного бурхана, за которым бы для взятья послал я от себя нарочного человека". Далее он писал, что посылал к ней человека и тот "сюда возвратился и помянутого бурхана ко мне привез". Еще он сообщал, что старая ханша просила прислать ей лекаря и калмыцких баранов и чтобы губернатор тоже посодействовал ее возвращению в улусы.

Астраханский губернатор, при посылке ханше трех кирпичей чая, через саратовского воеводу сделал запрос, желает ли она возвратиться в степь. Она ответила: "Я пришла в глубокую старость и для того, за препровождением мне е.и.в. жалованья, ныне желаю быть в калмыцких улусах при Дондук-Даше вместо матери". Грамота об освобождении Дарма-Балы была отправлена 10 апреля 1747 года на имя Дондук-Даши. В ней говорилось, что хотя Дарма-Бала "за ее неспокойство и непостоянство, а паче недоброжелательство к подданному нашему калмыцкому народу нашей милости недостойна", тем не менее она освобождается от наказания в виду заслуг ее мужа, хана Аюки, а также верности наместника, ходатайствовавшего за нее. По возвращении из Саратова она хотела поехать к Далай-ламе на поклон, но из-за сложного политического положения в Джунгарии ей было отказано. Она прожила еще 12 лет и умерла 6 декабря 1759 года, где-то в возрасте не менее 80 лет.

Следует отметить отношения, сложившиеся между Татищевым и Дондук-Даши. Они были с самого начала дружественными, корректными и деловыми. Все свои действия по калмыцким делам они согласовывали и обговаривали. Но здесь был один пункт — это то, что сын наместника находился в аманатах в Астрахани, чего не было при других ханах. И единственный наследник ханства, не выдержав условий городской жизни, умер. Это положило начало разногласиям.
И второе — это религиозные чувства и суеверия наместника. После смерти сына в Астрахани, он устроил поминки с участием большого числа священнослужителей, которым раздал огромные суммы денег. Татищев писал, что денег "всех со вступления наместника более тридцати тысяч, которое сбирается с народа" отдал духовенству и отмечал, что люди, видя выгодное положение духовенства, "стремятся принять духовный чин", "которых уже умножилось близко к 10000 и к нужному случаю военного народу едва 20000 собраться может". Он указывал на то, что особенно большой вред состоит в том, что "ваши манжики жен не имеют, то и детей от них не будет: следственно от размножения их калмыцкому народу умаляться и худеть нужно". Он указывал и на некоторые суеверия в жизни калмыков. Например, одна из калмыцких владелиц просила возвратить в ее улус человека по имени Далачи Самтан-гецюль, который "чрез жжение бараньей лопатки узнавает человеческие благополучия и несчастия". Татищев с бригадиром Кольцовым рассудили, что "ворожение чрез жжение костей... иногда может во вред и помешательство

приключиться". Однажды он имел дело с человеком, который мог вызвать дождь.

В связи с этим заметим и другой случай. 22 мая 1744 года Татищев получил обращение от владельца Лабан-Дондука, который писал, что "сделанную ими наподобие мечети деревянную разломали Нижней Чирской станицы казаки Никифор Парчин с товарищи осьмнадцать человек и взяли бурханов сто пятьдесят тысяч и положенных по обещанию деньги сто тридцать четыре рубли пятьдесят копеек, одну жемчужину, десять корольков, три хороших шапок", что эту "мечеть делали триста человек сорок пять дней, коим де, как корм, так и за работу отдано немалое число" и просил губернатора о правосудии.

Такое же сообщение получил Р. Е. Емельянов — Войска Донского войсковой наказной атаман, в нем были изложены те же подробности. Передавая это сообщение, посланец Доржи Джалчин заверил, что ту мечеть разорили и деньги взяли "подлинно Донской Нижней Чирской станицы казаки Ерофей, Григорий и Никифор Парчин с товарищи", которых он в лицо знает и может их уличить. Атаман дал распоряжение, чтобы с упомянутых казаков "вышеписанное пограбленное все безотговорочно взыскать, а чего налицо не явится, за то настоящею ценою деньги доправя, отослать к Лабан Дондуку, а потом приказать, чтоб они, Парчин с товарищи, такую ж подобную мечеть на том же месте, где была, на свой кошт построили немедленно, а виновным жестокое наказание учинить, дабы впредь другие на то смотря тако чинить, и как не без знатного владельца ко озлоблению приводить смелости не имели; а ежели они, Парчин с товарищи, будут в том грабеже запираться, то велеть представить их посланному при сем от него, Лабан Дондука, посланцу".

Тогда же Дондук-Даши сам обращался о "стройке капища", на что указом ответили, "что о каменном калмыцком капище имеете вы указа ожидать впредь, а понеже по здешнему рассуждению такого каменного публичного капища для приношения идолам жертвы в державе е.и.в. толь наипаче казенным коштом строить не пристойно". Посоветовали пристойно отговориться, объявляя, что "ему в том нужды не будет, ибо может он свое мольбище исправлять в нарочно зделанных для него новостроящейся Енотаевской крепости хоромах". С просьбой о постройке дома для жизни в зимних условиях Дондук-Даши действительно обращался. По этому вопросу в указе пространно говорилось, что "прежде его бывшие ханы не токмо в наши российские городы, но и в лагери к генералитету нашему ездить опасались и спесивились, а он в наши городы без отрицания ездит, ...и сам чрез зимнее время хочет жить в городе, к чему его и других владельцов удобвозможным образом и приохочивать надобно". И для Дондук-Даши в 1743 году была построена Енотаевская крепость.

Дондук-Даши, как и все его предшественники, поддерживал связи с Джунгарией и Тибетом. О снаряжении посольства он начал ходатайствовать еще в 1742 году по приходе своем к власти. Но эта просьба растянулась на целых тринадцать лет. Тому было много причин международного политического характера, нужно было уточнить цели посольства, его количество и согласовать маршрут. Эти уточнения были связаны с возвращением посольства Дондук-Омбо во главе с Джимба-Джамсо. Как мы знаем, оно было отправ¬лено в 1739 году, а вернулось в Калмыцкую степь в 1746 году. Из Тибета через Монголию послы вышли в Селенгинск в марте 1744 года. Джимба-Джамсо был препровожден через Иркутск в Москву. Его очень пристрастно допрашивали, начиная с Селенгинска и в самой Москве, в Коллегии иностранных дел. Правительство интересовалось тем, какую цель ставил перед послами Дондук-Омбо и кого он хотел оставить своим преемником на ханском троне, испрашивая у Далай-ламы на это знаки ханской власти. Но умный, хитрый и многоопытный дипломат жестокого хана не выдал, надо думать, и многих фактов, представляющих для нас интерес. Посольство вернулось в степь только в 1746 году, когда уже не было в живых самого Дондук-Омбо и многих его сторонников. Управляли ханством новые люди.

По этим и другим причинам посольство Дондук-Даши в составе 60 человек было отправлено через Сибирь в Тибет только лишь 3 сентября 1755 года.

Основной целью посольства, конечно, было желание получить от Далай-ламы знаки ханской власти для Дондук-Даши, а еще и то, что наместник страдал хронической болезнью. Он много лечился на Кавказских Минеральных водах, выписывал докторов из Москвы, Петербурга и многократно обращался о присылке монгольских и тибетских лекарств. По некоторым случаям ему доставали их и пересылали через всю Сибирь. Также он очень хотел иметь при себе тибетского врача.

Канцлер Бестужев-Рюмин, даже не дожидаясь возвращения посольства с лекарствами и доктором, из Селенгинска доставил ему некоторые лекарства, которые смогли найти, и монгольского лекаря.

Посольство это вернулось довольно быстро, уже в конце 1757 года оно было на российской границе. Первый представитель посольства уже в марте следующего года был у хана. От него хан с сожалением узнал, что к приезду посольства "Далай-лама от сего света переселился в Таралангово место", т. е. скончался. Таким образом, Дондук-Даши не получил грамоту и знаков ханской власти от Далай-ламы.

Все знаки ханской власти Дондук-Даши получил от императрицы Елизаветы Петровны. Дондук-Даши обращался в Коллегию с просьбой о назначении по нем наместником ханства сына его Убаши, так как он уже человек в возрасте и страдает хронической болезнью. Поэтому свою просьбу мотивировал тем, что после каждого из ханов в калмыцком народе происходили междоусобия, а новые ханы просили Далай-ламу о

присылке грамоты на ханство. Чтобы такого не случилось, он желал бы, чтобы сын его наследовал по нем, и этот обычай мог бы стать традиционным.

В правительстве и в Коллегии иностранных дел давно думали над этой проблемой, поэтому предложение Дондук-Даши получило одобрение. В Коллегии был составлен доклад и подан в учрежденную при дворе е.и.в. конференцию. В докладе говорилось, что по "прошению наместника ханства Дондук-Даши, чтоб по нем учрежден был наместником сын его Убаши". И представлено было, что "при переменах бывших до сего времени в рассуждении калмыцкого народа начальников без особливого в оном народе движения и междоусобия не обходилось, тем наипаче, что ханы их по себе наследников своих определяли собою, да и ханских титулов просили они от Далай-ламы, ими боготворимого, а не от здешнего императорского двора, а со здешней стороны и доныне прилагаемо было старание, дабы они просили о том у здешнего императорского двора, а не у Далай-ламы, и потому... чтоб и впредь к таковым прошениям наследников калмыцких ханов приохотить, рассуждается в том его, наместника ханства, Дондук-Даши, прошении, показать удовольствие, таким образом, чтоб его действительным ханом объявить, а сына его наместником ханства, однако ж с тем, дабы он при отце его в правление калмыцкого народа не вступал, а, по их калмыцким обыкновениям, сыну его в том из других владельцев соперника никого быть не может, да и улусами другие владельцы все бессильнее его. А потому, что уже доныне при учреждении в калмыцком народе хана введено в обычай со здешней стороны и знаками на то жаловать, что и впредь всегда наблюдать нужно и ныне потребно имеет учрежденному вновь калмыцкому хану по прежним примерам от е.и.в. пожаловать знамя в особливой того достоинства знак. А сверх того в том же рассуждении саблю оправную и с пристойною надписью и шубу с шапкою из серебряной парчи и на собольем меху, как все то и напредь сего в обыкновении было". Соображения Коллегии были приняты. "Рескриптом, из учрежденной при дворе е.и.в. конференции, от 21 марта 1757 года дано знать о всемилостивейшем пожаловании наместника ханства Дондук-Даши действительным ханом, а сына его наместником ханства с тем, чтоб при установлении сего хана дано было ему по-прежнему хана Дондук-Омбы примеру в особливой того достоинства знак знамя, сабля да шапка и шуба собольи с парчевыми покрышками, а сыну его, наместнику ханства, дабы и он некоторую уже отличность имел, производить жалованья по пятисот рублев в год из положенной на калмыцкие расходы суммы.

В Грамоте е.и.в. объявительной калмыцкому народу под числом 20 февраля 1757 года о пожаловании его в ханы, а сына его Убашу в наместники ханства между другим написано, чтоб он в правление калмыцкого народа вступил уже по отце, хане Дондук-Даши, при чем оною Грамотою калмыцкому народу повелено его, Дондук-Даши, за действительного хана калмыцкого, а сына его Убашу за наместника

ханства почитать и признавать и во всем том, что интересам е.и.в. не противно, всякое послушание отдавать".

Канцлер А. П. Бестужев-Рюмин 11 мая 1757 года писал Дондук-Даши: "По донесениям вашим, которыми вы, в рассуждении к е.и.в. ...верной вашей службы и нередко случающейся вам тяжкой болезни, просили о определении по вас сына вашего Убашу наместником вашим... И е.и.в. по тем вашим прошениям за вашу к е.и.в. долговременную должную и верную службу, минувшего марта 21 дня всемилостивейше соизволила пожаловать вас само¬го действительным ханом калмыцким с принадлежащими на сие достоинство знаками, а сына вашего тринадцатилетнего Убашу наместником ханства калмыцкого... о чем вам и сыну вашему также и калмыцкому народу формальное объявление учинено будет впредь астраханским губернатором господином генерал-майором Жилиным..."

Сохранился журнал поездки Жилина для объявления Дондук-Даши ханом, а сына его Убашу наместником ханства.

Подробное изложение этого исторического акта представляет интерес во всех отношениях, поэтому мы решили привести его с небольшими сокращениями.

Губернатор выехал из Астрахани 23 апреля, 26-го он остановился против Грачевского форпоста. К нему от Дондук-Даши приехали верхом на лошадях два зайсанга: Абу-Намсо и Даши-Дондук в сопровождении сорока человек. Не доехав до ставки губернатора, зайсанги спешились и когда пришли к губернатору, он посадил их на стулья по левую сторону, а сам с обер-офицером сел по правую сторону. Зайсанги поздравили губернатора со счастливым приездом и сообщили, что посланы ханом для встречи и осмотра места для ставки губернатора.

После приветствий и обычных вопросов о здоровье хана, зайсанги сообщили, что хан с семьей находится в десяти верстах, а завтра, т. е. 28-го хан будет на урочище, находящемся от Грачевки в двух-трех верстах. При этом зайсанги уточнили, что недалеко от урочища имеется займище, которое для ставки губернатора "будет весьма способно", а недалеко будет находиться ставка хана.

Губернатор тут же послал трех казаков для осмотра того места, которые, возвратившись, объявили, что место действительно "способно и для лошадей имеется корм довольной". Зайсанги были довольно трактованы губернатором. По окончании обеда, губернатор переехал в выбранное место — Соляное займище, при протоке Грачевки, а зайсанги возвратились к хану. Потом от ставки хана приехал асессор Бакунин, который передал, что хан доволен приездом губернатора, по их суеверию в счастливые дни, и на следующий день собирается приехать к губернатору. На другой день хан приблизился и поставил свою ставку

"поверху того займища по горам". После полудня губернатор послал к хану "свой берлин с цугом лошадей и при оном берлине верхом на лошадях капитан Федор Шильников, коллежский регистратор и переводчик Яков Самсонов, пред коляскою ехали на лошадях гренадер и при одном унтер-офицере шесть человек".

"Спустя час оной хан в берлине, а сын его, Убаша, верхом на лошади в богатом парчевом платье к губернатору в ставку приехали, и имел на себе хан пожалованной ему от е.и.в. портрет, а верхом на лошадях приехали вышепомянутые зайсанги Абу-Намсо и Даши-Дондук, и другие, одетые в богатом же парчевом платье и калмыки числом, например, до пяти тысяч человек".

"Как к губернатору в ставке хан и сын его, Убаша, подъехал, то учинена им честь нарочно поставленных гренадер вместо гауптвахты двадцати четырех человек поднятием ружья на караул без барабанного боя и музыки, а команда регулярная и нерегулярная стояла по порядку в своих местах в ружье, а нерегулярные казаки и татары с распущенными своими знаменами на лошадях при воинской збруе, при чем встретили его, хана, и сына его, Убашу, пред ставкою полковник Томас Юнгер с офицерами и секретарь Чириков, а губернатор в то время был в ставке на своем месте, асессор же Бакунин встретил его в ставке и вошли за ними в ставку означенные Абу-Намсо, Даши-Дондук и другие многие зайсанги, и губернатор, встав с места, его, хана, и сына его принял и посадил хана по левую сторону от кресла, сына его, Убашу, подле его в стуле, а сам губернатор сел в креслах же по правую сторону, подле же его яко для сей комиссии от Коллегии нарочно с тем прислан асессор Бакунин и полковник Юнгер, зайсанги же все сели в ставке на посланных коврах позади хана, по своему обычаю на землю, протчие же зайсанги, за невмещением в ставку, сидели обще с калмыками при самой ставке и по полю в траве".

Затем для конфиденциального разговора губернатор остался с ханом и его сыном наедине. Губернатор объявил о цели своей встречи с ними и дал текст грамоты. Они, стоя и сняв шапки, читали грамоту. По прочтении грамоты, они благодарили е.и.в. "и три раза поклонились головою в землю и со слезами" обещали верно служить. Затем все "подчиваны были кофеем, чаем, конфектами, сахарными и всякими сухими фруктами... при том за высочайшее е.и.в. здравие и е.и.в. высочайшей фамилии, хан сколько мог пил мед, а зайсанги его водку и протчие виноградные напитки...".

29-го хан пригласил в свою ставку губернатора.

Когда приехал губернатор, то "поставлена была вместо сеней от кибиточных дверей его, ханская зеленая ставка". Хан встретил губернатора у дверей и по прошению его гость шел впереди, а за ним — хан. В кибитке сидели супруга хана и сын Убаша с зайсангскими женами,

которые при появлении губернатора и хана встали. Хан посадил губернатора в кресло по правую от себя сторону, около него сели Бакунин и Юнгер. Из владельцев дербетев Галдан-Церен, хошеутов Замьян, ханские зайсанги и их дети в богатом парчевом платье сели по левую сторону на пол.

На этой встрече была согласована церемония официального провозглашения Дондук-Даши действительным ханом. На вопрос, какой день для этого наиболее подходит, хан сказал, что для этого 30-е число является счастливым. Губернатор просил, чтобы на церемонии присутствовали все приглашенные владельцы и ханша Дарма-Бала. День прошел в разговорах и угощениях.

30 апреля Бакунин и Даши-Дондук передали, что хан будет во втором часу по полудни. Бодокчей Басан сообщил, что старая ханша Дарма-Бала из-за болезни не сможет присутствовать.

В первом часу пополудни за ханом был послан берлин, при котором верхами поехали сын губернатора — Михаил Жилин и унтер-офицер с шестью гренадерами. Приехали так: хан в берлине, ханша — в коляске, Убаша верхом на лошади, также владельцы: дербетев — ханский зять Галдан-Церен, торгоутский — Емеген-Убаша, хошеутовские Замьян и Тукчи, ханские зайсанги Абу-Намсо, Даши-Дондук, жены зайсангские и всего калмыков приехало около десяти тысяч человек.

Когда хан вышел из берлина, "то стоящие в строю при офицерах гренадеры и солдаты всего сто пятьдесят человек учинили ко отданию ему чести поднятием ружья на караул, без барабанного боя и музыки".

Затем губернатор через регистратора Самсонова объявил указ Елизаветы Петровны. По объявлении указа хан и сын его встали, благодарили императрицу, "на колени поклонились к востоку в землю". Потом губернатор предложил формы присяги, которую "пред бурханом Шакджи Муни прочли, и бурхана, взяв на чело свое клали, и под присягами каждой подписался и печать свою приложил". Затем указ и присяга были объявлены присутствующим. При этом хан и сын его, также знатные зайсанги и другие, "на колени кланялись троекратно в землю на восток". Хан отдал грамоту своего зайсанга Бордона сыну Бичачи-гецулю, который вместе с капитаном Шильниковым и дворянином Андреем Ворониным на калмыцком языке народу в четырех местах читали.

Затем хану вручили знаки власти: "саблю опоясал на него асессор Бакунин, шубу надел губернаторский сын — порутчик Михаило Жилин, шапку на него надел полковник Юнгер, знамя же распущенное держал его, губернатора, племянник, артиллерии штык-юнкер Василей Киндяков". Знамя это по приказу хана было передано зайсангу Тае, которому хан приказал вынести и держать распущенным за "кибиткою, ради показания

калмыцкому народу".
Сохранилось описание этого знамени.

"Знамя гарнитуровое белое, кругом его по краям на обоих сторонах рамки золотые, на том же гарнитуре...

На оном знамени знаки: на одной стороне наверху прописан золотыми российскими литеры титул е.и.в. со окончанием.

Под ним герб российской черной двоеглавой под коронами золотыми. В средине герба изображение святого великомученика Георгия на коне с победою змия, под ним на том же гербе нощене кавалерия со изображением же распятия святого апостола Андрея Первозванного под короною золотою. Около знамени на древке три герба под коронами золотыми: Киевской, Астраханской, Казанской и Сибирской губерний.

Внизу под всем том надпись калмыцким письмом золотом, вышеозначенного е.и.в титула, а на другой стороне того знамя наверху надпись золотыми российскими литеры с прописанием титула е.и.в. со окончанием. А под титулом написано, что оное знамя повелением е.и.в. дано Дондук-Даше при пожаловании его ханом калмыцким 1757 года.

Под тою надписью вензель золотой со изображением е.и.в. высочайшего имя.

У того знамя древка деревянная под золотом".

Тут же хан "в показание же своему народу, скинув с себя пожалованную шубу, саблю и шапку, отдал ему же, Тае, вынести из кибитки и держать оные, что все то отдав, он, Тая, имеющим при себе зайсангам, и учинил".

Потом губернатор поздравил хана и сына его. Поднимали тосты и за здравие императрицы. "...И учинена всею имеющеюся при губернаторе командою, поставленною в параде в ружье, в честь ему, хану, поднятием ружья на караул с барабанным боем и музыкою, и троекратно и с трех пушек выстрелом, а команда из ружья беглым огнем".

Затем губернатор вручал жалованья и подарки владельцам и зайсангам, "а именно: Шикиру, Ондону, Цойджапу, Хашнаю, Замь-янгу, Цагалаю, Балдану, Джажу, Чоштору, Гюмбе-Череню, Шарапу, Тае, Дорже-гецулю, Нима-гелюнгу, Ибану, Ибухе, Даши-Дондуковым сыновьям, Бичачи-гецулю, Марге, бодокчею Басану и Бек-Болоту — всего двадцати человекам".

Всех присутствовавших угощали в кибитках и на открытом поле. В кибитке хана угощали всех гостей, при этом, по желанию хана, играла музыка с барабанным боем.

Хан пригласил губернатора к себе в ставку на 2 мая — субботу. При отъезде хана в свою ставку, "пожалованное знамя от е.и.в. везли перед ним, ханом, зайсанг Тая распущенное, а за ханом ехали владельцы, зайсанги, их жены и калмыки к кибиткам своим".

2 мая по приезде губернатора с офицерами продолжались поздравления и угощения. По окончании обеда губернатор и хан со всеми вышли из кибитки и сели "в поставленной против кибитки зеленой ставке на стульях, где приказал хан калмыкам производить между собою борьбу, которая производилась до самого вечера".

А вечером стреляли из пушек, производили фейерверк. В честь знаменательного события, хан награждал своих зайсангов, производил в звании дарханов, освобождал от наказаний, давал льготы.

3-го мая губернатор стал прощаться с ханом, а "как вышли из кибитки, согласился с губернатором, показывая при сем урочище место на высоком бугре для предбудущих времен, в память о получении им, ханом, и сыну его высочайшего е.и.в. всемилостивейшего на достоинство их награждения, поставить каменный столп с вырезанием на камне подписи по-русски и по-калмыцки, которое все к строению того он, хан, приказал, находящимся при Черном Яру своим бодокчеям в том старание иметь и чтоб им вспоможение учинил Черноярской комендант Иван Племянников, которого он, хан, о том и просил, и губернатор, чтоб то ко угодности его исполнено было ему, Племянникову, приказал". Губернатор только 5 мая уехал в Астрахань.

В эти дни торжественных встреч, губернатор обговаривал и уточнял с ханом отправку калмыцких войск в Европу. При исследовании этого вопроса, оказалось, что сохранились некоторые документы об участии калмыков в Семилетней войне. Одно из этих дел называется "Записка о калмыцких войсках, сочиненная в Коллегии иностранных дел (КИД) в октябре 1756 года". В ней говорится, что 10 апреля 1756 года по именному е.и.в. указу "повелено нарядить волжских калмыков 4000 человек двуконных для введения оных в Малороссию". Согласно этому указу калмыцкому хану Дондук-Даши предписывалось, чтобы "он немедленно в тот поход нарядил и приготовил 4000 калмыцкого войска лутчих людей и чтоб оные имели по две лошади и ружьем были исправные, которых и к действительному выступлению в поход во всякой готовности содержать, а командиром определить к ним одного из лутчих владельцев, а к нему в товарищи придать из лутчих же зайсангов двух человек".

16 июня генерал-майор Н. Г. Спицын из Царицына докладывал, что "четырехтысячное калмыцкое войско для действительного в поход выступления по прежнему указу с луговой на нагорную сторону реки Волги между тем действительно переправлено было при калмыцком владельце Бахан Лаванге, а сверх того и другие четыре ж тысячи человек

при улусах калмыцких в готовности содержаны и ко оным командиром определен был другой калмыцкий Икицохуров владелец Асарху".

В указе уточнялось, что "сей наряд делается для немецких краев, а именно против короля Прусского". Всего было снаряжено пятитысячное войско во главе с Лавангом — племянником хана Дондук-Даши.

О военных действиях калмыцкого войска в этом походе и об отдельных его участниках говорится в приведенных ниже документах. Так, например, 9 марта 1758 года императрица Елизавета I прислала хану Дондук-Даши милостивую грамоту. В ней говорилось, что "доносил наш генерал и Королевства Прусского генерал-губернатор Фермер, что начальник обретающегося при Армии нашей калмыцкого войска владелец Лаванг пред некоторым вре¬менем оспою умре". Далее в грамоте говорилось, что "особливо всемилостивейше повелели оставшейся фамилии умершего вла¬дельца Лаванга за его отличные службы учинить высочайшее наше награждение". И "повелеваем,— писала императрица,— на место возвращающегося в улусы калмыцкого войска нарядить ныне вновь тысячу человек самых лутчих и доброконных и оных к походу в готовности содержать" и над ними "выбираемым такой же исправной и надежной, как Лаванг, из владельцов калмыцких определен был".

Эта грамота была послана из КИДа через упомянутого генерал-майора Н. Г. Спицына. Ему предписывалось вручить ее хану "немедленно надлежащим образом". Кроме того было повелено узнать кто, каких лет остался из семьи Лаванга. Также сообщалось, что подполковник Гак, бывший при калмыцком войске в Пруссии, рапортовал, что бывший в калмыцком войске тысячником — зайсанг Бирюн Санг 19 февраля умер, "да так чаятельно и сверх того из зайсангов и знатных калмык побитые и умершие есть такие, которые особливую службу оказали, после которых оставшим женам и детям также хотя некоторое награждение для приохочивания впредь других к таким дальним походам учинить заблагорас-суждается, того ради имеете вы от подполковника Гака по прибы¬тии оного с тем войском в улусы, взять рапорт, сколько таковых умерших и побитых по именам находится и кто из них особливо какую службу оказал и оной с присовокуплением известия, об оставшихся женах и детях их прислать сюда в КИД".

Согласно этим указаниям были выяснены семейные положения наиболее выдающихся участников похода. Переводчик при калмыцких делах Савва Везелев писал Н. Г. Спицыну, что отцом Лаванга является владелец Данжин Доржи — брат хана Дондук-Даши. После смерти отца Лаванга, мать его, по калмыцкому обычаю, вышла замуж за сводного брата Данжин Доржи — владельца Бату, от которого родился Канчик, поэтому сообщалось, что после Лаванга остались: мать, жена и брат Канчик.

Подполковник Гак, получивший предписание о доставке сведений по прибытии калмыцкого войска в свои улусы, доносил, что кроме умерших

главного командира — владельца Лаванга и тысячника — зайсанга Бирюн Санга, "из зайсангов во время с неприятелем сражения убит Дербетев зайсанг в должности сотника — Джал, да при всех над неприятелем поисках, Дербетев же калмыченин Конголик оказывал немалую храбрость, почему и весьма изранен и отпущен с первым пятисотенным числом, и ныне жив или нет, о том неизвестно, однако по оказанным его храбрым поступкам особливого для поощрения к таковой же поступке милостивейшего награждения достоин, да умре в пути Дербетев же зайсанг Чодот".

Рапорт Гака дополнил Савва Везелев, он писал, что в бытность "калмыцкого двухтысячного войска в Пруссии при Армии во время сражения с неприятелем у убитого Дербетева зайсанга бывшего в должности сотника Джала, да умершего Дербетева зайсанга Чодота сколько после их настоящих родственников яко то жена и дети и братьев осталось, тако же при всех над неприятелем поисках оказавшей немалую храбрость Дербетев ж калмыченин Конголик, которой изранен и отпущен в улусы, ныне жив ли, а к тому ж у бывшего предписанным калмыцким войскам умершего тысячника владения хана Дондук-Даши, от которого приказано его, Конголика, их калмыцким лекарям пользовать, только еще и по сие время не излечился, владения ж хана Дондук-Даши у умершего зайсанга Бюрюн Санга осталась жена, один сын и две дочери".

Эти сведения дополнил Дербетев владелец Галдан-Церен. Он в своем письме, поданном в Енотаевской крепости 9 ноября 1758 года писал, что "при Армии е.и.в. в двутысячном числе калмыцкого войска находилися в должности сотника лутчие мои два зайсанга, после которых кто из ближних их родственников о том бы вас уведомить. На оное объявляю, что после убитого Джала остался отец его Адогиин Даржа, который объявляет, что многократно находился в службах е.и.в. и оказывал себя храбро, да жена с сыном и с дочерью, из ближних же родственников старшие его, Джала, три брата родных, после же умершего в походе зайсанга, имянуемого Чодота, осталась жена с сыном, которой, будучи в службах е.и.в. тако же ревностные поступки оказывал, сверх же оных мой один человек, имянуемой Кунгил (Конголик), будучи во оной же е.и.в. службе на баталии, противу неприятеля, как слышно, что до пяти раз знатным себя оказывал, из которых две его знатные поступки многим видимы были, о чем и вы известны, да и прежде, будучи во многих е.и.в. службах и многократно ранен и противу неприятеля храбро оказывался оной Кунгель (Конголик) пользуется и ныне приходит во исцеление".

Современник и участник Семилетней войны А. Т. Болотов писал: "Говорили тогда, что калмыки наши оказывали при сем случае довольные знаки своего проворства и свойственной таким легким народам храбрости. Семь человек из них, у смотря человек двад¬цать прусских гусар, удалившихся от прочих, переплыв нагие и без седел, с одними только дротиками через Прегель, ударили с такою жестокостью на них, обратившим их в бегство, гнали до самого их стана и, как выше упомянуто, трех убили, а одного в

плен взяли". Бывший командующий русской армией фельдмаршал Апраксин также отмечал "отменную храбрость" калмыков во многих сражениях этой войны. Описывая битву на берегу Прегеля, он констатировал, что неприятель напал "с такою фуриею сперва на левое крыло, а потом на правое, что писать нельзя... Несмотря на то, неприятель разбит, рассеян и прогнат легкими войсками через реку Прегель до прежнего его лагеря под Велау. Такой жестокой битвы не бывало в Европе, по свидетельству иностранных волонтеров, особенно австрийского фельдмаршала лейтенанта С. Андрэ..." "Легкие войска", о которых писал Апраксин — это так называемые нерегулярные войска, в числе которых и действовали калмыки. Канцлер граф Воронцов в "Письме путешественника из Риги", анализируя успехи и неудачи русской армии в той войне, отмечал: "Калмыки лучше всех из нерегулярных войск", "Между казаками донские почитаются лучшими по искусству и храбрости", которыми тогда командовал атаман Краснощеков.

Именно в это время, когда Дондук-Даши был объявлен действительным ханом калмыцким, Джунгарское ханство перестало существовать.

Гибель Джунгарского ханства

Одна из глав книги И. Я. Златкина о Джунгарском ханстве так и называется. Он говорил, что в годы правления Цеван-Рабтана и Галдан-Церена Джунгарское ханство стало играть заметную роль в Восточной и Центральной Азии, заняв видное место в истории и внешней политике Китая, России, Казахстана и Средней Азии. Оно превратилось в относительно высокоорганизованное объединенное феодальное государство с твердой центральной властью, успешно преодолевавшей проявления сепаратизма местных князей. Главной целью внешней политики Цеван-Рабтана и Галдан-Церена было присоединение Халхи к Джунгарскому ханству и образование на этой основе объединенного монгольского государства под властью чоросской династии. Цели и действия джунгарских ханов, естественно, встречали противодействие со стороны Цинской и Российской империй. Один из исследователей этого вопроса Э. Хэниш писал: "Дело заключалось в том, достанется ли Центральная Азия маньчжурскому, иначе говоря, китайскому государству, или же она превратится в новое великое монгольское государство".

Но ранняя смерть последнего великого хана Джунгарии — Галдан-Церена — прервала эту деятельность. После его смерти в 1745 году остались три сына: Лама-Доржи 19 лет, Цеван-Доржи-Аджа-Намжил 13 лет, а младшему — Цеван-Даши минуло только семь лет, а также несколько дочерей.

Согласно завещания Галдан-Церена, в 1746 году ханом был провозглашен средний сын, Аджа-хан. Через три года он был убит в результате заговора, и в 1749 году ханом Джунгарии стал Лама-Доржи, принявший титул Эрдэни-Лама-Батур-хунтайджи. Новый заговор с целью свержения Лама-Доржи был раскрыт, а участники его жестоко наказаны.

О последних событиях в Джунгарии канцлер А. П. Бестужев-Рюмин сообщил Дондук-Даши в 1756 году. Он писал, что Цеван-Доржи "зайсанги зенгорские, присутствующие в зарге, сперва низложили, а потом умертвили, а на его место, обойдя ближнего наследника — внука большого Черен-Дондука и Намджилова сына — Дебачу, избрали в главные владельцы Галдан же Черенева сына, рожденного от подложницы, Ламу-Доржу и назвали его при том случае Эрдени Лама Батур хонтайджи". Дебачи же (Даваци), опасаясь за свою жизнь, бежал в Средний казахский жуз к Аблаю, "туда же ушел хошоутовой фамилии нойон Амур Санан". Когда они ушли к Аблаю, из Петербурга пришел указ. В нем было предписано, чтобы "крайнее старание возиметь: первого (Даваци), яко настоящего к овладению всего зенгорского народа претендента, а с ним и другого, яко тогдашнему зенгорскому владельцу двоюродного брата, для будущих впредь случаев, а особливо в рассуждении неотступной претензии зенгорских владельцев к себе приласкать и в Оренбург призвать".

В борьбе против Лама-Доржи они, Дебачи (Даваци) и Амур-Санан, действовали совместно. Лама-Доржи был ими убит в начале 1753 года. Даваци стал повелителем Джунгарского ханства. Он был законным наследником своих предков на джунгарском троне. Но после гибели сыновей Галдан-Церена стали появляться новые претенденты. Так например, группа нойонов и зайсангов провозгласили ханом своего ставленника — Немеху-Жиргала, которого Даваци низложил и убил. За всеми этими событиями в Джунгарии следила Цинская империя. Во время джунгарских междоусобиц многие бежали в Халху.

Перебежчиков цинские власти щедро одаривали, предоставляли льготы, награждали титулами и званиями. Осенью 1753 года в Китай из Джунгарии перешло более трех тысяч кибиток во главе с двумя внуками Галдан-Церена. Пришедшим ойратам была отведена территория Дариганги, расположенная на юго-востоке Халхи.

В это время российские пограничные войска получили указание не принимать выходивших на границы ойратов, так как за ними могут появиться цинские войска.

И. Я. Златкин, говоря о происхождении и правомочности их претензий на джуигарский трон, отметил, что Даваци был прямым потомком Батур-хунтайджи и имел все основания претендовать на ханский трон. Что касается происхождения Амур-Санана, историк, как и многие другие дал ошибочные сведения. Выше мы говорили, что Галдан-Церен выдал свою сестру Ботолок за хойтского тайшу Вэйчжен-Хошоция. Но она, будучи замужем за хошеутским тайши Даньчжунем родила сына по имени Баньчжур, а по выходе замуж за Хошоция, будучи беременной от первого мужа, родила сына. Отец Иакинф ясно говорил: " Ботолок после первого мужа осталась беременною и родила уже по выходе за второго. Это был Амурса-на, который по сему самому происходил не от линии Хойтского

Дома, а собственно был так, как Баньчжур, сын Даньчжунов", т. е. хошеут. И. Я. Златкин писал, что Амурсана "не принадлежал к влиятельным слоям ойратов, хотя и происходил из аристократического рода "цаган туг хойт" ("хойт белого знамени")". Эти сведения относятся к действительно хойтскому нойону Деджиту, к Амурсане не имеют отношения. "Предки Амурсаны,— продолжает И. Я. Златкин,— в начале XVII века вместе с торгоутами Хо-Урлюка покинули Джунгарию и до начала XVIII века жили на Волге. Его дед в 1701 году вместе с Санжибом прибыл с Волги в Джунгарию и был там задержан. Отец Амурсаны, Уйзен-Хошучи, был женат на дочери Галдан-Церена, от брака с которой в 1722 году и родился Амурсана. Первой женой Амурсаны была Делег-Доржи, дочь одного из дербетских князей, от которой он имел сына и двух дочерей. Второй его женой была Битей, вдова его старшего брата, умершего от оспы, у которой был сын Пунцук".

Когда ханом был объявлен его недавний товарищ, Амурсана понял, что ему предстоит длительная борьба за власть, а для этого необходимо собрать войска. Он призвал на помощь казахских ханов, которые ждали удобного случая для нападения и приняли участие в сражении. Амурсана был разбит Даваци, а казахи, захватив богатую добычу, ушли к себе.

Разбитый Амурсана через Халху пробрался в Пекин, где его встретили с радостью. Император Хун Ли пожаловал ему титул князя первой степени (цин вана) и обещал помощь в овладении джунгарским троном. "Цинская династия,— писал Златкин,— увидела в Амурсане удобное орудие в борьбе за осуществление своей заветной цели — уничтожение Джунгарского ханства".

Поэтому просьба Амурсаны встретила в Пекине полное понимание и поддержку. Огромная армия Китая в 1755 году была готова к походу. Хун Ли издал указ, обязывавший всех халхаских владетельных князей со всеми подчиненными им "военными или хотя невоенными, а годными к военному делу людьми в немедленном времени ехать на контайшинскую границу в мунгальское войско".

Даваци посылал в Пекин посольство с предложением "мира и дружбы". Неоднократные обращения хана к Богдыхану остались без ответа. "Цинскому правительству нужен был не мир с ханством, а его полное уничтожение".

"14 мая авангард цинской армии во главе с Амурсаной вступил в долину реки Текес, где встретился с немногочисленными отрядами Даваци". Хан, не приняв боя, бросив жену и детей, бежал. Он был пойман и передан Амурсане, который проводил его в Пекин. Джунгарское ханство перестало существовать. Огромная маньчжуро-китайско-монгольская армия оказалась не у дел. Ойратские нойоны со своими семьями, зайсангами сами сдавались и просили подданства Цинской империи. Ойратский

народ, деморализованный бесконечными княжескими распрями, разоренный и измученный, не противился завоевателям.

"Захватив ойратское государство, цинские власти коренным образом перестроили его управление, распространив на Джунгарию административную систему, введенную ими в ранее завоеванных частях Монголии. Власть все ойратского хана была упразднена, что уничтожало и ханство как единое государство. На обломках ханства цинские власти образовали четыре самостоятельных княжества: Хойт, Дербет, Хошоут и Чорос, правители которых были подчинены непосредственно Пекину".

Преобразования, произведенные в Джунгарии китайцами, разочаровали Амурсану в его ожиданиях стать ойратским ханом. Он стал готовить теперь антиизмену, т. е. из предателя джунгарского хана решил стать его защитником и патриотом. Он сумел подговорить некоторых нойонов принять его сторону, обмануть бдительность цинских командиров, бежать в Тарбагатай. Здесь он стал собирать войска. В начале 1756 года его сторонниками он был провозглашен ханом.

Хун Ли для поимки и наказания Амурсаны послал еще большую по численности армию, которая буквально наводнила Джунгарию. Они подвергли поголовному уничтожению все население ханства. Об этом много и подробно писали многие исследователи и очевидцы. Некоторая часть населения бежала к казахам и в сибирские города, они просили принять их в российское подданство и проводить в Калмыцкое ханство к их родственникам. Сам Амурсана бежал к казахам. Цинские войска разбили казахов и потребовали выдачи изменника. Зимой 1756 года Амурсана появился в Джунгарии, надеясь собрать войско и поднять восстание. Действия повстанцев имели эпизодические успехи, но цинские войска методично подавляли их и уничтожали уже поголовно. Амурсана, бежав к казахам, посылал в Петербург посла, просил российского подданства. Пока согласовывали эти вопросы, он жил в Тобольске, где умер от оспы 21 сентября 1757 года.

О личности и замыслах Амурсаны о. Иакинф писал, что он "снедаемый властолюбием, убил старшего своего брата Шакдора и овладел его уделом. После сего он простер свои замыслы далее и начал под видом доброжелательства убеждать Давация к похищению ханского престола в намерении после самому завладеть оным". И когда ханом ойратским был провозглашен Даваци, "у Амурсаны, как пишут китайские историки, слюни текли изо рта, столько хотелось ему ханского престола". Заканчивая историю падения и гибели Джунгарского ханства, о. Иакинф говорил, что таков был конец Джунгарского "Ойратства, угрожавшего оковами целой половине Азии. Кто не видит, что оно пало от безрассудного властолюбия своего". Мы можем добавить, что пало оно от чрезмерного властолюбия, коварства и измены Амурсаны.

Канцлер Бестужев-Рюмин из Петербурга и полковник Спицын из Царицына информировали Дондук-Даши о желании прикочевать к калмыкам группы джунгарцев. От Дондук-Даши были командированы в сибирские пределы зайсанги Нуугута и известный нам Джимба-Джамсо с переводчиком Девятияровским для приема джунгарцев и препровождения их на Волгу.

Хан согласовывал будущее положение джунгарцев в составе калмыцких улусов. Поэтому он интересовался тем, кто у них главный командир, оставить ли их потом при их нойонах и зайсангах или они могут быть разобраны по улусам.

Он резонно рассуждал, что "зюнгарцы перешли оттуда не с прямым намерением, чтоб им вовсе остаться" при Волге, "но чтоб им спасти живот свой". Поэтому если их всех допустить жить вместе, то "они прежних их тамошних жилищ и вод никогда не забудут". В виду этих соображений он просил разрешения "о раскосовании их врознь".

Другой канцлер М. И. Воронцов писал, если выходящим сюда джунгарцам будет объявлено, что они будут отняты у их зайсангов, то они могут уйти в другие пределы. Поэтому, говорил канцлер, "ныне их врознь и совершенно без всякого изъятия раскосовать невозможно, дабы оное обещание в своей силе осталось, и чтоб тем могущих и впредь выходить в подданство е.и.в. зенгорцев не отвратить".

Согласились на таких условиях: если владельцы и зайсанги придут со своими подданными, то им их и оставить, а если отдельные группы выйдут без зайсангов, свободными, то таких можно и раскосовать по своим аймакам.

Одной из первых в сибирские пределы вышла жена Амурсаны — Битея с сыном от первого мужа, брата Амурсаны, Пунцуком (Бунцук). Ее обращения к императрице Елизавете Петровне вызвало переполох, оказывается, она в письме употребляла такие выражения — "большой своей сестре", "приятельница", обычно применявшиеся в традиционных обращениях. Воронцов приказал Спицыну, пригласив к себе нойоншу, объяснить ей непристойность применения таких слов к высочайшей особе, "разодрать и уничтожить" те письма. Но письмо все-таки сохранилось, оно приведено в "Этюдах по истории приволжских калмыков" профессора Н. Н. Пальмова. Битея вышла с тремя зайсангами, всего в десяти человеках. О ее приходе и препровождении шли письма по всей границе до Петербурга и Калмыцкого ханства.

Астраханскому губернатору сообщали, что 15 февраля из Оренбурга от губернатора И. И. Неплюева получен ордер, что сибирским губернатором Соймоновым по указу из Коллегии "присланная при том в Оренбург Зюнгарского калмыцкого народа последнего хана Галдан-Церена дочь, а умершего знатного нойона Амурсанана жена Битея с сыном ее Бунцуком и

при них два зайсанга, албачи три калмыка, да две калмычки итого десять человек, отправлены из Оренбурга чрез Самару и Сызрань, Саратов и Царицын до Енотаевской крепости при письме к вашему превосходительству для соединения с волжскими торгоуцкими калмыками". Дондук-Даши принял Битею с сыном и ее людьми в Енотаевской крепости 8 марта 1758 года.

Самая большая группа из Джунгарии вышла с нойоном Шеаренгом. О своем приходе он подробно изложил в письме, которое содержит много деталей, способных объяснить наше последующее повествование, поэтому приводим письмо полностью. Оно было прислано в Оренбургскую губернскую канцелярию 3 мая 1759 года, в нем говорится: "...е.и.в. дела управляющему генерал-майору Алексею Ивановичу Тевкелеву, верному и большому моему брату.

По выезде моем из отечества моего прошлого году, в летнем первом месяце не доезжая с улусами моими до российских границ, сперва посылал я от себя в Семиполатную крепость шесть человек со объявлением, что желаю я выехать с теми моими улусами в Россию и быть в подданстве и защищении е.и.в. и кочевание иметь, соединя улусных моих калмык с подвластными калмыками большого моего брата Дондук-Даши между Волгою и Яиком, и что я родственник реченного хана Дондук-Даши, как же в среднем летнем месяце приближились к Семиполатной крепости, против которой переправясь на внутреннюю сторону как в следование наше сюда с сибирских линей командирам, а имянно и полковнику в Омской крепостях бригадиру и протчим объявлял, что намерен я от себя ко двору е.и.в. посланцов послать, а улусных моих калмык с волжскими калмыками соединить, так не хотя пред ними в том лживцом быть, по приезде моем в Оренбург и вам, большому моему брату, о том доносил, почему находившиеся при нас Дондук-Даши посланцы Ахаш и Намсу реченному брату моему Дондук-Даши обнесли меня, что я без совету их ко двору е.и.в. посланцов от себя послать хочу, и якобы я с ним, Дондук-Дашею равенство приемлю и по такому обнесению, выслав хан, Дондук-Даши, встречу мне владельца Еремпеля в числе тысячи человек по сю сторону Узеней, остановясь, отколь я намерен был с зайсангом Ахашем ехать наперед к хану, Дондук-Даши, но токмо помянутой Еремпель, захватя меня, отослал под караулом в Яицкой городок, улусные же мои калмыки после меня в каком состоянии остались, того не знаю.

В бытность же мою в Зюнгорском владении не взирая на оставшия народ, яко то мунгальцов, китайцов, тибетцов и протчих яко единозаконцов мне, а сверх оных и бывших во владении Зюнгарском Еркенцов, Кашкарцов, Хивинцов, Бурутов, Ташкенцов, Самарханцов, Туркестанцов, Энжианцов, Наманганцов, Эз-бекцов и Киргисцов, оставя всех, но выбрав за лучшей, чтоб мне, соединясь с родственниками моими торгоуцкими калмыками и быть в подданстве и защищении е.и.в., и тако я винности своей ни в чем не признаваю, но токмо по обнесению людскому не изыскав в том правды

так со мною учинено, и тако вашего превосходительства покорно прошу для славы и имени вашего о сей моей прискорбной жалости как ко двору е.и.в., так и к большому моему брату, Дондук-Даше, отписать, дабы я с теми меня обносителями персонально в правде и в винности моей допущен и разобран был, чем я довольным быть могу. Из Зюнгорской же земли для меня выехало со мною тысяч до семи или до осьми душ, кои находятся при мне, а вслед мои и оставшие в киргисцах два брата мои и протчие Зюнгорские калмыки выехать намерены были, что же взведено на меня яко б я с полторы тысячю душ продал и то напрасно, но токмо сведав я что претерпевая голод и неимущество калмыки сто душ русским татарам и калмыкам распродано, за известие как к Яицкому атаману писал, так и к протчим моей братье осьми человекам владельцам, чтоб они более того не продавали, подтвердил.

Планета года песчаной заяц, третьего месяца, т. е. апреля 15 числа писано".

Отец Иакинф говорил, что Шеаренг ушел в Россию с 10000 кибиток. Но вместо "кибиток", нужно считать "семей", т. к. сам нойон говорил, что он вывел до семи-восьми тысяч душ, около 2,5 тысяч кибиток, о чем доносил и полковник Спицын. Из последующих документов видно, что эти данные соответствовали действительности.

Подсчитав всех вышедших из Джунгарии калмыков, профессор Н. Н. Пальмов говорил, что "трудно допустить, чтобы их было 10 тысяч кибиток, как утверждают некоторые авторы". Сам же Шеаренг был одним из последних героев из джунгарских нойонов. Находясь в окружении цинских войск, в сложнейшей ситуации предательства своих, он сумел вырваться, вывести свой улус, убив при этом китайского полководца Танкалу и предателя — князя Хошоци. У него было восемь братьев, которые почти все тоже вырвались из того ада, в который превратилась Джунгария. По пути в Россию ему приходилось подвергаться нападениям со стороны казахов. В одном из писем Дондук-Даши, для отправления русскому правительству, он писал: "Как передние наши улусные люди стали уже чрез Иртыш переправляться, то на задний наш улус, состоящий в пятистах кибитках, в котором сестра моя, девка имянуемая Киргес находилась... касаки напали и их разбили и со оною моею сестрою всех забрали к себе, а та моя сестра и поныне в улусе Аблай Солтана у касака, имянуемого Найман Цортоинбая находится". Граф Воронцов по этому поводу просил оренбургского губернатора Давыдова, чтобы он возымел старание удовлетворить просьбу Шеаренга вернуть ему сестру, а также разграбленное имущество.

Заметим, что имя нойона в различных документах и публикациях пишется по-разному: Шеаренг, Шерен, Серен, Церен, Серынь и т. д., но как "торгоутской природы", "торгоутский нойон". Цинское правительство требовало от России выдачи Шеаренга. Двумя заседаниями Сенат решил, что выдача владельца была бы "весьма несходна с тем примером, каков

доныне уже показан и наблюдаем был в дозволении прибежища и покровительства всем, выходящим под скипетр российский зенгорцам, и что из них поныне никто еще выдан не был в китайскую сторону", тем более, что Шеаренг "хотя и выходец из Зенгории, но яко торгоутовской природы, коей вся нация в российском подданстве, должен быть от россиян принят. А что от них китайские войска побиты, сие неосторожности и слабости начальника войск, давшего себя в обман, приписать должно".

По пути следования к Волге, Шеаренг не только собирал вышедших из Джунгарии калмыков, но и вступал в переговоры с казахами, а при случае и давал соответствующий отпор, даже захватывал людей и скот. Это вызывало опасение, что он может произвести переполох в Калмыцком ханстве. Почему Дондук-Даши и послал навстречу Шеаренгу Бамбара с трехтысячным войском, но присоединил к нему Еремпеля с 1500 калмыков, от яицких казаков было снаряжено 600 человек. Еремпель схватил Шеаренга и представил казачьему старшине.

При личном представлении хану Дондук-Даши Шеаренг развеял все опасения и представления, распространяемые о нем. Он был любезно принят ханом, а людям его, находящимся в бедственном положении, была оказана помощь. Спицын посоветовал хану распределить их "для прокормления чрез одну зиму по некоторым улусам до того времени, пока они хотя мало б в исправность притти и потом по-прежнему соединены быть могли".

Из видных знатных джунгарских нойонов в Россию вышел Деджит. Впоследствии его внук Батур-Убуши Тюмень писал, что "когда пал Зюнгарский нутук, Деджит, нойон хойтского анги Йеке-Минган, сын Бата-нойона из рода Йобогон-Мергена, с супругою Ельзе-Орошиху и приближенными кетчинерами (слугами) прибыл в г. Семипалатинск... он получил, как милость государыни, корм и жалованье и был препровожден в г. Тюмень, назначенный местом его пребывания. По прибытии в этот город супруга его, Ельзе-Орошиху, родила сына, которого счастливые родители назвали Тюмен-Чжиргалан". Находясь в сибирских пределах, Деджит собрал вокруг себя несколько семей, вышедших из Джунгарии, присоединился к калмыкам, "испросив предварительно дозволения у торгоутовского хана Дондук-Даши". По прибытии на Волгу, Деджит скончался, оставив трехлетнего сына. На Ельзе-Орошиху женился хошеутовский нойон Замьян, усыновив Тюмен-Джиргалана, "на что от Дондук-Даши-хана и получена грамота".

Дальнейшая история пришельцев тесно связана с жизнью и бытом калмыков.

Смерть Дондук-Даши и преобразования в Калмыцком ханстве

После двадцатилетнего управления калмыцким народом, в возрасте около 70 лет, в 1761 году скончался хан Дондук-Даши. Об этом донес поручик Александр Дудин "отурочища Бугуты, которое состоит близ реки Кумы", где хан имел зимнее кочевье. Полковник Спицын в своем рапорте астраханскому губернатору из Енотаевской крепости уточнил, что января "21 дня по полудни, в одиннадцатом часу хан Дондук-Даши скоропостижно умер... Жена его, ханша Черень-Джал и сын, наместник ханства Убаша, и все знатные их люди находятся в превеликой печали".

В другом письме Спицын писал, что в силу "секретных указов, для наблюдения при сем случае в калмыцком народе, на кого-либо паче чаяния междоусобия и ради объявления калмыцким владельцам о смерти помянутого хана Дондук-Даши 27 января с. г., я с командою моею и с присланным ко мне от сына его наместника ханства Калмыцкого Убаша, зайсангом Даши Дондуком, к дому его ханскому и к реченному наместнику, по отправлении моем из крепости Енотаевской чрез шесть дней, т. е. 2 февраля в урочище Бугуту, состоящее близь Кумы реки, прибыл". И, будучи у Убаши и Черень-Джал, о порядочном содержании калмыцкого народа он объявил "калмыцким владельцам: Табун Отокову Бамбару, Икицо-хуровым Асархе и Маше, Хошоутову Замьяну и Торгоутовым: ханскому брату Яндыку, Буясхулунту (Байсхланту) Убуше и умершего в Пруссии владельца Баахан Лаванга брату Камчику о смерти хана калмыцкого Дондук-Даши, о бытии им у сына его, наместника ханства".

На другой день после смерти, тело хана было предано сожжению собравшимся духовенством.

Существование секретного указа на случай смерти хана имело под собой основание. В правительстве хорошо знали, что после смерти хана Цебек-Доржи предъявит свои права. Поэтому Спицын действовал согласно инструкции достаточно оперативно. Впоследствии в известных "Выписках о калмыцких ханах..." будет написано, что после смерти Дондук-Даши "торгоутов владелец Дондук-Омбин внук, а большого сына его Галдан-Норбы сын — Цебек-Доржи с братом своим Аксахалом ушел в шестидесяти пяти человеках калмык на Дон в Черкасск", объявляя, что зайсанги умершего хана хотели его умертвить, чтобы "от него никакого о прежних наследственных его Багацохуровых, а сверх того и о других торгоутовых улусах претензии и помешательства происходить не могло и что для того собраны были и войска калмыцкие".

Генерал-майор Спицын, хорошо знавший обстановку, доносил, что "Цебек-Дорже никакой опасности не было" и что писал к нему "неоднократно, всячески его о безопасности уверяя и увещевая возвратиться кВолге". К Донскому войсковому атаману Ефремову Цебек-Доржи писал, чтобы получить от него поддержку. Таким образом, Цебек-Доржи хотел повторить путь своего деда Дондук-Омбо: развязать междоусобную

войну, уйти со своими улусами на Кубань, а потом постепенно захватить и власть.

Здесь будет уместно напомнить, что сложившаяся ситуация есть продолжение старой вражды двух сыновей Аюки-хана: Гунджаба и Чакдорджапа. Выше мы писали, что при семейной ссоре Аюки-хана и Чакдорджапа, Гунджаб подсылал убийцу к Чакдор-джапу, а после смерти Чакдорджапа и Аюки-хана, уже сын Гунджаба — Дондук-Омбо — развязал междоусобную войну против сыновей Чакдорджапа, почему он так и ненавидел Дондук-Даши и хотел его физически уничтожить. Заметим также, что у Гунджаба было только два сына, а у Чакдорджапа — 12. Дондук-Омбо со своим сыном Галдан-Норбо убили некоторых сыновей и внуков Чакдорджапа, а потомки последнего ни разу не совершили таких проступков, несмотря на то, что их было много и они имели власть.

Теперь в лице Цебек-Доржи с братьями уже четвертое поколе¬ние потомков Гунджаба подняло мятеж против внука Чакдорджапа — Убаши. Ниже мы увидим к каким последствиям приведет это противостояние потомков двух сыновей Аюки-хана.

Существующие документы того времени: рапорты, донесения, письма свидетельствуют об отдельных моментах, эпизодах, частных случаях в истории калмыцкого народа. Они накапливались преимущественно в канцелярии Коллегии иностранных дел, где готовили доклады, указы, грамоты, экстракты, выписки. Ниже мы приводим Грамоту Екатерины II наместнику ханства Убаши, в которой отмечаются все важные моменты истории калмыцкого народа от Аюки-хана и от Петра I до Екатерины II.

"Божиею милостию мы, Екатерина Вторая, Императрица и самодержица Всероссийская и прочая, пр. пр.

Нашего Императорского величества верноподанному наместнику ханства Калмыцкого Убаше, протчим калмыцким владельцам, зайсангам, попам и всему калмыцкому народу Наша Императорская милость.

Не может быть неизвестно подданному нашему калмыцкому народу, что целость их и что они доныне остались совокупными, а не пришли в рассеяние и не истреблены как напредь сего со многими ихже природы народами, а ныне напоследи с Зенгорским случилось, основана только на употребленном по указам высоких наших предков, их императорских величеств старании к прекращению происходивших между ими несогласии, а без того, конечно, надлежало было им всем давно уже погибнуть.

1701 года, когда большого хана Аюки сын Чакдоржап возымел с отцом своим несогласие, тогда и весь калмыцкий народ приходил в крайнее беспокойство.

Чакдоржап с братьями своими Санжипом и Гунделеком отлучался с большею частию калмыцких улусов за реку Яик, Аюкин же сын Гунжёп, рожденный от другой Аюкиной жены, поссорясь и особливо при том случае с оным же Чакдоржапом, бегал на нагорную реки Волги сторону и жил в Саратове у воеводы Никифора Беклемишева, а сам хан Аюка также уходил, только во сте кибитках в Яицкой казачей городок.

Сие происшедшую между Аюки-хана и сына его Чакдоржапа ссору прекратил и их примиря не допустил тогда калмыцкому народу рассеяться и пропасть приезжавшей из Москвы в город Самару по указу е. и. в. императора Петра Великого — боярин князь Борис Голицын, которой при том калмыцкие улусы и соединил по-прежнему, напротив того один из сынов Аюки-хана, называемой Санжип с некоторыми владельцами при случае Чакдоржапова из-за Яика к Волге возвращения в пятнадцати тысячах кибиток отошел к Зенгорскому владельцу Цаган Араптан Хонг тайдже, польстясь на свое с ним свойство, которые все однако же тогда ж оным владельцом раскосованы были по разным Зенгорским улусам и учинены невольниками, а нещастливые их потомки обще ныне с тем Зенгорским народом по учинившемуся междуусобию и вконец погибли.

Происходило и в 1723 году пред смертию Аюки-хана в Калмыцком торгоутском народе смятение, по наущению последней его, Аюкиной, жены Дармы Балы, которая по природе своей Зенгорской и оставалась всегда к Зенгорскому народу доброжелательною, а по сообщению с нею владельца [бывшего потом в свое время и ханом] Дондук Омбы, которому желалось чрез нея, Дарму Балу, преждевременно получить общую власть над калмыцким народом, а в том находилось препятствие от Дасанга и Баксадай-Доржи — старших детей большаго Аюки-хана сына Чакдоржапа, как объявленного оным ханом в 1713 году по нем наследника, которое беспокойство распространилось было и до того, что из внуков Аюки-хана, а Чакдоржаповых детей оной Дасанг с братьями своими от одной матери рожденными, не только улусов своих лишались, но и в опасность живота своего были, а и весь калмыцкий народ к крайней от того вред претерпевал.

Е. и. в. ...Петр Великий, возря паки на толь жалостное калмыцкого народа состояние повелеть изволил, чтоб они совсем взаимными нападениями не истребились, такому от непорядочного владельцов их честолюбия, происшедшему смущению положить конец и добрым и легким способом их примирить.

Астраханский губернатор Артемий Волынский, исполняя оной императорский указ, всевозможное с своей стороны старание употребил к успокоению калмыцкого народа, чем тогда напрасно утесненные из Чакдоржаповых детей старшей Дасанг с братьями его от одной с ним матери рожденными российскими войсками действительно охранены и напоследи весь калмыцкий народ предудержан был от междуусобия и взаимных неприятельских поступок.

Но что сей народ и впредь к собственному своему вреду напрасно и по маловажным причинам не колебался и для того ни на малое время не оставался и по смерти Аюки-хана без начальника, то е.и.в., в рассуждении Аюки-хана к службе его величества показанной верности, изволил в то ж время сына его Черен Дондука всемилостивейше учредить для правления всего калмыцкого народа наместником ханства.

Один из внуков Аюки-хана, а детей Чакдоржаповых, называемой Нитар-Доржи, старался было установленной губернатором Волынским в 1724 году в калмыцком народе доброй порядок уничтожить, сделав нападение на родных своих братьев Дондук-Дашу, Данжин-Доржу, Бату и других, но за такую свою продер-зость и другие злодейства от беспокойного его нрава, потом происшедшие, заплатил он животом своим.

В 1731 году е.и.в. ...Анна Иоанновна заблагорассудить изволила для лутчаго управления калмыцкого народа оного Черен-Дондука всемилостивейше пожаловать ханом калмыцким.

Но ожидание при таком вновь всемилостивейше ему пожалованном и к умножению знатности его служители достоинства, чтоб он толь лутче управлять мог калмыцким народом в самом деле не исполнилось.

Черен-Дондук пришел в слабость и спился, а потом порученной ему важной должности исправить и калмыцкого народа в надлежащем порядке содержать не мог, вступя по легкомыслию своему, а по присоветованию окружавших его зайсангов не столько существенной пользы всего калмыцкого народа как собственной своей корысти искавших по малым некоторым причинам с Дондук-Омбою и с некоторыми другими калмыцкими владельцами, с ним соединившимися в бой, вместо того, что ему, Черен-Дондуку, надлежало было прибегнуть под покровительство императорское, как и отец его, Аюка-хан, делал, а он сим безрассудным и не с равною силою сделанным сражением, не только всех своих улусов лишился, но от того и весь калмыцкий народ в замешательство приходил.

Дондук-Омбо, опасаясь за продерзостной свой поступок наказания, отходил с своими собственными и от других калмыцких владельцов, по разбитии хана Черен-Дондука, а и пред тем по слабости оного хана захваченными улусами, на Кубань, где калмыки от татар не токмо всякое презрение и обиды терпели и холопей своих и с татарской наций, но и природных своих калмык немалое число потеряли.

Доржи Назаров и сын его Лубжа с частию ж калмыцких улусов переходил за Яик, где калмыки и от киргис-касак немалые утеснения имели, а которые напротив того владельцы калмыцкие с улусами своими, как-то Дондук-Даши и дербетев Лабан-Дондук оставались на прежних своих местах, те всего того миновали.

Есть ли бы при тогдашнем смущении калмыцкого народа оставлены были они в собственную свою волю, то, будучи известно о колебленности онаго по самым маловажным причинам также о прихотях и своенравии их владельцов при малых ими полученных успехах, тем более взмеривающихся, а в противных случаях от упрямства и единожды воображенного нрава почти в отчаяние приходящих оставалось бы калмыцкому народу и при сем случае окончаться.

Дондук-Омбо с бывшими при нем улусами, понеже по тесноте кубанских мест содержать его долго было бы там невозможно, напоследок переведен бы был в Крым, а по меньшей мере в тамошние ближние места, откуда ему с протчими калмыками соединиться удобности не было бы.

Доржи Назаров сколько может быть сперва ни ласкал себя надеждою, уклонясь за Яик, дойти до Зенгорского народа, где однако же никакой он пользы не приобрел бы, применяясь тому примеру, какой с Санжипом учинен был, а разве только всех тех людей, которые ему последовали предал бы на жертву, трудно было бы и дойти ему до тех мест в рассуждении находящихся по дороге киргис-касацких орд и состоящих ныне в подданстве нашего императорского величества, от которых разхищения по вкорененной их калмыцкому народу ненависти всемерно он и со всеми при нем находящимися неизбыл бы.

И так, в соблюдение от предстоявшей и тогда калмыцкому народу конечной погибели, и чтоб для того восстановить между ханом Черен-Дондуком, владельцом Дондук-Омбою и другими владельцами согласие, а в калмыцком народе тишину и покой, посылан был в 1732 году по указу ... в калмыцкие улусы генерал князь Иван Барятинский, который Черен-Дондуку многие калмыцкие улусы по-прежнему подчинил и со владельцем Доржею Назаровым и с сыном его, Лубжею, примирил и соединил, но он, Черен-Дондук, за слабостию своею, а особливо за пьянством и того мира не додержал, но паки вступил в междуусобие и от того подчиненные ему улусы потерял и калмыцкий народ до того уже приходил, что одна часть другую, яко сущие неприятели, воевали и разоряли, и от того впали в крайнее убожество и приближились ко всеконечной погибели, а многие из нойонов и зайсангов с своими улусами и аймаками недовольны будучи слабым Черен-Дондуковым правлением перебежали от Волги на Кубань к Дондук же Омбе.

И хотя посылкою знатной части наших регулярных и казацких войск и одним походом возможно было и силою калмыцкие улусы с Кубани перевести по-прежнему на Волгу, но на то... Анна Иоанновна не поступила ни для чего иного, как только в том рассуждении, что при том калмыцким улусам великое разорение и самое кровопролитие приключиться могло б, а вместо того по указу е.и.в. в 1734 году нарочно отсюда посылан был Донской войсковой атаман, что потом был тайным советником Данила Ефремов, который всех владельцов калмыцких добрым способом уговорил и на прежнее их жилище к реке Волге привел, и Дондук-Омбо сперва в

1735 году главным калмыцкого народа управителем, а потом в 1737 году за верную его в минувшую турецкую войну оказанную службу и для содержания калмыцкого народа в добром порядке и лутчем покое и действительным ханом пожалован, а Черен-Дондук от той должности за его слабостию отрешен был. В 1738 году Дондук-Омбин старшей сын Галдан-Норбо нерассудно восставал на отца своего Дондук-Омбу, отчего и весь калмыцкий народ в смятение пришел было, и Дондук-Омбо от него в немалом страхе находился, но и то указом... прекращено ж и успокоено было.

1741 года по смерти хана Дондук-Омбы происходили в калмыцком народе не только великие замешании и междуусобные ссоры и драки из единого токмо того, что всякому хотелось без воли императорской похотеть главное калмыцкого народа правление, но при оных неспокойных обстоятельствах многие из владельцов лишены живота, а имянно законный ханства наследник Галдан-Данжин и их же ближние родственники — владельцы Бай Доржини дядя его Убаша, сверх того старые и знатные зайсанги Сойбон-Иши, Гумеджап и другие мучены были, а при том и семьсот кибиток томутов ушли за границу и доныне пропадают.

О дербетах

О дербетах выше мы излагали отдельные моменты по случаям. Чтобы сохранялась целостная картина об этом улусе, мы решили поместить здесь "Выписку о приходе Дербетовых владельцов на Волгу и о поступках их до нынешнего времени, сочиненную в мае месяце 1764 года".

"В 1673 году или в 1674 году вышел из Зенгории на Волгу Дербетов владелец, Зенгорских владельцов родственник Солом-Церен-тайши с сыном своим Менко-Темиром, в 4-х тысячах кибиток улусных калмык и поддался Торгоутскому владельцу Аюке, которой потом ханом учинился.

В 1701 году во время ссоры Аюки со старшим сыном его Чакдоржапом, по причине которой весь калмыцкий народ приходил в смятение, сей Дербетов владелец Менко-Темир с улусом своим, не пристав ни к которой стороне, отлучался на Дон.

По примирении Аюки с сыном, отдал Аюка в замужество за Менко-Темирова сына Четеря дочь свою Бунтарь и всех Дербетов перевел к себе с Дону на Волгу.

Дербетов владелец Четерь-тайши Менко-Темиров, по смерти сей жены своей, женился на другой Аюкиной же дочери, называемой Даши-Черень, но оную в 1717 году брося, женился на Аюкиной же внучке, а Чакдоржаповой дочери имянуемой Доржи-Черень, которая прежде была в замужестве за Хошоутовым владельцом и оставалась вдовою, имея от оного двух сынов, и Четерем из Хошоутова улуса увезена силою, за то

Аюка-хан на владельца Четеря осердился и, призвав его к себе, содержал немалое время под претекстом лечения его болезни, однако ж под крепким присмотром, а улус Дербетов оттого отходил к Дону. И хан Аюка побуждал Хошоутовых владельцов, чтоб они за обиду свою, на Дербетов улус учинили нападение и оной забрали себе во владение, но понеже сей случай Чакдоржапу, отцу увезенной, не был противен, то он, и Аюка-хана, отца своего с Четерем примирил на том, что увезенная Четерем Чакдоржапова дочь осталась за ним, а на брошенной пред тем Аюкиной дочери женился Четерев старший сын Лабан-Дондук, таким образом согласясь Четерь от Аюки отпущен и со всеми Дербетовыми улусы по-прежнему перешел кочевать с Дону на Волгу.

В 1723 году по случаю вновь происшедшего в калмыцком народе междоусобия Дербетов владелец Четерь с старшим своим сыном Лабан-Дондуком и с большею частию улусов своих отходил за реку Дон, а меньшей Четерев сын Гунга-Доржи с меньшею частию Дербетовых улусов оставался при тесте своем, владельце Дондук-Омбе, бывшем потом ханом, с которым при тогдашних в сем народе междоусобиях и при нападении на владельца Дасанга, Чакдоржапова сына, был.

В 1725 году, по продолжавшемуся и тогда междоусобию, некоторые Торгоутские и Хошоутовы владельцы астраханского губернатора Волынского чрез присланных от себя зайсангов просили, чтоб их с улусами оставить до льду на реке Волге внутрь Царицын¬ской линии, куда они пред тем и переведены были, представляя, что их калмыцкие междоусобия издавна продолжаются и пока владельцов их не убудет, то и мир их ничто, и для того они имеют намерение когда реки льдом покроются, собрав все свои войски итти против партии хана Черен-Дондука и владельцов их перевесть или своих потерять, чтоб улусы их были у кого-нибудь в одних руках, когда им в том отказано было, то просили они, чтоб их перепустить для особливого их от протчих калмыцких улусов пребывания за реку Дон, в соединение к Дербетеву владельцу Четерю, куда они и перепущены были, тогда их всех за Доном считалось с лишком 14 тысяч кибиток, а при Волге оставалось 20 тысяч кибиток...

В 1741 году по смерти хана Дондук-Омбы к происшедшей у жены его, ханши Джан с Аюкиным сыном Галдан-Данжином и с протчими владельцами ссоре и драке, Дербетов владелец Лабан-Дондук не пристал и с улусами его отходил к Царицынской линии и по указам впущен во оную и был тамо до приезда туда тайного советника Татищева, при котором с небольшим числом его войска и при объявлении в калмыцком народе наместником ханства владельца Дондук-Даши был и присягу учинил.

В 1742 году наместник ханства Дондук-Даши, в бытность в Москве, представлял, что калмыцкий народ от междоусобий пришел во умаление

и в убожество, и просил, чтоб для общей всего народа пользы, Дербетова владельца Лабан-Дондука по-прежнему обыкновению с ними соединить.

31 августа в резолюцию на то ему объявлено, что оному Дербетову владельцу Лабан-Дондуку обще с протчими калмыцкими улусами в его наместниковом ведомстве быть велено, но при том бы он, наместник ханства, того владельца Лабан-Дондука, яко пред протчими старшего, имел в особливом рассуждении и поступал с ним склонным образом, и тем оного к общему с собою кочеванию приохотил...

В 1743 году Дербетов владелец Лабан-Дондук был у наместника ханства и 1 октября с ним согласился и на письме постановили и взаимными присягами утвердили, чтоб всем Торгоутским и Дербетевым владельцам, как во внешних, так и во внутренних делах поступать обще и в суде и наказании винных никому ненаровить, т. к. и напредь сего при хане Аюке было и чтоб один другому зла не мыслил и возмущения не чинил".

У Лабан-Дондука были крупные столкновения с донскими казаками из-за грабежа и уничтожения его улусными людьми сенных запасов. Кроме того, у Лабан-Дондука разразилась семейная ссора, которая продолжалась многие годы и привела к уходу брата. В 1746 году Лабан-Дондук писал астраханскому губернатору Брылкину, что его сын Шампиль-Норбо "при многих случаях про¬сил меня, чтоб мать мою из улусов я выгнал... а оная моя мать, Дондук-Дашина большая сестра, которая и ныне находится при нем же, Дондук-Даше"; далее он писал, что "когда оное за полезно не рассуждено, пришел с пищалью, хотя мать мою застрелить, что я сам собою и удержал, после чего сын мой, от меня и от улусов отлучась, объявил, чтоб я мать мою обратно отдал, а буде сего его прошения не исполню, то он, сын мой в безвестном месте быть может" — это "первая противность". "После сего брата моего Чидана жену, а мою невестку отняв, взял себе в жену, чего для оной брат мой Чидан негодуя, более ста кибиток моих людей взяв и от меня отлучился — вторая противность сына". Шампиль-Норбо и эту жену бросил и "двоекратно от меня бегал", просил развести его с женой. И перед новой угрозой сына, что "будет в безвестном месте жить", он и знатные зайсанги дали присягу — "третья противность сына". "Отнятая же и брошенная жена его Лубжина дочь, а моя племянница". Также Шампиль-Норбо, переманивая к себе зайсангов, хотел завладеть улусом отца своего, что отмечает он как четвертую противность, и что все эти поступки прощал, "что он токмо один мой сын, и уповал, что он по малолетству своему обычай переменит".

Заметим, что упомянутый брат Лабан-Дондука — Чидан — принял святое крещение, стал известен как Никита Дербетев, он со своими ста кибитками ушел в Ставрополь к сестре Анне Тайшиной.

Для возвращения Шампиль-Норбо к отцу была послана делегация, в которую входил и представитель Донского войска. Они составили доверительное письмо-присягу:

"1746 года третьего летнего месяца 10 числа, т. е. 16 июля посланные мы за Сампиль (Шампиль)-Норбою у Дондук-Даши взять Лабан-Дондука с знатными уверяем и с позволения его, Лабан-Дондука, и атамана Данилы Ефремыча оного Сампиль-Норбу мы, Гумендебя, Баянцак, Эши-Доржи при Василье Перфильеве на свои руки берем и присягаем в том, ежели уведаем, что отец твой во отмщение сей ссоры примет намерение какое злодейство учинить, то мы тебе, Сампиль-Норбе, объявить о том же должны; тако ж и отцу твоему объявить должны ж; дабы он в противность сего не поступал, а ежели не послушает, чтоб троих нас присяжных и с сыном своим умертвить, и тако и по сему ежели не послушает, то должны мы с ним, Сампиль-Норбою, соединясь и поблизости к Даниле, или к Дондук-Даше явиться для справед¬ливости, находящего же при нем, Сампиль-Норбе, гелюнга с братом в семнадцати человеках, как прежде находились достоинства не лишать, и взятое от них лошадей и скот и скарб и содержащих под караулом единомышленников со всем им принадлежащим при посланном Данилы Ефремыча Василье Перфильеве все возвратить. И он, Перфильев, в том тако ж поручился".

Лабан-Дондук хотел ехать в Петербург с представлением по спорным делам с донскими казаками, но из-за сложившихся семейных и улусных неурядиц сделать это ему не удалось, тогда он послал своего зайсанга "Кичика с товарищи", которые привезли письма от своих владельцев. В одном из писем Лабан-Дондук описал свои и предков заслуги. Эти бумаги назывались: "Перевод с листов к е.и.в. калмыцких Дербетовых владельцов Лабан-Дондука, Солом-Доржи и детей его Джала и Тундата, поданных послан¬цами их Кичиком с товарищи 4 февраля 1748 года". 1-е письмо Лабан-Дондука:

"Прадед мой Солом Черень тайши по приходе его в протекцию Великого государя возымел жительство с улусы своими при реке Волге, и в прошлом 1701 году, когда Торгоуты пошли к Востоку, и тогда мы, памятуя Великого государя милостивую протекцию, от оных Торгоут ушли и пришли на Дон. Потом в 1702 году, когда Его величество государь для строения Таган Рога изволил шествовать в Азов, и тогда дед мой, Менко-Темер-тайша при отдании его величеству своего поклона о причине своего перехода доносил, что и его величество государь всемилостивейше похвалить изволил, и при том ему повелел, чтоб он, будучи под протекциею его величества, без всякого опасения кочевал при реках Волге, Доне и Яике по своей воле, где когда похочет. В 1723 году во время происшедшего у Торгоутов междуусобия, мы, памятуя милостивой великого государя указ, от оного их междуусобия отдалились и перешли на Дон, а потом как оные Торгоуты помирились, мы кочевали вверх по Волге. В 1731 году и еще у Торгоутов произошло междуусобие, и Дондук-Омбо с протчими пошел на Кубань, а я с улусом моим от них отстал и с генералом, князем Барятинским ходил за ними в поход. Потом, когда Лубжа, преступя указ государыни, напал на Черен-Дондука, и тогда я по указу государыни служил не щадя живота моего, при чем я и лошадь моя ранены. И в том же году, когда я с улусом моим кочевал по реке Хопре, и

тогда государыня изволила оное принять за благо и всемилостивейше повелела мне кочевать, где я пожелаю. И тако оная сначала доныне показуемая к нам милость от пяти времен великих государей состоит.
А я, Лабан-Дондук, во оной милости по предках моих четвертый нахожусь и от тех времен их величеством великим государям мы доныне служили со всяким нашим радением и не щадя живота нашего. Что же принадлежит до показанных к вам великой государыне собственных моих служб, и я в 1736 году весною ходил с протчими в поход на Кубань, и Азаматову осаду раззорили и улус его разбили, тако ж и Солтон улских татар привели в подданство вашего величества. И того ж года зимою я еще ходил в поход и хатай хапчаков, бурлуков, бай улцов и кундровских татар разбили и у кубанских татар множество людей в полон и скота в добычю взяли, тако ж и при взятье Азова я был, потом на другой год, летом был я при фельтмаршале Лессии в Крымском походе. И при взятье Карас-Базара, а зимою ходил я с донскими казаками к Мингтану и к Темрюку и Мамбетев Мамай ул разбили и взяли много людей и скота. А в 1738 году я разбил темерговских черкес. И тако я, Лабан-Дондук, вам, великой государыне, доныне служу со всяким моим радением и впредь с наивящим моим радением и впредь с наивящим моим усердием вашему величеству служить долженствую. А прадед, дед и отец мой их величеству, великим государям, усердно служа какой от их величеств чести и всемилостивейшего жалованья удостоились, о том в Коллегии есть письменные известия.

Когда Дондук-Омбо отходил на Кубань, и я, служа вам,... с Барятинским был за ним в походе, и тогда без меня один мой зайсанг, забрав с собою несколько моих улусных людей, ушел в город Черкасской, и я по окончании оной... службы, хотя и требовал, но оных из Черкасска мне возвратно не отдано, и от того времени и доныне в каждом году люди мои туда уходят же, и мне их не отдают, да и другими многими и разными случаями захваченных тамо наших людей и скот не отдают же. А я казакам, что по справедливости надлежит — отдаю. И понеже оные казаки улусных моих людей и скот у себя задерживают, и мне не отдают и несправедливыми своими претензиями меня в печаль приводят, а я напредь сего вашему государынину службу токмо улусными моими людьми и собственными моими лошадьми отправлял, и ежели таким образом и всегда со мною поступаемо будет, то я мыслию моею весьма соболезную и опасаюсь, дабы от того не притти мне в крайнее убожество и тем в радетельной моей к вашему величеству службе не учинить какого-либо недостатка. Того ради, все оное предаю в ваше великой государыне высочайшее соизволение.

Верный подданный Лабан-Дондук-тайша. Сие писано 5 декабря 1748 года".

Второе письмо было от Солом-Доржи, он тоже писал о своих заслугах и службе:

"В 1706 году, когда астраханские бунтовщики, взяв города Красный Яр и Черный Яр, приходили под город Царицын для взятья оного, и тогда я с Менко-Темиром их разбил и возвратил.

В 1709 году бывших бунтовщиков Булавина и Игнашку Некрасова в трех тысячах человеках, шедших вверх по Дону, я с Четерем разбил и возвратил. В 1711 году ходил я с Апраксиным на Кубань и тамошних татар разорял и город Копыл выжег. Потом в 1736 году ходил я с Дондук Омбою на Кубань и наврюс улских татар разорял и поймал из них Батыря Азамата, который за окуп себя обещал мне дать много скота, на что я ему тогда сказал, что великая государыня не скуднее его и потом его умертвил. Тако ж при взятье в подданство Солтон улцов, бесленейцев и абазинских черкес и при разбитии протчих кубанских татар я был. Потом когда фельдмаршал дважды ходил в Крым для разорения тамошних татар и тогда я сам за приключившеюся мне старою болезнию при оном фельдмаршале в том походе быть не мог, но посылал с ними двух сынов моих Даши-Череня и Тундата...". Тундат, подтвердив, сам писал, что "был с фельдмаршалом Лессием в Крыму и при взятье Карас-Базара, потом со оным же фельдмаршалом был при разбитии Перекопских татар".

Лабан-Дондук не дождался решения спорных дел, с которыми он обращался. Он умер в феврале 1749 года, а его сын Шампиль-Норбо, находясь в Черкасске, умер в марте того же года. Владельцем той части Дербетовского улуса, которой владел Лабан-Дондук, остался другой его сын Галдан-Церен с матерью Абою.

Решение всех спорных вопросов между дербетами, донскими казаками и наместником ханства было возложено на атамана Ефремова, полковника Спицына, Дондук-Даши и владелицу Абу. Пока шли переписки и согласования по старым претензиям, возникали новые.

По предписанию правительства представители съехались в Дубовской станице: от Донского Войска старшина Василий Пер¬фильев и с ним еще два казака, от Волжского Войска — атаман Макар Персидский с двумя старшинами, от владелицы Абы "из первых и лутчих ее зайсангов" и двух калмык для посылки, от Дондук-Даши два первых его зайсанга — Гумеджап и Даши-Дондук. Спицын должен был добиться от Абы удовлетворения всех исков на ее подданных и получить письменные обязательства от нее. При том "ежели ж обвиненные в том суде Дербетевы калмыки Донским и Дубовским казакам и другим россиянам на постановленные в суде сроки заплаты на учинят, то взять от них обыкновенную баранту, а буде казаки и другие россияне в том ж суде обвинены и калмыкам исков их на положенные сроки не заплатят и таковых донских в Черкасску, а дубовских — в Царицын, а протчих россиян в городах командирам держать под караулом, доколе те иски заплачены будут".

Между тем в октябре 1752 года из Военной Коллегии в Коллегию иностранных дел поступила промемория по требованию Войска Донского, что по рассуждению Военной Коллегии "Дербетовых калмык с улусами наместника ханства Калмыцкого Дондук-Даши, для общего всегда с теми наместниковыми улусами кочевья, соединить и под его, наместника ханства Калмыцкого, ведомством быть, что Военная Коллегия весьма заполезно признавает с интересною пользою: во-первых, что в побегах тех Дербетевых калмык на Кубань опасности быть не может".., во-вторых, и Донских казаков возможно будет удержать от таких же набегов".

Полковник Спицын в сентябре 1752 года в донесении своем писал, что Дондук-Даши через "присланных своих зайсангов Гумеджапа и Даши-Дондука представлял ему, что в прошедшее у калмыцких ханов Черен-Дондука и Дондук-Омбы междуусобие некоторые калмыки владения его, наместника, перешли в Дербетевы, тако ж и из Дербетевых в его, наместниковы улусы, которые и поднесь со обоих сторон в чужих владениях находятся, а понеже при жизни Дербетевых владельцов Лабан-Дондука и сына его Шампиль-Норбы, тако ж и Солом-Доржи с Торгоутскими владельцами ж, а имянно: с ним, наместником ханства и со обоих сторон с знатными зайсангами соглашено и под присягами письменно положено, чтоб сначала... междуусобия перешедших между ими калмык, которые чьи были оных бы по тем владениям возвратить и в том добрым порядком развестись, объявляя при том, что Лабан-Дондукова жена — владелица Аба с зайсангами ее по многим его, наместниковым, требованиям никакого удовольствия в том ему и поднесь не чинит, и хотя он, наместник, пред ним силу и имеет, чтоб те свои улусы взять от них собою, точию не хотя из того навесть на себя нарекания, просил его, полковника, чтоб он в Дербетевы улусы с посланными от него, наместника, нарочного отправил, и к реченной владелице Абе о возвращении тех его улусов писал, при чем и показанные обязательные калмыцкие письма и присяга вместо свидетельства чрез помянутых его, наместниковых, присланных зайсангов предъявлены, а тем зайсангам объявлено было от него, полковника, что он имеет находящихся в его, наместниковых, улусах знатных Дербетевых зайсангов к себе призвать и о том возвращении улусов с увещеванием их склонять и потом того ж дня оных Дербетевых зайсангов Гумендебея, Таскира, Чюрюма и Чодота с товарищи призывал он, полковник, к себе в лагерь, которым о том его, наместниковом, на них представлении объявил, что в невозвращении ими находящихся у них, в Дербетевых улусах подлежащих Торгоутовых калмык весьма ему, наместнику за немалое огорчение показуется, чего б для они по силе вышеозначенных письменных обязательств и утвержденной между ими присяги и по совету его, полковника, со обоих сторон тех перешедших калмык отобрав, возвратили каждому в свое владение и в том бы чрез посредство его, полковника, без дальних затрудений, развелись добрым порядком, дабы впредь за несоглашением из того не могло каких худых следствий произойти...". По согласованию обеих сторон, Спицын послал Девятиярсвского к Абе, который по возвращении представил, что по приказу Абы "собрано помянутых калмык

534 кибитки подлежат к разобранию судом будущею весною...". Эти и другие документы показывают, что по многим случаям калмыки одних улусов переходили в другие и потом возвращались, но во многих случаях — не возвращались, а оставались: дербеты у торгоутов, а торгоуты у дербетов. Такие споры возникали не только между торгоутами и дербетами, но и между братьями, двоюродными братьями, дядями и племянниками и т. д.

Например, после смерти Лабан-Дондука возникли споры между дербетовскими владельцами. Владелец Джал полковнику Спицыну в марте 1750 года, говоря о разделе улуса, писал, что "брат его, Тундат, взял силою девять кибиток излишних людей лутчих, и просил, чтоб оных приказано было им же трем братьям разделить по равной части, а хотя ему, Джалу, яко большему брату, по правам калмыцким, излишнюю часть взять и подлежало, однако он того не требует".

По этому делу астраханский губернатор Брылкин писал полковнику Спицыну, что "усмотрено о разделении калмыцкими дербе-тевыми владельцами Джалом, Тундатом и Ценденом оставших по смерти отца их Солом-Доржи улусов по себе, при котором разделении Тундат взял излишних девять кибиток людей, а Джал вас просил, дабы оных им трем братьям разделить, почему вы о том писали к реченному Тундату, и ему, Джалу, объявили". Губернатор говорил, что был указ о разделе Багацохурова улуса в 1743 году и по тому образцу и калмыцким обыкновениям нужно разделить и Дербетовский улус.

Затем поступили письма от братьев Джала. Тогда Джал говорил, что он с братом Тундатом примирился и улусы сами между собою разделили, "хотя им между собою судом разобраться подлежало, точию владелица Аба и зайсанги, опасаясь наместника ханства Калмыцкого Дондук-Даши, как ему Тундату тесть, в суде справедливость учинить не могут, а как Тундат от него, Джала, все улусы силою отнял и оставил его без всякого пропитания". И просил "улусы разделить на три части, при котором разделении, хотя и подлежало, по их калмыцкому обыкновению, яко большему брату ему, Джалу, из улусов взять пред протчими излишнюю часть, точию Тундат, не только ему излишнюю часть дал, но, надеясь на реченного наместника ханства, выбрал из всех улусов, что ни лутчих, скотистых людей десять кибиток сверх надлежащей своей части и себе взял. И о разобрании между ими по справедливости имеет он, Джал, впредь просить". При том Джал говорил, что Ценден-Доржи "просил словесно объявить", "что при смерти отец его, Солом-Доржи улусы приказал ему, Цендену с мачихою его, владелицею Эсенем", взять. Но несмотря на это завещание отца, так поступил Тундат, "также и оставшего после отца его бурханы, ружье, панцырь и саблю взял силою себе".

Сын Солом-Доржи — Тундат в своем письме объяснил: "Отец мой при определении мне из улусов своих части, в рассуждении того, что мы его

дети, как большой, так и меньшой, равного достоинства, дал мне такую же равную часть, каковую и большой его сын, а мой брат получил, и тако я тем с большим моим братом, которому бы по старшинству и гаргуй (то есть при разделении отцовского наследства старший сын сверх надлежащей своей части, получает из улусов десятую долю, а из пожитков панцырь или хорошую пищаль) над лежал, стал быть сравнен, к тому ж отец мой, любя меня и жалуя, исходатайствовал мне в жену падчерицу наместника ханства Калмыцкого Дондук-Даши". В словесном донесении через своего зайсанга Ондона Тундат внес дополнения и разъяснения. Ондон говорил: "Отец его Тундатов — Солом-Доржи, будучи в таком рассуждении, что меньшей сын пред средним сыном имеет преимущество, дал ему, Тундату, из наследия своего большую часть. Потом оной отец его при взятье за него Дондук-Дашиной падчерицы, сверх означенной части, еще дал ему в наследие ж один аймак, называемый Асамат, состоящей в семи¬десяти кибитках, о чем Дарма-Бала и Дондук-Даши известны, но он того и поныне не получил. Потом большой брат его Тундатов — Даши-Черень, будучи около пятидесяти лет и, видя себя бездетна, учинил его наследником, о чем он и Лабан-Дондуку представил, тако ж о том известны знатные зайсанги: Гумен Деби и Баянцак, а с торгоутовской стороны: Дарма-Бала и Дондук-Даши, тако ж и знатные зайсанги Сойбон-Иши, Гумеджап, Цойджип Бюрлюин, Санджи Биштуин, Баахан-Убаша, Гумбе-Черень Балганов известны ж. Однако ж он, Тундат, ни означенных двух улусов, которые по правости ему принадлежат, ни отцовского достоинства и поныне еще не получал". Отец его Солом-Доржи умер 9 февраля 1749 года.

В результате возникших споров появлялись документы, объясняющие этническое распределение аймаков, так в одном из них говорилось, что "Дербетева владения Лабанг-Дондука Большие и Малые Бурулы, два знатные и сильные его улусы". Они и остались во владении Абы и Галдан-Церена. Из других документов того времени известно, что Лабан-Дондуку принадлежали: Туктуны, Бухусы, Малые Чоносы, Большие Чоносы, Хашханеры, Кебюты.

Участие калмыков в русско-турецкой войне 1768-1774 годов

В этой войне калмыки приняли активное участие на начальном ее этапе. Турция стремилась вернуть себе Большую и Малую Кабарду, объявленных по Белградскому мирному договору 1739 года "нейтральной землей". Часть кабардинских владельцев ориентировалась на Россию, другая — на Турцию и Крым. С началом войны на Северный Кавказ была отправлена экспедиция генерала И. Ф. де Медема. На помощь ему русское правительство решило послать калмыков во главе с наместником ханства Убаши; сверх этого 20-тысячное калмыцкое войско должно было присоединиться к армии П. А. Румянцева.

Главное командование над 20-тысячным войском было возложено на владельца Кирипа — младшего сына Галдан-Норбо, внука Дондук-Омбо. О

передвижении войска в своем рапорте докладывал полковник И. А. Кишенсков: "По командировании к армии 20-тысячного числа калмыцкого войска, по собрании владельцов, зайсангов и всего войска в урочище Яшколь, продолжали путь вниз, по реке Салу к Дону, а паки чрез оную ж и Маныч перешед, переправились ниже крепости Святого Дмитрия Ростовского, близ Азова, где будучи по требованию главного владельца Кирипа на все калмыцкое войско выдан полумесячный провиант, и шли чрез реку Миус, где по ордеру главнокомандующего генералитета, владелец Ондон с своею частию откомандирован и оставлен по означенной реке Миус, а протчие три владельца, следуя по реке Кринке, к урочищу Корсун, при коем 3 июня генерал-порутчиком и кавалером Бергом встречены и каждый владелец с порученными им пятью тысячным числом войска ружейным копейных и сайдашных порознь осматриваны; а 5 числа владелец Аксахал с четырьмя тысячи командирован ко второй армии, в команду его сиятельству генерал-аншефу и кавалеру, графу Петру Александровичу Румянцеву, и им выдан полумесячный, а оставшим — месячный провиант, и тако велено главному и оставшему при нем владельцу, с войском следовать на реку Волчью, дабы кони их в лутчее поправление пришли, и иметь малые переходы, по приходе ж на ту реку, следуя по оной вниз и по рекам Ганчулу и Янчулу, Сухия и Мокрые Ялы, где от прибывшего генерал-майора Романуса привезено жалованье калмыцкому войску, выдано владельцу — главному сто Рублев, Эмеген-Убаше — пятьдесят рублев, зайсангам и судье по пяти, а протчим по одному рублю, токмо судья Даши-Дондук того денег не принял с тем, что он общенародного калмыцкого правительства главный судья и жалованья получает в год по сту рублев, поэтому всех зайсангов и превосходит, а владелец главный Кирип, ...Романусу письменно сообщил, что пред сим командированному калмыцкому войску в Прусских походах, зайсангам, лекарям, есаулам, знаменщикам, сотникам и рядовым превосходное жалованье давалось..., а паче зайсанг Даши-Дондук просил неудовольствие свое представить куда надлежит". Подойдя к реке Берду, "состоящею границею с турки", соединились с Бергом, где и владелец Ондон соединился с ними. В то время Берг главному владельцу Кирипу персонально объявил, что в настоящее время не может выдать жалованье войску "за дальним от городов расстоянием" и должен с корпусом поспешить в Крым. Поэтому он может "вместо месячного провианта на каждого человека выдать по пятьдесят копеек", на что Кирип согласился. "И те деньги выданы им на Молочных водах, а при том и зайсангу Даши-Дондук в приласкание, что он знатный и пред всеми зайсанги преимущественной человек, а паче от всех почитаемый, чтоб он и войско в доброе распоряжение и неустрашимость от неприятеля приводя поощрении и наставлении подавал, выдано ему пятьдесят рублев. А как с тех же Молочных вод вперед, к неприятелю командированы владелец Эмеген-Убаша, и при нем зайсанг Даши-Дондук в трех тысячах калмык с российскими легкими войски, кои при Соленом озере под Чивашем неприятельского скота, конские, стада рогатого, овец и верблюдов немалое число в добычу получили и несколько человек, взятых в плен, отдали его превосходительству, а от оного озера и далее пришед под

Сиваш, оное калмыцкое войско все командировано к Перекопу, чтоб они елико можно побеждали и разорили неприятеля, пленили людей, а скот получали в добычу, дабы чрез то крайне его обессилить, с ними командированы ж подполковник Барзов с гусарскими пикенерным и гадицким полки и с пушки", но оказалось, что владелец Ондон войска свои с добычей отправил на Молочные воды, а при себе оставил только пятьсот человек. "Когда же я,— писал далее Кишенсков,— с Барзовым пришел к владельцу Кирипу, где и владелец Эмеген-Убаша находился, в то самое время приехал зайсанг Басанг и представил владельцам, что с части Эмеген-Убаши, Керетевы калмыки повьючили, коней поседлали и едут в свои домы, слыша оное, владелец Кирип Эмеген-Убаше приказал ехать самому и части его войска удержать, который с тем и уехал". А Кишенсков поехал в ставку Ондона и застал его "на пустой степи с малым числом людей", "а коней оседланных и в руках держащих". На вопрос Кишенскова, почему он отпустил людей, нарушил указ, Ондон ответил, что он поступил "со общего согласия с зайсангом Даши-Дондуком". Даши-Дондук отговорился тем, что не он главный командир, что об уходе войска нужно спросить у владельцев. Эмеген-Убаша главному командиру Кирипу говорил, что за ушедшими войсками нужно послать самого Даши-Дондука, т. к. те ушли по согласию с ним. Даши-Дондук действительно поехал и в урочище Малой Берды большую часть войска остановил, но более тысячи человек "ушли прямо через Дон в калмыцкие улусы". Но по приходу войска на реку Калмиус, Кирип стал говорить, что войска страдают от недоедания, что стали есть коней, его поддержал и Эмеген-Убаша. На что Берг отвечал, что за дальностью городов уже не может достать провиант, а питались бы воины той добычей скотом, которую захватили у неприятеля. Войска продолжали сами уходить, а владельцы говорили, что воины грозятся и их захватить с собой и увезти в степь. "А между тем им, владельцам, от его превосходительства объявлено, что ему зайсанг Саран и Лугури-гелюнг представляли яко зайсанг Даши-Дондук делает возмущение и поощряет калмык к побегу, куда и помянутые зайсанг и Гецюль были призваны, которые в вышеписанном представлении не заперлись, но паки оное при владельцах подтвердили, как же оное о походе приказание калмыки услышали, то владелец Ондон со всею своею частию, Эмеген-Убашиной части Керетевы и Цатановы, и зайсанг Даши-Дондук с несколькими зайсанги ж, да и с частию ж главного владельца Кирипа, Хошоутов зайсанг Хасар с сыном, и всеми протчими Хошоуты и Шабинары все без остатку бежали, а при владельцах, при главном остались Багацохуры как его, Кирипа, собственные, так и братьев его, да князей Дондуковых зайсанг Шарап с своими, при Эмеген-Убаше его собственные, да Бага-Цатанов зайсанг Габун-Джамцо с некоторым числом своего аймаку". Потом по представлениям командиров было выдано жалованье, "начитая на первую дачу, главному владельцу всего 200 руб., Эмеген-Убаше — 100, лекарю и зайсангам по 8 руб. 33 коп. с половиною, есаулам, знаменщикам, хорунжим и сотникам по 1 руб. 50 коп. на месяц, рядовым по одному рублю.

Генерал-майор Романус, видя "оставше за побегом малолюдное при них число людей, 17 сентября полученные для тех владельцов с высочайшим портретом золотые на голубых лентах знаки сам на них вздел, а при том изволил объявить, что о всей их, владельцов, в команде его превосходительства бытности добрых и ревностных поступках, что они к побегу не имели поползновения, а паче старались о удержании от побегу войска, донесет ее величеству великой государыне, с чем и возвратились 18 сентября.

Октября 17 дня 1769 года".

Военный историк, генерал-майор В. А. Потто говорил, что, отправив в армию Румянцева 20-тысячное войско, Убаши сам оставил при себе столько же, к ним еще нужно добавить и 5-тысячный отряд, отправленный на Дунайский театр войны под общим командованием генерала Прозоровского. Выше мы проследили только путь следования калмыцкого войска и некоторые действия отдельных отрядов калмыков, отразившиеся в рапорте Кишенскова.

В. А. Потто подробно описал некоторые моменты этой войны.

"Война началась весной 1769 года нападением кубанских черкесов и татар на наших калмыков. Слух о том, что большая часть калмыцкого войска ушла на Дунай, так соблазнительно подействовал на горцев, что они решились воспользоваться случаем и напасть на их улусы. Но, между тем как крымские султаны Максют и Арслан Гирей вели шесть тысяч отборных всадников к нашим пределам, калмыцкий хан Убаша, со всей своей двадцатитысячной конницей, стоял уже на берегах Калауса и зорко следил за противником. Бой произошел двадцать девятого апреля. Небольшого роста, черномазые, безобразные, но ловкие, "как черти", калмыки превосходили своей воинственностью все азиатские народы и представляли собой противников опасных и грозных. Ламберти, путешествуя по Кавказу за сто лет перед тем, рассказывает об амазонках, сражавшихся с войсками Дадиана Менгрельского. Эти амазонки были калмыцкие женщины, принимавшие участие в битвах наравне со своими мужьями. Однажды несколько тел подобных героинь попало в руки менгрельцев, и Дадиан назначил большую награду тому, кто приведет к нему одну из таких амазонок живой. Современники, упоминая об этом, не говорят, однако же, чтобы кто-нибудь получил подобную награду.

Само собой разумеется, что бой при таких условиях должен был скоро решиться. Черкесы дали тыл, и калмыки насели на них, как дикие звери: они их рубили, резали, загоняли в болота, топили в Калаусе. Все пять знамен, множество оружия и панцирей, пять тысяч лошадей, обозы и вьюки — все это осталось в руках победителей. Пленных взято было немного, немногие же успели бежать, а все остальные пали на поле сражения. На самом месте побоища Убаша велел тогда же насыпать курган и назвал его Курганом победы, а на той стороне Калауса, где

кончилась битва,— другой курган, который был назван им Курганом пиршества. Оба эти кургана — памятники битвы — существуют в ставропольских степях и поныне.

По первому известию об этом сражении Медем соединился с калмыцким ханом и стал у горы Бештау, в черте кабардинских владений. Отряд его имел под ружьем не больше трех тысяч человек из четырех рот кизлярской гарнизонной команды, Грузинского гусарского полка и трех эскадронов драгун при десяти орудиях; остальное дополнялось казаками. Но главную силу его составляли двадцать тысяч калмыков, которые, хотя не подчинялись ему непосредственно, однако же Медему поставлено было в обязанность "командовать ханом, но так, чтобы это командование ему не было приметно". Задача трудная, с которой Медем, как увидим дальше, не справился. Как только русские войска вошли в Кабарду, большая часть кабардинцев тотчас присягнула на подданство императрице. Но часть, увлеченная молодыми князьями, укрепилась в соседних горах и, не желая ни нашего, ни турецкого подданства, стремилась отстаивать свою независимость. Медем послал против них конный отряд под начальством гусарского майора князя Ратиева, который шестого июня и имел с ними жаркое дело в ущельях Подкумка. Кабардинцы дрались отважно, но с такой же отвагой нападали на них моздокские казаки во главе с атаманом Савельевым, который сам водил их на завалы. Жестокий бой продолжался до ночи, а к утру неприятель поднял белое знамя и выдал аманатов. Кабардинцы сдались безусловно. Медем назначил к ним русского пристава и, разъяснив им значение и святость присяги, двинулся к Кубани, желая возможно скорее воспользоваться впечатлением, которое должна была произвести в горах весть об истреблении черкесского отряда.

На Кубани, по правому берегу ее, ближе всех к нашим границам жили в то время салтан-аульские ногаи, среди которых еще были живы предания о грозном нашествии Дундука Омбы, сумевшем в четырнадцать дней превратить цветущую страну в обширное кладбище. Салтан-аульцы избежали тогда общего погрома, при¬сягнув на подданство русской императрице. Но лет двадцать назад, увлеченные турецкой пропагандой, они опять ушли на Кубань и теперь со страхом ожидали за это возмездия. Они уже давно следили за тем, какое направление примут калмыки, и как только направление это обозначилось, все, что было живого на Кубани, бросилось спасаться на левую сторону. Но спасаться уже было поздно. Пять тысяч калмыков переправились за ними вплавь и вскоре завязали дело. В то же время другой отряд, под начальством князя Ратиева, был двинут на каменный мост, находящийся в верховьях Кубани близ устья реки Теберды. Мост оказался занятым неприятелем. Савельев спешил четыреста своих казаков и бросился на приступ. Завязался горячий бой. Старый атаман вскоре был ранен, и только когда капитан Фромгольд привел к нему гусарский эскадрон с артиллерией, мост наконец был взят, и войска, перейдя на левый берег Кубани, в пять дней покончили экспедицию. Главным ее результатом было то, что салтан-аульцы опять

поступили в русское подданство и были причислены к кабардинскому приставству.

Встревоженные быстрым и решительным успехом русских войск, турки усилили агитацию среди кавказских племен, и первой жертвой враждебного нам движения горцев сделался Кизляр. Воспользовавшись рабочей порой и тем, что Медем был за Кубанью, чеченское племя кистин сделало набег и захватило в садах Кизляра множество жителей, занимавшихся уборкой винограда. Известие об этом заставило Медема возвратиться на линию. Наказанные им чеченцы смирились, возвратили часть пленных и дали аманатов. Но не прошло и года, как эти аманаты бежали, а кистины сделали новый набег ужаснее первого, так как на этот раз, ворвавшись в Кизляр, они не брали жителей в плен, а убивали всех, не разбирая ни пола, ни возраста.

Беспорядки в Чечне в течение всей первой половины 1770 года удержали Медема на линии целое лето. Между тем калмыки, скучая от бездействия, отправили сильную партию под начальством Емегень Убаши к Копылу, который, после разгрома его Дундуком Омбой, был перенесен на один из островов, образуемых быстрым течением Кубани. Два дня скрывалась партия в густом прибрежном камыше, выжидая случая напасть на город врасплох, но так как горцы держались с большой осторожностью, то Емегень потерял наконец терпение и решился действовать открыто. Вся партия его, раздевшись догола, переплыла Кубань верхом и кинулась на город с саблями и пиками. Но здесь их ожидало страшное разочарование: новый город оказался обнесенным глубоким рвом и валом, уставленным рогатками. Пока калмыки выбивали ворота, работая руками и каменьями, со стен загремели пушки, и Емегень принужден был отступить.

(Заметим, что воины Эмеген-Убаши раздетыми шли в атаку. Точно так же поступили воины Галдан-Бошокту-хана в сражении с маньчжурами. Ойратские воины в самый критический момент битвы шли в бой обнаженными, их называли, по словам Бадма Ринчена, "нагими богатырями".)

Чтобы загладить впечатление от этой неудачи, старый Убаша сам двинулся в поход и сделал набег на берега Лабы и Урупа. На этот раз он действовал малыми партиями и ограничился только отгоном скота и истреблением нескольких аулов.

Медем, узнавший об этих экспедициях только в Моздоке, был весьма недоволен преждевременным открытием военных действий и сделал резкое замечание хану. Хан оскорбился и, как лицо владетельное, не считавшее себя обязанным повиноваться простому генералу, собрал своих калмыков и ушел на Волгу. Таким образом, кампания этого года окончилась ничем, и Медем, простояв некоторое время у горы Бештау, распустил войска на зимние квартиры...".

Единственной ошибкой в тексте В. А. Потто является то, что Убашу он назвал "старым Убашой". Ему тогда, в 1769 году, было 25 лет.

Военными действиями калмыков в этой войне завершена служба калмыцких ханов России. Мы не беремся комментировать или делать какие-то выводы. Факты истории сами говорят за себя. Тот же Потто, говоря о прошлом калмыков, писал:

"В позднейшее время кавказской войны станицам угрожала опасность только из-за Терека, где жили чеченцы. Но сто лет назад казак боязливо смотрел и в другую сторону, где бродили толпы дикарей, не менее воинственных, но еще более кровожадных, чем горцы. Когда между буграми, покрывавшими моздокскую степь, показывались бесчисленные табуны коней, войлочные кибитки, и из-под косматых остроконечных шапок сверкали узкие глаза калмыков, казак брался за винтовку и сторожил станицу уже на все стороны".

Заканчивая часть истории калмыцкого народа и его участие в войнах России, особенно на Кавказе и в Крыму, во избежание собственной трактовки ее и политических спекуляций, хотим привести слова одного из ведущих политиков современной России Р. Г. Абдулатипова, который говорит:

"Россия собиралась веками усилиями князей и простолюдинов, ратников и монахов, были и войны и междоусобицы... Я вот никак не могу донести до сознания многих людей, что у нас неверно трактуют кавказскую войну. Ее свели к уничтожению там горцев. Но я ведь историк. Напомню: Россия изначально пришла туда не для войны с Дагестаном или Чечней, она воевала с Ираном и Турцией за влияние на этом пространстве. И народы, живущие там, страдали сначала от турок и иранцев. Каждый сюда приходил со своей "Кавказской войной". С Россией была одна война, а с другими — десять".

Калмыков впереди ждало не менее жестокое испытание — это их уход на восток.

Уход калмыков в Китай в 1771 году

Как заметил в свое время профессор Н. Н. Пальмов, идея ухода калмыков в Джунгарию никогда не умирала в сознании калмыцких ханов и владельцев. Он пришел к такому выводу, исследуя фактическую историю калмыцкого народа по сохранившимся документам, и это соответствовало действительности. Но эта идея жила в умах тогда, когда Джунгарское ханство являлось сильным самостоятельным государством. А когда это великое ханство было уничтожено и перестало существовать, и оставшееся население нашло приют здесь и уже более десяти лет жило в калмыцких улусах, вынашивание идеи ухода кажется абсурдным и не имеющим под собой оснований.

Выше мы говорили, что Цебек-Доржи плел интриги против Убаши, вовлекая в них окружение наместника, подстрекая всех, кого можно, и втирался в доверие к Убаши. Из донесения Кишенскова о походе калмыцкого войска видно, что там решающую роль играл зайсанг Даши-Дондук, которому, по недоразумению, предложили жалованье в пять рублей. Между тем он, будучи первым зайсангом ханства, был председателем Зарго — правительства при наместнике, а в войсках он находился, если так можно выразиться, в качестве начальника штаба. И ему там подчинялись все — нойоны, зайсанги, командиры частей. Среди первых лиц, которые готовили уход калмыков, называют Цебек-Доржи, Даши-Дондука и ламу Лоузанг-Джалчина. И, по нашему мнению, именно эти трое были настоящими подстрекателями и виновниками.

Слухи о готовящемся уходе калмыков стали поступать к Бекетову еще с 1767 года от Замьяна, Яндыка и других лиц.

Цебек-Доржи вел пропаганду среди населения, произнося пламенные речи. По словам Бергмана, он говорил: "Смотрите, ваши права ограничиваются во всех отношениях. Русские чиновники обращаются с вами ужасно, а правительство хочет поделать из вас землепашцев. Вот покрылись казачьими станицами берега Урала и Волги, вот и северные окраины степей заселены немцами, еще немного времени, и будут заняты Дон, Терек и Кума, а вас стеснят на безводных пространствах и погубят ваши стада, единственный источник вашего существования".

На основе доходивших до него разрозненных сведений, Н. А. Бекетов написал доклад в Коллегию иностранных дел. Он предлагал вызвать в Петербург наместника ханства Убаши, владельцев Еремпеля, Бамбара, Шеаренга, Цебек-Доржи, Лоузанг-Джалчина и Даши-Дондука как главных злоумышленников и произвести дознание.

Из Коллегии указом ответили, что представления губернатора "основательными не признаваются по изъясненным многим уважениям", но вместе с тем предлагалось "никогда в наблюдении вашим за поступками калмык всех вообще, и каждого знатного особливо ослабевать не должно".

Указ из Коллегии был подписан Паниным и Голицыным 3 августа

1770 года. Тем же числом был подписан указ от имени Екатерины II. В десятистраничном тексте указа пространно говорилось о представлении Бекетова, его подозрениях, заслугах калмыков перед Россией и о случавшихся попытках ухода в Джунгарию. В указе перечислены имена и заслуги калмыцких нойонов в следующих выражениях:

"Ваше мнение такое, чтоб в предупреждение начавшейся в калмыцком народе колебленности, забрать сюда главных злоумышленников, и чрез них произвесть следствие, а оные по вашему примечанию: наместника

ханства зайсанг Даши-Дондук, другой хошоутов владелец Эремпель, наместников тесть и который теперь один только пред владельцом Замьяном в Хошоутовом роде старшим остается, он же Еремпель за отличную свою храбрость, оказанную в бывшее прошлой весны на речке Калаузе между калмыками и кубанцами сражение и Золотую медаль с нашим портретом получить удостоился, третий калмыцкий поп Лозонг-Джалчин — член общенародного правительства, четвертый — владелец Бамбар — старший летами и знатнейший своим владе¬нием по наместнике из всех Торгоутских владельцов (за казахский поход награжден золотой саблей), пятый — Шеаренг — знатнейший же из всех в наше подданство Зенгорских владельцев вышедших, и которому равномерно за услугу при оном же сражении оказанную Золотая медаль пожалована, и шестой Торгоутской владелец Цебек-Доржи — главный судья в общенародном правительстве, такое же награждение получивший за храбрость при помянутом же сражении".
В указе был сделан упрек и выговор Бекетову за то, что он слушает клевету таких людей, как Замьян, который заботится о своей выгоде, упрек также был сделан переводчику Воронину и полковнику Кишенскову за их подозрительность к верному калмыцкому народу.

В заключении указа Бекетову было указано, чтобы "призвав к себе Замьяна, дать ему знать о нашем неудовольствии в рассуждении неосновательности его доносов, клонящихся к приведению всего калмыцкого народа в замешательство, прибавляя к тому, что одно природное наше великодушие и защитило его от наказания развратникам должного"... Бекетова предупредили, чтобы он приложил все свое старание, чтобы "калмыцкий народ и впредь оставался при настоящем своем роде жития и расположением своим наполняя степи между Кубани и Волги, и Волги же и Яика лежащие, служил и в прикрытие тамошних границ, нежели общая в том произошла перемена: ибо при таких обстоятельствах может быть заняты были б занимаемые ими места магометанскими кубанскими и киргис-касацкими народами, во управлении своем большее затруднение причиняющими и для закона своего больше также и подозрительными".

Эти указы и инструкции из Петербурга парализовали действия Бекетова и Кишенскова. Они были поставлены в двусмысленное положение и ничего сами предпринять не могли, т. к. их донесения подвергались сомнениям и всерьез не воспринимались.

Между тем у калмыцких нойонов шла подготовка к уходу. Убаши под разными предлогами оттягивал отправку калмыцких войск на театр военных действий. В этом случае размолвка с де Медемом была лишь поводом к обидам и разногласиям, а также к затягиванию срока отправки войск.

В конце 1770 года уже началось движение калмыков, особенно владельцев, но они происходили в строжайшем секрете, поэтому никто

определенно ничего сказать не мог. Владельцы уклонялись от встреч и откровенных разговоров, а движение улусов мотивировали якобы готовящимся нападением казахов.

В наших архивах не сохранились письменные распоряжения самого Убаши или других нойонов. Остались письма матери и мачехи Убаши, оформленные в форме указов, которые рассылались по улусам. Эти письма-указы дают некоторое представление в том, как и с какой тщательностью готовился уход калмыков. Ниже приводим оригиналы этих указов Мани-Дары и Наджитаны (Це-рен-Джал):

"Мани-Дарино письмо:
Для переправы через Волгу с наказанием плетьми таковых, которые перешли чрез оную без повеления господина своего, посланы Габун-Гунцюк и Лозонг с двумя при них товарищи, которым в возвратной переправе быть послушным, и сверх того в проезд их беспрепятственно давать подводы. Писано года Темир Туулая, месяца Бара 15 дня, т. е. 20 декабря 1770 года. У письма печать сурчугева".

"Мани-Дарино письмо:
Габун Ончику и Лозонгу повелевается у таковых, которые без воли господина своего перешли чрез Волгу и кто в возвратной переправе делает ослушание сколько ваших сил доставать будет, отобрать лошадей и сколько таковых переправившихся чрез Волгу сыщется, тех описав имянно, приехать вам немедленно обще с Шарап Ишею. Шарап Иши имеет ехать на подводах. Писано года Темир Туулая месяца Бара 25 дня, т. е. 30 декабря 1770 года. У письма печать сургучева".

"Наджитаново письмо и печать:
Для отправления в войско к Убаше людей потребны хорошие и жирные лошади, для взятья которых посылается Хорулчи в четырех человеках, кто же не даст лошадей, тем повелевается самим переправиться чрез Волгу, о таковых, которые потравили корма, определяется привесть сюда. Писано года Темир (Туулая), месяца Бара 27 дня, т. е. 1 января 1771 года.

Всякого звания людям повелевается сим посланным подводы давать беспрекословно".

Как видим, в письмах употреблены выражения "с наказанием плетьми", "приехать вам немедленно", "подводы давать беспрекословно". Они говорят о том, что эти ханши, находясь в главной ставке Убаши, выполняли роль главных распорядителей, т. к. остальные разъехались по своим улусам, раскиданным на большой территории, выполняли каждая свою роль, предварительно полученную ими от главных предводителей.

Только профессор Н. Н. Пальмов привел один документ, в котором появляется сам Убаши. 4 января 1771 года наместник Убаши в ухвостье Нарын-Песков (Рын-Песков), в урочище Белту, перед войском и

владельцами объявил свое решение уйти из России. Докладывая об этом выступлении Убаши, Кишенсков писал, что при этом наместник "объявил не только с прискор¬бностью, но и с великими слезами".

В это время некоторые нойоны со своими войсками расчищали путь продвижения народа. При этом другие отряды, собиравшие и подгонявшие улусы, разбивали и грабили попадавшие на пути магазины и лавки русских и татарских купцов и жителей. Захватили лагерь капитана Дудина с командой, которого Кишенсков оставил для наблюдения. Очевидцы сообщали, что весь народ уходил с такой поспешностью, "как бы на них было нападение от численнейшего неприятеля, что бросали кибитки, скот, малолетних детей, а особенно идолов".

4—5 января 1771 года уже весь народ был в пути. Во главе десятитысячного войска впереди шли Бамбар, Шеаренг и Гунги, по бокам шли отряды по пять тысяч каждый, на правом фланге под началом Акун-Абуши, левым флангом предводительствовал сын Бамбара — Церен-Делик, позади, под началом Убаши, шли остальные калмыки с их женами, детьми, скотом и имуществом.

Бамбар и Шеаренг разбили крепости и форпосты, находящиеся на берегах Яика и в Индерских горах. Походный атаман Иван Кулагин 25 января доносил: "Калмыцкая Волжская орда переправилась Яик, снизу по Зеленовский форпост, а сверху до которых пор захватили, неизвестно. 19 января, многочисленное войско, так что и степи не было видно, под предводительством Шерет Мурзы (Шеаренг), ханского брата и двух Бамбаровых сынов, со многими знаменами и значками, во втором часу дня, отогнали весь скот, а потом напали на крепость и во весь день шла перестрелка из пушек и ружей, так что казаки весь порох свой расстреляли; при Кулагинской крепости и при прочих крепостях и форпостах, бежали все крещеные калмыки. Зеленовский форпост разбит и весь скот угнан; Гребенщиков форпост пограблен и все люди побиты, сож¬жены и в погребы брошены".

Калмыцкий народ продвигался широкой полосой со своим скотом, имуществом, со всех сторон охраняемый многочисленными войсками.

Известия об уходе калмыков до главных лиц региона стали доходить 7—8 января, а распоряжения стали поступать и того позже. Поступали распоряжения от астраханского губернатора Н. А. Бекетова, астраханского обер-коменданта генерал-майора фон Розенберга, оренбургского губернатора генерал-майора Рейнсдорпа, Гурьевского коменданта бригадира фон Фегезана. 9 января было отправлено донесение генерал-аншефу графу З. Г. Чернышеву в Коллегию иностранных дел. Розенбергу поступили донесения от Замьяна и Яндыка. Замьян в своем письме Розенбергу предлагал: "Хорошее бы дело было, ежели б поскорее за ними и поиск был учинен, а я для такого поиска не имею при себе команды, а ежели б мне дана была такая команда, то б за

ними погоню учинить не преминул, всякое дело надлежит чинить, не упуская время поскорее, я удивляюсь о таком многоважном деле как бы кому неизвестно быть могло". И заканчивает письмо так: "Я, Замьянг, кратко только одним сеансом сие представляю".

В это время уже вышедшие из заварухи русские и татары рассказывали Бекетову и Розенбергу об уходе калмыков.

В погоню за калмыками от Рейнсдорпа были посланы генерал-майор Давыдов и полковник Бейерен, от Яика выступил походный атаман Митрясов. Им удалось от Яика вернуть владельцов Асарху и Маши с улусами Ики-Цохуры и Харахусы, Эркетеневский улус и 300 кибиток татар.

Рейнсдорп обратился к Нурали-хану, чтобы он препятствовал продвижению калмыков, а также послал на сибирскую линию, чтобы там предупредили Аблай-хана о том же.

При переходе калмыков через Эмбу на них напал Яман-Кары, но он был разгромлен.

24 января 1771 года в Государственной Коллегии иностранных дел состоялась секретная промемория об измене хана Убаши, против которого требовалось принять меры. На следующий день из Военной Коллегии поскакали курьеры с секретными указами в Сибирь, Оренбург, Астрахань и другие города. Всем начальникам этих мест предписывалось, "чтоб крайнейше старались, сколько и где возможно будет, чинить над означенными бунтовщиками-калмыками поиск, везде их разбивать, назад возвращать и имущество истреблять, табуны отгонять и в полон их, а наипаче лучших чиновных людей и их детей брать, стараясь, сколько будет возможно, захватить самого наместника ханства". Впоследствии, комментируя этот указ, в "Очерках Волжского низовья" писали, что "все предприятия тогдашних государственных деятелей решительно нигде и ни разу не удались, благодаря чему калмыки, несмотря на многие собранные против них громы и молнии, добрались до китайской границы, не встретив на пути своем ни одного русского солдата...".

Уход калмыков, которые в течение полутора веков охраняли южные границы России от других народов, вызвал тревогу и опасение в умах государственных деятелей, поэтому в указ рассуждалось: "не вознамереваются ли иногда воспользоваться сим случаем обитающие в том краю и окрестные разные народы. И не покусятся ли сделать на границы наши нападения, почитая оные чрез то ослабевшими".

Дальнейший путь калмыки прошли по степным просторам южной Сибири и Казахской орды, не встретив больших препятствий. Распространено мнение, что калмыки подвергались нападениям со стороны казахов и киргизов, которые захватывали и уничтожали уходивших. Это мнение, очевидно, основано на том факте, что на определенном этапе пути

калмыки потеряли половину своего состава, но не в результате нападений и поражений от неприятеля, а совсем по другой причине.

Казахский Нурали-хан как подданный российской империи тоже получил указ нападать на калмыков, разорять их и отрывать улусы. Конечно, Нурали-хан и без указов желал бы разбить калмыков и захватить их всех. Но силы калмыков были настолько превосходящими, что при всем желании и старании, он не мог подступиться к калмыкам. Нападения были, в результате которых он захватывал скот или несколько семей, но действия калмыков были не только адекватными, но и более жесткими, в результате он больше терял, чем приобретал.

Убаши предложил Нурали-хану начать переговоры, чтобы "устроить обмен пленных с обеих сторон" и прислал ему письмо. Документ интересен во всех отношениях.

"Почтенного, степенного, сиятельного превосходительства, милостивого, щедрого и честного Убаши-хана письмо Нурали-хану известно да будет:

Издревле небывалое сие весьма большое дело произошло и в смятение нас привело: от стороны российской причиненным нам разорением и противными делами, что мы, торгоуты, вспомня свой закон и отечество, пошли ... желая быть с вами, киргисцами, в добром мире, намерены были о том наперед уведомить и не сделали этого только за огорченным нашим духом"... "Один из ваших Яман-Кура, с тысячью человек, напал на нас, но был разбит и бежал, калмыки, преследуя их, забрали много людей и их имущество"...

"Россияне пусть остаются в своем, а мы, калмыки и кайсаки, бывали: со злодеями — злодей, а с мирными — мирные. В последнем же случае, не за родню ли почитались? При жизни отца моего каким образом бывало? Вы сами знаете, в миру ли мы находились! Хотя большое взаимное воровство бывало, от вас — нам, а от нас к вам посланцы посылаемы бывали. А ныне вы стали против нас, Яман-Кура. Мы всегда добрыми соседями почитались, однако для лошадиных копыт далеко быть не может. Гораздо спокойнее и лутче было бы принять мирные предложения; у нас ведь "генеральной схватки" еще не было, а потому неизвестно еще в чью пользу решится дело".

Казахским Нурали-хану и Аблай-хану грозили с обеих сторон. Из Петербурга приказывали нападать и разорять калмыков, а из Пекина грозили, чтобы они не трогали калмыцкий народ, который идет к ним. Калмыки уклонились от нападений Нурали-хана и Аблая, пошли по северной стороне озера Балхаш. Они подошли к озеру в июльскую жару, страдая от жажды, утомленные дальним путешествием. Все — и люди и скот — кинулись в воды озера, напились и легли на берегу. На следующий день половина народа не встала, оказалось, что вода в озере была не только соленой, но и недоброкачественной. Здесь, на берегу Балхаша,

калмыки, можно сказать, и потерпели самое большое поражение, понеся самый большой урон в людях и скоте. Оставшаяся половина была уже ослаблена не только физически, но и морально. Этим и воспользовались киргизы. Они стали нападать небольшими партиями на калмыков на всем оставшемся пути, отбивать людей и скот. Эти случаи и послужили поводом говорить о том, что киргизы нападали и громили калмыков.

Китайскую границу калмыки пересекли в середине августа. Таким образом, путь от Волги до Китая они проделали за семь с половиной месяцев. Калмыки были встречены цинскими войсками и чиновниками. Цинские власти поселили их в верховьях реки Или, снабдив их на первое время самым необходимым: юртами, рисом, чаем. Наместнику Убаше было пожаловано тысяча лошадей, тысяча штук чаю, тысяча штук шелковых материй, а остальным нойонам всего этого по сотне штук. Цинская администрация разделила калмыков на части по этническому признаку — по родам и поселила их в разных местах Синьцзянской провинции, образованной на территории бывшего Джунгарского ханства.

Убаши и знатные калмыцкие нойоны были приглашены императором и приняты в охотничьем урочище Мурон. "Когда Убаши с людьми прибыл туда, их пригласили в ставку и император дал им аудиенцию... Затем император последовал в свой роскошный загородный дворец Би-шу-шань-чжуань, выстроенный на окраине города Чан-дэ-ду специально для проведения пышных приемов послов от кочевых народов. Когда калмыцкие князья были доставлены во дворец, император устроил праздничные церемонии в дворцовой оранжерее и придворной кумирне, вечером он повелел зажечь различные фонари и устроить фейерверк и одарил каждого из гостей серебром, цветным шелком и различными ценными подарками".

В свою очередь, Убаши преподнес императору две сабли: одну, оправленную семью драгоценными камнями, и другую — покрытую золотом. Он сказал, что эти сабли были вывезены из страны Хонггор его прадедом, ханом Аюкой, который завещал своим сыновьям и внукам хранить их у себя из поколения в поколение, но Убаши преподносит эти сабли в знак того, что "теперь он на веки вечные стал рабом Поднебесной империи и теперь ему не надо будет изнурять себя войнами".

Убаши и другие нойоны были пожалованы маньчжурскими феодальными титулами. За Убаши был сохранен его ханский титул с пожалованием почетного звания "Зориггу" ("Храбрый"). Цебек-Доржи получил титул цинь-вана и почетное звание "Буянту" ("Добродетельный"), Бамбар — титул цзюнь-вана и почетное звание "Биширэлту" ("Благословенный"), Шеаренг также удостоился титула цзюнь-вана с пожалованием ему почетного звания "Билигту" ("Талантливый").

Так завершился уход большей части калмыцкого народа в Китай, этим завершается и история калмыков периода Калмыцкого ханства.

Сложение этнической структуры и административного устройства калмыков

После описанных событий, можно сказать, начинается новый этап истории калмыцкого народа.

Уже в феврале 1771 года И. А. Бекетов испрашивал совета Коллегии "О разделении калмыков, принадлежавших наместнику ханства и другим владельцам, по оставшимся владельцам".

На этот вопрос из Коллегии за подписью графа Панина ответили обстоятельно. В письме говорилось, что прежде чем делить, нужно установить, сколько людей ушло и сколько осталось, каким владельцам они принадлежали и кому по наследству могут быть отданы. Предлагалось составить подробную опись. И так как все ушедшие были из Торгоутова рода, а здесь остались "наместников дядя Яндык и князь Дондуков, который равным образом ныне при настоящем деле в состоянии к тому право иметь и их требовать может же, да и самые, таким образом, отдаваемые калмыки тем встревожены не будут ли... Но все сие, разумеется, о прочном и всегдашнем оставших калмык утверждении за такими владельцами, к которым они по наследству и природе принадлежать не могли".

Для решения всех вопросов по управлению калмыцким народом была создана Калмыцкая экспедиция, состоящая при Астраханской губернской канцелярии во главе с астраханским губернатором.

Калмыцкая экспедиция более двух лет проводила кропотливую работу по собиранию разрозненных калмыцких семей разных родов, аймаков, улусов, по установлению их принадлежности прежде и кому по ближнему родству должны бы принадлежать.

По представлению Н. А. Бекетова главным управителем калмыцкого народа был определен полковник Алексей Дондуков. Так как полковник был крещеным и считался не одной веры, эта весть вызвала недовольство у калмыцких владельцев. Владелец Яндык о своем недовольстве сам написал Бекетову, да и находящийся при нем пристав Михаил Лепехин рапортовал, что калмыки распоряжением Бекетова "крайне оказались недовольны и возымели сумнение, якобы они чрез то и калмыцкого звания лишаются". Поэтому губернатор "для изъяснения и увещевания его, Яндыка, к отвращению неосновательных о сем рассуждений" отправил к нему коллежского переводчика. По приезде своем тот постарался успокоить нойона и зайсангов, которые долго в своем "упорстве оставались ... но по многим и усильным его внушениям и истолкованиям, что сие учреждение полковника князя Дондукова над калмыцким народом главным начальником ненавсегдашнее время, а единственно впредь до воспоследования высочайшего е.и.в. конфермации" успокоились.

Указ, подписанный императрицей Екатериной II от 19 октября 1771 года, пришел на имя Бекетова. Согласно указу, ханская власть в калмыцком народе была уничтожена навсегда, а владельцы были поставлены в независимое положение один от другого с предоставлением им прав по управлению каждому в своем улусе под правительственным надзором. Владельческие права над улусами переходили от отца к сыну, а при отсутствии прямого наследника улус поступал в казенное ведомство. Калмыцкими делами ведала упомянутая Калмыцкая экспедиция. В следующем году при этой экспедиции был учрежден суд Зарго из представителей трех главных родов: торгоутов, дербетов и хошеутов.

Получив эти указы и инструкции, Бекетов принялся за распределение оставшихся калмыков среди нойонов. Этот процесс несколько затянулся, т. к. возвращались все новые группы калмыков, отставшие от ушедших или вырвавшиеся из казахского плена, а также выявлялись новые неучтенные или скрытые кибитки.

В июне 1772 года Бекетов в резолюции распорядился оставшиеся по данным на 12 декабря 1771 года 4706 кибиток "раздать калмыцким владельцам за потерю собственных Яндыку — 180, Замьяну — 604, Дербетевым владельцам Цебек-Убаше и Цендену — 454, Икицохуровым Асархе — 160, Маше — 182, князю Дондукову — 1700, да в награждение — 250, Яндыку в награждение — 519, . Замьяну — 150, пасынку его Тюменю Зенгорцев — 257, Хошоутову Теке — 100, Зенгорскому владельцу Джиргалу — 50, да умершего владельца Арабжура сыну Нохоин Кобеню — 21 кибитку". Остались нерозданными 79 кибиток.

В этой же резолюции говорилось, что при следующем подсчете оказались излишними 521 кибитка. Поэтому Бекетов "приказал учинить следующее: 1 -е. Хотя владелец Яндык в приезд свой ныне в Астрахань, представлял губернатору, что он из Торгоутов состоит старшей, будучи первому Аюке-хану внук, а последнему — Дондук-Даше брат родной и имеет право, если б изменник наместник Убаша, находясь в российской протекции, умер, всеми собственными его улусами владеть и никто ему в том спорить не может. Наиприлежнейше просил об отдаче ему оставших после сего изменника принадлежащих по наследству Керетевых и Цатановых калмык. Но губернатор, имея рассуждение, что если всех оных, как по описям калмыцких владельцов показано, большая часть здесь имеется, ему, Яндыку, во владение отдать, то протчим владельцам в раздел не только в награждение, но и за потерю собственных недостаточно б быть и от того бессомненно немалое негодование в них последовать могло, пристойным образом от того его требования отвел, а вместо оного, уважая правильную его, Яндыка, просьбу, и, соображаясь с высочайшим е.и.в. повелением, еще ему, Яндыку, придать 150 кибиток; 2-е. Владельца Замьяна как он роду Хошоутова, и здесь после беглых Хошоутовых владельцов калмык осталось самое малое число, но однако ж он несмотря на то, как за потерю собственных, так и в награждение за верность довольно из Торгоутовых калмык снабжен и если ему сверх оных и еще

какую-нибудь прибавку сделать, то как следующие в раздел калмыки почти все торгоутские бессомненно сего роду владельцы: Яндык, князь Дондуков и Асархо с племянником его Машею считать то будут себе за крайнюю обиду, оставить при прежнем назначенном ему числе; 3-е. Князю Дондукову в рассуждение того, что он российского закона и находился в службе е.и.в. довольное время, да и к наследству после Торгоутовых владельцов равное с Яндыком право имеет, в прибавок к награжденным 250 кибиткам, еще дать 50 кибиток; 4-е. Асархе и Маше, которые по причине возвращения их из побегу от Яика по объявлению яицких казаков хотя и оставались сумнительными в верности к российской стороне, но с самого их прихода к Волге сколько за поступками и обращениями их наблюдаемо и примечаемо ни было, ничего вредного и противного непредусмотрено, кроме как по всем даваемым им повелениям в наряде и командировании войск прошедшею зимою на заставу от кубанской и ныне на луговую сторону от киргис-кайсацкой сторон точнейшее и беспрекословное чинится от них исполнение, да и в протчем повиновение и послушание происходит, почему в поощрение и впредь их и других калмыцких владельцов к ревностной службе, как справедливость требует, сверх данных за потерю собственных, в награждение дать каждому из них по 100, а обоим 200 кибиток; 5-е. Торгоутовым же владельцам Арабжурову сыну Нохоин Кобеню — 12, а двум дядьям его — 14 в награждение, как в рассуждении бедности их, так и по принадлежности к Торгоутову роду, оставляя их сверх того при собственных людях; 6-е. Хошоутову Теке за оказанное его к российской стороне усердие и употребляемую к службе ревность, какой сверх прежнего и ныне командиром над тысячным калмыцким войском на луговой стороне состоящем определен и находится, ко 100 еще 50 кибиток; ... 8-е. Что ж принадлежит до Зенгорских владельцов, из коих первой пасынок Замьянов — Тюмень представлял губернатору словесно, что хотя вышедшие из Зенгории в 800 числе калмыки обще с отцом его Тюменевым по всем правам быть у него во владении принадлежали, но по усильству де бывшего хана калмыцкого Дондук Даши... не пользовался и лишен". Поэтому он решил прибавить к 257 еще 37 кибиток.

После всех подсчетов по родам и принадлежностям владельцам, были подведены предварительные итоги и оказалось: у Дондукова — 2437, Яндыка — 1000, Замьяна — 814, Тюменя — 257, Теки — 100, Арабжура — 21, Асархи и Маши — 1226, Дербетевых владельцев — 4426, а всего — 10227 кибиток.

У Дондукова оказалось больше кибиток по той причине, что когда он временно был назначен главным правителем калмыцкого народа, то в его ведомство отдали Эркетеневский улус, хотя этот улус от Яика был возвращен вместе с Икицохуровским и находился под управлением Асархи. По этому вопросу в резолюции Бекетова говорилось, что хотя "Эркетенев улус препоручен губернатором в смотрение владельцу Асархе, но как ныне над всеми оставшими здесь калмыцкими владельцами учрежден главным начальником полковник князь Дондуков единственно

для того, дабы он беспримерное над теми владельцами имел надзирание, в рассуждении чего, а при том они, эркетены, издревле находились здесь подвластными калмыцких ханов, а напоследи и наместника Убаши, приказал учинить нижеследующее: 1-е. Означенный Эркетенов улус, исключа из ведомства владельца Асархи, препоручить и отдать для лутчего смотрения и надзирания полковнику князю Дондукову до совершенного о всех калмыках распределения.

Когда Бекетов получил рескрипт Екатерины II, то написал объяснительное письмо Яндыку. В нем он говорил, что "получил я имянное высочайшее е.и.в. за подписанием собственные ее величества руки повеление, по которому следующее Вам объявляется: 1. Прежнее мое о учреждении князя Дондукова главным над калмыцкими владельцами начальником определение отменено и уничтожено, а вместо того для всяких происходящих между вами спорных дел разбирательств повелено сделать учреждение суда при Астрахани, затем же каждый владелец должен собственными своими людьми управлять независимо от других и протчим давать на них суд и расправу по вашим калмыцким правам и обыкновениям... и при том всем вам быть под моим надзиранием и управлением", т. е. под руководством астраханского губернатора. Также он определил, что всем "определенным в судьи зайсангам, учредя при Астрахани Зарго, быть на таком же основании, как общенародное калмыцкое правительство было, навсегдашнее время беспеременным, а чтоб оные судьи, будучи владельцам своим подвластными, при рассмотрении дел их, не могли из боязни угождать им пристрастием, для того хотя б кто из вас, владельцов, на судью своего какое и неудовольствие возымел, отнюдь не надлежит собою как самих судей, так и родственников их первого колена штрафовать, а если в чем они виновными окажутся, представлять же о том мне;.. 4. Всем к должности сей определяемым зайсангам производимо быть имеет жалованье такое же, какое и прежде бывшие в калмыцком правительстве судьи получали — посту Рублев в год". Письма такого же содержания были посланы и к другим калмыцким нойонам.

Между тем ходили слухи, что оставшиеся калмыки, собираются тоже откочевать в Китай. Происходило движение улусов. Сведения об этом движении приходили, особенно с казахской стороны. Оттуда сообщали, что приходили китайские войска для встречи калмыков, которые, прождав несколько месяцев, ушли обратно. Нужно заметить, что калмыки, хотя их и осталось мало, продолжали отправлять свои войска на Кавказ, Кубань, а также против казахов. Несмотря на верную службу калмыков, слухи об уходе беспокоили правительство.
В конце ноября 1772 года Бекетов получил рескрипт из Коллегии иностранных дел на представление губернатора "по причине оказывающегося подозрения на калмык при Волге оставшихся, в питаемом ими умысле к отлучению за границу по примеру прежних, об отправлении трех из калмыцких владельцов: Дербетева Цебек-Убаши и Торгоутовых Яндыка и Асархи, кои больше других признаются в состоянии

быть обще произвесть соблазн истребле¬ние на измену, в Санкт-Петербург, по встречающейся удобности всех ли вместе или одного по другом, но каждого однако ж в небольших свитах в минование при содержании их в Санкт-Петербурге излишних расходов и затруднительств, снабдя в дорогу кормовыми деньгами".
Согласно этому указу, Бекетов приказал изолировать "Дербетева Цебек-Убашу и Торгоутовых Яндыка и Асарху с их свитами, в числе которых, как письменно от них знать дано, имеет быть: при Цебек-Убаше зайсангов четыре, да знатных людей детей двое и еще служителей три человека; при Яндыке зайсангов четыре, в том числе младший один и служителей трое; при Асархе зайсангов же двое, лекарь один, служителей четыре человека".

Эти трое были главными нойонами над оставшимися калмыцкими улусами. Их изоляцией правительство обезопасило себя от всякого движения среди калмыков. Они были заложниками. Судьба их трагична. Яндыку тогда было около семидесяти лет, он умер по пути следования к Островной станице на Дону. Асарха и Цебек-Убаши почти одновременно умерли в Петербурге в 1774 году. Цебек-Убаше тогда было всего около двадцати лет. С его смертью пресеклась старшая линия Дербетовских нойонов.

Кроме изоляции этих нойонов из калмыцких улусов были предприняты и другие репрессии против калмыцких зайсангов. Особенно пострадали Эркетеневские зайсанги. Они были обвинены в грабеже и убийствах российских людей при уходе калмыков с Убаши. Проводилось следствие, устраивались очные ставки, предъявлялись доказательства.

Среди обвиненных были: Ончик, Миванг, Намка-Ракба — Ики-Эркетеневские; Наян, Лоузанг-Даржа, Дакба-Раши, Габунгин Баранг, Аксахал, Дува, Мантохой, Джамца, Золон, Буру-Хамур, Зуу-чи, Нохой — Бага-Эркетеневские зайсанги. По ним было принято решение: лишить их аймаков, исключить из зайсангского сословия, причислив их к числу простых калмыков "навсегда вечно", наказать "кнутом по пятидесяти ударов каждому" и "сослать всех ... в Нижний Новгород для употребления тамо в каторжную работу вечно; жен и детей как сих преступников, так и соучастных им злодействе умерших зайсангов же Аксахала, Бурума и Нохоя, со всем скотом и пажитью, забрав из калмыцких улусов в Астрахань, с публичного торгу продать".

Некоторых из этих зайсангов спасли Дондуков и Асарха, в улусы которых они были включены со своими людьми. В отношении других приговоры были приведены в исполнение. Вместе с ними на каторгу был отправлен и нойон Нохоин Кобень, Арабжуров сын, за оскорбление высочайшей особы. Отправленные на каторгу Джамцо Аксахалов, Шарап и Адони Нормо-Джамцо устроили с судна побег. При следствии выяснилось, что Нохоин Кобеня на каторгу сопровождали два его служителя. Они-то и помогли каторжникам освободиться от кандалов.

Судьбы членов семей всех этих зайсангов также трагичны. Например, генерал-майор и астраханский обер-комендант Левин рапортовал, что им куплена с публичного торга калмыцкая семья "зайсанга Цагалая: жена Делек 40 лет с сыновьями Намсою — 15, Минданом — 12, Хасаром — 9, дочерьми Кюке — 18, Кюкешем — 5, Току — 3 лет, да без имени одного с половиною года, и еще зайсанга ж Габунгин Баранга сын Басанг — 17 лет за 220 рублев". Все они были крещены. Были распроданы семьи и имущество не только самих зайсангов, но и их служителей.

Династия Эркетеневских зайсангов на протяжении всей истории калмыцкого народа играла заметную роль своими героическими ратными и государственными делами. Предчувствуя предстоящий суд и расправу над ними, они в сентябре 1771 года на имя Бекетова подали письмо, в котором изложили службу свою и своих предков. Для полноты восприятия происходившего приводим его текст полностью:

"Сказывают, что когда калмыки еще жили в древних своих местах, владелец Лоузанг и Очирой с сыном своим Мазаном посылали Харайчиту Хашку и Харузага-Батыря для осмотру Волги, а в 1591 году на оную и пришли, а по приходе их и Орлюк посылал для такого же осмотру Мухур Киикеня, а в 1593 году и он вышел. Второе, после того владелец Лоузанг с протчими покочевал было в Алтайские горы, но Мазан ко удержанию его, собравшись войском, имел с ним сражение, на котором отца его убили, а владелец Лоузанг чрез то обратно возвратился к Волге. 3-е. В 1627 году во время отхода Торгоутов к Ешилин Мудаю, Бюко Тайджи и Яман, согласясь с Дербетями, оставались здесь. 4-е. В 1630 году Чакдоржап и Санжин Аюку-хана и Гунжипа, из улусов выгнав, покочевали. В то время Яман и Хулхайчи Чакдоржаповых подвластных Цаатанов называемых и других разных владельцов людей остановили, почему Чакдоржап с подвластными, называемыми Кереты и других владельцов людьми остановился и о том с известием к Аюке-хану Яман и посылал человека называемого Болота, по которым известиям Аюка-хан и отправился на Яик, а он к Гунжипу посылал Буджу и Дарму Тасурхая, почему Гунжип поехал в Саратов. 5-е. Когда Булавин раззорял Дон, тогда по указу государеву с владельцом Чиметем Яман и Хулхайчи войсками своими, их воевав, остановили. 6-е. Когда Петр Первый император ходил в Дербент и ему загражден был путь, тогда Яман, нашед другую дорогу и донес о ней его величеству, за что и милости удостоился, а при возвратном пути Шелхала Хас Болота привел в подданство государево, и за все такие дела его величества милости удостоился и милостивую грамоту получил, и она грамота по лживому Церен-Дондука на нас доносу, при захвате Эркетеневых зайсангов генералом Барятинским, утратилось. 7-е. В 1737 году при взятии российскими под командою фельд-маршала (Ласси — А. М.), калмыцкими под командою Галдан-Норбы войсками Крымского города, называемого Харасу, тогда оным турецкие войски причиняли вред, в то время Ябашка, предводительствуя, Крымского хана дядьки меньшего брата копьем сколол и с вызолоченым убором седлом и уздою воронолысую лошадь получил. 8-е. В 1739 году в сражение калмыцких

войск под командою владельцов Дондук-Омбы и Галдан-Данжина с кубанскими татарами Миг-мар и Ябашка Бакта Гиреева сына Харам-Гирея убили, а в том сражении и меньшей их брат Гончук убит. Из древних времен предки наши имели пребывание свое при Волге и Яике под покровительством Великих государей и с того времени даже доныне, себя не щадя на службах государевых, служили и оказали таковые услуги. 9-е. Самими нами оказано на службах услуг: когда Арасланбек оказался неприятелем, под предводительством Балдана и Наяна всего пяти зайсангов со ста человеками захвачено от неприятеля четыре человека, которые и отданы были полковнику Кишенскову, и при том Арасланбеков табун, состоящей в двухстах пятидесяти лошадях, отбив, пригнали; при сражении ж Убашином с Арасланбеком на Калаузе состоящим в шести тысячах человеках, мы, Эркетены, прежде всех его в нестройность привели, а при сражении с кабардинским владельцом Месоусом и кубанскими мурзами в ущельях гор два наши храбрейшие человека убиты, сверх того братья Аксахала двумя ранами ранены, а Бааранг, прострелял навылет одного человека в панцыре тогда бывшего и несколько людей собою защитил, опасно был ранен, после чего как Кабардинский владелец Месоус, так и кубанские мурзы пришли в подданство великой государыни.

За выключением богатых и сильных оставших нас, усмотря в убожестве и нестройность, кроме себя ни во что почитая, отчего пришед мы в несогласие и принуждены мы были владельца Бюрю Хашху с десятью знатными и со ста подлыми людьми бывшими при них в услужении захватя, отойти к Дону, после того указом государыниным повелено было нам быть при Убаше, а ему Убаше нас в милости содержать и всякое вспоможение бедным показывать и по представлении нашем господину нашему Убаше и знатным его людям, изъясняя тот указ, что мы его подвластные пришли в бедность, тому уже назад четыре года минуло, а ныне, памятуя предков наших дела, и от ее величества к себе щедроты под милостивое ее покровительство пришли". В этом письме перепутаны некоторые даты и имена, а в основном зайсанги достаточно подробно изложили дела предков и свои обиды, прося защиты.

Данные о численности всех оставшихся калмыков были представлены в связи с запросом П. С. Палласа. Знаменитый путешественник побывал в калмыцких улусах в 1769 году, он сам и его сотрудники тогда собрали интересный этнографический материал, затем они ушли на восток, в Сибирь, потом вернулись уже в 1774 году. На этот раз Паллас запросил Калмыцкую экспедицию предоставить ему копии родословных таблиц "о разных калмыцких владельческих племенах", "ведомость о числе находящихся ныне между Доном и Волгою" калмыцких разных улусов и другие данные. На этот запрос ему ответили, что "оставшиеся на Волге калмыки находятся: у торгоутова рода полковника князя Дондукова с братом его бригадиром Ионою Дондуковым — 2592 кибитки, у Яндыка — 1216, Асархи — 789, у племянника его Маши — 821, у Арабжуровых родственников Торгоутовых же владельцов братьев его двух Санжилы и Балнигая — 14, у сына его Арабжурова — Нохоин Кобеня — 33; Хошоутова

роду Замьяна — 817, у Теки — 185, у племянника его — 25; Зенгорского роду у Тюменя — 294, у Джиргала — 50; Дербетева роду у главного Цебек-Убаши — 4422 и так всех ныне между Доном и Волгою калмыцких разных улусов находится 11258" кибиток. На вопрос, сколько калмыков пришло по падении Джунгарского ханства, был ответ: при одних зайсангах вышло восемьсот кибиток и с Шеаренгом вышло две тысячи кибиток; эти последние и ушли обратно, так что всех оставшихся калмыков было 11258 кибиток.

Некоторые нойоны, отправленные в С.-Петербург, перед отъездом оставили своеобразные документы об управлении улусом и дарственные письма. Они представляют собой ценный материал для исследования внутренней структуры и быта калмыков.

Так например, Яндык 28 ноября 1772 года писал коллежскому асессору Воронину, что улусы свои поручает губернатору Бекето¬ву, а от его имени поручает ему, Воронину, и объявил, что "по отбытии его улусных людей суды и расправы чинить имеют нижеписанные зайсанги, а именно: зайсанги Шиби, Шарап, Раши-Гецюль, Сенге, Убаша, Чюрюм, Агани, Иши, Лоузанг, Дойод, Цойджип-Солом — всего четырнадцать человек, которые де нетрудные дела имеют решить сами, а в трудных требовать его, асессора Воронина, совета и всякие поступки улусных людей наблюдать; всех домашних и домовой его экипаж препоручил наблюдать каанарам и служителям, над коими старшими имеют быть Габун-Шарап и Аракба, а надо всеми оными имеет быть Аксахал".

После смерти Яндыка улус был оставлен его жене Битюке. По вопросу управления улусом она написала письмо в Калмыцкую экспедицию о том, что "Керетев, называемых Барун, состоящих в 400-х кибитках, судные дела разбирать Аксахалу и Кирипу, Бага-Цатанов, Бага-Керетев, Багутов и Шабинеров, состоящих в 550 кибитках, судные дела разбирать Ботогону, Агане и Дойоду — трем человекам, и оным пяти человекам судные дела решить определила".

Яндык также позаботился о тесте и своей жене. На имя тестя он оставил такое распоряжение:

"Владельца Яндыка письмо и печать:
Дал сие, Хамугин Бакше, пред сим один его сын, поехав за моим делом, погиб; ныне дочь его, от которой он имел себе всякое призрение, по желанию моему взял я ее в жены; в рассуждении чего как подвластным моим, так российским людям и татарам, ему, Хамугин Бакше, никакого не чинить насилия и быть ему вольным и ни от кого не зависимым.

У письма печать красная, суриковая.

Писано осеннего среднего месяца 8 числа 1772 года". Это увольнительное письмо давало право дарханства.

Главный зайсанг этого улуса Аксахал в Калмыцкую экспедицию подал другое письмо от своего имени:

"Ведомства моего калмык Аракбу, Чюлчюме и Хокчина в четырех кибитках состоящих представил я владелице Бютюке с тем, чтоб они почитались ее дядьками, о чем впредь для ведома оной экспедиции во известие и представляю. Писано месяца мечина 9, т. е. июля 9 дня 1781 года". Такие документы говоря то бытовании обычая, когда зайсанги делали подарки людьми из своих подвластных хотя бы жене нойона.

Не успели утихнуть страсти на Нижней Волге после ухода калмыков и подсчета численности оставшихся и жизнь еще не вошла в спокойное русло, поднялась новая волна — восстание крестьян и казаков под предводительством Е. И. Пугачева. В этом восстании приняли участие в основном крещеные калмыки из Ставрополя. Здесь интересно то, что на стороне Пугачева находился Федор Дербетев, а одним отрядом правительственных войск командовал полковник князь Алексей Дондуков. Федор Дербетев был племянником Алексея Дондукова — сыном его сестры. Из калмыцких нойонов короткое время с Пугачевым находился дербетовский Ценден-Дорджи, но свое участие он объяснил тем, что не хотел, чтобы восставшие разорили его улус. В результате происшедших событий на Волге, Н. А. Бекетов был вызван в Петербург, но там его ожидало повышение — он стал сенатором. Оценивая его деятельность в должности астраханского губернатора, отметим, что его пребывание здесь ознаменовалось двумя исторически важными событиями: уходом калмыков в Китай и пугачевским восстанием. Деятельность Бекетова на посту губернатора была аналогична деятельности А. Волынского. Они были больше озабочены личным обогащением и карьерой. В Петербурге оба были в фаворе. На место Бекетова на короткое время губернатором губернии был прислан генерал-лейтенант П. Н. Кречетников. Затем его сменил П. С. Жуков.

В калмыцких улусах еще продолжали иметь место претензии нойонов к наследию предков. Они выдвигали новые требования для увеличения своих владений.

В феврале 1784 года к Жукову обратился полковник А. Дондуков. Он требовал себе в наследство улус умершего Яндыка. Вот как он это обосновывал: "Я о праве наследства к Яндыкову улусу представил достаточное показание, почему вашему превосходительству и доношу: бывшей над калмыцким народом Аюка-хан был мне родной прадед, которой имел у себя восемь сынов; первой Чакдоржап, Араптан, Санжин, Гюнжип, Гунделек, Черен-Дондук, Галдан-Данжин, Баранг; Черен-Дондук мой двоюродный дед по достоинству его был ханом; Гюнжип мой родной дед имел у себя два сына: первой Дондук-Омбо, Бокширга. Дондук-Омбо мой отец, также был ханом; Чакдоржап мой двоюродный дед, имел у себя двенадцать сынов: первой Бату, Дасанг, Баксадай-Доржи, Дондук-Даши, Данжин-Доржи, Нитыр, Ренцен-Джап, Бодонг, Солом-Дончин, Доржи-Раши,

Яндык, Бусурман-Тайджи; Дондук-Даши мой двоюродный дядя был ханом же, а ему, хану Дондук-Даше, Яндык был родной меньший брат, а мне двоюродный дядя, а как он, Яндык, не имеет после себя ближнее меня наследников, почему я и просил... о не лишении меня того наследства по праву принадлежащего мне Яндыкова улуса".

Эту же просьбу Дондуков повторил сменившему Жукова генерал-порутчику И. В. Якоби. При этом он говорил о своих заслугах: в 1771 году с калмыцким войском ходил на Кубань, "где обще с отряженною из корпуса генерал-порутчика де Медема командою, тамошний народ разбив, привел в крайнее разорение"; в 1773 —1774 годах был командирован с калмыцким войском и с драгунской ротой и с тысячною донских казаков командою главным над всем тем войском и бывшими при том калмыцкими владельцами командиром на луговую сторону против злодействующих киргис-кайсак, где равно подбегавшую к Волге воровскую их партию разбил, за что он и все участники получили награды; также и против Пугачева ходил походом. При этом, претендуя на Яндыков улус, писал, что "жена его Бютюка самоподлейшего состояния, никак не может названа владелицею, потому что умершим владельцом Яндыком в замужество взята из аймака зайсанга его Аксахала и остается после его бездетна, каковых по калмыцким правам и древним их обыкновениям, хотя б она и не такая подлая, какова есть Бютюка, а владельческой природы была, наследницами не утверждаются и к правлению улусов не допускаются, а отпускают их к родственникам, и отдают те улусы, кому по наследству принадлежат; как то я с братом моим на сей Яндыков улус по тем же самым калмыцким узаконениям и обрядам неоспоримое право имею, потому что мы ему, Яндыку, ближние по отце нашем родственники, а именно: внучатые племянники и ближнее нас никого ему в родстве из калмыцких владельцов здесь не имеется; следовательно и принадлежит оной к отдаче во владение нам с братом, а не ей холопке — Бюткже" и т. д.

Полковнику, князю Алексею Федоровичу Дондукову не удалось довести дело до завершения и завладеть Яндыковским улусом. Он умер 17 апреля 1784 года в 5-м часу по полуночи и похоронен в Енотаевске. Раньше него 30 ноября 1781 года умер и бригадир, князь Иона Дондуков, находившийся в С.-Петербурге. У него осталась малолетняя дочь — княжна Вера Дондукова (родилась в 1781 году). Из соображений, что княгиня и княжна Дондуковы живут в С.-Петербурге и калмыцкие обычаи и обряды им неизвестны, и если им поручить и отдать улус, может произойти в правлении улусом упущение, отягощение "или излишнее послабление", решили отдать улус в опекунское правление, а Вере Дондуковой было компенсировано 50 тысяч рублей.

Со смертью Ионы Федоровича мужская линия князей Дондуковых прервалась. Он был женат на Марии Васильевне Корсаковой — дочери полковника Василия Ивановича Корсакова, в 1781 году у них родилась дочь Вера. В 1802 году Вера Ионышна вышла замуж за отставного

гвардии полковника Никиту Ивановича Корсакова. По просьбе своей жены, Никита Иванович принял титул, герб и фамилию князей Дондуковых и потомственно стал именоваться князем Дондуковым-Корсаковым.

У Веры Ионышны и Никиты Ивановича в 1803 году родилась дочь Мария. В 1817 году она вышла замуж за полковника Михаила Александровича Корсакова. Этот брак оказался долгим и счастливым. У них родились двенадцать детей: шестеро сыновей и шестеро дочерей. В родословной таблице, которая дается в Приложении этой книги, приводятся их имена.

Сам Михаил Александрович родился в 1794 году и прошел все ступени военной карьеры — от прапорщика лейб-гвардии Преображенского полка до полковника. Именным высочайшим указом от 10 сентября 1820 года ему было дозволено принять герб, титул и фамилию князей Дондуковых и именоваться впредь, потомственно князем Дондуковым-Корсаковым. Тогда же он был уволен из армии и продолжил гражданскую карьеру: в 1826 году он камергер высочайшего Двора, в том же году он Гдовский уездный предводитель дворянства, в 1830 году — статский советник. Через три года он — попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, а через год — действительный статский советник, в 1835 году — вице президент Академии наук и в том же году — тайный советник. Он имел поместья в Порхонском, Гдовском и Опочецком уездах, дом в Санкт-Петербурге и дачу в Ораниенбауме.

Самую впечатляющую карьеру сделал его сын Александр Михайлович Дондуков-Корсаков. Он родился в 1820 году. После окончания Санкт-Петербургского университета, он поступил на военную службу: в 1841 году — корнет лейб-кирасирского наследника цесаревича полка, в 1843 — поручик, через два года командирован на Кавказ, переведен в гусарский герцога Лейхтенбергского полка с производством в штабс-ротмистры в 1846 году, через два года с чином лейб-гвардии переведен в гусарский полк, в 1850 — ротмистр, в том же году он уже полковник, через два года переведен в Нижегородский драгунский полк, а еще через год — он командир того же полка; в 1854 году в возрасте 34 лет, с университетским образованием, он генерал-майор; в том же году он назначен в распоряжение атамана Войска Донского, через два года — начальник штаба Войска Донского и через год он уже генерал-лейтенант; вышел в отставку в 1863 году. Но через пять лет он снова поступил на службу. В 1869 году он Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор в чине генерал-адъютанта. Он принимал участие в русско-турецкой войне 1877—1878 года, тогда же был назначен императорским российс¬ким Комиссаром в Болгарии, в 1879 году — член Государственного Совета, генерал-откавалерии; в следующем году — Харьковский генерал-губернатор. В 1882—1890 годах он — главноначальствующий гражданской частью на Кавказе. Он был женат на Надежде Андреевне Кологривовой — дочери генерал-откавалерии Андрея Семеновича Кологривова и Екатерины Александровны, урожденной

Челышевой — кавалерственной дамы ордена Св. Екатерины, которая в первом браке была замужем за графом Григорием Коновницыным. Александр Михайлович умер 15 апреля 1893 года. Князь Николай Михайлович (1821 — 1856) — гвардии поручик. Князь Алексей Михайлович (1822—1894) — член Смоленского окружного суда, камергер высочайшего Двора, действительный статский советник; женат был на Ольге Алексеевне Пещуровой — дочери сенатора, тайного советника Алексея Никитича Пещурова и Елизаветы Христофоровны, урожденной Комненко.

Князь Никита Михайлович (1826 — 1860) — корнет кавалергардского полка, впоследствии отставной гвардии полковник; женат на Антонине (Аделаиде) Николаевне Окуневой — дочери генерал-лейтенанта Николая Александровича Окунева.

Князь Владимир Михайлович (1840 — 1902) — действительный статский советник, камергер высочайшего Двора; петергофский уездный предводитель дворянства; женат на баронессе Марии Александровне Фредерике — дочери генерал-лейтенанта барона Александра Андреевича Фредерике и Дарий Алексеевны, урожденной Бартоломей.

Княжна Вера Михайловна (1824 — 1865) — замужем за опочецким уездным предводителем дворянства, полковником, графом Яковом Карловичем Сиверсом.

Княжна Мария Михайловна (1827 — 1909) — была известна своею филантропическою деятельностью; фрейлина высочайшего Двора.

Княжна Ольга Михайловна замужем за членом смоленского окружного суда Николаем Густавовичем фон-Регекампф.

Княжна Надежда Михайловна (1835 — 1908) замужем за опочецким уездным предводителем дворянства, статским советником Иллиодором Александровичем Яновичем.

Княжна София Михайловна замужем за тайным советником графом Петром Александровичем Гейденом.

Из других представителей рода можно отметить, что князь Николай Александрович был капитаном 2-го ранга, женат на графине Александре Карловне Ребиндер — дочери графа Карла Константиновича Ребиндера.

Княжна Надежда Владимировна — фрейлина высочайшего Двора, замужем за Львом Ивановичем Изъединовым. Высочайше утвержденным 12 января 1907 года положением Первого Департамента Государственного Совета ему дозволено присоединить к своей фамилии и гербу фамилию, герб и титул князей Дондуковых и именоваться впредь князем Дондуковым - Изъединовым; он был корнетом лейб-гвардии гусарского полка 1884 года; впоследствии отставной полковник; Курский

предводитель дворянства; в должности шталмейстера высочайшего Двора.

Княжна Надежда Михайловна (1877—1900), замужем за поручиком Сергеем Дмитриевичем Оболенским — Елизаветпольским вице-губернатором.

Этот список рода завершает Георгий Львович Дондуков-Изъединов.

Род князей Дондуковых занесен: в Российскую родословную книгу, в Историю родов русского дворянства, в Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской империи, в Списки титулованным родам и лицам Российской империи, в Титулованные роды Российской империи и Родословные сборники. О Дондуковых писали князь П. Долгоруков, историки Соловьев и Новолетов. В 1836 году в Тифлисе вышла монография "Род князей Дондуковых-Корсаковых". После выхода в свет работ этих авторов, история рода продолжалась. Последней обобщающей работой был труд историка С. Любимова — "Русские князья калмыцкого происхождения", вышедший в Ставрополе в 1915 году.

В 1785 году на имя М. М. Жукова пришло требование "О приведении в известность числа кибиток, владельцов, зайсангов и калмыков". Оказалось, что генерал-прокурор князь Александр Алексеевич Вяземский запросил сведения "о калмыцких кибитках, поскольку в каждой счисляется душ". По данным Астраханской губернской канцелярии калмыцких кибиток было 12252, но по Калмыцкой экспедиции от 28 сентября 1783 года было дано число в 13059 кибиток.

Согласно этого требования калмыцкие нойоны подали сведе¬ния каждый по своему улусу.

Икицохуровского улуса владелец Маши писал: "Во всем улусе моем верное счисление мною учинено, по которому оказалось: муж. пола — 1453, жен. пола — 1451, а всего 2904 души". Этого же улуса владелец Цаган-Кичик донес, что "муж. пола — 1702, жен. пола — 1659, а всего 3361 душа". У торгоутовского же нойона Нохоин-Кобеня "в 35 кибитках муж. пола — 60, жен. пола — 70, всего 130 душ".

Опекуны Багацохуровского улуса зайсанги Баяр и Павел Алексеев донесли: "муж. пола — 5006, жен. пола — 5071, сверх оного числа гелюнгов — 118, престарелых — 89". В другом варианте говорится: "способных к службе 2942 кибитки; муж. и жен. полу душ состоит 8912, в том числе 4430 душ мужеска, а женска — 4482 души, к службе неспособных 144 кибитки... гелюнгов — 118 человек, гецулей — 211, манджиков — 430 душ".

"Бывшего владельца Яндыка старых подвластных калмык муж. пола — 1351 душа, женска — 1373 души, новопожалованных муж. пола — 1079

душ, женска — 1133 души. Ботогоновых шабинеров муж. пола — 135 душ, женска — 149, а всего всех 5219 душ". Отдельно отметили, что "владелица наша Бютюка — одна, подвластных калмык 1230 кибиток, престарелых 202 кибитки". "Штатное число духовных: первое, Лама, 49 гелюнгов, 66 гецулей, манджиков 18. У Ботогона при Куре 7 гелюнгов, гецулей 15, манджиков 17, всего всех духовных 170 человек".

По Хошеутовскому улусу писали, что всего 892 кибитки — всего 3400 душ. И еще: "Я, владелец Тюмень с сыном Сербеджапом, при мне же имеются умершего владельца Джиргала дети Цебек и Убаши — два сына. Начальник духовного чина, называемый Лама — один, гелюнгов — 41, гецюлей — 75, манджиков — 25 человек".

Дербетов владелец Ценден-Дорджи доносил, что "о числе душ только полагаем быть всех 18061 душа". Кроме того, было еще добавлено: "Я, Дербетев владелец Ценден-Дорджи, дети мои: большой сын Бодогой, Делегер, Шарап-Джамба, Бакла-Ату, Цук-лату и Мукааджи, родственники же мои: владелец Юдюрго имеет подвластных 65 кибиток, владелец Чючей подвластных имеет 55 кибиток, владелец Убаша имеет подвластных 92 кибитки, владелец Нима имеет 15 кибиток, Хапчик — 9 кибиток и владелец Шамбай — 9 же кибиток".

Хошеутов владелец Цагалай: "Подвластных моих было 75 кибиток, из того числа вымерло 6, затем осталось 69 кибиток, в коих муж. пола детей состоит 47 душ, женска — 71". "Хошоутовых владельцов всего всех, а именно: Тюмень, Цагалай, Цебеки Цаган-Кюкен — четыре человека".

Почти все нойоны дали данные о количестве зайсангов по именам, которые управляли своими аймаками, а выбранные из них управляли улусами, являлись членами суда Зарго.

В эти десятилетия происходили движения в Дербетовском улусе, продолжались споры между нойонами — претендентами на управление улусом. Это было связано со смертью старших и многочисленностью наследников.

Умерший в С.-Петербурге Цебек-Убуши по своему завещанию передал правление улусом Ценден-Дорджи. Согласно воле ной¬она и по распоряжению астраханского губернатора М. М. Жукова, Ценден-Дорджи "во всем Дербетовом улусе был учрежден под присягою на прежних калмыцких правах владельцом". Ценден-Дорджи управлял улусом в течение десяти лет и умер в 1784 году, оставив пятерых малолетних сыновей на попечение своей жены Тарзы.

Генерал-аншеф Рязанский, Тамбовский и Кавказский, генерал-губернатор Гудович запросил сведения об оставшемся имении после Ценден-Дорджи. На запрос генерала рапортом сообщили: "1-е. Оставшая владельца Цендена жена — владелица Тарза 55 лет, дети его: Бабул — 23, Манаджи

— 14, в службе нигде не состоят, а находятся в доме своем при матери и управляют их собственным улусом. 2-е. У владельца Цендена кроме Дербетевых улусов, которые ему принадлежали, был собственный улус, который ныне состоит под управлением жены его, объявленной Тарзы, и детей его во 159 кибитках... 4-е. Дербетевы улусы состоят ныне в числе 4881 кибитке".
В 1799 году зайсанги и все общества Малого Дербетева улуса написали в Калмыцкое правление письмо, в котором объяснили многие происшедшие процессы:

"Дербетева владельца Далая-тайши мы потомственные подвластные, у Далая-тайши было два сына, из коих владел нами один — Солом-Церен-тайши... от потомства Тоин-тайши происходит владелец Чучей, владение улуса состояло по дистанции и наконец дошло до владельцов Галдан-Церена и сына его Цебек-Убаши, оные наши два владельца в разные годы померли; ... и оба духовные завещания представили, упоминая в них, что владельцы Тундат и меньший его брат Ценден-Дорджи им ближние родственники, и в имение их законные наследники". Согласно их завещанию "последовало высочайшее в прошлом 1783 году повеление на владение бывших владельцов Галдан-Церена и Цебек-Убаши подвластными калмыками, т. е. нами, Дербетами, ближнему их родственнику и законному наследнику — владельцу Ценден-Дорджи, почему он был настоящий наш владелец и весь Дербетев улус состоял у него, Ценден-Дорджи, в точном и законном владении; а потом по несчастной судьбе нашей и сей владелец, Ценден-Дорджи, помер", после которого улус был причислен в казенное ведомство. Находясь в этом ведомстве, "зайсангские дети учинили наподобие междоусобие", выйдя из повиновения, "взяли с собою не природного владельца Екрема и большую часть нашего Дербетева улуса, откочевали к Дону, а бывшие при прежних владельцах правителями улуса зайсанги Талтаю и Манджи, протчим младшим зайсангам сведущие и старикам и всем нам гене-рально опубликовали, чтоб находиться в высочайше назначенном месте и начальстве в повиновении, не нарушая права прежних владельцев и спокойного своего пребывания; с чем мы состоящие при Волге Малого Дербетева улуса калмыки, все генерально были согласны; избрали себя еще при жизни упомянутых зайсангов Талтая и Манджи с общего согласия бывших владельцов Галдан-Церена и Цебек-Убаши наследника — владельца Ценден-Дорджи сына Бабула правителем; и так общее в делах распоряжение и свое пребывание имели; при всем том и Бабул со стороны своей справедливое правление и должное о нас имел попечение, входил даже и в распределение кочевных зимних, летних, весенних и осенних мест; а мы, стараясь по крайней возможности, выполняли насылаемые повелении в точности". И чтобы этот "порядок не был нарушен" по "калмыцкому праву наследника и ближнего родственника владельца Чучея мы, весь Малый Дербетев улус, с общего согласия избираем себе владельцем и правителем, утвердя в сем предмете свое мнение, представляем на рассмотрение и всем обществом просим на утверждение его милостивое повеление.

Подписали: Дербетев владелец Чучей, Дербетевы зайсанги Халюн, Тюрю-Бату, Яргачи-Манжи, Талтанг, Насту, Моло-гелюнг, Иши, Манлан шабинеров Делек-гелюнг, Бокдо шабинеров правитель Нигмар, зайсанг Лузан Шарап, зайсанга Чеваши жена Тядек; по согласию всех и по просьбе зайсанг Джугн-гелюнг руку приложил".

Другое письмо зайсанги подали 7 июня 1800 года. В этом письме, изложив те же исторические сведения, они добавили, что "владелице Тарзе с пятью сыновьями от наследства Дербетева улуса отказано, а в 1788 году губернатор Алексеев, разделя наш Дербетев улус на четыре части, и определил в каждую часть по приставу", которые известили, что те калмыки, которые имеют достаток, "должны записаться будут в купцы, а из бедных будут брать в солдаты". Правителями Большого Дербетева улуса стали зайсанги Джамбарши-гелюнг, Джалчин. Они взяли Екрема и отправились в Черкасск. Далее зайсанги писали, что "под управлением оного владельца Екрема улус наш пришел в такое расстройство и непорядок, что только выходило единственное пьянство, картежная игра и воровство, чрез такое неустройство в скотоводстве понесли великое раззорение, отчего иные бедные народы, кои куды разбрелись и где находятся неизвестно, а в 1795 году помянутые наши управители померли, вместо оных вступили Джам-барши-гелюнга брат Багла, а Джалчинов сын Иши-Джамбо по согласию со владельцом Екремом переведены мы были всем улусом на луговую сторону, где также за слабым управлением владельца и правителей от кайсак были раззорены, и в плен захвачено несколько людей; где будучи объявили нам во всенародно: владелец и правители наши, что улус наш отошел под управление Войска Донского войскового атамана Василья Петровича Орлова, почему в 1798 году мы и откочевали на Дон, но как Орлов выступил в поход, после его в бытность атамана Дмитрия Ивановича Иловайского приехали к нам генералы Дмитрий Евдокимович Греков и Андрей Митрич и с ними полковники Иштаков, Тарасов и переводчик Асанов с войском с лишком ста два человека, разослав по разным местам людей, собрав весь наш Дербетев улус в одно место, называемое урочище Куберле, где расположены наши дома, сделали подушевную опись малым и старым, различая способных к службе от неспособных, уграживая при том, что и гелюнги будут сделаны простыми, но как не видав и не слыхав мы никогда такую несчастную жизнь, пришли мысли наши в великое расстройство, не зная куцы об оном отнестись и от кого получить милость вдруг господа генералы выдумав, обещивая всему нашему обществу, улусу спокойное житие, за что взято ими от нас есть ли описать все то, что ими собрано, то описать никак не можно, но вместо обещанного нам спокойного жития, улус наш разделили на четыре части и определили в каждую часть по приставу...". Поэтому "приняли смелость прикочевать своим улусом в покровительство и защиту здешнего начальства и под распоряжение калмыцкого правления.

Письмо подписали: Сойбинг-бакша, Ики-хурула Гунзун, Дунду-хурульский Иши-Джамба, Бага-хурульский Иши-Даржа-гелюнг; Ламаин-шабинеровых

Цембель, Джуджункин Арши-гелюнг, Сун-дун-гелюнг, зайсанг Габун-Джамба, Габун-Шарап, Басун, Шарап-гелюнг; Мигмар, Бюкю-Манджи, Самба, Будан-Нигмар, Даши-Кобен, Орос-Эмген, Андра, Зодбо-Шарап, Юлзюту, Иши-Шарап, Джамбарши-гелюнг, Зара, Адык, Доказам.
24 мая 1800 года".

29 июля 1800 года надворному советнику Калмыцкого правления Воронину сообщили, что "Большого Дербета первенствующий лама Сойбинг-бакша, прибывши сюда ко мне с некоторыми гелюнгами и зайсангами, подал мне письменное прошение от духовенства, зайсангов и всего общества, что прибывшие с ними на земли Астраханской губернии калмыки всего две тысячи кибиток, возвратиться назад на Дон никак не желают, а желают остаться в Астраханской губернии и причислены быть к Малому Дербету", на рапорт Воронина же ответил астраханский губернатор К. Ф. Кнорринг. Он напомнил, что по данному вопросу получено высочайшее повеление, в котором изображено, "что есть ли Большого Дербета калмыки самовольно в Астраханскую губернию ушедшие не согласятся возвратиться на прежнее свое кочевье, оставить их в Малом Дербете". Поэтому "на возвращении их назад не делать им ни малейшего принуждения и из числа калмык сих прислать ко мне несколько человек лутчих владельцов и зайсангов, как равно и из духовных для личных моих нужных с ними объяснений". При этом губернатор добавил, что атаману Войска Донского Орлову отправлен указ, в котором сказано: "что е.и.в. не намерен теперь принуждать Калмыцкой орды Большого Дербета соединить опять к Войску Донскому".

В связи с переходом большей части Большого Дербетовского улуса в Малодербетовскую часть численность последнего стала намного больше, но названия их остались прежними. Например, в 1809 году в Малодербетовском улусе насчитывалось 3302 кибитки, а в Большедербетовском — 609. Но эти данные соответствуют данным 1798 года, тогда при разделе Дербетовского улуса было 4881 кибитка. При этом заметим, что споры, тяжбы происходили больше не по вопросу улусных людей, а об особых кибитках. Так, например, у владелицы Тарзы, жены Цендена-Дорджи, — было 139 кибиток, Джала — 92, Чучея — 251, Нимы — 1, Екрема — 9, Санджи-Шарапа — 152. Это были их Кетчинеры-Абганеры.

О принадлежности Абганер-кетчинеров и их происхождении существует бесконечное множество документов. Для наглядности мы приведем только три из них, в связи с просьбой Бадмы.

В августе 1799 года у астраханского гражданского губернатора И. С. Захарова слушалось письмо Дербетовской владелицы Бадмы, которым она просила "о препоручении в ее ведение по праву наследства, принадлежащих ей из Торгоутова в Дербетев улус выданными в замужество владелицами Аабою и Оджою ее ближними родственницами, а при том и о непринадлежности сих кютючинеров Дербетям

свидетельствуется всеми владельцами, упоминая, что они в казенное ведомство причислены не были и в описи написаны особо за владелицею Тарзою служителями, уверяет, что действительно рода Торгоутова и во владение более следует потомкам Аюки-хана".

На следующий день поступило "Письмо Торгоутова рода от поступивших за владелицами в приданое кютючинеров, т. е. служителей Баянцака, Арши, Найты, Эджиля, Балзура и Чизая с товарищи 60 кибиток", которые сообщили, что "они Торгоутова рода, поступившие в Дербетев улус за владелицами в приданое и в описи написаны Кютючинерами особо, за владелицею Тарзою, а по смерти ее ныне принадлежат владельца Чучея матери Бадме, у коей и желание имеют быть в ведении с тем, ест ли у нее оставить не можно, просят отдать их настоящему наследнику Аюки-хана правнуку Торгоутову владельцу Му-Кукеню во владение".

В следующем году Бадма повторила свою просьбу астраханскому губернатору К. Ф. Кноррингу, оно содержит большую историческую и этнографическую информацию, поэтому мы приводим его полностью:

"Дербетев владелец Галдан-Церен, а сын его Цебек-Убаши, сих двух наследница и ближняя родственница — владелица Бадма Тундатова, претендующая о своих Кютючинерова рода подвластных калмыках и изъясняющая нижеследующее:

Аюки-хана от большого сына Чакдоржапа родившиеся дети Дасанг, хан Дондук-Даши и Бодонг: от сих трех — три дочери Ааба, Ооджа и я, Бадма; мы все три родные сестры при выходе в Дербеты вывели с собою по 20 кибиток подвластных калмык, наконец две большие сестры мои померли; после которых по высочайшей милости весь Дербетев улус свекра моего Тундата меньшему брату покойному владельцу Ценден-Дорже был пожалован. А по смерти его владела сим улусом жена его, владелица Тарза, когда же Дербетев улус поступил в казенное ведомство, то сии калмыки во оное включены не были. Когда же Дербетев улус по высочайшему повелению причислен к Войску Донскому, то сии подвластные мои калмыки прикочевали ко мне яко к оставшей в живе после законной наследнице, то вслед из Донского правительства приехали для обращения их. Я о справедливости моей и о сем Астраханскому калмыцкому правлению прежде сего письменно изъясняла. Теперь последнее нахожу средство просить ваше высокопревосходительство о пожаловании мне сих калмык яко законной наследнице по потомству принадлежащих всегда милостей ваших снискательница, владелица Бадма. Писано месяца Могой 13, 1800 года".

Кетчинеры были служителями при нойонах, как они попадали в наследство, объясняет документ. Например, у Нимы выше мы отметили одну кибитку. По истории этой семьи существует специальный акт. Так мать Цой-Арши Гахаева — Улюмджи в завещании писала: "На случай паче чаяния моего прекратить жизнь мою невзванный час смерти, даю сие

завещание рожденному от сына моего сыну Ниме в том, чтоб по смерти моей, есть ли останется какая скотина, разделить со внучкою моей Бадином и взять в наследство свое одну семью людей дворовых из части помянутой Бадина и дабы не могло подавать каковаго от кого-либо в сии препятствия, заверяю в том моею печатью.

Писано месяца Лу, т. е. января 10 дня 1809 года".

На исходе XVIII века волнения в Дербетовском улусе не прекращались. С одной стороны, они были связаны с передвижениями улуса с Волги на Дон и обратно. А с другой стороны — шли споры между нойонами за наследство. В-третьих, произошло выступление зайсангов против передачи их аймаков от одного владельца к другому, которое вылилось в настоящий бунт. В письме своем от 21 апреля 1798 года Чучей сообщил, что 12 апреля "зайсанг Церен-Иши с сыном, Чивангов сын Джамбалин, Боргоков сын Шакал-Джап, приехав ко мне во многолюдий, яко неприятели, причинили подвластным разные обиды, о коих именно изъясняю: 13 человек весьма тяжело обранили, отчего и будут ли они живы — не уповательно, 9 кибиток совсем раззорили, две жемчужные серьги отняли, многих людей ограбя, оставили нагих, 24 лошади с седлами увели с собою, каковаго их наглого нападения опасаясь, и я удалился кошевою кибиткою в особое место". При этом нойон добавил, что его люди такой поступок не могли стерпеть, "собра¬лись в малолюди и захватили четыре их зайсангов".

В другом письме от 28 апреля Чучей добавил: "26 апреля зайсанга Боргока аймашные Эренцен-гелюнг Боргоков и аймаку зайсанга Чиданга калмыченин Джамба Артемиев с товарищи — всего 500 человек подвластным моим калмыкам, причиня крайнюю обиду, приехали ко мне с тем намерением, чтоб содержащихся у меня четырех зайсангов отнять, каковой их поступок и определенные в Дербетевом улусе два пристава видели; от чего и я опасаясь, дабы не лишиться жизни, тех зайсангов от себя отпустил". Эти представления Чучея подтвердил капитан Серро, находившийся от Калмыцкого правления.

При этом Серро уточнил, что зайсанг Церен-Иши Большого Дербета вместе с другими в количестве 500 человек "учинили бунт", отчего он сам вынужден был искать убежище в Дунду-хуруле, где была и владелица Тарза. А Чучей ищет своих 200 кибиток, о которых должен просьбу употребить самому государю".

На представления Чучея из Калмыцкого правления ответили, что требуемые зайсангом Церен-Ишею 24 кибитки должны были отдать, но вы "удерживаете у себя, а из сего и замечается происшествие в письмах ваших к вашей обиде означаемое не от чего иного произошло, как единственно по не отдаче вами Церен-Ише кибиток, чего вам нимало делать не следовало, а должно было выполнить повеление от сего правления к вам посланное, и оному причиною не иной кто как вы сами...

чтоб вы с получения сего немедленно подлежащих Церен-Ише калмык 24 кибитки, немало не удерживая у себя, отдали Церен-Ише".

Вслед за этими письмами от 10 июня пришел рапорт от пристава Бочкарева. Он писал, что секретным образом разузнал обо всех тех происшествиях. И зайсанга Боргока сын Араптан-гелюнг объявил ему, что родственники его зайсанга Церен-Иши с сыном Шабинар и Джамболик с товарищи в 60 человеках отправились в Малый Дербетев улус к капитану Серро для получения от Чучея аймачных калмык зайсанга Церен-Иши в 27 кибитках. По приезде Серро не застал Чучея дома. Тогда Серро со старшим сыном Чучея куда-то уехал. А младший сын привел до 200 человек, "дав им довольно вина", приказал бить, которые, напав на людей Церен-Иши, "будучи пьяные, бив их смертельно, при чем якобы сделали смертное убивство четырем человекам и, захватя из них 52 человек с лошадьми и с седлами"... Из тех людей "явились ко мне из бывших при Церен-Иши калмык 35 человек пешие, а из них некоторые без всякого платья, даже на других не было и рубашки", ... "большая половина имеющие от побои Чучеевыми калмыками на теле немалые знаки, и что у них у всех отняты по приказанию Чучея лошади с седлами" и когда они "пешие пришли в улус Дунду-хурула, то сделалось от огорчения, видя пеших и без платья, в улусе замешательство и собрались было до 200 человек калмык для отмщения за наглость Чучею", которые, по совету его, Бочкарева, были удержаны. На другой день, по приезде к Чучею, Бочкарев услышал от него, "что была великая между Церен-Ишеевым и его калмыками драка, и что он содержит у себя четырех зайсангов". По приглашении Чучея в Дунду-хурул, где находились Тарза и знатные духовные лица, удалось уговорить нойона отпус¬тить тех зайсангов, которые были также избиты.

Рапорт Бочкарева подтвердил другой пристав Андреев. Из рапорта Андреева стало известно, что те 24 кибитки калмыков, из-за которых происходили споры, в свое время были отданы братом Чучея владельцем Одюргою Санджи-Шарапу, который умер в декабре 1797 года.

Заметим, что именно в эти годы происходили тяжбы и разбирательства между Дербетовскими и Эркетеневскими калмыками. При исследовании оказалось, что Эркетены отогнали большое количество скота у Дербетовских калмыков, в 1797 году состоялся суд, на котором "по просьбам просителей Дербетевых калмык сколько у кого разного скота отогнать, значится, а именно: по 1-ой просьбе у Икихурульских шабинеров: лошадей 6560, верблюдов — 411, коров — 15; по 2-й — у Туктунова зайсанга Кааджи с аймаш-ными: лошадей — 1684, верблюдов — 512 и 200 баранов; по 3-й — Екеджинова у хуруловых шабинеров: лошадей — 295, верблюдов — 67; по 4-ой — у калмыченина Гелдерши с родственниками: лошадей — 2449, верблюдов — 75; по 5-ой — Ламаин шабинерова зайсанга у калмыченина Шерашки с товарищи: лошадей — 2984, верблюдов — 511; по 6-ой — Бокдоева хурула у шабинеров: лошадей — 211, верблюдов — 56, коров — 12, баранов — 20; по 7-ой — зайсанга

Андарая у сына Аракбы: верблюдов — 264; по 8-ой — аймаку зайсанга Халюна у калмык Землячи-гелюнга с родственниками: лошадей — 2150, верблюдов — 172; по 9-ой — аймаку зайсанга Габун-Джамбы у калмыченина Хары Толахая: лошадей — 205, верблюдов — 15, а всего по девяти просьбам: лошадей — 16538, верблюдов — 296, затем осталось ко взысканию: лошадей — 11262, верблюдов — 1787, да протчего скота: коров — 42, баранов и овец— 235, да денег 1080 руб.; да у зайсанга Кааджи два серебряные бурхана, по показанию его, стоющие 975 руб.; в объявленном же ламов положении показано всего в отгоне у Дербетевых калмык скота более 20000 лошадей и 5000 верблюдов, но с чего такое превосходящее количество означено по делу не видно и ламы в том спрашиваны не были".

На упоминавшихся здесь лам — Дербетовского Сойбинг-бакшу и Багацохуровского Орчи-ламу было возложено справедливое разрешение этого сложного тяжебного и судебного дела.

Сойбинг-бакша и Орчи-лама, по древнему обычаю, договорились разобрать дело присягою. Они "иск положили на присягу владельцу Му-Кукеню только с тем, чтоб прежде Дербетев владелец Чучей уверил присягою, что Дербетевых калмык иск справедлив, и потом присягу учинить и владельцу Му-Кукеню". Съезд для "присяги назначен в Копановской станице, а день в которой должен быть присяга Урюс 15 число (по российски апреля 5 число), отдавать скот трехлетними кобылками и жеребенками, а деньгами за каждую скотину по 6; верблюдов также трехлетними верблюдами с верблюдицами, а деньгами по 30 рублей каждого". Разбор дела тянулся долго, то одни не придут на присягу, то другие, а между тем всплывали все новые подробности.

В присутствии Калмыцкого правления, куда были приглашены со стороны ответчиков: зайсанг Джиргал Ончиков — правитель улуса, Зурачи-гелюнг, Шарап-гелюнг, Гунзут-гелюнг, Осор-гелюнг, Шарап-гецуль, Тапки-гецуль, Алдарин Чюрюм с товарищи, объявили, "что они в прекращении ссоры по объявлению им резолюции минувшего октября в 5 день учиненной о известной претензии, поговоря между собою полюбовно учинили примирение, таким образом, чтоб Дербетевым калмыкам от Эркетеневых за получением уже ими в прошлом 1796 году 5276 лошадей и 296 верблюдов, из достального иска 11262 лошадей, 1787 верблюдов, 42 коров, 235 баранов, да из имения значащагося... 12381 руб. 35 коп. получить только третью часть, а именно: лошадей — 3784, верблюдов — 595, коров — 14, баранов — 78 и денег за имение 4127 руб. 11 коп....".

Все эти события приводили улус в расстройство, поэтому после смерти Бабула зайсанги Малодербетовского улуса и обратились с просьбой об утверждении Чучея владельцем улуса. В августе 1800 года он был утвержден правителем улуса.

К этому времени, точнее в 1799 году, умер владелец Больше-дербетовского улуса Екрем Хапчуков. И улус тоже вернулся в пределы Астраханской губернии. Донской атаман Орлов доложил об этом Павлу I. Император сделал атаману выговор: "Как вверенное вам войско лишилось оных калмыков глупостью и корыстолюбием своим, то и не намерен я теперь принуждать их соединиться опять к Войску Донскому". В следующем послании Павла I Орлову была уже угроза: "Не вмешиваться никак в дела калмыцких орд, поелику хочу я, чтобы оные зависели от меня непосредственно, под опасением для вас, в противном случае лишения чинов и всего моего гнева". Владельцем Большедербетовского улуса был утвержден младший брат Екрема — Габун-Шарап.

По всем поступавшим сообщениям и прошениям самого Чучея, он был вызван в Петербург. Чучей поехал в столицу вместе с Сойбинг-бакшой. Как писал М. Новолетов, "Чучей, вместо наказания, которого нужно было ожидать за произведенные беспорядки, назначен наместником в калмыцком народе" с пожалованием знаков: знамени, сабли, панцыря и шапки. Это произошло 14 октября 1800 года. Вместе с тем пожалованы были "калмыцкому народу во владение все те земли от Царицына по рекам: Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и взморью простирающиеся и другие места, по коим предки их кочевья имели". Сойбинг-бакша был утвержден первенствующим ламою калмыцкого народа, он получил шубу и посох. При Чучее был восстановлен калмыцкий суд Зарго из восьми членов, а не из трех, как полагалось по рескрипту Екатерины II.

Права и преимущества, дарованные Чучею и калмыцкому народу, были подтверждены грамотою императора Александра I от 26 октября 1801 года. Но наместник калмыцкого народа был поставлен в зависимость от астраханского губернатора, а не непосредственно от императора, и был назначен главный пристав калмыцкого народа. Первым приставом стал Макаров, но в 1802 году он был заменен Н. И. Страховым, согласно избранию самого Чучея.

Как писал профессор Н. Н. Пальмов, 13 июля 1802 года на речке Зельме состоялось торжественное объявление калмыцкому народу грамоты Александра I от 26 октября 1801 года. Главный пристав калмыцкого народа Н. И. Страхов обратился к наместнику Чучею, владельцам, зайсангам, духовенству и народу с особой речью, пояснявшей права наместника и обязанности его подвластных, а также круг деятельности суда Зарго и роль главного пристава калмыцкого народа как посредника между калмыцким народом и русским правительством. Н. Н. Пальмов же заключил, что "поставленный в ограниченные рамки деятельности Чучей не мог ознаменовать своего правления чем-либо выдающимся, тем более, что правление Чучея было кратковременным и все, можно сказать, ушло на упорядочение дел по Дербетовскому улусу, сколько это позволяла возможность".

Чучей Тундутов умер 23 мая 1803 года. Перед смертью он оставил такое завещание:

"1803 года мая 13 дня калмыцких народов наместник Чучей-тайши Тундутов, предчувствуя наступающую от болезни окончание жизни моей, оставляю сие завещательное письмо в здравом разуме и твердой памяти. Достоинство и звание мое наместника калмыцких народов со всеми пожалованными на оное высочайшими двумя грамотами и прочими признаками и одеждами сего достоинства, а именно: знаменем, медалью, собольею шубою и шапкою, панцырем, саблею и каретою, оставляю большому сыну моему Эрдени-тайши Тундутову, Малой и Большой Дербет оставляю в наследие детям моим на основании наших калмыцких прав и законов, завещаю служить государю императору, не щадя живота и крови, к подвластным быть милосердным как отцам к детям; между собою жить соединенными неразрывною дружбою, и всем последовать, поверя добродетели, во утверждении сей духовной моей прилагаю обыкновенную печать свою.

К сему завещательному письму калмыцких народов главный лама Сойбинг-бакша во свидетельство печать прилагаю.

При сем духовном завещании свидетелем был главный пристав калмыцких народов коллежский советник Страхов". Чучей был похоронен в урочище Амта-Зельме и там была поставлена по калмыцкому обычаю цаца.

Хотя в завещании своем Чучей говорит, что Большой и Малый Дербет оставляет своим детям, но Большие Дербеты имели своего владельца Габун-Шарапа, который в это время и подавал жалобы инспектору Кавказской кавалерии генералу Шепелеву и главноначальствующему в Астраханском крае князю П. Д. Цицианову. Эти тяжбы будут продолжаться десятилетиями, мы к ним еще вернемся.

Между тем шли споры между Багацохуровским и Эркетеневским улусами. Хотя после смерти Алексея Дондукова улус был передан в казенное ведомство, но Эркетеневский улус считался второй частью Багацохуровского улуса. Назначенные правителями улуса зайсанги Баяр и Павел Алексеев умерли, на их место были выбраны "зайсанг порутчик Ользето и Кошты с товарищи".

В объединенном улусе в 1800 году было 3086 кибиток, из них в Багацохуровском — 1683, а в Эркетеневском — 1403 кибитки. Эркетеневская часть находилась под управлением зайсанга Ончика. Он умер в 1799 году. После его смерти происходили процессы то объединения, то откочевки отдельных зайсангов. В связи с чем и возникали споры и тяжбы о принадлежности аймаков и правах на них зайсангов.

В августе 1799 года коллежский советник И. А. Рожнов слушал письмо зайсангов: порутчика Наран-Убаши, Му-Кукеня, Зунду-гелюнга, Шара-Бакши, Замбы-гелюнга, Дамбар-гелюнга "и всего общества 1403 кибиток", которые писали, "что управляющий ими природный их зайсанг Ончик помер, о том они с прискорбием сожалеют, для того, что по высочайшей милости монаршей, равно и по старанию его, Ончика, жили они спокойно, в скоте было у них плодородие великое и все происходило добропорядочно, при чем также и дети Ончиковы Мука и Джиргал имели о пользе их должные попечении, просят всем обществом препоручить себя в их управление, на том же основании, как Ончик имел в своем ведении". Обращения от общества Эркетеневского улуса подписали: Бу-лучинова рода Зунду-гелюнг, Шара-Бакши и Габунг; Цатанова рода Замбу-гелюнг, Ончик-гецуль, Галдан, Номогон-Лоузанг; Мер-кетова рода Дамбар-гелюнг, Табки-гецуль, Маргаша; Ики-Хабучи-нова рода Самтан-гелюнг, Чюрюм, Цаган-Теке; Бага-Хабучинова рода Осор-гелюнг, Цебек, Сонгончи; Эрекчутова рода Хара, Бал-дан-гелюнг; Хо-Меркетова рода Ходжи-гелюнг, Хоче, Джуру; Бак-шин-шабинерова рода Зодбо-гелюнг и Басанг; "а за неумением их грамоте, по их просьбе Дудан-гелюнг писал", подписали: Ламаин-шабинерова рода Зодба-гелюнг и Гюнцюк, Шарап-гелюнг и Очир, Моголцок и Енкецек, Тубиевы дети Тебки-гелюнг и Ганчик, Шарап-гелюнг; Багутова рода Добдон-гелюнг, Мюнгюн, Иши-гелюнг и Манхадак; Егусова рода Цембель-гелюнг и Габунг-Иши; зайсанг Му-Кукен" и др.

К характеристике сыновей Ончика они добавили, что "Джиргал человек трезвый, поведения хорошего и всегда при отце своем и в отлучке его управлял сим улусом без всякого народу отягощения".

Из Калмыцкой экспедиции последовал приказ: "Господам, почтенным рода владельческого зайсангам, Муке и Джиргалу в наставление и к должному исполнению письмом объявить, что они определены по желанию Эркетенова общества правителями потому самому, что предки их должную к природным своим монархам Всероссийским верность при всяких случаях и обстоятельствах наблюдали, так равным образом и отец их Ончик, несмотря на бывшей пред несколькими годами разврат в калмыцком народе и происшедшую от того измену, не допустил себе овладеть толь бесчестному и вредному искушению, а старался поступать как из аттестатов от главных начальников ему данных видно, со всяким рачением и мужеством по долгу подданства и присяги в троекратных в минувшую войну походах против горских народов, за каковую ревность и жалован чинами: в 1788 году — прапорщиком, в 1794 — капитаном и при взятье Персидского города Дербента высочайше жалована ему золотая медаль на Георгиевской ленте, и был еще сверх того по сим похвальным качествам действительно достойным высочайшей е.и.в. милости, каковая со отличностию и была б ему оказана, но приключившаяся рановременная смерть до того не допустила; то примеру сему оставшие по нем дети Мука и Джиргал должны непременно заслужить такового награждения, пребывая навсегда в непоколебивом и благополучном российском подданстве служить, что ... в случающихся обоюдных делах соблюдать

должное правосудие, не опасаясь семьянистых и не выделяя одиноких, не потворствовать богатым, правого не обвинять, воров, лжецов, пьяниц, распутных и сверх состояния своего роскошных унимать и от пороков воздерживать, стараясь всех в рассеянии кочующих собрать в своей ставке, научать их трудолюбию и спокойному житью, изыскивать средства к размножению их имения и скотоводства, входить даже в распоряжение кочевых мест и содержать их так, как они всегда находились под руководством и управлением их отца в должной верности и повиновении верховной и законной власти...". Такое наставление было дано при определении Муки и Джиргала правителями Эркетеневского улуса.

Мука и Джиргал, утвержденные правителями улуса, действительно хотели собрать аймаки под свое управление. Оказалось, что зайсанги Му-Кукен, Мацак откочевали в Хошеутовский улус, а некоторые, в числе 440 кибиток были отданы в Дербетовский улус в 1771 году за потерю собственных. Из аймаков Му-Кукена и Мацака некоторые оставались вместе с улусом, другие уходили из Дербетовского улуса обратно в Эркетеневский. Споры и тяжбы происходили между владельцами этих улусов и Эркетеневскими зайсангами. В разрешение дел были вовлечены Н. Страхов и его сотрудники. Споры продолжались много лет. После смерти Чучея Страхов был обвинен во взятках и снят с должности. Он продолжал судиться до 1810 года. За это время умерли Мука и Джиргал, находясь под следствием в Астрахани в 1806 году. По решению Правительственного Сената Страхов был оставлен в подозрении с выговором, что он продолжает беспокоить по личным делам высокие государственные учреждения.

Жена зайсанга капитана Essential Ончика Улюмжди подала калмыцкому приставу полковнику Ахвердову письмо. Она писала: "Двое мои сыновья по делу аймашных своих калмык имея хождение, разбираясь в присутственных местах, но по каковому случаю, по болезни ль, или непривычки их прожития в городе, померли, мне о том неизвестно, из которых детей моих большей сын Мука имел себе от роду 30 лет, а другой Джиргал — 28 лет, после которых детей моих ныне осталась я только с одною внучкою". У Ончика остались братья Галдан, Цембель, Мирза.

Правителями Эркетеневского улуса были определены зайсанги Убаши, Мацак и Мирза.

Такие же процессы имели место в Икицохуровском и Яндыков-ском улусах.

Когда в 1793 году умерла владелица Яндыковского улуса Битю-ка, улус этот остался на попечении зайсангов. Здесь споры и претензии происходили не между Яндыковским улусом и Икицохуровским улусом, а между владельцами Икицохуровского улуса на владение Яндыковским улусом.

Все поступавшие по делу "О калмыцком Яндыковском улусе" документы были собраны и записаны в журнале Государственного Совета в департаменте Гражданских и духовных дел и рассмотрены 12 июля 1816 года.

Государственный Совет рассматривал дело "О калмыцком Ян-дыковском улусе, состоящем во владении Санжи-Убаши", на который претендовали владельцы Джиргал с братьями и Эрдени. "По смерти владельца Торгоутовского улуса Яндыка, жена его Бютюка, владевшая сим улусом 20 лет, по неимению детей, усыновила младшего сына владельца Маши, двоюродного внука Яндыкова — Санжи-Убашу. По смерти Бютюки, согласно ее Завещанию, подвластные Яндыкова улуса калмыки в 1793 году избрали над собою владельцем оного Санжи-Убашу, на что согласны были и его родственники Икицохуровские владельцы Цебек-Убаши и Мукукен и Хошоутовский владелец Тюмень и их Ламы и зайсанги". Об этом было доложено в Коллегию представителями от улуса и приставом Страховым. Указ об утверждении Санжи-Убаши владельцем Яндыковского улуса пришел 19 сентября 1803 года.

Вслед за этим "вдова Цебек-Убаши прислала прошение", в котором объясняла, "что по смерти ее мужа, она с детьми, по родству с Яндыком равное имеет на улус его право, как и Санжи-Убаши", и просила выделить ей часть из Яндыкова улуса.

Коллегия, получив подробное объяснение по вопросу, препроводила к князю Цицианову, но ответа не было получено.

В 1810 году присланные от Икицохуровского и Яндыковского улусов депутаты, зайсанги Джалцан-гелюнг и Габун-Джамба просили, во-первых, об утверждении Санжи-Убаши владельцем Икицохуровского улуса, по смерти родного брата его Му-Кукеня, по наследству ему принадлежащего, а во-вторых, о пожаловании ему, Санжи-Убаше, на потомственное владение Яндыковым улусом высочайшей грамоты.

Владельцы Эрдени Цаган-Кичиков и Джиргал Цебек-Убашиев с братьями Очиром и Сетер в то же время писали в Коллегию иностранных дел, в котором изъясняя, что они имеют равные с Санжи-Убашием права на Яндыков улус, просили выделить принадлежащие им по праву наследства части улуса.

По всем этим вопросам собрать нужные сведения было предложено приставу Халчинскому. Члены суда Зарго ответили ему, что имение "по древним их узаконениям поступает детям; ежели же оных нет, то к ближним родственникам, а буде и тех нет, то имение должно поступить в раздел к дальнейшим родственникам".

Государственная Коллегия иностранных дел препоручила генерал-лейтенанту Ртищеву войти в подробное рассмотрение дела. Созданная им

особая комиссия сделала следующее заключение: "1-е. Джиргал, Очир и Сетер — дети Цебек-Убаши и двоюродный брат их Эрдени Цаган-Кичиков, по законам калмыцким имеют равное право участвовать в Яндыковском улусе, ибо поколенная роспись показывает, что они по мужской линии доводятся троюродными братьями Санжи-Убаше, а умершему владельцу Яндыку в 3-м колене правнуки; каковую поколенную роспись подписали все спорящие владельцы. Десятилетняя давность по калмыцким правам и обыкновениям на иски по делам наследственным не распространяется.

2-е. Яндыков улус не должно почитать выморочным имением, а потому:

3-е. Оной улус по калмыцким правам и обыкновениям следует разделить между Санжи-Убаши, Эрдени и Джиргалом.

4-е. Во владении Санжи-Убаши желают остаться 15 зайсангов, в управлении коих находится старинных 863 кибитки; недовольных же им и откочевавших зайсангов — 7, в управлении коих находится 129 кибиток и сверх того еще два гелюнга, имеющих в управлении 35 кибиток.

5-е. Санжи-Убаши поведением своим не подавал никакого поводу к жалобам, но причиною разномыслия в улусе, суть происки зайсанга Кюкюнтея, который, имея неудовольствие к Санже-Убаше, желает один управлять улусом, и вражда между Санжи-Убаши и главным приставом Халчинским.

6-е. Тяжущиеся владельцы, не нашедшие способов к полюбовному между собою примирению, дали следственной комиссии в виде медиаторского суда записи, по которым она заключила: как с одной стороны Торгоутовские владельцы Санжи-Убаши, Эрдени и Джиргал с братьями, по калмыцким обычаям имеют равное право наследовать улусом прадеда их Яндыка, то и следовало бы разделить его на три равные части, но с другой стороны, Калмыцкий суд Зарго не показал примеров разделения какого-нибудь улуса в подобных случаях, при том же весь сей улус удаляется от раздробления, и большая часть зайсангов, в особенности старожилых и зажиточных, желает остаться в единственном владении Санжи-Убаши; почему комиссия, чтобы сохранить пользу улуса и доставить претендателям удовлетворение, положила: весь Яндыков улус оставить в единственном владении Санжи-Убаши на основании высочайшего указа 19 октября 1803 года с тем, чтобы он прочих претендателей, т. е. Эрдени и Джиргала с братьями, за следующие им из Яндыкова улуса две части удовлетворил деньгами, и именно заплатил бы по 50 тысяч рублей каждой стороне единовременно. Санжи-Убаши, выслушав сие решение комиссии, объявил, что он назначенную сумму 100 тысяч рублей в удовлетворение за две части Яндыкова улуса для успокоения самого правительства, заплатить постарается".

Выслушав решение комиссии Ртищева, "Государственный Совет в департаменте Гражданских и духовных дел, по соображении всех

вышеизъясненных обстоятельств, полагает: 1-е. Санжи-Уба-шу признать единственным всего Яндыкова улуса владельцем, на основании высочайшего указа 19 октября 1803 года без всякого претендателей Эрдени и Джиргала вознаграждения, яко не имеющих на оный улус никакого права; ибо Санжи-Убаши утвержден владельцем не столько по праву наследства, сколько по усыновлению прежней владелицы Битюки и по единодушному избранию всего Яндыкова улуса, на каковое избрание согласен был и отец Джиргала Цебек-Убаши, а отец Эрдени — Цаган-Кичик никогда владения Санжи-Убаши не оспаривал".

Таким образом, Санжи-Убаши был окончательно утвержден владельцем Яндыкова улуса. Объединенный улус стал называться Яндыковско-Икицохуровским. После смерти Санжи-Убаши, его сын Церен-Убаши, по праву наследства, стал также владельцем объединенного улуса.

Об участии калмыков в Отечественной войне 1812 года

В связи с военными действиями в Европе, 30 ноября 1806 года Александр I выпустил манифест о созыве народного ополчения.

Главный пристав А. И. Ахвердов обратился к калмыцким владельцам и духовенству, чтобы собрались они в улусе Му-Кукена на почтовой станции Шуралинской Кизлярского почтового тракта.

Уже в марте Ахвердов докладывал графу Гудовичу, что отправил три отряда в 3300 человек. Калмыки выступили в поход под командою: 1-й отряд Сербеджапа Тюменя в 1250 человек, 2-й отряд — Торгоутовского владельца Санжи-Убаши в 1150 человек.

Как писал Г. Прозрителев "К Подпольной пристани ополчение прибыло в следующем составе: 1 -й отряд в числе 1250 человек под командой Сербеджапа Тюменя... Отряд сопровождал пристав Амельченков. В отряде было 2500 лошадей и 125 верблюдов". В этот отряд входили 750 человек Багацохуровского улуса. Второй отряд был под командой Санжи-Убаши в числе 900 человек. Племянник Санжи-Убаши — Эрдени Цаган-Кичиков командовал отрядом в 1150 человек, а Габун-Шарап Хапчуков — в 230 человек. Владельцы улусов были на правах пятисотенных начальников, а зайсанги состояли в должностях есаулов, сотников и хорунжих. Каждый отряд и сотни имели свои значки и знамена.

Заметим, что отряд Багацохуровского улуса находился в составе войска под командой Тюменя, а отряд в 400 человек из Эркетеневского улуса, под командой зайсангов Мирзы и Мацака, находился в войске Эрдени Цаган-Кичикова.

В виду обострения международной обстановки 7 апреля 1811 года последовал указ о формировании двух калмыцких пятисотенных полков.

Формирование этих полков было возложено на Сербеджапа Тюменя и Эрдени-тайши Тундутова, как на особо отличившихся в предыдущей кампании, под общим надзором пристава подполковника Халчинского. Из последующих материалов известно, что в составе 2-го калмыцкого полка под командованием С. Тюменя, были калмыки из других улусов, так же как в 1-м полку под командованием Джамбо-тайши Тундутова были калмыки и зайсанги из Большедербетовского улуса.

Боевой путь двух калмыцких полков, героизм их командиров, зайсангов и рядовых калмыков в Отечественной войне 1812 года достаточно хорошо исследован во многих трудах историков, поэтому мы здесь не останавливаемся на описании похода. Когда в 1912 году отмечали столетний юбилей победы в этой войне, выявились многие имена и потомки участников войны, которые были отмечены причислением их к российскому дворянству.

Интересен тот факт, что, например, в кампанию 1807 года калмыки снарядили более пяти тысяч человек, а через пять лет просили снарядить два полка всего в тысячном составе. Это можно объяснить только тем, что в 1812 году возможность защищать Россию получили многие другие народы Империи, которые в предыдущих войнах не принимали участия.

Г. Н. Прозрителев, обозревая вклад калмыков в дело защиты Отечества, имея в виду участие их в войнах России, а также отмечая понесенные калмыцким народом в этих войнах потери, писал:

"Геройство — удел немногих, и война берет именно лучших людей, более крепких душою и телом.

Калмыки понесли тысячи этих потерь. У них кровавой рекой смыта их интеллигенция и без нее народ остается, как без духовных вождей.

На памятнике Кавказской борьбы "Честь героям" и калмыкам должно быть отведено место; так говорят исторические документы".

В 20-х годах XIX века некоторые калмыцкие нойоны и зайсанги — члены калмыцкого суда Зарго были озабочены пересмотром калмыцких действующих законов и отграничением кочевий. Во-первых, законы и наказания не соответствовали изменившимся условиям жизни; во-вторых, калмыцкие кочевья стали сужаться под наплывом крестьян и возникновением их поселений. В 1820 году, после долгого ожидания, Эрдени-тайши Тундутов и Батур-Убуши Тюмень удостоились приема у Александра I. Император дал распоряжение, чтобы просьбы калмыков были удовлетворены. Результатом ходатайств стало принятие так называемого Зинзилинского постановления.

Представители всех улусов несколько раз собирались в урочище Зинзили. Собравшиеся обратились к главному приставу Каханову с тем, что

"верховное правительство предоставило исправить старое уложение, сообразно с нынешним положением". "И такое приятное приглашение приняли мы за знаменитое поручение с неизъяснимым восторгом и живейшими чувствами благодарности". "Припадая к стопам нашего монарха, мы, владельцы и зайсанги, по обряду и правил своих, в знак чистого усердия, жертвуем каждой из достояний своих по силе возможности... Хошеутовский полковник Сербеджап Тюмень — 70 лошадей, Дербетовский капитан Эрдени-тайши — 150, Торгоутовский Эрдени Цаган-Кичиков — 20, Яндыкова улуса владелица Надмид — 50, Торгоутовский владелец Очир с братьями — 15, Эркетенова улусного суда Зарго член Джамбо-гелюнг — 10, Багацохурова улуса зайсанг Ирслан — 3, Эркетенева улуса правитель Меме — 10, Багацохурова улуса зайсанги: Далдай — 3, Онкор — 5, Джимбе — 3, Генде-Ракба — 4".

Не успели собравшиеся начать свое совещание, как между ними сразу начались серьезные разногласия не только по пунктам подготовленных проектов, но и по процедуре принятия. Поэтому владельцы, ламы, члены суда Зарго и зайсанги 3 апреля обратились к Каханову.

Они писали, что находятся на урочище Зинзили с 21 марта. После первых обсуждений проектов, они договорились встретиться через три дня, чтобы обсудить свои замечания и предложения. 25 марта собрались снова, ознакомились с исправленными проектами, а в третью встречу "по прочтении всенародно, согласясь, утвердили" с подписанием и приложением печатей. При этом они сделали замечание: "Торгоутовский владелец Церен-Убаши и Дербетовский Очир Занжин-Убаши собрание наше заставили дожидаться их приезда более четырех часов" и за ними дважды посылали, "но Церен-Убаши отозвался больным, а Очир Занжин-Убаши прибыл, и когда мы утвердили подписями и приложением печатей составленное нами Уложение, то и тут он многими неучтивыми отговорками уклонялся от согласия на оное, наконец, убедясь, подписал с своим Бакшою-гелюном и в тот же самый день мы представили оное вам".

3 апреля должны были собраться снова, но узнали, что "владельцы Церен-Убаши и Очир-Занжин-Убаши на то число в ночи укочевали. Владельцы сии по молодости лет своих, будучи еще совершенно неопытны, ктому ж и научаемы от других неблагомыслящих людей, а в особенности непостоянною и распутною в поведении владелицею Бакбушею, которая есть первому из них теща, а последнему родная мать". Церен-Убаши при том со своим зайсангом Джалцан-гелюнгом представил свою редакцию постановления. Собравшиеся писали, что такое "гордое мнение владельца Церен-Убаши по составлению с своими зайсангами особого Уложения и принуждение нас согласиться на оное, мы, Ламы, владельцы и зайсанги, считаем чувствительною обидою, тем более, что он нас, владельцов, по сей манер считает не больше, как будто бы подвластными ему зайсангами и даже самое презрение к дарованной от правительства милости для нас весьма оскорбительно", поэтому сочли нужным просить "представить

поступок владельцов Церен-Убаши и Очира Занжин-Убаши на вид главному начальнику...".

Поскольку принятие этого документа имеет историческое значение, считаем нужным привести имена всех, кто подписал его.

"Подписали и приложили печати владельцы: Хошоутовский полковник Сербеджап Тюменев, Дербетовский Эрдени-тайши Тундутов, Торгоутовский Эрдени Цаган-Кичиков, Торгоутовский Очир, Хошоутовский Убаши, Хошоутовского владельца Цагалая Бакши, Яндыкова улуса Лама Эрдени, Дербетовский Цембель-Бакши, Хошоутовский Арши-Бакши; члены суда Зарго: Дербетовский Джамба-гелюнг, Хошоутовский Оргючка, Яндыковский Замба и Торгоутовского владельца Эрдени Цаган-Кичикова Данжин; Эркетенева улуса правитель Меме, оного же улуса зайсанг Джамба; Хошоутова улуса зайсанги: Есаул Цаган-Халга, Тooчa и Бюрьга; Дербетовские зайсанги: Басили, Шарап, Порутчик и Ланцан; Бага-цохуровские зайсанги: Джимбе, Генден-Аракба и Ирслан; Яндыкова улуса зайсанги: Батар-Амур, Бадма, Дамба и Замба; Торгоутовские зайсанги Боро-Манжи, Доржи-Габун, Шарап и Боджилик.

Апреля 3 дня 1822 года".

Разногласия по составлению нового Уложения имели дальнейшее продолжение. Астраханский губернатор И. И. Попов об этом доложил Кавказскому наместнику А. П. Ермолову. Документы дошли до Азиатского Департамента Коллегии иностранных дел, потом вернулись обратно. Н. Н. Пальмов, детально разбиравший этот вопрос, пришел к выводу, что принятие Зинзилинского постановления не привело к практическим результатам.

Но результат все-таки был — это пожалование калмыцкому суду Зарго Золотой печати. Об этом историческом акте свидетельствует указ, в котором было начертано:

"Нашего императорского величества верноподданным нойонам Торгоутовским, Дербетовским и Хошоутовским, их зайсангам, духовенству и всему калмыцкому народу. Наша императорского величества милость и благоволение, жалованные Августейшими предшественниками нашими, высочайшие грамоты на древние права и преимущества калмыцкому народу, подтверждая во всей их силе и неприкосновенности, оставляем вам, любезноверныя нойоны, Торгоутовы, Дербетевы и Хошоутовы, зайсангам вашим, духовенству и всему калмыцкому народу иметь по-прежнему для судопроизводства Совет, именуемый Зарго, в восьми членах состоящий, под председательством одного из нойонов, который нами назначен будет и с жалованьем, каковое им имеете быть на время пребывания в должности.

Суду сему в знак особенного Нашего благоволения к калмыцкому народу, всемилостивейше жалуем печать с Императорским Нашим Гербом; Духовенству же Ламайскому, позволяя свободное отправление обрядов закона Ламайского, повелеваем все кочующие в Империи Нашей Калмыцкие улусы и людей закона их соблюдать в должном к нам, Великому государю, верном и усердном подданстве и всеми обрядами по закону беспрепятственно довольствовать. В протчем, быв уверены о непоколебимой всех владельцов калмыцкого народа к нам верности и к императорскому престолу Нашему усердие, мы надеемся, что они подвластными им улусами управлять будут с кротостию, а Суд Зарго не оставит поступать во всем по указам Нашим, содержать калмыцкий народ в порядке и что оный найдет в нем правый суд и покойное своим достоянием владение, чем приобретут они императорскую Нашу милость и благоволение.

Сию же Нашу высочайшую Грамоту мы, Великий государь, наше императорское величество, собственноручно подписав, повелели утвердить Государственною печатью.

Дана в Санкт-Петербурге месяца апреля 24 дня в лето от рождения Христова 1828 года, Царствования же Нашего в третие".

"На подлинном собственною е.и.в. рукою написано тако: НИКОЛАЙ".

"Контросигнировал: Вице-канцлер граф Нессельроде.

Сверял Директор М. Михайлов".

Для вручения калмыцкому суду Зарго Золотой печати в футляре с ключом был специально командирован статский советник Путятин. Ему была дана подробнейшая инструкция. Торжество по поводу вручения Золотой печати калмыцкому суду Зарго состоялось 10 августа при стечении большого количества людей. Для угощения приглашенных были приобретены: 10 коров, 30 баранов, 8 кирпичей чая, "сороковая бочка" красного вина, кизлярской водки 15 ведер, меду три пуда, сахар, рис, корица, табак, шампанское.

В хурулах шли торжественные богослужения.

При вручении Золотой печати "в рядах народа раздавался крик "ура", который повторялся троекратно, и воспет гимн на трубах хурула.

Выше в обращении нойонов и зайсангов упоминались Очир-Занджин-Убаши и его мать Бакбуш. Очир Хапчуков, после смерти Габун-Шарапа, стал владельцем Большедербетовского улуса, но на улус предъявил свои права Эрдени-тайши Тундутов на основании завещания Чучея, в котором говорилось, что он оставляет детям своим "Большой и Малый Дербет". Когда умер Габун-Шарап, племянник его Очир был еще малолетним.

Поэтому Бакбуш — мать Очира — и была вынуждена вмешаться в тяжебные споры. В это время и некоторые зайсанги со своими аймаками совершали перекочевки из одной части улуса в другую, создавая прецеденты.

Для разбирательства споров между Эрдени-тайши Тундутовым и Очиром Хапчуковым была создана комиссия. На запрос этой комиссии Очир Хапчуков 30 декабря 1824 года дал объяснение, в котором писал: "Сколько же в подвластном мне народе состоит зайсангов и их аймашных калмыков, имею честь пояснить, а именно: у умершего зайсанга Бичхан Манжи, у которого не осталось наследников — 47 кибиток; зайсанг Генде-Арши, у него аймашных 15 кибиток; зайсанг Даба —11; Цоросова рода не имеющие зайсанга 38 кибиток; у зайсанга Дамбы — 18; Туктунова рода Забсор Сага — 13; зайсанг Боро-Манжи, который уже помер, у него брат Церен-гелюнг, аймашных у него 68 кибиток; зайсанг Габун-Норбо — 118; Ходжанкинова рода — 22; зайсанг Дакдан — 84; Барун Забсор Бага-Бурулова рода — 80; Барун-Забсор Шаретова рода — 28; Зюн-Забсорова рода Кебюты — 17; Абганерова рода — 22; Бюдюрмюсова рода — 8; Зюн-Забсорова рода Будульчинеры — 6; Барун-Забсор Бурулова и Будульчинерова рода — 16; а всех вообще — 697 кибиток; после отца моего оставшихся Абганеров 22 кибитки".

Между тем владелец Дербетовского улуса Эрдени-тайши Тундутов умер 3 мая 1823 года. В своем завещании на имя Каханова он писал, что все "касающиеся до меня, как казенные, так и улусные дела, прошу вас поручить меньшему брату моему владельцу капитану Джамбо-тайши, также и впредь когда бы то ни было должны после меня законным родовым наследством моим управлять он, Джамбо-тайши, и сын мой Деджит-Замбо-тайши". Завещание и волю умершего владельца подтвердили зайсанги и духовенство.

К управлению улусом были выбраны восемь человек: "Шабинерова рода Нирба Джамбо-гелюнг, Доржа-гелюнг; Туктунова рода: зайсанги Кюльтюш и Табун-Зун; Бурулова рода зайсанги: Тере-Бату и Окля; Зюнова рода зайсанги: Му-Басанг и Шарап".

В ноябре этого же года Малышев рапортом донес А. П. Ермолову составленную им справку:

"1-е. Большого Дербетовского улуса владельца семейство составляет: владелец Очир Санжин Убаши Хапчуков и жена его Джиджине; ему 22-й, а ей 18-й годы. В семействе Малого Дербетевского владельца находятся: владелец капитан — Джамбо-тайши Тундутов 32 лет, жена его Очира 25 лет, сыновья их: Менко-Очир и Тёре-Менко, первому 7 лет, а последнему два года. Оставшийся после брата его Эрдени Тундутова сын Деджит-Замбо 11 лет.

2-е. У владельца Очира Хапчукова улусных способных к службе 362, неспособных 258 кибиток. Собственных его калмык, Абганерами называемых, способных 33, неспособных 4 кибитки. После умершего владельца Эрдени-тайши Тундутова осталось улусных: способных к службе — 2401, неспособных — 1135 кибиток. Владельческих Абганерами имянуемых у него не имелось; и хотя таковые Абганеры находятся в Малом Дербетовском улусе, но оные всегда управлялись братом его владельцом капитаном Джамбо-тайши Тундутовым, и в ревизской сказке, поданной умершим владельцом Эрдени Тундутовым, отделено, что Абганеры принадлежат брату его Джамбо-тайше; число их: способных к службе 220, а неспособных 80 кибиток".

Джамбо-тайши Тундутов умер в 1828 году.

По всем накопившимся спорным вопросам последовало распоряжение от 17 апреля 1829 года, подписанное Главноуправляющим генерал-адъютантом графом Паскевич-Эриванским. Главному приставу предписывалось: "Объявить мнение Государственного Совета владельцам Икицохурова улуса Церену-Убаши, Дербетовского Очиру Хапчукову и Деджиту Тундутову, за смертию капитана Джамбо Тундутова и по малолетству старшего сына его Менко-Очира, матери сего последнего, Очире, и наконец, по малолетству Яндыковского владельца Церен-Убаши, матери его, владелице Надмит и оповестить о сем калмыкам всех помянутых улусов".

Особый комитет высочайше утвержденный по делам калмыцкого народа полагал: 1. Улус Яндыковский до совершеннолетия Церена-Убаши оставить в опекунском управлении матери его, но мнением Государственного Совета повелено местному начальству вверить оный опеке — под сим словом разумеется не одно лицо и из дел прежнего времени видно, что одно лицо никогда у калмыков не составляло попечительства; 2. После умершего владельца капитана Джамбо Тундутова, остались трое сыновей: Менко-Очир 10 лет, Тере-Менко-Убуши 5 лет и Сенатор 1 года, а калмыки Абганерова рода по положению Государственного Совета должны поступить в исключительное заведывание первого из них".

При этом оставались неразрешимые вопросы. Например, Абганерами должен владеть Менко-Очир, а когда вырастут Тере-Менко-Убуши и Сенатор и у них будут наследники, то как они должны будут делить наследство и пользоваться доходами.

Поэтому "Комиссия доносила, что впредь до разрешения недоумений, Яндыковский улус оставлен ею в опекунском управлении одной владелицы Надмит, а Абганеры в таком же заведывании вдовы умершего владельца Джамбо-тайши, владелицы Очиры".

Продолжение свое история о принадлежности этих улусов получила, когда подросли наследники.

Между тем такие же процессы происходили в Икицохуровском улусе. Они тоже были связаны с тяжбами наследников.

Процитируем один документ, поданный торгоутовским нойоном Эрдени Цаган-Кичиковым губернатору Осипову. Он писал:

"Пятнадцать поколений предки мои владели калмыков три рода Ангучинов, Гурбутов и Сатхалов, состоящих в 200-х кибитках. В 1801 году, когда с детьми владельца Цебек-Убаши тремя малолетними сиротами моими племянниками — владельцами Джиргалом, Очиром и Сетер-Убушею, разделяли мы подвластных калмыков, сверх харахусов и те три рода поступили в удел их, после чего в 1813 году Харахусы избрали в свою часть владельцом среднего Цебек-Убаши сына — Очира, которого утвердив повелениями калмыцкого суда Зарго и главного пристава, приняли управляющим себя владельцом. Племянникам же моим — владельцам Джиргалу и Сетер-Убуши кинули в удел три рода бедных и должных калмык 200 кибиток, от коих Харахусы отошли особливо могущественною силою денег. Племянник мой — владелец Джиргал уклонился в распутство, пьянство и во всякие гнусные пороки. Когда время наступило платить за него долги 30 тысяч рублей россиянам и татарам, тогда племянник мой — владелец Джиргал принужден был отказаться от владения, его примеру последовал... Сетер-Убуши". Обрисовав бедственное положение этих трех родов, нойон говорил образно: "Кобылица укушением умертвившая жеребца и бежавшая к другому, есть ли обыкновению может она собирать табун и приносить плод хозяину, то пожалуйте калмык тех утвердите за владелицею Улюмджею; есть ли в табунах мерины приносят плод, то пожалуйте их утвердите распутному Джиргалу и больному Сетер-Убуше; есть ли по правилам хозяева благоволят давать табун тем, кои благотворят, то соблаговолите без прекословия утвердить их за мною. Состоит только в том отличие, что мы, братья, учинили раздел своим подвластным. Владельцы Джиргал и Сетер-Убуша часть удельного владения своего опять отдали мне и просили утвердить с тем, что жить мне с ними как отцу с детьми и давать законное им содержание.Торгоутовский владелец Эрдени Цаган-Кичиков. 22 августа 1827г."

Упомянутая "владелица Улюмджи" была женой Очира, а Очир — владелец Харахусовского улуса при загадочных обстоятельствах "в 1825 году в ночи на 27 июня неизвестно кем убит в собственной его кибитке". Исследование этого дела затянулось на годы, и Улюмджи была в подозрении в убийстве мужа, на что и намекает Эрдени.

Владелец отдельной части Икицохуровского улуса Эрдени Цаган-Кичиков умер в 1828 году и все части улуса перешли к одному владельцу — Церен-Убаше.

Преобразования в системе управления калмыцким народом

Начало преобразованиям в системе управления калмыцким народом было положено Александром I. Хотя калмыки еще оставались в ведении Коллегии иностранных дел, но были подчинены, вместе с судом Зарго, первоначально астраханскому военному, а в 1816 году — гражданскому губернатору.

Затем от калмыцкого управления кавказских инородцев в состав особого управления магометанскими народами были отчислены ногайцы, туркмены и другие. А в 1824 году главное заведывание калмыцким народом было передано из МИД в МВД и подчинено Главноуправляющему Кавказским краем. Эти изменения и завершило вручение Золотой печати калмыцкому суду Зарго в 1828 году.

Царь Николай I обратил внимание на расстроенное положение калмыцкого народа и указом от 2 августа 1827 года повелел сенатору Ф. Енгелю отправиться в Астраханскую губернию, "и по тщательнейшем соображении нужд сего народа в самых жилищах его, открыть истинные причины упадка его и изыскать надежнейшие меры к водворению в нем незыблемой тишины, правосудия и устроенного хозяйства", чтобы "в пустынных кочевьях его процветало совершенное благоденствие", утверждение которого "его величества предмет сердечной попечительности и источник живейшего удовольствия".

Сенатор, съездив в Астраханскую губернию, побывав в калмыцких кочевьях, изучив положение дел на месте, сделал следующие выводы о расстройстве хозяйства и взаимных неудовольствиях нойонов и их подданных:

"1. Неограниченность власти калмыцких владельцев при грубом невежестве их с одной стороны, а с другой и безусловной покорности им подвластных их, следствием чего бывают произвольные действия, притеснения, неумеренные поборы.

2. Сильное и пагубное влияние непомерно умножившегося духовенства калмыцкого, которое для собственной пользы и, содействуя видам владельцев, содержит народ в суеверии, предрассудках и совершенном невежестве. Духовенства, внушениями своими отвращающего калмыков от всех полезных для них нововведений и постепенного образования, разоряющего их вымогательствами и обманами и поселяющего раздоры и всякого рода расстройство, вмешательством в дела общественных и частных.
3. Нравственный разврат более и более усиливающийся в народе, яко естественное следствие невежества и бедности. Большая часть калмыков предана пьянству и картежной игре..."

Сенатор на многих страницах своего доклада обрисовал неприглядную картину быта калмыцкого народа.

Результатом доклада сенатора Енгеля стало принятие Положения о преобразовании управления калмыцким народом, утвержденного 24 ноября 1834 года. Этим Положением и было учреждено Попечительство, т. е. Главный пристав калмыцкого народа заменен Главным попечителем, соответственно улусные приставы — на улусных попечителей.

Был создан Совет Калмыцкого Управления, состоявший под председательством Главного попечителя; духовными делами должно было управлять Ламайское Духовное Правление, состоявшее из четырех членов калмыцкого духовенства под председательством Ламы.

Положение коснулось правового статуса нойонов, зайсангов и улусных судов, но решение этих вопросов не получило своего завершения, поэтому в 1847 году было принято новое Положение.
Положением, утвержденным 23 апреля 1847 года, управление калмыцким народом, попечительство и ближайшее наблюдение над калмыками поручено было Управляющему Астраханскою Палатою Государственных Имуществ, которому вместе с тем присвоено было звание Главного Попечителя. Совет Калмыцкого Управления был упразднен, вместо него образовано Ордынское Отделение при Палате, которое по делам калмыков состояло под наблюдением и руководством астраханского губернатора на том же основании, как и по управлению бывшими государственными крестьянами.

Ламайское Духовное Правление и суд Зарго также были упразднены. Функции первого возлагались на Ламу калмыцкого народа, а дела суда Зарго перешли в ведение общего судебного учреждения в губернии — Палаты Уголовного и Гражданского суда. Только в качестве суда первой инстанции выступали Улусные суды, переименованные в Улусные Зарго.

1 января 1867 года Палата Государственных Имуществ была закрыта и Ордынское Отделение Палаты переименовано в Главное Управление Калмыцким народом.

Положение 1834 года задевало один из самых больших вопросов общественного традиционного быта калмыков — права и преимущества зайсангов. Зайсангам было запрещено делить аймаки между сыновьями, а передавать только старшему в роду. Им было присвоено почетное гражданство. При этом зайсангам, управляющим аймаком,— аймачным — присваивалось звание потомственного почетного гражданина, а зайсангам, не имеющим аймаков,— безаймачным — личного почетного гражданина. Именно этот пункт Положения повлек за собой лавину жалоб и разбирательств, которые продолжались вплоть до 1892 года.

Дело заключалось в том, что по традиционному положению, например, из двух братьев старший управлял аймаком, и если он не имел наследника мужского пола, то после него аймак переходил к младшему брату, или если зайсанг имел несколько сыновей, то после него аймак переходил к старшему сыну, а младшие считались безаймачными, но пользовались частью дохода с аймака. В случае смерти старшего из братьев, аймак переходил к его старшему сыну. При этом дяди и двоюродные братья по-прежнему оставались безаймачными зайсангами. Но в традиционном быту и в сознании народа они оставались зайсангами, так как в случае пресечения колена по старшей линии, любой из них мог перейти в разряд аймачных зайсангов, получая в наследство родовой аймак своих общих предков. А по Положению 1834 года они и их потомки лишались всякого права и возможности стать аймачными зайсангами, т. к. получали звание "личного почетного гражданина", без права передачи этого звания своим сыновьям. И потомки безаймачных зайсангов переходили в разряд простолюдинов. Этот вопрос оказался самым больным и задевал все слои общества, т. к. потомки нынешних аймачных зайсангов в 70—80-х годах вынуждены были в инстанциях доказывать, что отец или дед его до 1834 года был аймачным зайсангом, почему и требовали во владение аймак или почетное гражданство. В результате поступающих жалоб и претензий на владение аймаком, в 1885 году от Управления последовало распоряжение предоставить сведения о калмыцких зайсангах:
"Улусные Зарго при утверждении в правах детей и родственников зайсангов на оставшиеся аймаки, принимают в основание к постановлению своих мнений, показания духовенства, зайсангов и простолюдинов; кроме того в Управление нередко поступают жалобы калмыков, именующих зайсангскими родственниками на неправильное требование с них албана, отбывание повинностей и на надел землею.

В отношении могущих встретиться недоразумений, а равно и для того, чтобы иметь положительные и достоверные сведения о всех зайсангах, аймачных и безаймачных, бывшая Палата Государственных Имуществ от 18 мая 1866 года предписывала потребовать: 1) от зайсангов, владевших аймаками в 1836 году при приведении в действие Положения о Калмыцком народе 24 ноября 1834 года, свидетельства в том, что они действительно в то время владели аймаками на законном основании, — свидетельства эти должны быть удостоверены местным Улусным Зарго; 2) от оставшихся после таких зайсангов детей, из которых к старшему в роде по наследству поступили в управление аймаки, таковые же свидетельства с удостоверением также Улусных Зарго в том, что отцы их в вышеозначенное время действительно владели аймаками; 3) от зайсангов, не владевших аймаками до издания вышеозначенного Положения, свидетельства в том, что они состоят в сем звании с издания Положения о Калмыцком народе 1834 года, также за удостоверением Зарго; 4) о зайсангских родственниках, с показанием их имен, семейного положения и степени родства к зайсангам — отдельные списки, удостоверенные Улусным Зарго".

Согласно этого требования в Управление поступали ценные документы с родословными калмыцких зайсангов. Но в большинстве своем они начинали свою родословную от отца или деда, который управлял аймаком в 1834 году, только в редких случаях давали данные о 5—10 поколениях своего рода.

Вот, к примеру, родословная зайсанга Багацохуровского улуса Запсурова рода Убуши-Манджи Зунгруева, из рода которого вышел и бывший Лама калмыцкого народа Балдан Делгеркиев:

Сохранились документы, представленные зайсангами.

"Дело о выдаче зайсангу Запсурова рода Басанг Убуши-Манджиеву удостоверения о родопроисхождении его, на предмет получения им звания потомственного почетного гражданина". Басанг Убуши-Манджиев подал прошение в Багацохуровский Улусный Зарго, в котором писал: "По положению об управлении калмыцким народом с 1834 года, Запсуров род Багацохуровского улуса был управляем предками моего родного отца Убуши-Манджи Зунгруева, скончавшегося зимою 1891 года. Как прямой наследник после кончины моего отца до обнародования калмыцкому народу нового закона о независимости простолюдинов от своих аймачных зайсангов я управлял аймаком. В подтверждение моего происхождения по прямой линии от зайсанга, владевшего аймаком в 1834 году, представляю я старожилов из духовенства: 1) Ламу калмыцкого народа Джимбе-Балдан Делгеркиева и гелюнга Цюрюм-Замба Батырова, а также и почетных лиц из аймачных зайсангов Багацохуровского улуса: 1) Цебек-Джап Онкорова; 2) Улаза Шининова; 3) Хонгора Ака-Манджиева; 4) Гаря Монходыкова; 5) зайсангского родственника, бывшего аймака Хазалбышева (Гагур Аюшева) Шинин Джимбеева; из простолюдинов (пять человек). При этом представляется мною в Улусное Зарго родословное о моих предках и Вводный лист. 1899 года января 19 дня".

"Вводный лист 1891 года апреля 16 дня по указу е.и.в. помощник попечителя Багацохуровского улуса Михельсон, вследствие предписания Улусного Зарго от 18 сентября 1890 года, прибыв сего числа на урочище "Цюрюм-Гецюлин Боро", где ввел сына умершего зайсанга Запсурова рода Убуши-Манджи Зунгруева — Басанга Убуши-Манджиева во владение аймаком" в 46 кибитках.

"Протокол заседания:

1899 года марта 22 дня. Урочище Харан-худук. Помощник попечителя, вследствие предписания Улусного Зарго производил дознание о родопроисхождении и правах на аймак умершего зайсанга Запсурова рода Убуши-Манджи Зунгруева, сына его Басанг Убуши-Манджиева через спрос следующих лиц" (что названы выше), которые объяснили: "Мы знаем, что Басанг Убуши-Манджиев зайсангского происхождения; предки его: отец Убуши-Манджи Зунгруев, дед Зунгру Есинов и прадед Есин,

фамилии его не помним, все они были зайсангами и владели аймаком беспрерывно; мы их помним. После смерти отца своего, которая случилась девять лет тому назад, Басанг Убуши-Манджиев вступил в управление аймаком и управлял им до освобождения калмыков..."

И на основании всех представленных документов в 1900 году Улусный Зарго вынес решение, что Басанг Убуши-Манджиев имеет право "на получение звания потомственного почетного гражданина".
Такие доказательства оформлялись почти на каждого зайсанга всех улусов и аймаков. Из этих документов выявились многие скрытые стороны, такие как происхождение зайсангских родов, их родословные отношения, передачи и переходы аймаков их потомкам, жизнь и быт этого сословия калмыцкого общества.

Некоторые родословные зайсангов были даны без объяснительных записей и доказательств, но с оригинальными приписками. Приведем два примера из таких таблиц.

Родословная аймачного зайсанга Багацохуровского улуса Зюнева рода Лиджи Церен-Джапова

Родословная зайсанга Бага-Чоносова рода Малодербетовского улуса Занжин Дондукова

Аннотации зайсангов к своим родословным лаконичны, но они достаточно ясно знали время жизни своих предков и прослеживали почти до десяти поколений, что говорит о хорошей исторической памяти потомков.

Возвращаемся к истории улусов. Владелец Яндыковско-Икицо-хуровского улуса Церен-Убаши, "быв одержим водяной болезнию, в ночи на 10 февраля умер". У нойона остался сын Церен-Арши, которому в том же 1837 году исполнился 21 год. По справке о владении Церен-Убаши оказалось, что владел он не только объединенными двумя улусами, но и являлся опекуном Эрдени Цаган-Кичикова улуса. Так же и Харахусовский улус находился в опекунском управлении.

Церен-Арши наследовал Яндыковско-Икицохуровский улус и стал опекуном Эрдниевского улуса, но он уже в следующем году умер.

Со смертью этого нойона пресеклась старшая линия Икицохуровских нойонов. По управлению улусами в Правительствующем Сенате в 1844 году было принято специальное решение об отчислении в Казенное ведомство Яндыковского, Икицохуровского улусов, присоединении Эрдниевского улуса к Харахусовскому. И этот улус стал называться Харахусо-Эрдниевским, его владелец Джиргал Цебек-Убашиев умер в 1853 году. С его смертью прервалась линия Бокшурги.

В том же 1853 году на Харахусо-Эрдниевский улус предъявил свои наследственные права сотник астраханского казачьего войска Церен-Убуши Дугаров. Этот нойон находился в далеком родстве с Икицохуровскими владельцами, представляя другую линию от сына Хо-Урлюка — Сюнке-Батура. Их отделяло 8 — 9 поколений от общего предка. Вместе с Дугаровым на Харахусо-Эрдниевский улус претендовал другой представитель того же рода — Дорджи-Убуши Буюнтуков, приходившийся Дугарову двоюродным братом по линии Сюнке-Батура. Буюнтуков представлял старшую линию и мог отсудить себе улус, но он отказался от этого в пользу Дугарова. Поэтому Дугаров "и утвержден был Улусным Зарго в правах наследства на Харахусо-Эрдниевский улус, и это распоряжение был утверждено Палатою и Сенатом и Дугаров введен был во владение этим улусом". В Харахусо-Эрдниевском улусе тогда насчитывалось 1311 кибиток. Дугаров управлял улусом почти 20 лет и умер 29 ноября 1872 года в Эрдниевской Куре — монастыре. Наследник Дугарова — Бадма — умер еще в малолетстве. Перед смертью он оставил такое завещание:

"Духовное завещание.
Я, владелец Харахусо-Эрдениевского улуса сотник Церен-Убуши Дугаров, будучи одержим неизлечимою болезнею, то по сему имеющееся у меня движимое и недвижимое имущество — все завещаю в здравом и полном уме жене своей Бальджир, т. к. я не имею у себя ни сына, ни дочери, а также и никаких ближних родственников; имение же мое все есть благоприобретенное мною и никто не может в оное вступаться; сверх сего находящиеся в Астраханском магазине общества товарищества под фирмою "Якорь" тысяча рублей с процентами тоже завещаю ей; недособранные же следующие в мою пользу албанные деньги с подвластных моих калмыков Харахусовского и Эрдениевского улусов дарю им; сие духовное завещание писал я сам своеручно, бывши в здравом своем уме, в случае же моей смерти, все требующие по обряду нашему требы поручаю исполнить жене своей, в чем, как начальства, так и полицейские лица, не должны вступаться. 1872 года ноября 2 дня. Владелец Харахусо-Эрдениевского улуса Церен-Убуши Дугаров".
Понятыми при этом находились: гелюнг Эрдениевского Большого хурула Габун-Цюрюм Дамбилев, калмык Надбит Дамбо-Цаев, второй демчи Эрдениевского улуса Манджи Ширипов.

После Дугарова на Харахусо-Эрдниевский улус предъявил наследственные права сын Дорджи-Убуши Буюнтукова — Очир Буюнтуков.

"Но Харахусо-Эрдениевское Улусное Зарго, приняв во внимание отречение отца его от наследства в пользу Дугарова, в ходатайстве Буюнтукову отказало, признав Харахусо-Эрдениевский улус с албанным сбором и Нойдутовым родом 118 кибиток имением выморочным. На это постановление доверенный Буюнту-кова — Павильонов принес жалобу, в которой неправильность его объясняет тем, что Дорджи Буюнтуков отказался от наследства на Харахусо-Эрдениевский улус лишь лично за

себя, а не за детей, что в постановлении Зарго сделана приписка о 118 кибитках, которые от улуса составляют отдельное имение и вовсе не входит в настоящее дело, по непредъявлению на них Буюнтуковым прав, что Очир Буюнтуков отыскивает наследство не после Джиргал Цебек-Убашиева, как полагает Зарго, а после Церен Дугарова".

Очир Буюнтуков отстаивал свои права на протяжении тринадцати лет. Со своими адвокатами он подавал все более совершенные документы с родословными таблицами, обосновывая претензии статьями законов и свидетельскими показаниями. Одни инстанции признавали его права, а другие просили дополнительных документов. Тяжба прекратилась со смертью Очира в 1886 году. Его младший брат Церен-Дорджи Буюнтуков, раскулаченный в 80-летнем возрасте в 1930 году, говорил, что имея право на владение улусом, в свое время отказался сам от наследства предков.

Заметим, что упомянутый в деле Нойдутов род составлял наследственное имение рода и не входил в число улусных калмыков. Представители этого рода находились при нойонах как их кетчине-ры. Потомки этого славного рода, несмотря на все катаклизмы и репрессии, дошли до наших дней.

Выше мы говорили о Багацохуровском улусе. Оставшаяся единственная наследница Дондуковых — Вера, по замужеству княгиня Дондукова-Корсакова, осталась в Петербурге. Багацохуровский улус был переведен в Казенное ведомство, а Дондуковой-Корсаковой за потерю подданных пожаловано 1984 душ крестьян в Могилевской губернии.

Багацохуровскому улусу, с высочайшего соизволения, по ходатайству народа, присвоено наименование Муравьевский, в память управления Министерством Государственных Имуществ генерала от инфантерии графа М. Н. Муравьева. Улус стал называться Багацохуровско-Муравьевским.

Дербетовский улус после смерти Джамбо-тайши перешел во владение к его племяннику Деджит-Замбо, который умер в 1848 году, не оставив наследников. После этого правление улусом снова перешло к линии Джамбо-тайши. Владельцем стал его сын Менко-Очир Тундутов, после недолгого его правления улус в 1851 году наследовал его сын Цанджин (Занджин) Тундутов, но он умер в 1856 году. По малолетству его сына Церен-Давида улус находился в опекунском управлении.

Хошеутовский улус после смерти Теке и его сына Люрупа остался в единственном владении наследников Тюмен - Джиргалана. Говоря об этническом составе этого улуса, главный попечитель калмыцкого народа К. Костенков писал, что у Замьяна было 817 кибиток, из которых 63 его собственные, а 754 оставшиеся после Убаши-хана, т. е. торгоуты, подаренные за потерю собственных, а у Теке — 285 кибиток, из них собственные его 135, а подаренные из торгоутовских — 150 кибиток. У самого Тюмен-Джиргалана всего было 315 кибиток, из них 58 кибиток

хойтов, а 257 отданы из торгоутовских, оставшихся после Убаши. Итого в Хошеутовском улусе было 1417 кибиток, из них собственно хошеутов — 185 и 58 кибиток хойтов, а остальные 1174 кибитки были торгоутами, в основном эркетены, кереты, цатаны, шабинеры. Нужно заметить, что хойты были не однородны, в их состав входили теленгиты, урянхасы.

Тяжба Тюменей на владение Хошеутовским улусом продолжалась почти сто лет и завершилась она тем, что только на основании усыновления своего пасынка Замьяном и признано за ним право наследства.

К. И. Костенков в годы своего попечительства провел большую исследовательскую работу. Под его руководством была проведена работа Кумо-Манычской экспедиции по всестороннему обследованию Калмыцкой степи.

Попечитель в результате своих исследований привел общую численность населения калмыцких улусов: Малодербетовский — 5336 кибиток, Харахусо-Эрдниевский — 1972, Хошоутовский — 1279, Яндыковский — 2934, Икицохуровский — 2097, Эркетеневский — 2154, Багацохуровско-Муравьевский — 1794.

Число зайсангов по улусам: Малодербетовский — 57, Харахусо-Эрдниевский — 13, Хошоутовский — 12, Яндыковский — 22, Икицохуровский — 30, Эркетеневский —11, Багацохуровско-Муравьевский — 25. Итого 170 зайсангов.

В результате собственного исследования калмыков в 1862 году он привел следующие цифры:

	муж.	жен.
а) нойонов-владельцев и их семейств	18	23
б) зайсангов аймачных и безаймачных и их семейств	1693	1420
в) духовенства	1452	
А всего:	3163	1443

г) калмыков-простолюдинов в улусах:			Число душ
	Кибиток семейств	муж.	жен.
1) Багацохуровском	2691	6960	5587
2) Эркетеневском	2974	8310	6197
3) Яндыковском	3732	8505	7462
4) Икицохуровском	2004	6109	4302

5) Хошоутовском	2343	4843	4186
6) Малодербетовском	10130*	22863	19281
7) Харахусо-Эрдениевском	2020 м	5229	4031
8) Принадлежащих мелкопоместны владельцам-нойонам	324	796	599
А всего:	26218	63615	51645
		115260	

На 1 января 1868 года числилось калмыков по улусам:

1) Багацохуровском	2709 кибиток
2) Эркетеневском	3732 кибиток
3) Яндыковском	3121 кибиток
4) Икицохуровском	2004 кибиток
5) Хошоутовском	2217 кибиток
6) Малодербетовском	9170 кибиток
7) Харахусо-Эрдениевском	1932 кибиток
8) Принадлежащих мелкопоместным владельцам	367 кибиток
Всего в которых числилось	25252,
Всего:	64012 душ муж. пола 52099 душ жен. пола 116111 душ.

К. Костенков, кроме двух книг и материалов Кумо-Манычской экспедиции, оставил очень ценные материалы по истории и этнографии калмыцкого народа. И особенно ценной из них является Объяснительная записка о составе и образовании калмыцких народов и аймаков". В этой записке он писал:

"В составленном мною проекте Положения об управлении калмыцким народом, указано на необходимость уничтожить по возможности раздробление калмыков на аймаки, оставив деление их на роды, как правильное, соответствующее народным обычаям и преданиям и более удобное для административного управления и общественного устройства.

В этих видах введены мною в проектированное "Положение" соответственные статьи; для объяснения же правильности и необходимости этой меры, указываются в предлагаемой записке те исторические факты, которые служат основанием для предположенного общественного устройства калмыков".

Далее он говорил, что калмыцкий народ состоит из трех главных родов: "Торгоутов, ныне улусы: Багацохуровский, Эркетеневский, Яндыковский, Икицохуровский, Харахусо-Эрдениевский; Дербетов — улусы: Малодербетовский и Большедербетовский; Хошутов — Хошоутовский улус. Каждое поколение подразделялось на роды. Два поколения: Торгоутов и Хошуты сохранили до настоящего времени прежнее свое родовое деление, за незначительными, впрочем, изменениями, так например, в Хошоутовском улусе есть роды: Цатанов и Керетов, принадлежавшие некогда к Торгоутовскому поколению, а в Икицохуровском (Торгоутов) находятся ныне роды: Хошоутов и Эркетенов. Это обстоятельство объясняется тем, что после бегства большей части калмыков из пределов России в 1771 году, было повелено высочайшим рескриптом 19 октября того же года раздать оставшимся в России нойонам-владельцам калмыков, бывших подвластных наместника ханства Убаши, в вознаграждение за уведенных от тех нойонов наместником Убашею принадлежавших им калмыков. Но несмотря на это присоединение посторонних родов, древний состав Торгоутов-ского поколения остался тот же, а именно роды: Барунов, Зюнев, Керетов, Цатанов и Зюнгаров и только в двух улусах: Хошоутовском и Харахусовском три рода: Цагалаев, Самтанакинов и Джам-банакинов, выделившиеся от других образовались уже в нынешнем столетии и носят названия последних своих нойонов и зайсан-гов, управлявших этими родами или, как правильнее было бы назвать, аймаками.

Более значительные изменения в составе и дробление родов на мелкие аймаки претерпело поколение Дербетов. Это поколение заключало в себе некогда пять главных родов: Туктунов, Бурулов, Зюнев, Шабинеров и Абганеров, из числа их первые четыре прибыли из Зюнгарии, а последний образовался уже в России, в начале прошедшего столетия.

В силу существовавшего некогда обычая, нойоны-владельцы имели право отделения из подвластных им родов некоторой части калмыков, передавая их в управление близкому родственнику или даже простолюдину за особенные услуги нойону и возводя его при этом в звание зайсанга с правом передачи по наследству предоставленных его управлению калмыков или без этого права. Таким образом стали образовываться аймаки, получившие названия родов от имени своего зайсанга. Управлявшие этими родами (аймаками) зайсанги дробили их, в свою очередь, между своими детьми, вследствие чего количество аймаков увеличивалось весьма быстро. Конец этому был положен законоположением об Управлении калмыцким народом 24 ноября 1834 года...

Хотя этот существовавший некогда обычай и был отменен правительством, но тем не менее каждый из вышеупомянутых главных пяти родов Дербетовского поколения, оказался уже раздробленным на мелкие аймаки, которые в начале нынешнего столетия, во время предпринятых преобразований по Управлению Калмыцким народом, стали

уже именоваться отдельными родами, получая свое название преимущественно по имени управлявших ими зайсангов или по другим нарицательным названиям. К примеру, Талтанкинов, Хара-Толганкинов, Манджeнкинов и т. п. роды получили свои названия от зайсангов: Талтая, Хара-Толги, Манджи и других. Образование родов Шошолданкинов, Каджинкинов и Ноостанкинов относятся к весьма недавнему времени (до издания Положения 1834 года и получили названия от имен отцов тех зайсангов, которые управляют ими в настоящее время и, наконец, в последнее уже время явился род Мулланкинов, получивший свое название от имени зайсанга Муллы — этот род лет пять тому назад назывался Борсогутов. Присвоение родами этих частных названий не изменяет, впрочем, состава главных родов, так как каждый частный род или, вернее сказать, аймак постоянно прибавляет себе название главного рода, так например, Туктунов-Сарланки-нов, Бурул-Шудючинеров, Зюн-Хашханеров, Абганер-Асматов, т. е. частное название родов, служит как бы пояснением или определением каждого аймака в главном роде — эти аймаки выделялись один из другого; так между потомством зайсанга Талтая образовалось уже три аймака: Ноинты, т.е. Ноинта-Талтанкинов аймак и два Шошолды, Шошолды-Талтанкиновы аймаки.

Такое же выделение аймаков представляют и другие улусы, так например: в Багацохуровском и Икицохуровском улусе образовалось до десяти и более аймаков, отдельных от главных родов, стою только разницею, что Торгоуты не давали подобно Дербетам частных названий выделившимся аймакам, а оставляли их с одним общим названием главного рода".

Конечно, К. Костенков не был историком-этнографом, профессиональным исследователем, поэтому некоторые вопросы, затронутые им, не соответствуют тем этническим процессам, происходившим в калмыцких улусах. Но он сумел уловить основные моменты и зафиксировать их в своих Записках. Кроме того, попечитель оставил очень ценный "Список Калмыцким родам и аймакам", который мы приводим ниже:

I. Малодербетовский улус				
а) Туктуны:				кибитки
1.	Талтанкинов род,	аймак зайсанга	Эргечки Джамбаева	131
2.			Убуши Урюбджурова	138
3.			Убуши Алангашева	116
4.	Наинтанкинов		Цеден Санджиева	96
5.			Цоодул Му-Нохаева	47
6.	Шошолданкинов		Санжи Шошолдаева	32
7.			Ниме Яванова	18
8.	Гересчиков		Улюмджи Церен-	22

			Убушиева	
9.	Сарланкинов		Килик Кююкиева	69
10.			Лабру Менко-Джиргалова	32
11.	Заргакинов		Бова Кюльтишева	28
12.			Шара Цекирова	6
13.			Эрдниева	63
14.	Капканакинов		Намсык Капкаева	19
15.	Каканакинов		Митер Лиджиева	52
16.	Лагиров		Улан Баглатаева	72
17.	Каджинкинов		Ильджиринг	83
18.	Цоросов		Каджиева	
19.	Доксамакинов			45
20.			Бююбеева	79
21.	Маштанакинов		Улюмджи Нимаева	14
22.	Келькетов		Бадма Сарандаева	42
23.	Оргакинов		Аюши Цебекова	104
24.	Бага-Туггунов		Цебек Боро-Манджиева	21490
25.	Тукчинеров		Бадма Арлуева	14
б) Бурулы:				
26.	Ульдючинов		Бадма Сумьянова	212
27.			Балзан Му-Кюкенева	138
28.			Шонта Трухметова	170
29.			Анана Инджиева	10
30.			Сермика Оклеева	102
31.			Дава Шараб-Джамбаева	30
32.			Кютер Боджиева	6
33.			Самтан Кобчиева	4
34.	Джанчибакинов		Бадма Кариеева	111
35.	Шюдючинеров		Батыр Карнеева	54
36.	Ольчанкинов		Урюбджур Лакбаева	21
37.	Манджeнкинов		Булхун Тере-Менкеева	214
38.	Бек-Манджeнкинов		Очир Нимбуева	68
39.	Хара-Толгакинов		Санджи Умкеева	11
40.	Джедженкинов		Эренцен Монтокова	98
41.	Даадженкинов		Араша Му-Кюкенева	49

42.	Ноостанкинов		Менку Ноостаева	45
43.	Дарджагакинов		Бадма Джамбаева	41
44.	Мулланкинов		Эренцен Санджиева Му-Кюбюн	33
45.	Баганкинов		Джамбаева	85
46.	Бага-Бурулов		Кюрде Сайхан-Манджиева	15
47.	Тебектенеров		Джаб Боро-Мангнаева	48
48.	Шаретов		Очир Цебек-Аршиева	23
49.	Зётев			119
в) Зюны:				
50.	Ики-Бухусов		Улюмджи Кирипова	228
51.	Бага-Бухусов			64
52.	Баргасов		Оргодык Бокджаева	30
53.	Хончинеров		Очир Аржуева	62
54.	Ики-Чоносов			309
55.	Бага-Чоносов		Занджин Дондукова	391
56.	Шарнут-Чоносов			138
57.	Бюдермисов		Бадма Нимгирова	43
58.	Хашханеров		Кармык Шарапова	122
59.	Ики-Кюбютов		Данилка Улюмджиева	135
60.	Абганер-Кюбютов			59
61.	Зет-Кюбютов		Урубджур Арабданова	51
г) Абганеры:				
62.	Барун-Кетчинеров		Бадма Кутузова	402
63.	Аванкинов			207
64.	Асматов		Эльзете Басынгова	200
65.	Бакшинкинов			215
66.	Хапчинов		Хохол Му-Кюкенева	138
д) Шабинеры				
67.	Ики-Хурулов			398
68.	Дунду-Хурулов			513
69.	Бага-Хурулов			190
70.	Ики-Манглан-Шабинеров			160
71.	Бага-Манглан-Шабинеров			73
72.	Дееду-Ламин-Шабинеров			90

73.	Бакшин-Шабинеров			290
74.	Богдан-Шабинеров			61
75.	Мамадут-Шабинеров			34
			Итого:	7936
II. Харахусовский улус				
1.	Харахусов род,	аймак	Эрдени Дамбилева	799
2.	Ики-Гурбутов	зайсанга	Нарын Этиева	27
3.			Зодбо Осорова	81
4.	Бага-Турбутов		Эргечке Шара-Манджиева	62
5.	Гурбутов		Дарбык Хаглаева	125
6.	Шабинеров		Леджина Цебек-Дорджиева	194
7.	Замутов			79
8.	Джамбанакинов			46
9.	Батутов		Эрдени Санчирова	77
10.	Ангучинов		Дамбиль Кюдюрова	169
11.	Самтанакинов		Бююбе Самтанова	190
12.	Цоросов		Дорджи Самтанова	54
13.	Бабенкинов		Ширип Хохаева	106
14.	Сатхалов		Хамур Чимбилева	88
15.	Гурбутов			24
16.	Подвластные Дугарова		Джимбе Шара-Зунгруева	116
			Всего:	2237

III. Хошоутовский улус				
а) Туктуны:				кибитки
1.	Эркетенев род,	аймак зайсанга	Нарын Моникова	9
2.	" — "	" — "	Менко-Церен (Норбо Дорджаева)	103
3.	" — "	" — "	Аршиева	60
4.	Ики-Теленгутов	" — "	Амур-Тегусова	58
5.	Бага-Теленгутов	" — "	Санджира Мусаева	59
6.	Керетов	" — "	Сареева	270
7.	" — "	" — "	Боча Мирзаева	8
8.	Цатанов	" — "	Менко-Насун Бончикова	213
9.	" — "	" — "	Джал Хазлаева	94

10.	Уранхусов	" — "	Халга Убуши- Цебекова	55
11.	Уранхус-Доглутов	" — "	Надмит Намруева	64
12.	Ики-Хошутов	" — "	Джамбо Джамцуева	97
13.	Бага-Хошутов	" — "	Шонхор Цаган- Халгаева	116
14.	Бага-Хошутов	" — "	Очир Улюмджиева	177
15.	Цагалаев	" — "	" — "	115
16.	Шабинеров	" — "	" — "	202
17.	Шангутов	" — "	" — "	15
18.	Мергечудов	" — "	" — "	29
19.	Чигачинеров	" — "	" — "	26
20.	Хойтов	" — "	" — "	68
21.	Хахачинов	" — "	" — "	17
			Всего:	1155
IV. Яндыковский улус				
1.	Барунов род,	аймак зайсанга	Дорджи Бадма-Церенова	255
2.	" — "	" — "		13
3.	" — "	" — "	Бадма Гильджинова	40
4.	" — "	" — "	Бадма Тентыкова Кекшин	37
5.	" — "	" — "	Эргечкеева Дорджи	24
6.	" — "	" — "	Манчаева Корнуса	31
7.	Керетов	" — "	Цебек-Аршиева Джимбе	28
8.	" — "	" — "	Харцагаева Эльзете	364
9.	" — "	" — "	Самтанова Беликте	59
10.	" — "	" — "	Балданова	251
11.	" — "	" — "	Босхо Эрдениева	107
12.	" — "	" — "	Сангаджи Тапкаева	60
13.	Багутов	" — "	Корпуса	513
14.	" — "	" — "	Окон Шараева	47
15.	" — "	" — "	Басанг Бююбеева	113
16.	Цатанов	" — "	Нарын Доржаева	740
17.	Аха- Цатанов	" — "	Тере-Баты	37
18.	" — "	" — "	Уту-Насун Самтанова	12
19.	" — "	" — "	Куликова	90
20.	" — "	" — "	Эрдени Бадмаева	120
21.	" — "	" — "	Менке-Баина	23
22.	Шабинеров	" — "	" — "	109

23.	Ламин-Шабинеров	" — "	" — "	7
			Всего:	3080
V. Икицохуровский улус				
1.	Зюнгаров род,	аймак зайсанга	Омбо Очирова	100
2.	" — "	" — "	Окона Дорджаева	85
3.	" — "	" — "	Тапка Осорова	27
4.	" — "	" — "	Балдан Цаганова	51
5.	" — "	" — "	Эрдени Очирова	31
6.	" — "	" — "	Мухур Ормакова	54
7.	" — "	" — "	Балдан Балакова	33
8.	" — "	" — "	Басанг Очирова	22
9.	" — "	" — "	Зуучи Басангова	12
10.	Сатхалов	" — "	Бадрангу Кюскюрова	38
11.	" — "	" — "	Адъя Очирова	17
12.	" — "	" — "	Убуши Шагаева	33
13.	" — "	" — "	Атибе Шаракчинова	40
14.	" — "	" — "	Менко Цаган-Секова	27
15.	" — "	" — "	Эльзе Яванова	13
16.	" — "	" — "	Муука Музраева	31
17.	" — "	" — "	Хара-Манджи Котышкаева	11
18.	Шабинеров	" — "	Колбанг Шараева	72
19.	" — "	" — "	Саранг Му-Кюбюнова	26
20.	" — "	" — "	Токты	64
21.	" — "	" — "	Сангаджи Дорджаева	32
22.	" — "	" — "	Дамбо Боджева	37
23.	Зекин-Кесиков	" — "	Бюльджи Цебекова	40
24.	" — "	" — "	Дорджи Халгаева	76
25.	" — "	" — "	Нохо Эрдениева	81
26.	Кетчинеров	" — "		165
27.	Ачинеров	" — "	Кююке Натырова	307
28.	Хошутов	" — "	Натыр Тепкенкиева	286
29.	Яргачин-Эркетенов	" — "	Дорджи Дарбышева	217
30.	Эркетен-Баргасов	" — "	Менко-Насун Очирова	43
31.	Кюбют-Ноютов	" — "	Эрдени Амгулунгова	64

32.	Замутов	" — "	Галя Самтанов	110
			Всего:	2245
VI. Эркетеневский улус				
1.	Ики-Хапчинов род,	аймак зайсанга	Харцаги Мазанова	95
2.	Бага-Хапчинов	" — "		117
3.	Эрекчутов	" — "		83
4.	Тебенкинов	" — "		32
5.	Харнутов	" — "	Сангаджи Некеева	123
6.	" — "	" — "	Сарын Хундруева	35
7.	" — "	" — "	Шонхорова	23
8.	" — "	" — "	Сангаджи Замбо	8
9.	Ики-Багутов	" — "	Габун Джамбаева	493
10.	Шарус-Багутов	" — "	Замбаева	122
11.	Меркетов	" — "	Тере-Менко Мазанова	126
12.	Бульчинов	" — "		317
13.	Цатанов	" — "		284
14.	Цебгекинов	" — "		94
15.	Дунду-Хапчинов	" — "		76
16.	Му-Хоринов	" — "	Улюмджи Джамбаева	65
17.	Ялькетов	" — "	Бата – Насун Цюрюма	38
18.	Керетов	" — "		54
19.	Кетчинеров	" — "		81
20.	Гуюрмутов	" — "		30
21.	Шабинеров	" — "		129
22.	Зюнгаров	" — "		91
23.	Мацагакинов	" — "		122
24.	Хокчутов	" — "	Бадма-Церен	120
25.	Будбулов	" — "	Мазанова	87
			Всего:	2845
VII. Багацохуровский улус				
1.	Барунов род,	аймак зайсанга	Цебек-Джал Онкорова	673
2.	" — "	" — "	Цедена Сарджакаева	31
3.	" — "	" — "	Очир-Гаря Шолкиева	46
4.	" — "	" — "	Генде-Ракбы	29
5.	" — "	" — "	Онгор Муукаева	16
6.	" — "	" — "	Джимбе Хабанова	176

7.	" — "	" — "	Мерген Джатаева	4
8.	" — "	" — "	Аюши Улюмджиева	6
9.	" — "	" — "	Балдан Далдаева	64
10.	" — "	" — "	Уту-Насуна	3
11.	Запсоров	" — "	Ирсланг Эльзетиева	130
12.	" — "	" — "	Убуши-Манджи Зунгруева	44
13.	" — "	" — "	Хазалбыш Осорова	41
14.	" — "	" — "	Эрдени Джимбеева	43
15.	" — "	" — "	Генде-Убуши Зунгруева	80
16.	" — "	" — "	Бадма Нимаева	47
17.	" — "	" — "	Бурул Цюрюмова	5
18.	Зюнев	" — "	Хонгор Ака-Манджиева	202
19.	" — "	" — "	Церен-Джаб Басанг-Джалова	110
20.	" — "	" — "	Павла Алексеева	233
21.	" — "	" — "	Очир Чидынг-Убушиева	68
22.	" — "	" — "	Саранг Онграева	80
23.	" — "	" — "	Гецуль Джилгаева	59
24.	" — "	" — "	Убуши Чиджипова	62
25.	" — "	" — "	Басанг Убуши-Басангова	18
26.	" — "	" — "	Улаза Шининова	26
27.	" — "	" — "	Бадма Амур- Болотова	34
28.	" — "	" — "	Кюрюкчин Тансикова	21
29.	" — "	" — "	Эргечке Осорова	8
30.	" — "	" — "	Боро-Кюбюн Шараб-Джамбаева	5
31.	" — "	" — "	Пюрбе Собокова	44
32.	Хур. Шабинеров	" — "		125
33.	Тукчинов	" — "		28
34.	Бакшин Тюрюлов	" — "		11
35.	Тубанкинов	" — "		15
36.	Истенкинеров	" — "		21
37.	Бакшин-Шабинеров	" — "		67
38.	Дархачутов	" — "		5
			Всего:	2710
VIII. Мелкопоместных владельцев				

1.	Санжа Батыров		в Хошоутовском улусе	88
2.	Очир-Эрдне Намкаев			17
3.	Шарапов			25
4.	Буюнтуков		в Багацохуровском улусе	108
5.	Тапка Бесняев		в Мочагах	36
6.	Сангаджи Натыров			10
			Всего:	284

Полковник К. Костенков привел сведения о тех улусах, которые входили в ведение Калмыцкого управления Астраханской губернии, поэтому у него отсутствуют данные по Большедербетовскому улусу, территориально находившегося в Ставропольской губернии.

Мы приведем соответствующие сведения по этому улусу, представленные нойоном Очиром Хапчуковым в 1837 году.

"У мелкопоместного владельца Цой-Арши Гахаева отмечены два хотона, в которых — 21 кибитка. Такого же владельца Арабдана Джамбаева — 11. Абганерова рода зайсанга два хотона — 23 кибитки; Багатуктунова рода зайсанга пять хотонов — 75 кибиток; Багатуктунова рода зайсанга Нохон-Кюкен Генденова один хотон — 13 кибиток; Чоносова рода зайсанга Раши-Церен Норбаева десять хотонов, в которых 145 кибиток; Бюдермисова рода зайсанга Дагдана шесть хотонов — 86 кибиток. В Хадженкиновом роде два хотона — 24 кибитки; в Кюбютовом роде один хотон — 15 кибиток; в Будульчиновом роде один хотон — 15 кибиток; в Бага-Бурульском роде шесть хотонов — 82 кибитки; в Шаретовом роде два хотона — 24 кибитки; в Цоросовском роде три хотона — 33 кибитки; Ики-Туктунова рода зайсанга Яван и Лапин Опогиновых три хотона — 45 кибиток; Ики-Туктунова рода зайсанг Шара Манчикова три хотона — 36 кибиток; Ики-Туктунова рода зайсанга Микмара один хотон — 9 кибиток; в Тарачиновом роде один хотон".

В 1836 году в связи с реформой управления калмыцким народом были составлены списки калмыцких буддийских хурулов и дана численность духовенства.

"Ведомость о числе хурулов и духовенства в калмыцких улусах, показанного по объявлениям владельцов и правителей, главному попечителю поданным:

Улусы	Багацо-	Эркет	Хошо	Малоде	Больше-	Больше-	Харах	Ито

	хуровский	е-невский	у-товский	р-бетовский	дербетовск	дербетовск	у-совский	го
Хурулов	8	16	11	44	13	9	4	105
Духовенства:								
Лам			1					1
Бакшей	4	2	1	40	10	9	-	66
Гепка	-	9	1	40	13	9	-	67
Гелюнгов	156	296	207	798	122	202	131	1987
Гецулей	62	100	131	127	62	52	28	775
Манжиков	80	174	95	662	335	186	50	1272
	302	554	436	1667	542	458	209	4168

Сверх того, считается в Мочагах, по отдаленным и вне улусов находящимся калмыцким хотонам гелюнгов, гецулей и манжиков разных улусов — 1102, следственно всего 5270" представителей духовенства. Здесь по неизвестным причинам пропущен большой Икицохуровский улус.

По тем же данным приведем названия всех хурулов по улусам, но т. к. к каждому названию добавляется слово хурул, то мы опускаем его. Хурулы Хошеутовского улуса: Ики, Джума-бакши, Арши-бакши, Цагалаевский, Убуши Джиргалов, Цацын.

Малодербетовского улуса: Ики, Дунду, Бага, Араши Ламарим Робделинг, Раши Цюлинг, Сойбинг-ламин, Далай-ламин, Солом-Доржи, Ценден-Доржи, Манглан, Гекпеллинг, Раши Гумынг, Ба-гаршись Люнпю, Лаберим Чюллинг, Арши Сангаклык, Ламарим Цюллинг, Балдын Араши Цюллинг, Ламарим Цюллингкба, Араши Донроб, Гюрюмбе Дархын Цорджин, Араши Цюллинг, Баахан-бакшин, Сенгпель Норбы.

Большедербетовского улуса: Раши Ленибе, Араши Генпель, Араши Гумынг, Ламарим Цюнлинг, Араши Гемпеллинг, Ламарим Цюнлинг.

Эркетеневского улуса: Ики, Докшидова, Ики-Мангланг, Дарькин, Майнин, Юмин, Бага-Манлан, Манлан.

Яндыковского улуса: Ики, Багутов, Цатанов, Шабинеров, Багутовский Малый, Баатудов, Бага-Керетов, Малый Цатановскии.

Икицохуровского улуса: Гемпеллинг, Гонкорлинг, Араша-линг, Сере Тойсымлинг, Сере Джива Арацанг, Араши Цоква, Манланг, Манлан Цоква.

Эрдениевского улуса: Сере Текгелинг, Докшидов, Мангланг.

Харахусовского улуса: Раши Гумынг, Манлан, Араши Цеплинг.

Багацохуровского улуса: Ики, Манглан, Докшидов, Данджигинов, Барунов, Зюнев, Замудов, Гумынг Ламанг.

Калмыцкое буддийское духовенство составляли манджи - ученики или послушники, гецули и гелюнги - высшие чины духовенства. Из числа гелюнгов избирался бакша, который становился настоятелем хурула (сюме, кюря). Из бакшей избирался главный Лама калмыцкого народа. При хурулах были должности: гекбу - благочинный; унзат или гунзат - уставщик, геик- ключарь, нирба - казначей, эконом; бурхачи - блюститель, следивший за чистотой и приготовлением предметов культа к богослужению. При хурулах были эмчи - врач, зурхачи - астролог, зурачи - художник.

О названиях улусов

В них произошли изменения. Тюмени, выражая верноподданнические чувства на восшествие Александра III, ходатайствовали о переименовании своего улуса на Александровский. Поэтому Хошеутовский улус стал в дальнейших документах называться Александровским. Тюмени старались присоединить к своим владениям не только аймаки своих родственников, но и целые улусы, так в результате, якобы для целесообразности управления и территориальной близости, были объединены Александровский и Багацохуровский улусы и он стал называться Александровско-Багацохуровским улусом.

Прибрежная полоса Каспийского моря называлась Мочагами. Территория Мочагов входила в Яндыковский улус, но со временем в Мочаги стали переселяться обедневшие калмыки из засушливых степей на рыбные промыслы. Для управления переселенцами было создано Мочажное ведомство. Затем Мочажное ведомство было объединено с Яндыковским улусом и улус стал называться Яндыко-Мочажным.

Малодербетовский улус, растянувшийся с севера на юг на несколько сот километров, доставлял много хлопот улусному управлению, находившемуся в Малых Дербетах, поэтому сначала улус разделили на северную и южную части, затем южную часть назвали Манычским улусом.

Заметим, что изменения в названиях улусов никак не затронули роды, аймаки или места их кочевий.

Реформа 16 марта 1892 года

Эту реформу в нашей официальной истории и исследованиях советского периода принято считать прогрессивной и положительной, так как она якобы освободила калмыков от зависимости нойонам и зайсангам. Владельческих нойонов к тому времени было всего три: в Малодербетовском — один, Большедербетовском — один и в Александровском — семья Тюменей. Эти нойоны, получив европейское и военное образование, можно сказать, жили уже другой жизнью, отличавшейся от жизни калмыцкого народа. Некоторые из них приняли христианство. Поэтому говорить о зависимости калмыков от нойонов можно только относительно.
Самое главное — реформа задела взаимоотношения простых калмыков и родовых зайсангов, которые в калмыцком обществе занимали значительное место. Калмыкам "были дарованы все личные права, предоставленные общими законами Империи сельским обывателям", таким образом, калмыки были уравнены в правах с крестьянами.

По положению реформы органами общественного управления являлись улусные и аймачные сходы. Хотоны должны были выбирать старосту, а аймаки — старшин. "Круг обязанностей улусного схода составляют: 1) выбор на трехлетние периоды представителей общества в улусное управление и заседателей в Улусные Зарго; 2) совещание о способах уравнения натуральных повинностей; 3) совещание по предметам, относящимся к общественным надобностям".

По мнению реформаторов, это преобразование должно было упорядочить административное устройство калмыков; отмечалось, что калмыцкие аймаки и хотоны разбросаны на большой территории, а калмыки кочуют далеко от своих однородцев, в чужих аймаках и улусах; а выборные старосты и старшины должны уже отвечать за свои, подчиненные им семьи.

Реформа 1892 года разрушила основу традиционного общественного быта калмыков. И дело заключалось даже не в уравнении в правах калмыков с "сельскими обывателями" — крестьянами, а в отделении друг от друга родовых зайсангов и калмыков. Зайсанги переводились в категорию дворян, но без дворовых или зависимых, а калмыки, объявляясь свободными, лишались веками установившегося единства, целостности рода, отока. По своим разрушительным последствиям эта реформа была сильнее, чем, например, ликвидация Калмыцкого ханства.

Пагубную силу реформы первыми поняли представители калмыцкого буддийского духовенства. Именно духовенство встало на защиту "установленного предками и освященного веками и религией" порядка старины.

С целью поднятия народного духа в 1890 году высшее калмыцкое духовенство устроило особый всенародный религиозный обряд. Этот обряд в свое время, правда, с большой иронией, описал миссионер Я. П. Дуброва.

Для нас обряд интересен своей торжественностью и содержанием. Предварительно, по указанию зурхачи, был куплен "неезжалый" буланой масти конь и молодой, "не бывший под человеком" верблюд. "Для лошади сделано было седло с полным набором, богато украшенное чеканной работы золотом и серебром и усыпанное драгоценными камнями, богатая, шитая золотой и серебряной канителью попона, уздечка с серебряной насечкой и разными, тоже серебряными, бубенчиками и погремушками, и желтый чехол в виде тех, какие надеваются на лошадей, впряженных в траурную погребальную колесницу. Для верблюда был куплен дорогой персидский ковер и на вьюк его кибитка. Затем вылили из драгоценных металлов бурхана (божество)".

Обряд совершался в Большедербетовском улусе, летом, в июне месяце, во всех хурулах "устраивались никогда ранее небывалые торжественные процессии при громадном стечении народа".

Процесс самого обряда Я. П. Дуброва описал так: "На оседланного и убранного коня утверждали бурхана и книжные свитки; на верблюда, покрытого ковром и тоже оседланного, навьючивали разобранную на составные части кибитку, жилище бурхана, возле коня и верблюда становились стражники, одетые в древние кольчуги, со шлемами на головах в виде бычьей головы с рогами и в латах. Стражники держали в руках обнаженные старинные хорошо отточенные мечи и сабли. Рядом со стражниками стояли замаскированные гелюнги. Маски их состояли из голов разных зверей, которым придана была уродливость и свирепое выражение. Во главе стражников и масок был сам бакша, окруженный многочисленным духовенством, а по бокам его хоругвеносцы и музыканты. В таком строе торжественно, при пении речитативом молитв на тибетском языке, финал которых сопровождался трубными звуками, гулом бубнов, лязгом медных тарелочек (цам), пронзительным завыванием в раковины, вся процессия три раза обходила вокруг хурула и затем останавливалась у главных его дверей, в которые бакша и входил в хурул в сопровождении части главного духовенства, другая же часть оставалась ассистентами при бурхане, водруженном на спине коня. По уходе бакши народ всей массой падал три раза перед конем, прикладывался лбом к частям его тела и приносил жертву — монетами. Происходило угощение".

Смысл и значение этого обряда миссионеру объяснили так, что "народ уклонился от исполнения прадедовских обычаев, забыл заветы отцов", перенимает чужие обычаи, "пошатнулся в вере и не крепок в древнем благочестии", "развратился восприятием чужих обычаев и всем образом своей жизни и наклонностями идет к верной погибели", "и в конце концов

самое имя "калмык" исчезнет с лица земли, хурулы запустеют или обратятся в русские церкви".

Закон 1892 года отменил права нойонов и зайсангов на управление улусами и аймаками. Их обязанности были возложены на попечителей улусов и их помощников. В аймаках вводился институт выборных аймачных старшин.

В кратком обзоре Калмыцкой степи с 1907 по 1913 год дается общественное устройство. Так, в Калмыцкой степи было 8 улусов, 198 аймаков, в которых было 772 хотона.

В 1909 году общественное управление калмыков было реорганизовано воссоединением 198 мелких аймачных групп в 34 новых аймачных общества, связанных общностью хозяйственных интересов и соседственностью кочевий. Далее в обзоре отмечено:
"Аймаки, в свою очередь, разделены на хотонные группы и в центрах аймаков выстроено 34 здания аймачных управлений...

Организация аймачных управлений показала, что упорядочение общественного устройства и управления калмыков на изложенных началах не только послужило мощным фактором культурного, экономического благосостояния калмыков, но и сами аймачные управления явились новыми ячейками оседлости, так как вокруг большинства их образовались калмыцкие поселки..."

Приведем один документ, ярко иллюстрирующий состав аймачных старшин на 1908 год.

"Список аймачных старшин, избранных в реорганизованных аймаках Калмыцкой степи".

Манычский улус:

1) Оргакиновское. Старшина Эрдени Бадмаев, 28 лет. Окончил 4 класса реального училища. Средний скотовод.

2) Ульдучиновское. Старшина Санджи (Кура) Леджинович Сумьянов. Зайсанг. Грамотный. Средний скотовод (вариант — Хороший хозяин). Человек отличных нравственных качеств. 47 лет.

3) Яшкульское. Старшина Больдюр Бельтриков. 30 лет. Бывший переводчик Улусного управления.

4) Бурульское. Старшина Музра Лиджинов (он же Цаганов). 41 год. Средний скотовод. Неграмотен. Много служил по выборам.

5) Бага-Чоносовское. Старшина Цебек Дюсембеев. 48 лет. Грамотный, дельный, много служил по выборам.

6) Ики-Чоносовское. Старшина Мальжи Мацаков. 57 лет. Неграмотный. Средний скотовод.

Эркетеневский улус:

7) Багацатановское. Дорджи Болдырев. 47 лет.

8) Овордыкское. Буча Бульдаков, 44 лет. Коневод, имеет хорошее состояние, грамотный, долго служил заседателем Зарго.

9) Кеке-Усунское. Манджи (он же Чимид) Хадбитов, 51 года. Коневод и скотовод. Грамотный, много служил по выборам.

10) Гайдукское. Гаря Даланов, 63 лет. Крупный коневод и скотовод. Грамотный. Очень влиятельный в степи человек.

Икицохуровский улус:

11) Ачинер-Эркетеновское. Цаган-Убуши Леджинов. 48 лет. Зайсанг. Крупный коневод и скотовод. Неграмотный. Очень влиятельный человек.

12) Сатхало-Хошеутовское. Догур Борнаев, 42 лет. Коневод. Бывший переводчик Улусного Управления.

13) Кетченер-Шебенеровское. Яшкуль Манджиев. 25 лет. Бывший переводчик Улусного Управления.

14) Зюнгаровское. Менко-Насун Джоджиев, 41 года. Зайсанг. Крупный коневод.

Харахусовский улус:

15) Харахусовское. Сангаджи Очир-Гаряев. 49 лет. Торговец. Грамотный. Влиятельный. Трезвый. Много служил по выборам.

16) Эрдниевское. Кока Зодбаев. 60 лет. Скотовод. Грамотный. Служил по выборам более 20 лет.

Александровский улус:

17) Сереб-Джаповское. Убуши-Церен Убушаев. 33 лет. Грамотный. Служил по выборам, скотовод.

18) Тюменевское. Босхомджи Балдрунов. 41 года. Грамотный. Скотовод. Много служил по выборам.

Яндыко-Мочажный улус:

19) Ики-Багутовское. Очир-Гаря Менко-Убушевич Габун - Джам-баев. 36 лет. Зайсанг. Торговец и скотовод. Окончил 3 класса гимназии.

20) Багутовское. Бабгуш Дензенов. 50 лет. Торговец и скотовод. Дельный и влиятельный человек, много служил по выборам, имеет знаки отличия.

21) Харахусовское (Мочажного ведомства). Очир Лозунгов. 40 лет.

22) Далбанское. Инджир Санджиев. 45 лет. Переводчик Улусного Управления. Трезвый, дельный, имеет знаки отличия.

23) Батутовское. Урубджюр Эрдениев. 40 лет. Зайсанг.

24) Багацохуровское. Убуши Хара-Манджиев. 60 лет. Торговец. Дельный и влиятельный человек. Неграмотен.

Малодербетовский улус:

25) Северное. Батак Ванькаев. 53 лет. Занимается перекупкой скота. Хорошо грамотен. Влиятельный человек.

26) Приволжское. Дава Зурманов. 27 лет. Бывший переводчик и учитель улусной школы.

27) Шебенеровское. Батыр Перлеев. 34 лет. Переводчик Улусного Управления.

28) Абганеровское. Семен Эренценов. 33 лет. Учитель родовой школы. Окончил учительскую семинарию. Служил по выборам.

29) Сальское. Дорджи Санджиев-Баваев. 32 лет. Зайсанг. Крупный коневод, скотовод и землепашец. Грамотный.

30) Шарнутовское. Барва Тегусов. 49 лет. Зайсанг. Скотовод. Грамотный.

31) Центральное. Тарас Мучкаев. 32 лет. Бывший переводчик Улусного Управления.

32) Цаган-Нурское. Санджи Лиджиев Талтаев. 58 лет. Потомственный дворянин из зайсангов. Грамотный. Крупный улусный коневод и скотовод.

Багацохуровский улус:

33) Баруновское.

34) Зюнгаровское.

Это количество избранных аймачных старшин было прокомментировано так: "Из 32 вновь избранных старшин — 8, т. е. 25% принадлежат к привилегированным сословиям зайсангов, пользующихся до сего времени громадным влиянием на народ и авторитетом; 8 старшин, т, е. 25% — с законченным низшим образованием и достаточным служебным опытом, как прослужившие, иногда по многу лет, при Улусных Управлениях в качестве канцелярских служителей; 29 человек, т. е. 90% грамотны; трое из четверых неграмотных, попавших в списки старшин, принадлежат к числу самых почетных и влиятельных в степи людей", Как видим, в число этих людей попали достойные представители своих обществ, улусов.

Ниже приводим наиболее полный список калмыцких родов, их численность по улусам на начало XX века.

№	Названия родов	Число кибиток	№	Названия родов	Число кибиток
Малодербетовский улус					
1.	Талтанкинов род	596	22.	Абганер-Бакшенкинов	280
2.	Нетебгекин-Тукчинеров	172	23.	Ики-Манлан (на Горибе)	39
3.	Маштанакинов	76	24.	Ики-Хурулов Бакшин-Шебинеров (на Элисте)	588 247
4.	Ики-Сарланкинов	77	25.	Деде-Ламин Шебинеров	156
5.	Бага-Сарланкинов	35	26.	Бага-Заргакинов	42
6.	Каканакинов	94	27.	Ики-Заргакинов	129
7.	Дунду-Хурулов	979	28.	Бага-Шошолдакинов	32
8.	Унгун-Теречинское общество	152	29.	Ики-Шошолдакинов	43
9.	Баргисов	53	30.	Бага-Манлан Шебинеров	105
10.	Бага-Хурулов	303	31.	Лагиров	124
11.	Бага-Бухусов	111	32.	Цоросов	80
12.	Ики-Бухусов	337	33.	Кадженкинов	117
13.	Ики-Манлан-Шебинеров	254	34.	Ики-Догзманкинов	157
14.	Хончинеров	186	35.	Шаретов	45
15.	Сарланкинов (на Барманцаке)	15	36.	Тебектенеров	83

16.	Бага-Доксзаманкинов	41	37.	Багшин-Шебинеров (на Тингуте)	179
17.	Абганер-Кетчинеров	295	38.	Капканакинов	27
18.	Абганер-Барунов	296	39.	Зетев	192
19.	Абганер-Асматов	238	40.	Червленный поселок	214
20.	Абганер-Хапчинов	159	41.	Шарнут-Чоносов	377
21.	Абганер-Аванкинов	245			
				Итого:	7970
Манычский улус					
1.	Абганер-Кебютов	75	15.	Ульдючин-Сермыков	82
2.	Ики-Кебютов	284	16.	Дадженкинов	50
3.	Наинтанкинов	235	17.	Бага-Бурулов	36
4.	Хашханеров	165	18.	Джедженкинов	105
5.	Бюдюрмисов	61	19.	Бек-Мандженкинов	67
6.	Мамадут-Шебинеров	32	20.	Ностанкинов	51
7.	Келькетов	118	21.	Хара-Толгакинов	17
8.	Молланкинов	44	22.	Мандженкинов	286
9.	Богдын-Шебинеров	58	23.	Шюдючинеров	60
10.	Баганкинов	102	24.	Дарджакинов	53
11.	Ульдючин-Шонтаев	207	25.	Джанчибакинов	126
12.	Оргакинов	305	26.	Ольчанкинов	16
13.	Ульдючин-Бальзанов	258	27.	Ики-Чоносов	434
14.	Ульдючин-Сумьянов	225	28.	Бага-Чоносов	600
				Итого:	4153
Икицохуровский улус					
1.	Ачинеров	374	14.	Шебинеров—старшины Бадмаева	28
2.	Сатхалов - старшины Сасаева	51	15.	Кольбышева	76
3.	Мануева	43	16.	Кензеева	74
4.	Ходжикова	56	17.	Оргодыкова	58
5.	Делькериева	93	18.	Очирова	47
6.	Балзанова	89	19.	Зюнгаров старшины Джапова	200
7.	Эркетен-Баргасов	88	20.	Бадмаева	62
8.	Яргачин-Эркетенев Дорджиева	219	21.	Кекеева	33
9.	Очирова	102	22.	Какадыкова	102
10.	Хошутов	386	23.	Боромагнаева	47
11.	Тохон-Кесиков	119	24.	Дорбыкова	32

	Шараева				
12.	Убушаева	42	25.	Манджиева	81
13.	Кетчинеров	298	26.	Цебекова	95
			27.	Кебюн-Нойотов	61
				Итого:	2956
Харахусовский улус					
1.	Харахусов	661	9.	Батутов	92
2.	Шебинеров	263	10.	Цоросов	78
3.	Самтанакинов	295	11.	Ики-Гурбутов № 1	145
4.	Сатхалов	140	12.	Бага-Гурбутов № 1	147
5.	Бага-Гурбутов № 2	146	13.	Ики-Гурбутов № 2	58
6.	Бага-Гурбутов № 3	11	14.	Джанчибанкинов	41
7.	Нойдутов	86	15.	Ангучинов	109
8.	Бабенкинов	90	16.	Замутов	74
				Итого:	2436
Эркетеневский улус					
1.	Шебинеров	142	13.	Цебгекинов	157
2.	Харнутов	143	14.	Тобенкинов	62
3.	Будбулов	95	15.	Шарс-Багутов	251
4.	Ики-Хапчинов	94	16.	Бага-Цатанов	1678
5.	Бага-Хапчинов	153	17.	Зюнгаров	59
6.	Хокчутов	182	18.	Му-Хоринов	57
7.	Эрекчутов	178	19.	Керетов	104
8.	Мацагакинов	155	20.	Дунду-Хапчинов	51
9.	Кетчинеров	91	21.	Ялькетов	31
10.	Бульчинов	434	22.	Аха-Цатанов	68
11.	Цатанов	338	23.	Гуюрмутов	35
12.	Меркетов	158		Итого:	4716
Багацохуровский улус					
1.	Барунов род Онкорова		18.	Тубанкинов	59
2.	Тонсыкова		19.	Хурул-Шебинеров	109
3.	Генде-Ракбы		20.	Истенкинеров	56
4.	Зунгруева		21.	Бакшин-Шебинеров	77
5.	Гаряева		22.	Дархачутов	4
6.	Сарджанаева		23.	Зюневы — Джапова	110
7.	Мергенова		24.	Манджиева	96
8.	Анграева Тукчи		25.	Нимаева	63
9.	Хабанова		26.	Сарангова	42
10.	Кебюнова		27.	Алексеева	52

11.	Дондаева		28.	Гаряева	25
12.	Запсуровы:		29.	Бадмаева	37
13.	Ирсланова		30.	Шининова	18
14.	Хазалбышева		31.	Оргечкова	18
15.	Манджиева	42	32.	Чимид-Очирова	36
16.	Эрдениева	58	33.	Шубтаркиева	8
17.	Торгоутов-Буюнтукова	46	34.	Убушиева	75
			35.	Итого	2628
Александровский улус					
1.	Кирлянкинов	40	11.	Керетов	299
2.	Бага-Эркетенев	48	12.	Цагаланкинов	68
3.	Цатаны Бончикова	248	13.	Эркетенев	106
4.	Ики-Хошутов	81	14.	Убушанкинов	82
5.	Мергечутов	40	15.	Цатан Хазлаева	129
6.	Шебинеров	91	16.	Бага-Хошутов	92
7.	Хойт-Хахачинеров	97	17.	Доглмутов	62
8.	Ики-Бага-Теленгутов	82	18.	Чиляченеров	26
9.	Бага-Керетов	32	19.	Бага-Хошутов	150
10.	Уранхусов	91		Итого:	1867
Яндыко-Мочажный улус					
1.	Яндыковский Барунов род	345	12.	" — "	106
2.	Ламин-Шебинеров	7	13.	" — "	95
3.	Цатанов	44	14.	Шебинеров	109
4.	Барунов	50	15.	Керетов	33
5.	" — "	50	16.	Батутов	35
6.	Барунов	26	17.	Керетов	330
7.	" — "	25	18.	Аха-Цатанов	192
8.	" — "	35	19.	Барунов	344
9.	Багутов	101	20.	Багутов	1042
10.	Шарс-Багутов	191	21.	Барунов	34
11.	Керетов	64	22.	Керетов	416
				Итого:	3574
Мочажное ведомство					
1.	Зюнев	115	7.	Барунов	213
2.	Шебинеров	40	8.	Джицов	8
3.	Барунов	57	9.	Зюнев	73
4.	" — "	45	10.	Запсуров	66
5.	Зюнева	268	11.	Зюнев	35

6.	" — "	25		Итого:	945
Икицохуровский улус (Мочаж. ведом.)					
1.	Замутов	121	7.	Хошутов	81
2.	Кебюн-Нойотов	49	8.	Шебинеров	33
3.	Яргачин-Эркетенев	65	9.	Сатхалов	10
4.	Беснянкинов	59	10.	Зекен-Кесиков	51
5.	Ачинеров	30	11.	Зюнгаров	30
6.	Тохон-Кесиков	81		Итого:	611
Эркетеневский улус (Мочаж. ведом.)					
1.	Кетчинеров	29	12.	Цебгекинов	5
2.	Шебинеров	64	13.	Дунду-Хапчинов	36
3.	Харнутов	34	14.	Керетов	5
4.	Му-Хоринов	15	15.	Ялькетов	9
5.	Харнутов	115	16.	Будбулов	27
6.	Ики-Хапчинов	53	17.	Хокчутов	13
7.	Бага-Хапчинов	49	18.	Мацагакинов	39
8.	Эрекчутов	7	19.	Ики-Багутов	1001
9.	Меркетов	35	20.	Зюнгаров	75
10.	Бульчинов	19	21.	Гуюрмутов	2
11.	Цатанов	15		Итого:	1647
Харахусовский улус (Мочаж. ведом.)					
1.	Бага-Гурбутов	78	7.	Замутов	21
2.	Ангучинов	95	8.	Бабенкинов	8
3.	Джамбанкинов	23	9.	Самтанакинов	10
4.	Цоросов	12	10.	Сатхалов	12
5.	Батутов	17	11.	Харахусов	552
6.	Шебинеров	68		Итого:	947
				Всего:	34450
Большедербетовский улус					
1.	Ики-Туктунов № 1	115	9.	Ики-Чоносов	424
2.	Абганеров	88	10.	Будульчинеров	52
3.	Цорос-Шерет-Тарачинеров	148	11.	Бюдермисов	179
4.	Ики-Туктунов № 2	124	12.	Бага-Бурулов	151
5.	Бага-Туктунов № 1	249	13.	Князе-Михайловский поселок	44
6.	Бага-Туктунов № 2	29	14.	Односелья зайсангов	38
7.	Абганер-Гаханкинов	76	15.	Хозяйства хурулов	5
8.	Хадженкинов	68		Итого:	1790
				Всего всех:	36240

Этнический состав донских, оренбургских и терских калмыков

1. Оренбургские калмыки образовались на базе ставропольских крещеных калмыков. Для крещеного внука Аюки-хана — Петра Тайшина и его жены Анны был построен городок — Ставрополь-на Волге. Они взяли с собой подданных, пожелавших вместе с ними принять христианство. Петр Тайшин имел в своем владении улус, состоящий в основном из цатанов и части керетов, т. к. его отцу — Чакдорджапу принадлежали все кереты и аха-цатаны. Затем к ним присоединилось некоторое число людей из Эркетеневского улуса, принявшие христианство. Анна Тайшина была сестрой Дербетов-ского Лабан-Дондука, поэтому с ней ушел из Дербетов также ее брат Чидан, принявший по крещении имя Никиты Дербетева, который тоже взял своих подданных — Дербетов. Таким образом, первые посланцы Ставрополя состояли из торгоутов и дербетов. В 50-х годах XVIII века из Джунгарии пришли калмыки разных этнических групп, которые суммарно назывались зюнгарами, из них многие крестились и сами ушли в Ставрополь к крещеным калмыкам, как оказалось по многим документам, зюнгаров там было много из предшествующих поколений крещеных. Выше мы говорили о группе нойона Шеаренга. В его письмах, а также в письмах его братьев и родственников много говорилось о том, что их родственники со своими людьми живут в Ставрополе и приняли христианство. Они располагали точными сведениями обо всех группах.

В разные годы к тем крещеным калмыкам присоединялись новые группы из разных улусов и родов. Достаточно обширные, документированные сведения о крещеных калмыках содержатся в фундаментальном исследовании архимандрита Гурия, поэтому ограничимся этими замечаниями.

2) Терские калмыки в основном были из аха-цатанов. Они после смерти владельца улуса Яндыка, не желая оставаться в подчинении его жены Битюки, со своим зайсангом откочевали на Терек и приняли там христианство.

3) Донские калмыки. Социальная история донских калмыков исследована как в дореволюционной, так и в современной научной литературе. Несмотря на наличие специальных исследований, этническая история этой большой группы калмыков до сих пор не получила объективного и фактического освещения. Все исследователи ссылались на архивы Новочеркасска, Ростова-на-Дону и другие, между тем достаточно фактический материал имеется в Национальном архиве Калмыкии. Проблемы этнической истории донских калмыков требуют специального изучения, поэтому мы ограничимся ссылкой на имеющиеся публикации. Н. Ш. Ташнинов, в специальной статье о донских калмыках, указал на наличие известных 13 калмыцких сотен в Сальских степях, которые были расположены в следующем составе:

"1. Цевднякинская сотня — на правой стороне балки Большой Гашун и по левую сторону реки Джурак-Сала, дворов — 672, населения — 2545, из них: мужчин — 1263, женщин — 1282.

2. Бурульская сотня — на балке Гашун, дворов — 185, населения — 805, из них: мужчин — 381, женщин — 424.

3. Беляевская сотня — по левой стороне реки Джурак-Сала, дворов — 230, населения — 708, из них мужчин — 335, женщин —373.

4. Потаповская сотня — по левой стороне реки Сал, дворов — 228, населения — 670, из них мужчин — 334, женщин — 336.

5. Эркетеневская сотня — по левой стороне реки Сал, дворов — 281, населения — 608, мужчин — 312, женщин — 296.

6. Чоносовская сотня — на балке Гашун, дворов — 361, населения 1371, мужчин - 699, женщин - 672.

7. Бембедякинская сотня — по левой стороне реки Сал, дворов — 583, населения — 1898, мужчин — 964, женщин — 934.

8. Геленгекинская сотня — по левой стороне реки Сал, дворов — 542, населения — 2002, мужчин — 936, женщин — 1066.

9. Зюнгарская сотня — по левой стороне реки Большая Куберла, дворов - 633, населения - 2403, мужчин - 1200, женщин - 1203.

10. Кебютская сотня — по правой стороне реки Куберла, дворов — 547, населения — 2016, мужчин — 950, женщин — 1066.

11. Бокшракинская сотня — по левой стороне реки Сал, дворов — 591, населения — 2471, мужчин — 1251, женщин — 1220.

12. Батлаевская сотня — по левой стороне реки Сал, дворов — 283, населения - 1068, мужчин - 518, женщин - 550.

13. Ики-бурульская сотня — по балке Эльмут, по правой стороне реки Маныч, дворов - 565, населения - 2515, мужчин - 1290, женщин — 1225.

Всего населения во всех 13 сотнях донских калмыков в 1859 году было — 21069 человек".

По этническому составу, по предположениям К. П. Шовунова, Бурульская, Бембедякинская, Чоносовская, Кебютская, Ики-Бурульская — состоят из дербетовских групп; Эркетеневская, Бокшракинская, Багутовская (Батлаевская) — из торгоутовских; Беляевская, Балдырская (Потаповская)

— из Чугуевских; Харьковская (Цевднякинская) и Рынцановская — из зюнгарских.

Ц.-Д. Номинханов, автор специальной статьи "Об этническом составе донских калмыков", опубликованной в 1969 году, писал, что "родовой строй у донских калмыков давно утратил свое общественно-политическое значение. Речь может идти только об отдельных его пережитках, сохранившихся в быту населения. К ним следует отнести сохранившиеся до сего времени названия костей давно пройденного этапа жизни народа". И он перечислил представители каких костей (ясан) встречаются среди населения каждой из 13 станиц. В результате своих исследований, ученый пришел к выводу, что "донские калмыки по своему этническому составу представляют собою конгломерат многочисленных монго-ло-ойратских родоплеменных групп", отметив при этом, что "на новом месте прежние группировки донских калмыков нарушены, но родство по крови — ясан терел, как и раньше, соблюдается и поныне".

К этим сведениям об этническом составе донских калмыков, хочется добавить два документа, связанных с названием сотни Геленгякинской (Гелингякинская, Геленгекинская).

В Управление Калмыцким народом поступил документ от "Калмыков Яндыковского улуса Керетова (Гелингякинова то ж) рода, бывшего аймака зайсанга Ользете Самтанова

Прошение

Около 50 лет тому назад мы, калмыки, под неофициальным названием рода Гелингякинского составляли отдельный аймак, управлявшийся своим зайсангом, но лет 40 тому назад наш аймак, за прекращением рода наших зайсангов, перешел во владение зайсангов под неофициальным названием Гендинякинского, из калмыков Гелингякинского и Гендинякинского родов образовался один аймак под официальным названием — керетова рода, аймак Самтанова, который ныне состоит из 385 окладных кибиток, из коих 120 кибиток калмыки Гелингякинского рода, а остальные 265 кибиток — калмыки Гендинякинского рода. То, что мы калмыки Гелингякинского рода раньше составляли отдельный аймак подтверждается еще и тем, что места кочевок и все земельные угодья наши находятся отдельно от места кочевок и земельных угодий Гендинякинского рода, и при том нас отделяют от них целые два других аймака: бывший аймак зайсанга Босхаева Керетова рода и Шебенерова рода, а также отдельные наши хурулы, расположенные: наш хурул в центре наших калмыков, а хурул Гендинякинцев — в центре их калмыков. От присоединения наших двух аймаков в один, нам, просителям, кроме вреда ничего не было, т. к. во всех делах общественных и отдельных лиц зайсанги стояли за своих коренных аймачных калмыков, и последние под влиянием своих зайсангов, и превышая нас числом своих кибиток, всегда имели на нас подавляющее влияние, облагая нас всегда при раскладке

всяких денежных сборов больше, чем своих, и при исполнении разных общественных повинностей натурою брали людей и лошадей у нас больше, чем у своих...".

Вследствие этого прошения, было заведено "Дело о выделении калмыков Керетова (Гелингякинова) рода Яндыко-Мочажного улуса в самостоятельное общество". Попечитель улуса Мясников в своем рапорте в Управление Калмыцким народом писал: "Согласно предписания от 17 июня с. г., представляя при сем прошение калмыков Яндыковского улуса Керетова (Гелингякинова то ж) рода, вместе с протоколом от 30 июня, рапортом помощника попечителя Мясникова от 30 июля, имею честь донести УКН, что калмыки Яндыковского улуса, Гелингякинского и Гендинякинского родов раньше составляли особые аймаки, соединившиеся в одно общество лет 50 тому назад. Калмыки этих двух родов как до соединения их в одно, так и в настоящее время кочуют отдельно — каждый аймак с своими родовыми хурулами в 20 верстах друг от друга. Но в улусном управлении не имеется дела о соединении из калмыков этих двух родов одного аймака. Мотивы, изложенные Гелингякинцами в прошении, все верны: они действительно состоят из 3 хотонов, записанных в посемейных списках переписи 1876 года отдельно под №№ хотонов 12, 13 и 14 и которые кочуют все вместе на 4 буграх, рядом стоящих: под названиями 2 бугра "Баста" и 2 бугра "Ова", и на этих же буграх находятся их общественные запасы, особо от таковых Гендинякинцев. В виду этого, а также и вследствие различия в характерах калмыков этих двух родов, как сказано в означенном выше рапорте помощника попечителя, могущего вредно повлиять на совместную жизнь, я нахожу ходатайство калмыков Яндыковского улуса, Гелингякинского — Керетова рода об отделении их в числе 120 кибиток в особое общество и учреждении из них особого старшинства заслуживающим уважения".

Из сложившихся таким образом взаимоотношений между этими родами, вполне можно предположить связь между Гелингякинским родом Яндыковского улуса и Геленгекинской сотней донских калмыков.

Такие ситуации в XVII—XVIII веках приводили к откочевке отдельных родов в другие регионы, об этом сохранились достаточно полные документы.

Справка о количестве хурулов и численности духовенства в Калмыцкой степи в 1907 году.

Митиров А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. - Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. - 384 с.: ил..

Багацохуровский улус					
Хурулы/ Духовенство		гелюнги	гецюли	манджики	всех
1.	Большой хурул	14	3	8	25
2.	Манлан большой хурул	14	1	9	24
3.	Докшадын большой хурул	11	7	6	24
4.	Данджагин малый хурул	5	4	4	13
5.	Онкоров малый хурул	6	5	4	15
6.	Тайджинг малый хурул	4	5	5	14
7.	Гомонг малый хурул	7	4	5	16
8.	Замутов малый хурул	7	85	5	17
	Итого:	68	34	46	148
Малодербетовский улус					
1.	Сангак-Чонкорлинг большой хурул	11	6	10	27
2.	Раши-Челинг большой хурул	12	9	10	31
3.	Галдан-Шараблинг большой хурул	14	10	10	34
4.	Раши-Гебелинг большой хурул	10	8	9	27
5.	Солом-Дорджагин большой хурул	13	7	10	30
6.	Джал-тайши малый хурул	6	3	5	14
7.	Раши-Ласирин-Рабдолин малый хурул	7	5	5	17
8.	Сойбинг-Ламан малый хурул	7	5	5	17

9.	Гюрюмбе-Дархан-Дорджин малый хурул	7	5	2	14
10.	Раши-Гомонг малый хурул	7	5	5	17
11.	Ламринг-Челинг малый хурул	8	5	5	18
12.	Ламринг-Челинг-Богдо-Далай-Ламин	7	5	5	17
	Итого:	109	73	81	263
Эркетеневский улус					
1.	Большой хурул	6	9	9	24
2.	Докшадын большой хурул	9	6	8	23
3.	Манлан Большой хурул	9	7	7	23
4.	Манлан малый хурул	4	4	2	10
5.	Юмин малый хурул	4	4	5	13
6.	Маанин малый хурул	6	5	3	14
7.	Манлан малый хурул	7	4	4	15
8.	Дара-Экин малый хурул	7	2	5	14
9.	Бага-Цатанов большой хурул	9	7	6	22
10.	Бага-Цатанов малый хурул	5	4	5	14
	Итого:	60	52	54	172
Икицохуровский улус					
1.	Гемперлинг большой хурул	9	8	10	27
2.	Чонкорлинг большой хурул	13	6	8	27
3.	Раши-Пунцыглинг большой хурул	15	9	9	33
4.	Сере-Тошемлинг малый хурул	6	4	4	14

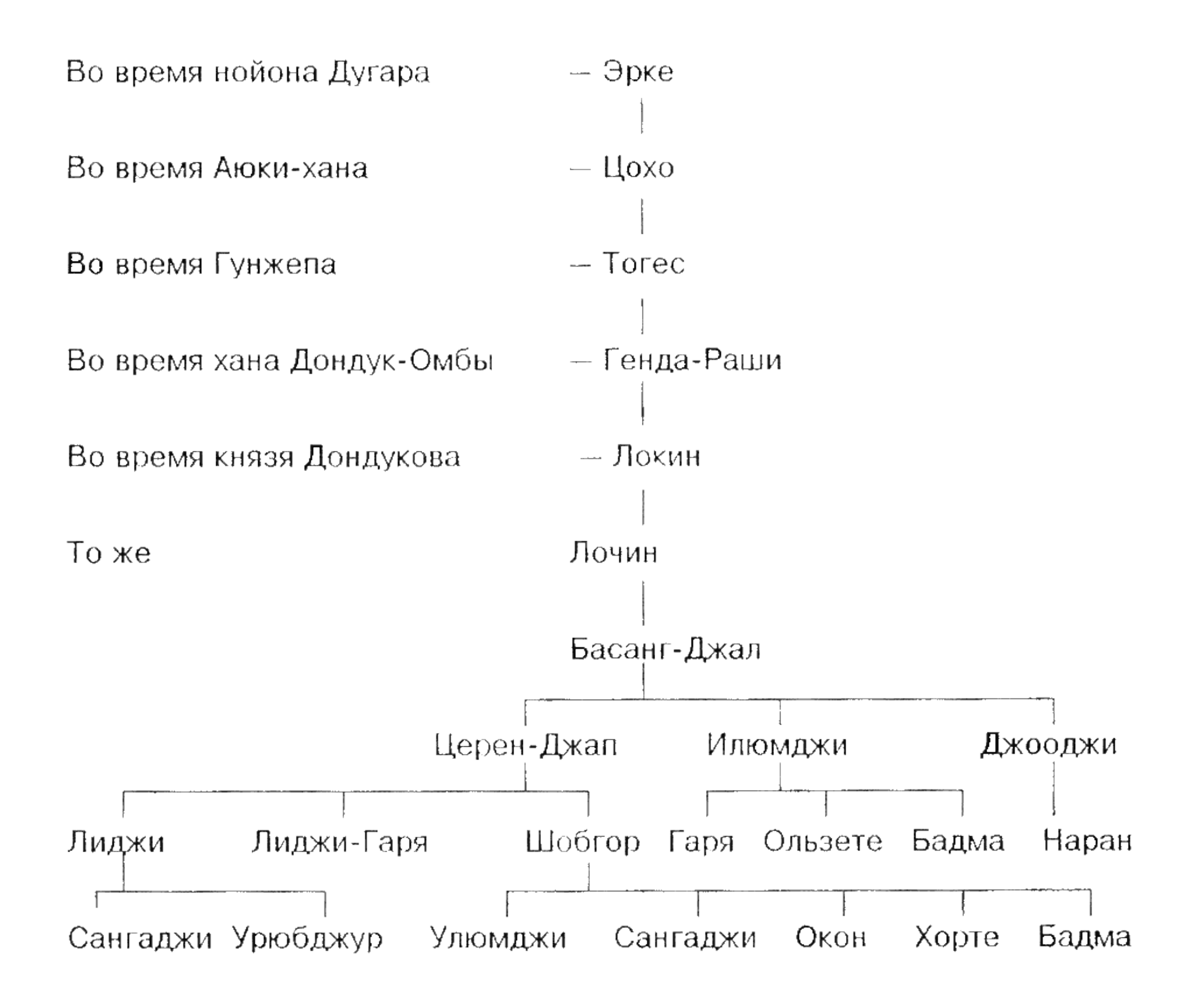
Сословие зайсангов в калмыцком обществе составляло суммарно один процент от общей численности населения, также и калмыцкое буддийское духовенство составляло один процент. Эти два процента населения, представлявшие наиболее образованную, уважаемую, почитаемую народом часть, в результате революций и последующих выселений, переселений и репрессий были практически уничтожены.

История калмыцкого народа в XX веке — тема специального исследования. Именно XX век принес калмыцкому народу неисчислимые бедствия, которые можно сравнить с уничтожением Джунгарского ханства ойратов в середине XVIII века цинской империей.

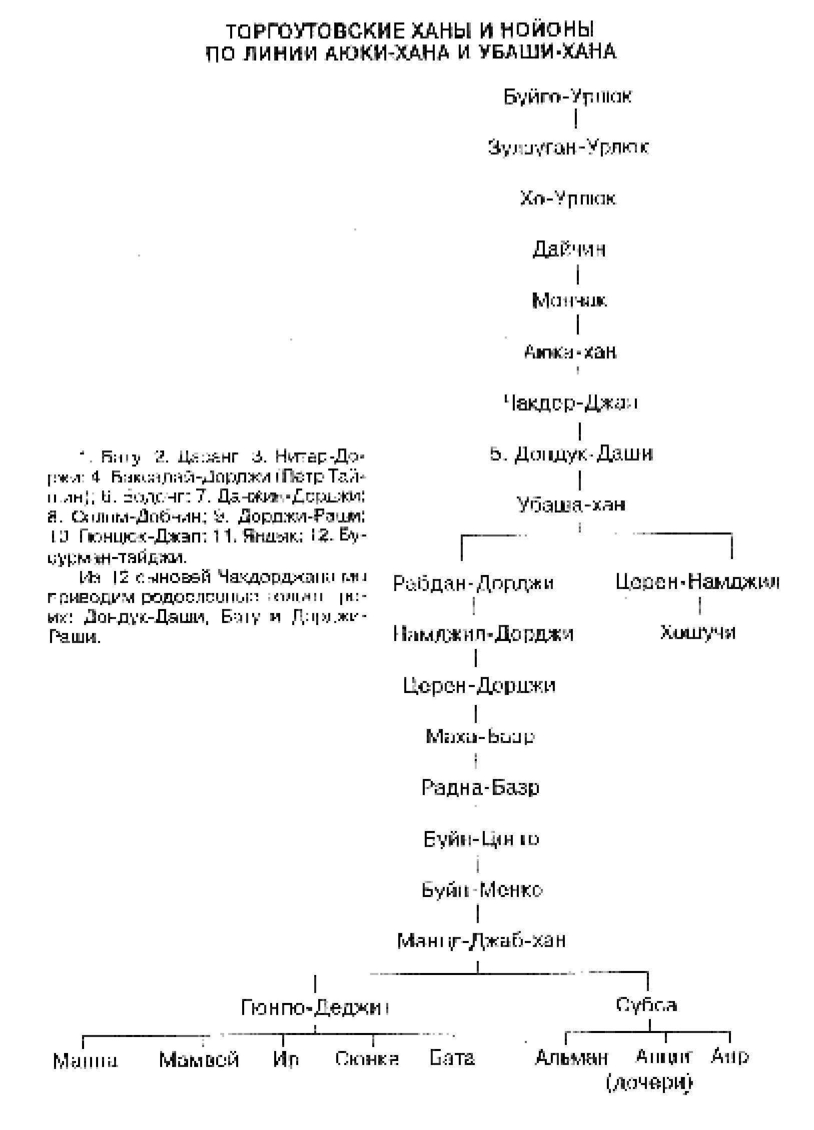
Но калмыки прошли через все испытания, история их продолжается...

Приложение

Родословная аймачного зайсанга Багацохуровского улуса Зюнева рода Лиджи Церен-Джапова

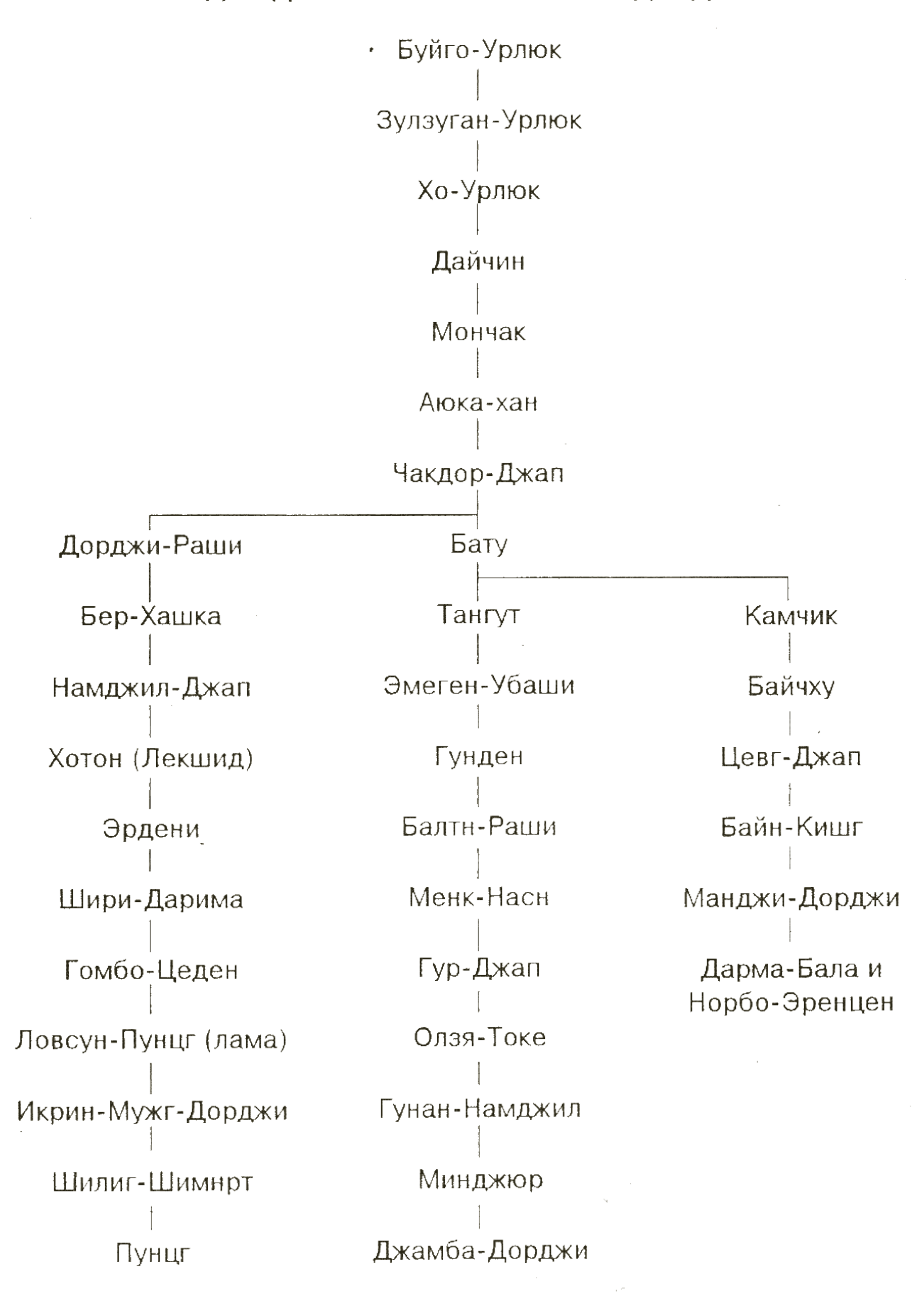


ТОРГОУТОВСКИЕ ХАНЫ И НОЙОНЫ ПО ЛИНИИ АЮКИ-ХАНА И УБАШИ-ХАНА

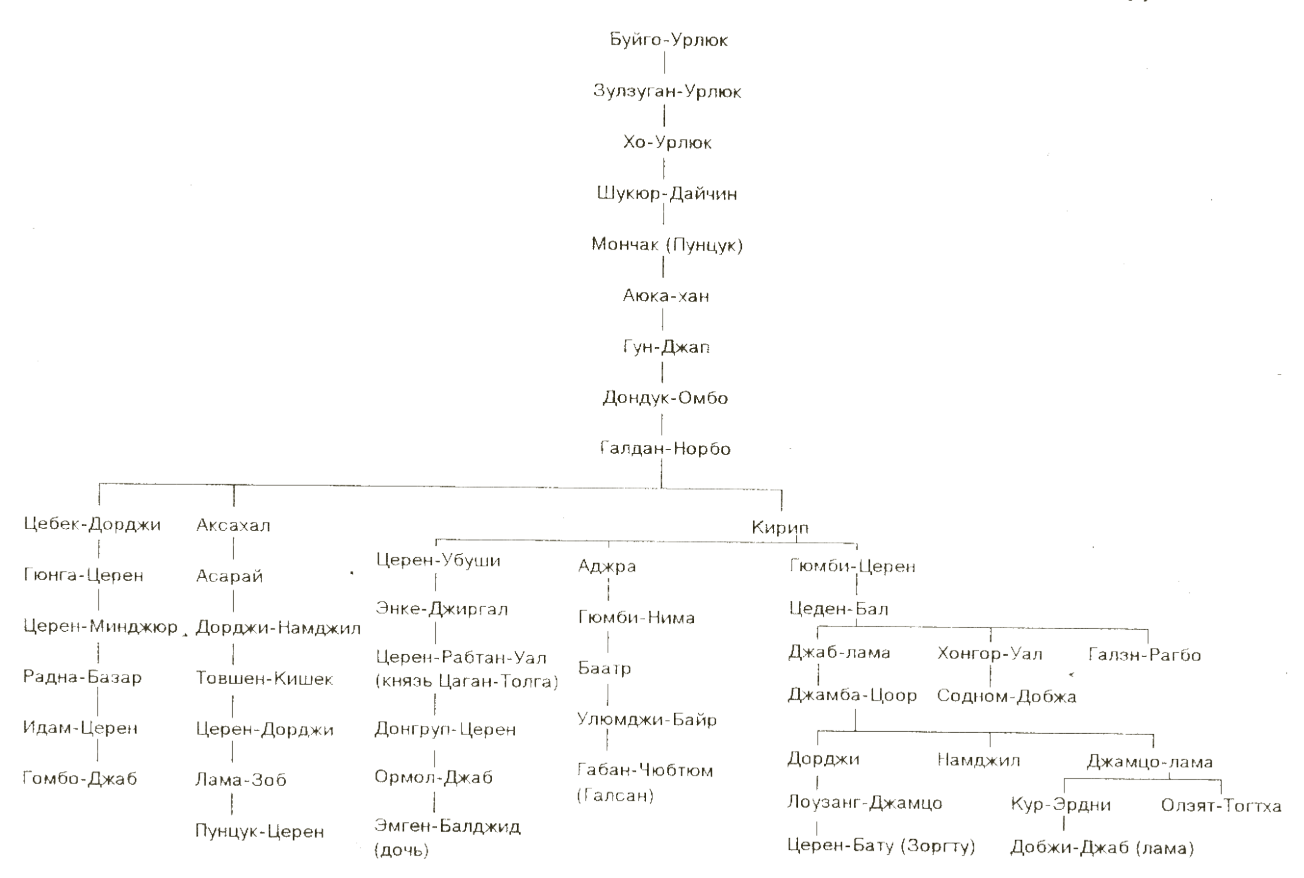


РОДОСЛОВНАЯ ТОРГОУТОВСКИХ НОЙОНОВ ОТ СЫНА АЮКИ-ХАНА — ЧАКДОР-ДЖАПА ПО ЛИНИИ БАТУ И ДОРДЖИ-РАШИ

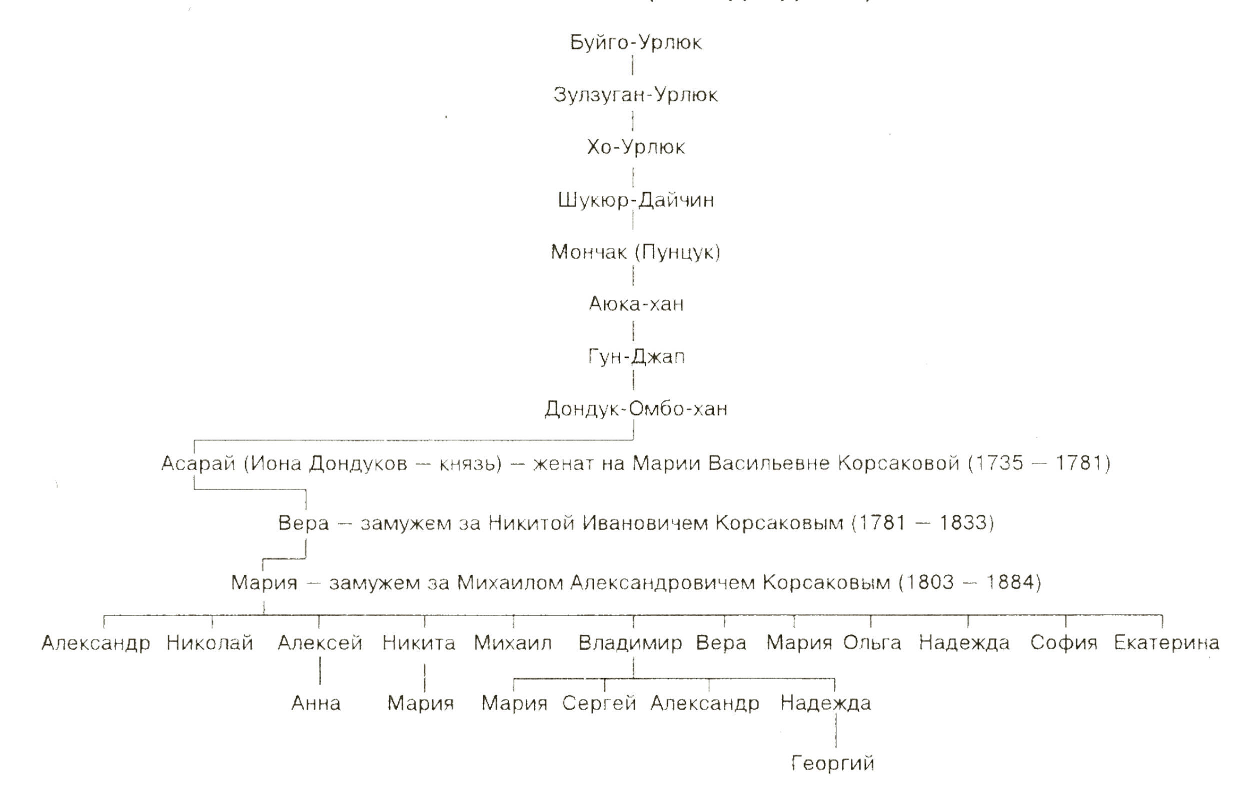
РОДОСЛОВНАЯ ТОРГОУТОВСКИХ НОЙОНОВ ОТ СЫНА АЮКИ-ХАНА — ЧАКДОР-ДЖАПА ПО ЛИНИИ БАТУ И ДОРДЖИ-РАШИ



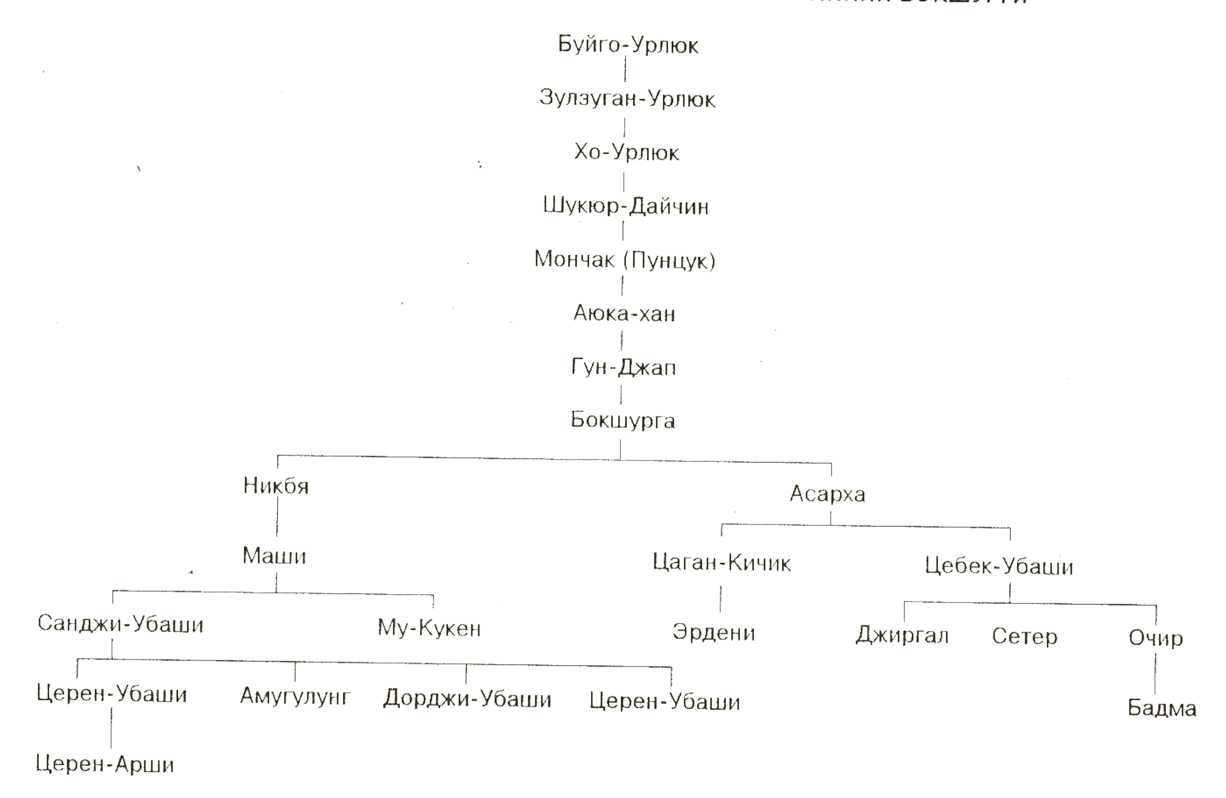
РОДОСЛОВНАЯ СИНЬЦЗЯНСКИХ НОЙОНОВ ОТ ХАНА ДОНДУК-ОМБО ПО ЛИНИИ ГАЛДАН-НОРБО



РОДОСЛОВНАЯ КНЯЗЕЙ ДОНДУКОВЫХ-КОРСАКОВЫХ ОТ ДОНДУК-ОМБО ПО ЛИНИИ АСАРАЯ (ИОНА ДОНДУКОВ)

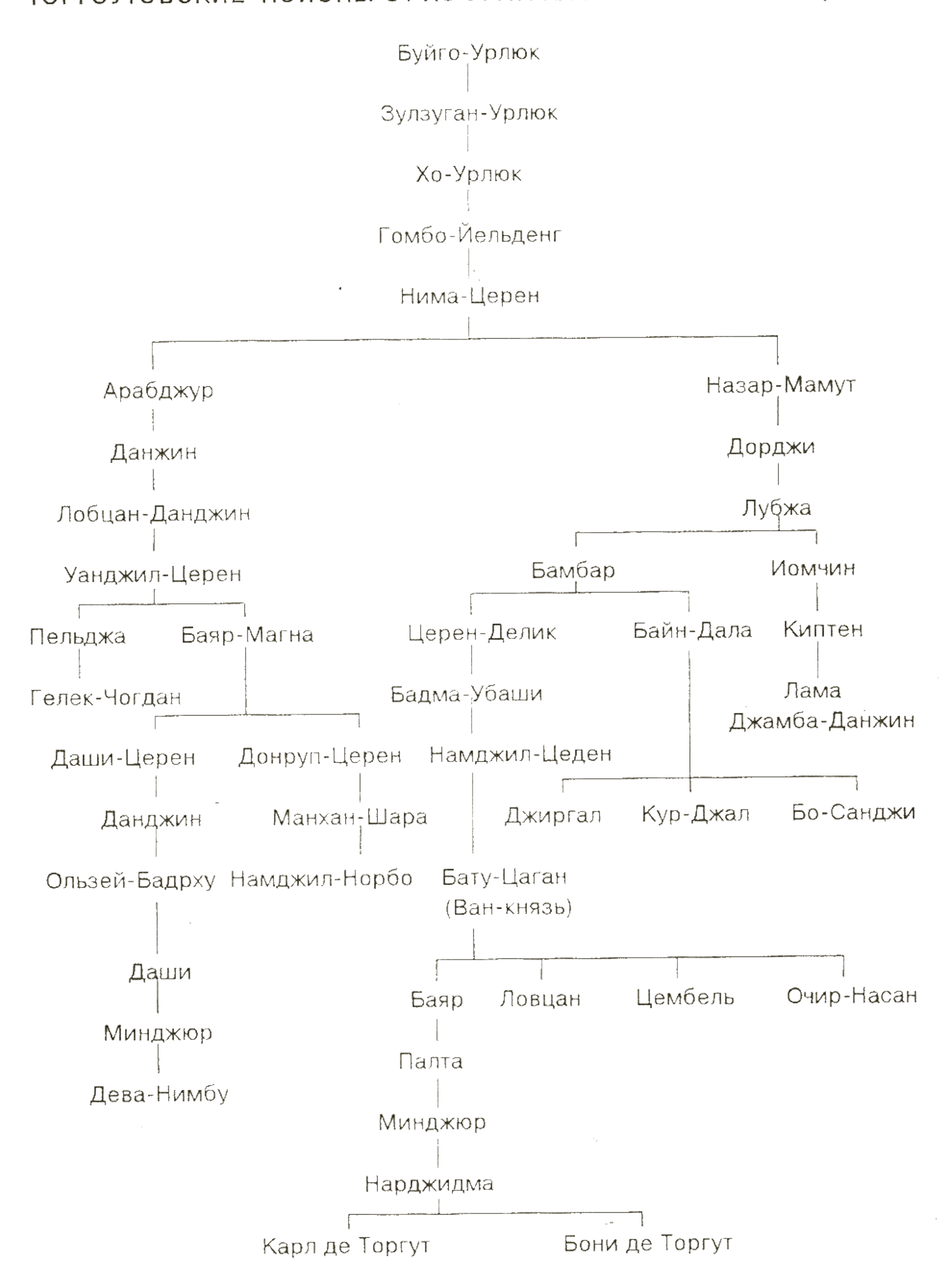


РОДОСЛОВНАЯ ИКИЦОХУРОВСКИХ НОЙОНОВ ПО ЛИНИИ БОКШУРГИ



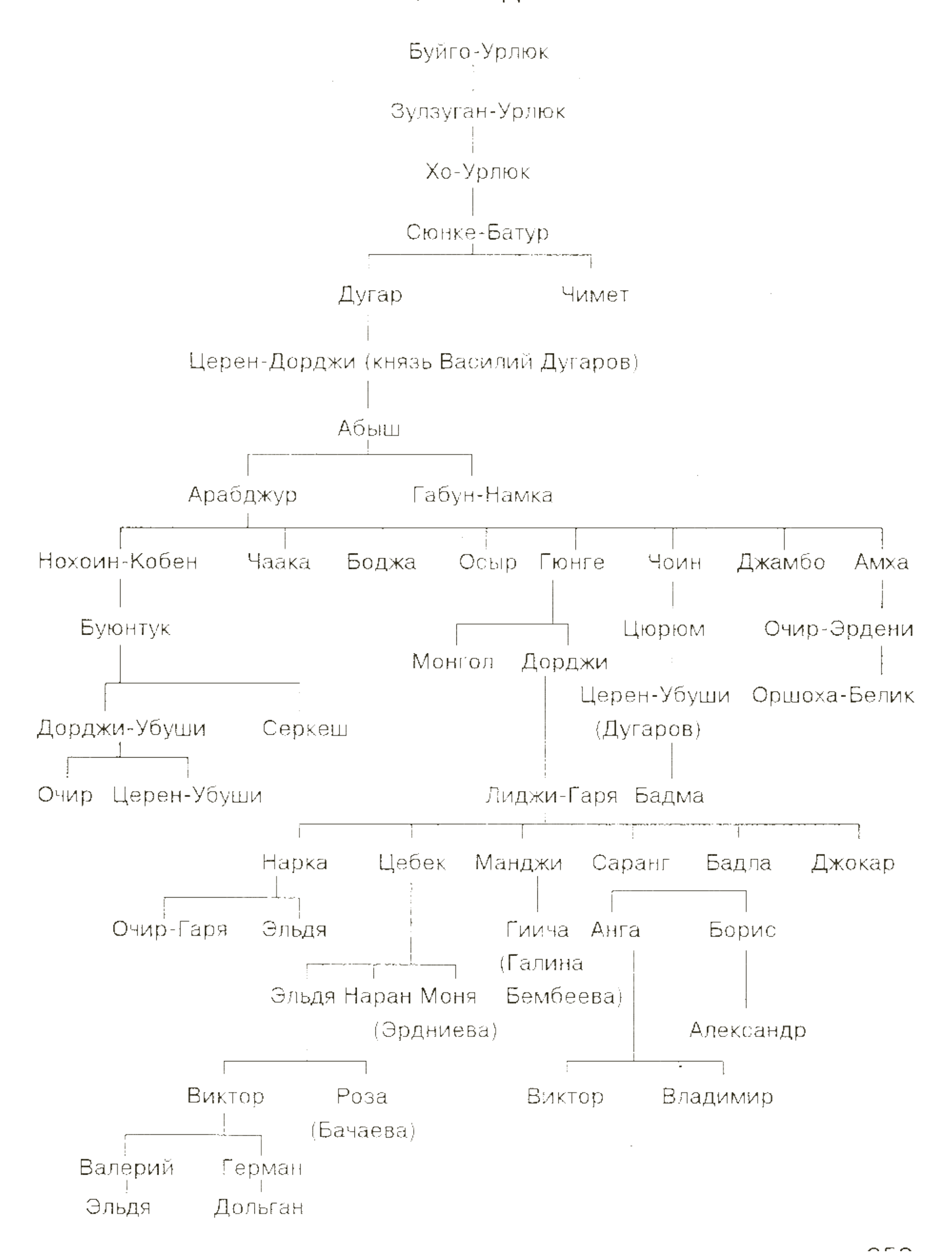
ТОРГОУТОВСКИЕ НОЙОНЫ ОТ ХО-УРЛЮКА ПО ЛИНИИ НИМА-ЦЕРЕНА

ТОРГОУТОВСКИЕ НОЙОНЫ ОТ ХО-УРЛЮКА ПО ЛИНИИ НИМА-ЦЕРЕНА

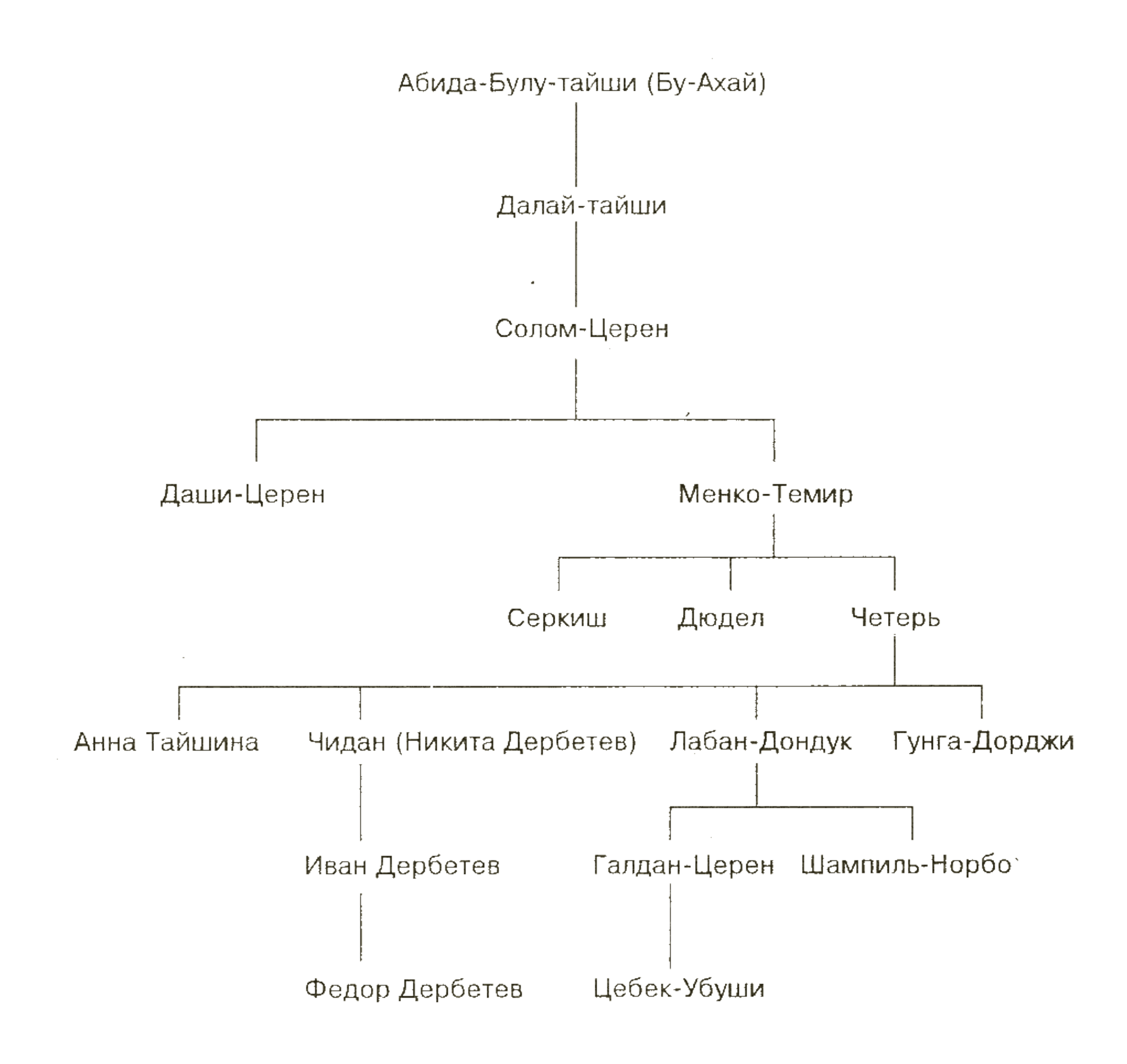


ТОРГОУТОВСКИЕ НОЙОНЫ ОТ СЫНА ХО-УРЛЮКА — СЮНКЕ-БАТУРА ПО ЛИНИИ ДУГАРА

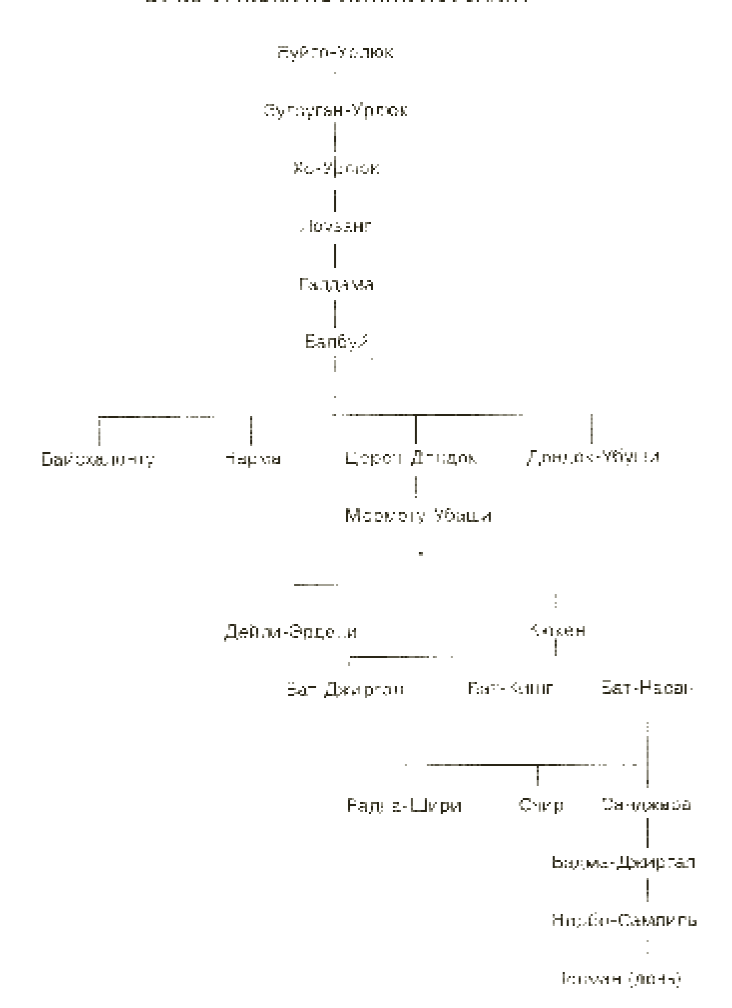
ТОРГОУТОВСКИЕ НОЙОНЫ ОТ СЫНА ХО-УРЛЮКА — СЮНКЕ-БАТУРА ПО ЛИНИИ ДУГАРА



РОДОСЛОВНАЯ ДЕРБЕТОВСКИХ НОЙОНОВ ОТ ДАЛАЙ-ТАЙШИ ПО ЛИНИИ СОЛОМ-ЦЕРЕНА

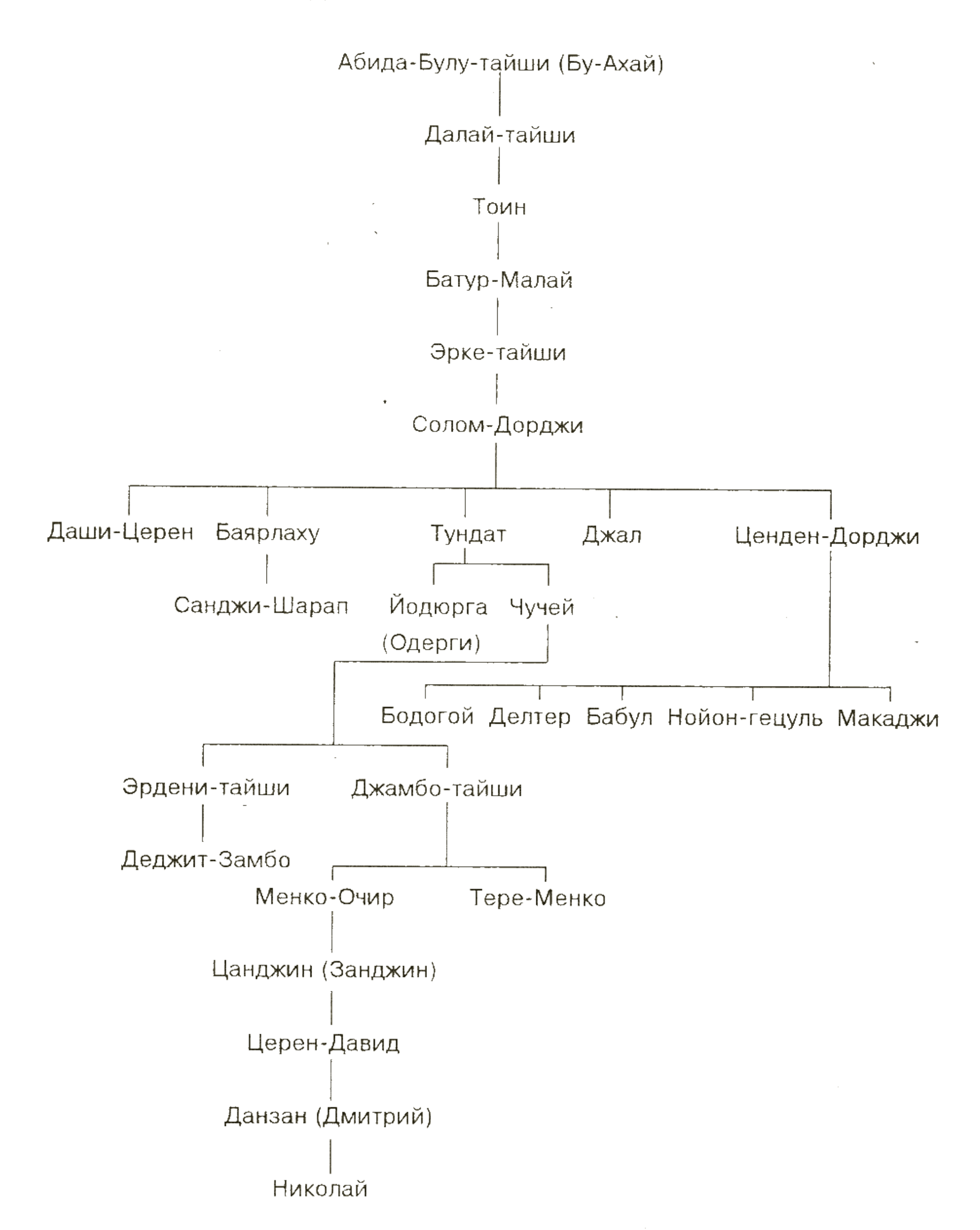


ТОРГОУТОВСКИЕ НОЙОНЫ ОТ ХО-УРЛЮКА ПО ЛИНИИ ЛОУЗАНГА

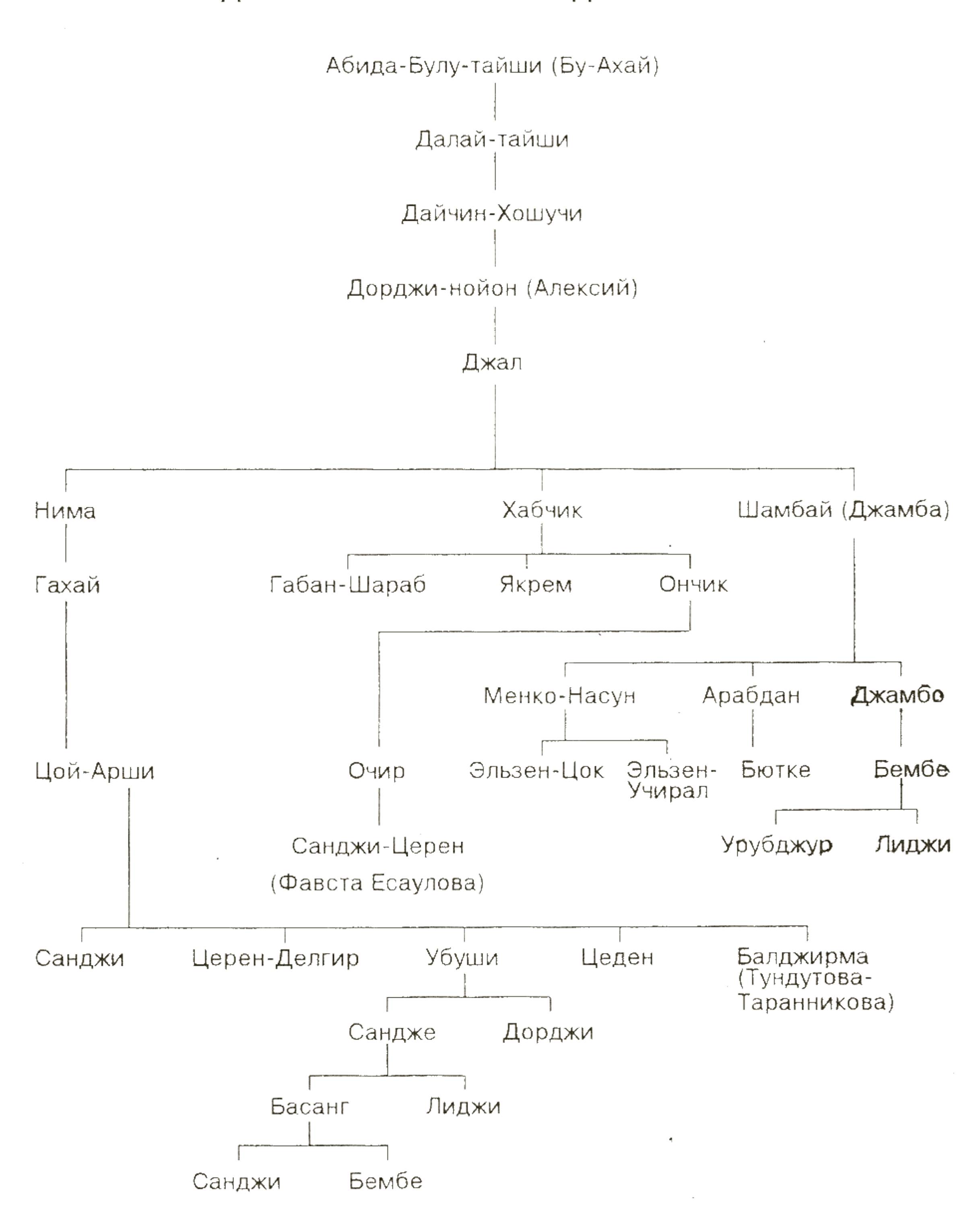


РОДОСЛОВНАЯ НОЙОНОВ МАЛОДЕРБЕТОВСКОГО УЛУСА ОТ ДАЛАЙ-ТАЙШИ ПО ЛИНИИ ТОИНА

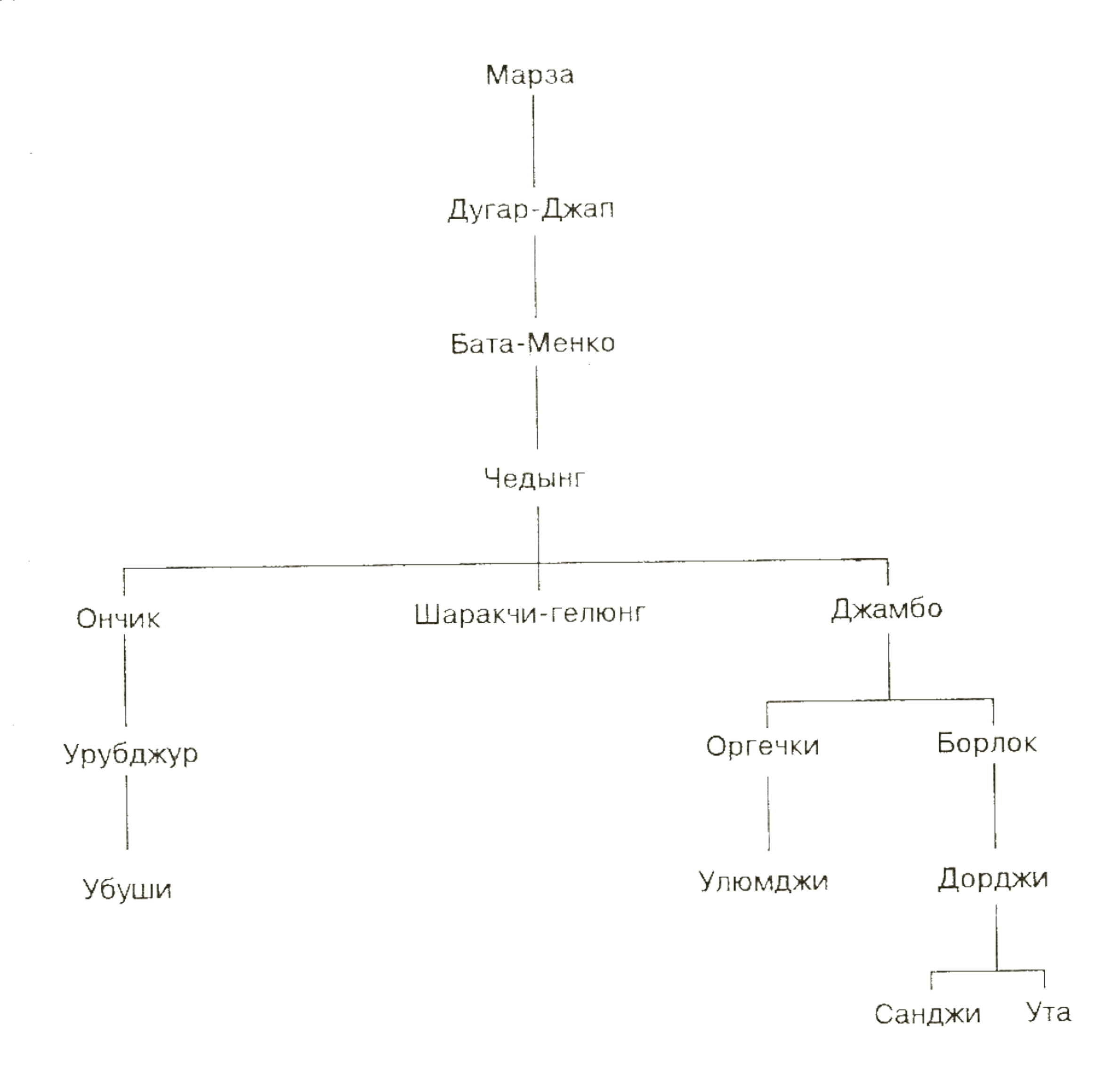
РОДОСЛОВНАЯ НОЙОНОВ МАЛОДЕРБЕТОВСКОГО УЛУСА ОТ ДАЛАЙ-ТАЙШИ ПО ЛИНИИ ТОИНА



РОДОСЛОВНАЯ НОЙОНОВ БОЛЬШЕДЕРБЕТОВСКОГО УЛУСА ОТ ДАЛАЙ-ТАЙШИ ПО ЛИНИИ ДАЙЧИН-ХОШУЧИ

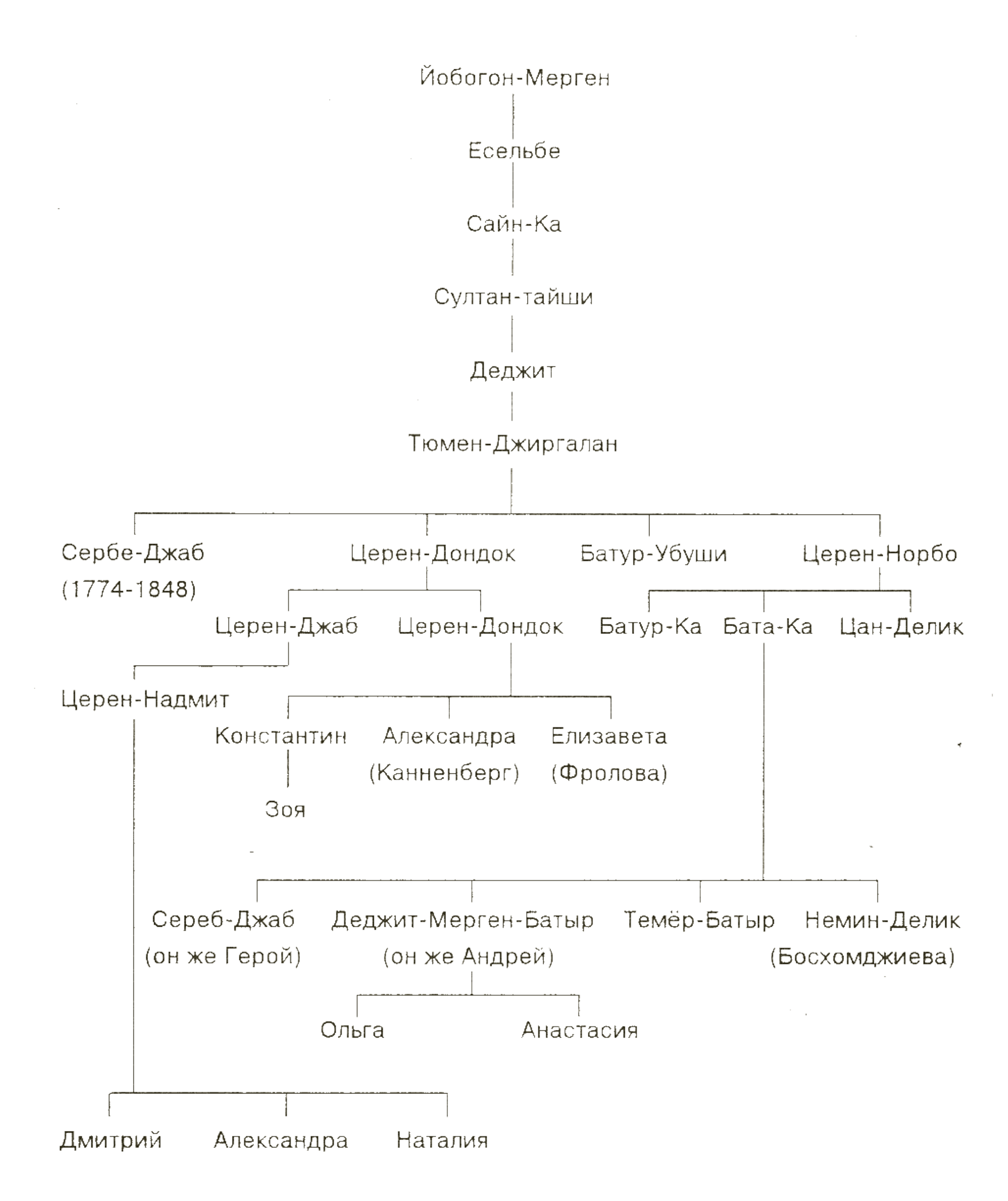


РОДОСЛОВНАЯ ЗАЙСАНГОВ МАЛОДЕРБЕТОВСКОГО УЛУСА ТУКТУН-ТАЛТАНКИНОВА РОДА ОТ МАРЗЫ ПО ЛИНИИ ДУГАР-ДЖАПА



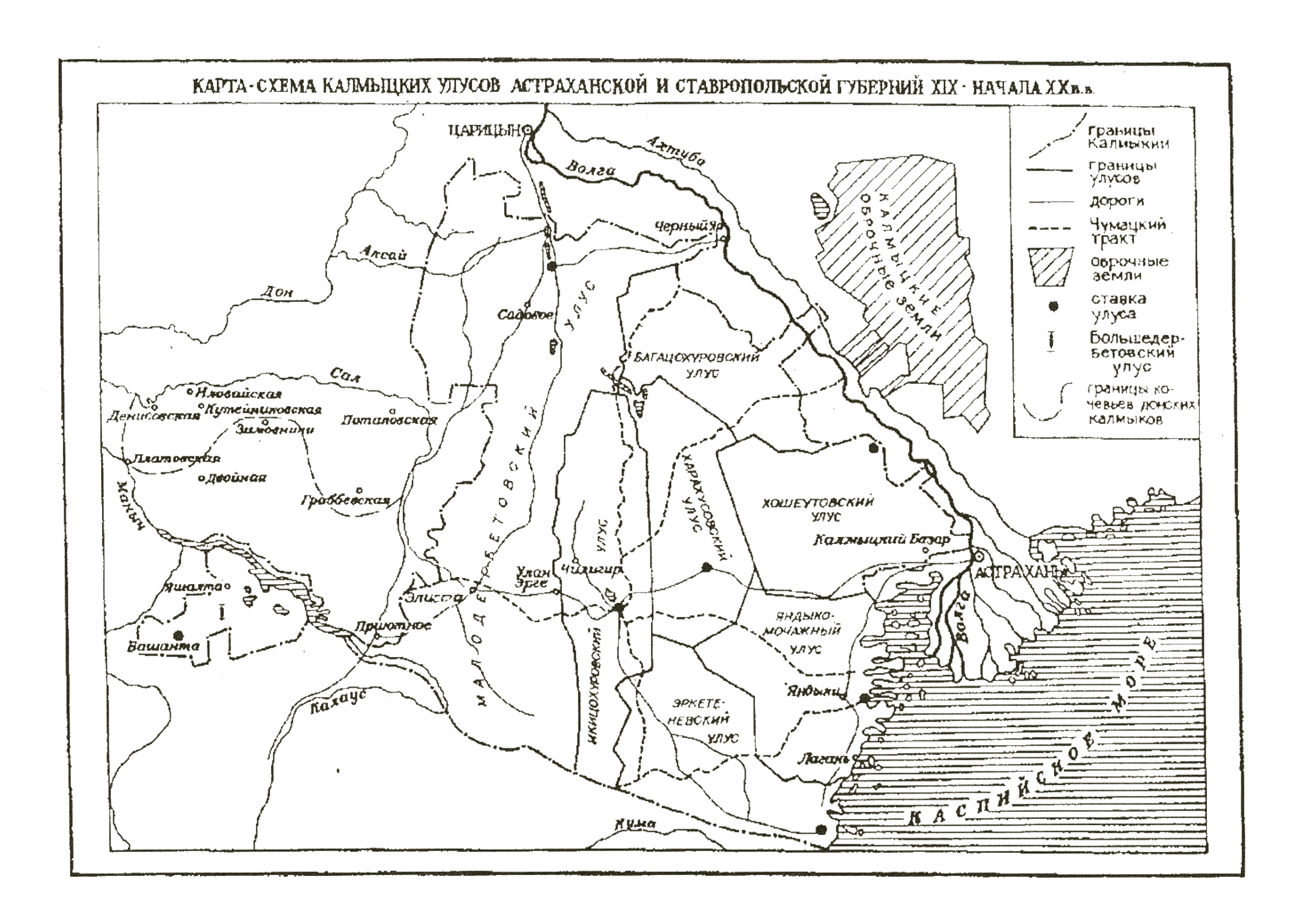
РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА ХОЙТСКИХ НОЙОНОВ ТЮМЕНЕЙ

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА ХОЙТСКИХ НОЙОНОВ ТЮМЕНЕЙ

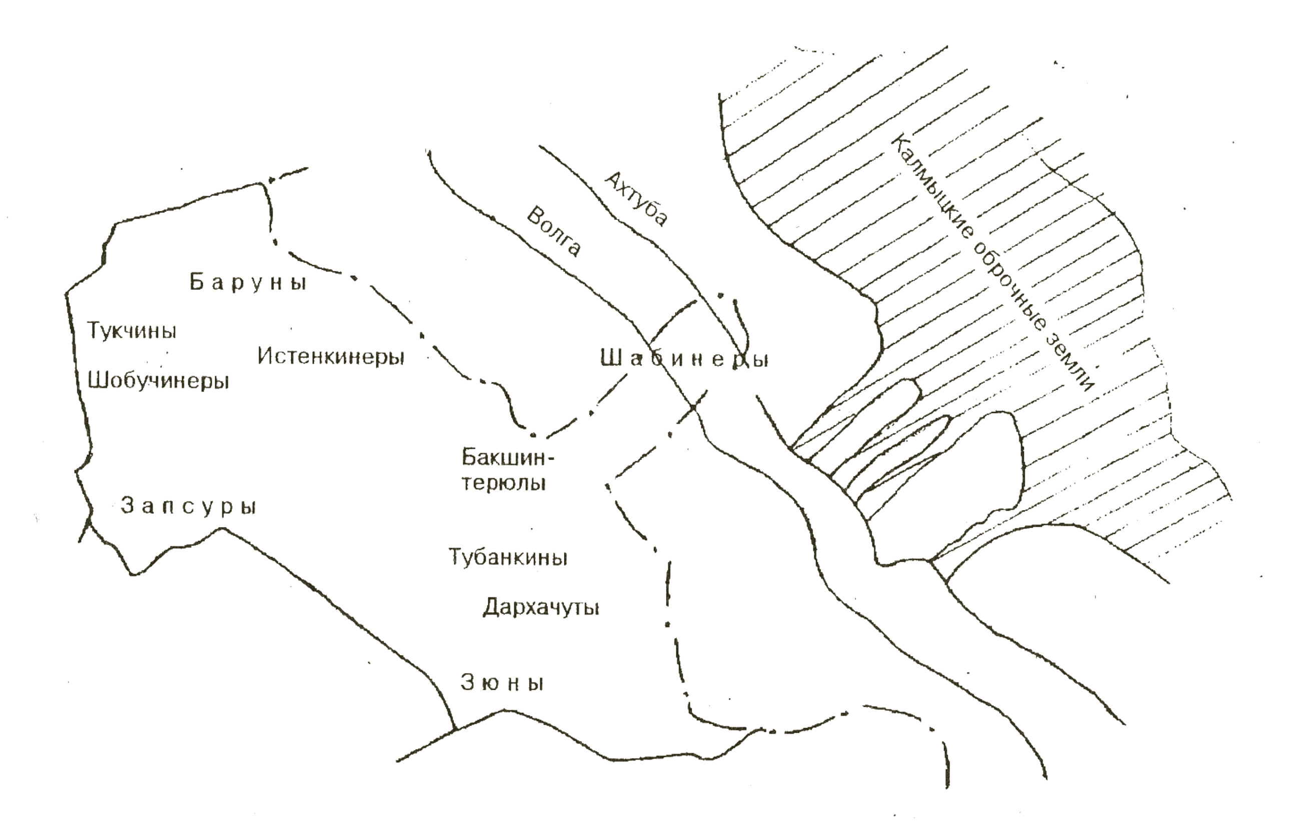


КАРТЫ УЛУСОВ

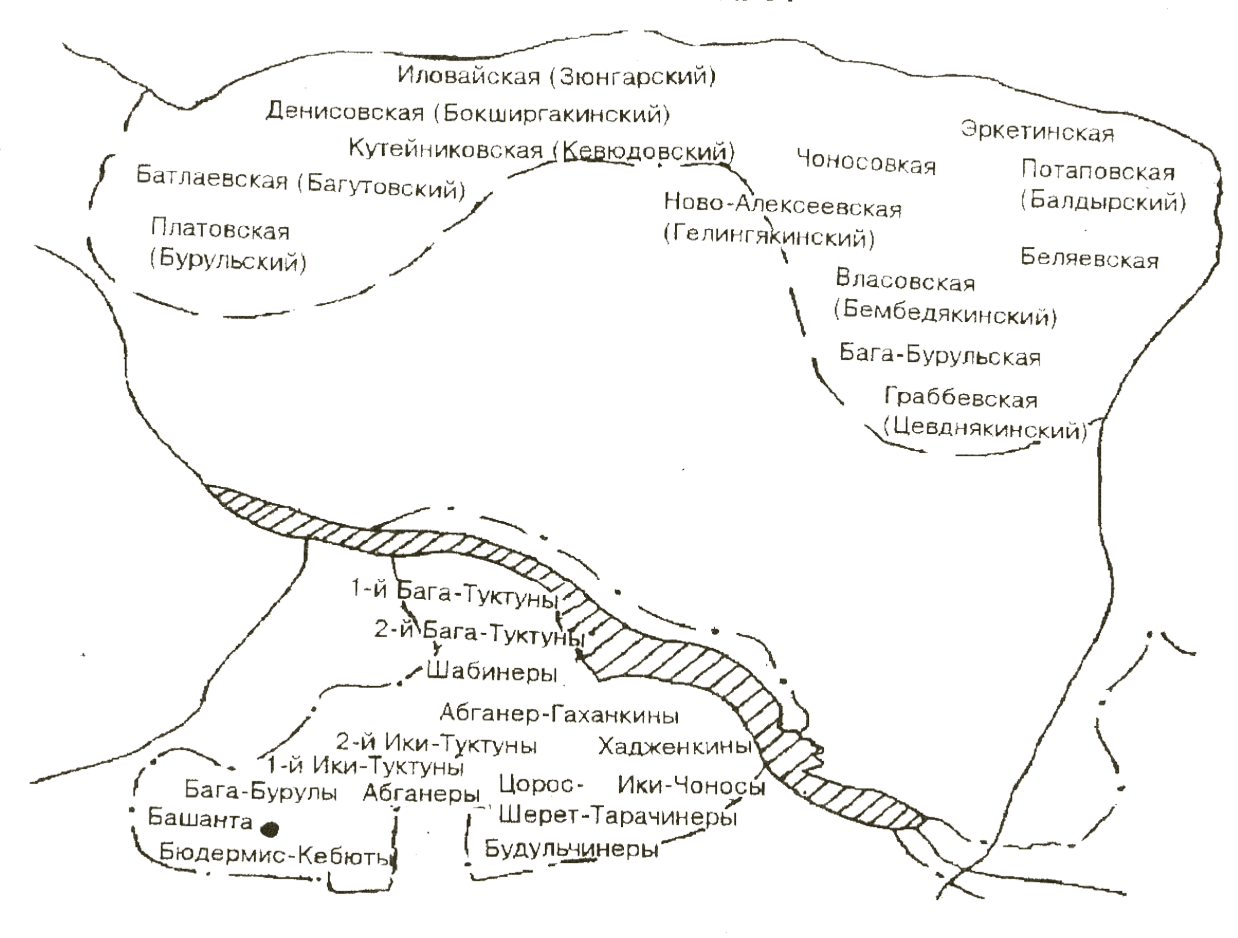
КАРТА-СХЕМА КАЛМЫЦКИХ УЛУСОВ АСТРАХАНСКОЙ И СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИЙ 19 - НАЧАЛО 20 вв.



БАГАЦОХУРОВСКИЙ УЛУС

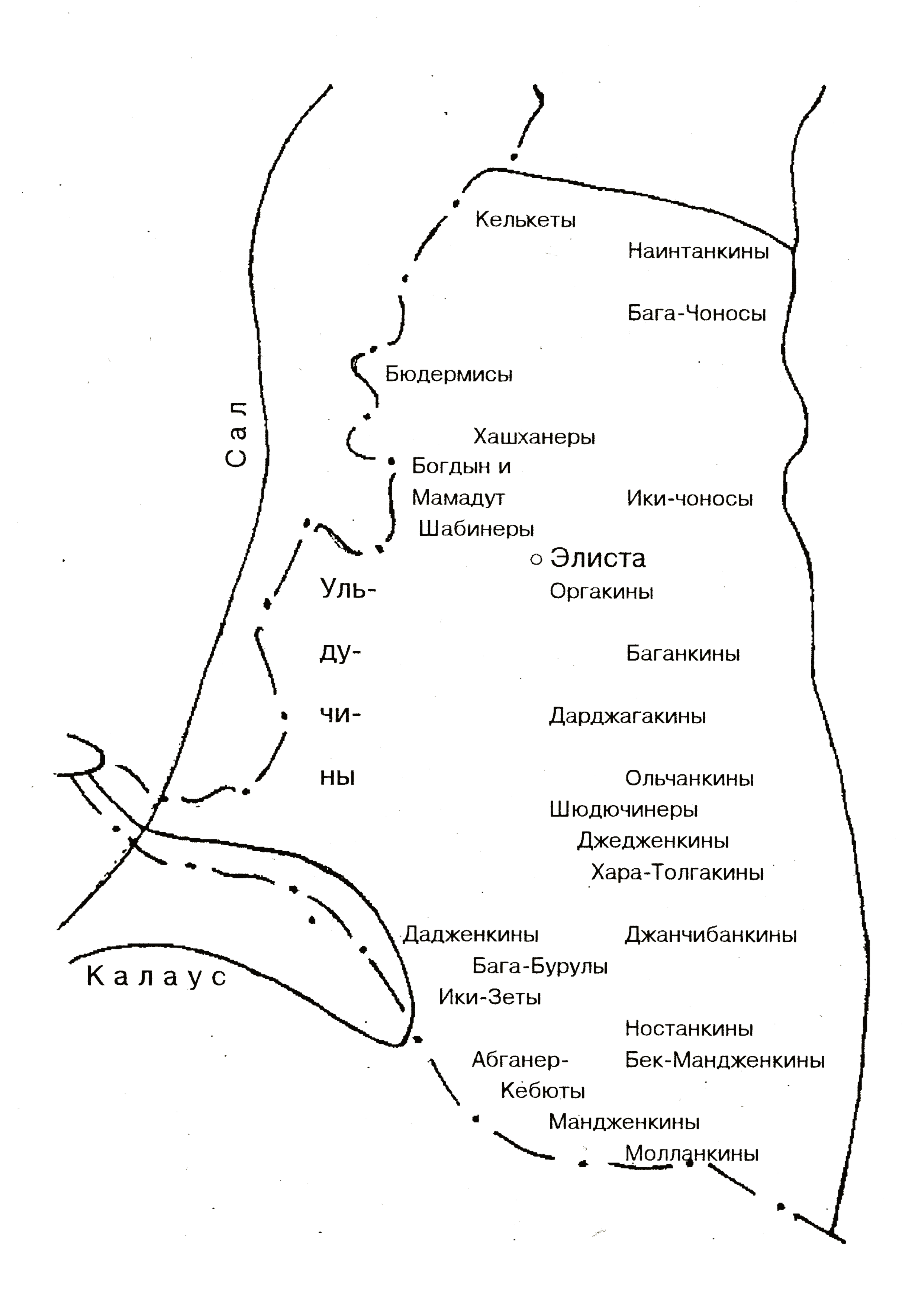


БОЛЬШЕ-ДЕРБЕТОВСКИЙ УЛУС. САЛЬСКИЙ ОКРУГ



МАНЫЧСКИЙ УЛУС

МАНЫЧСКИЙ УЛУС



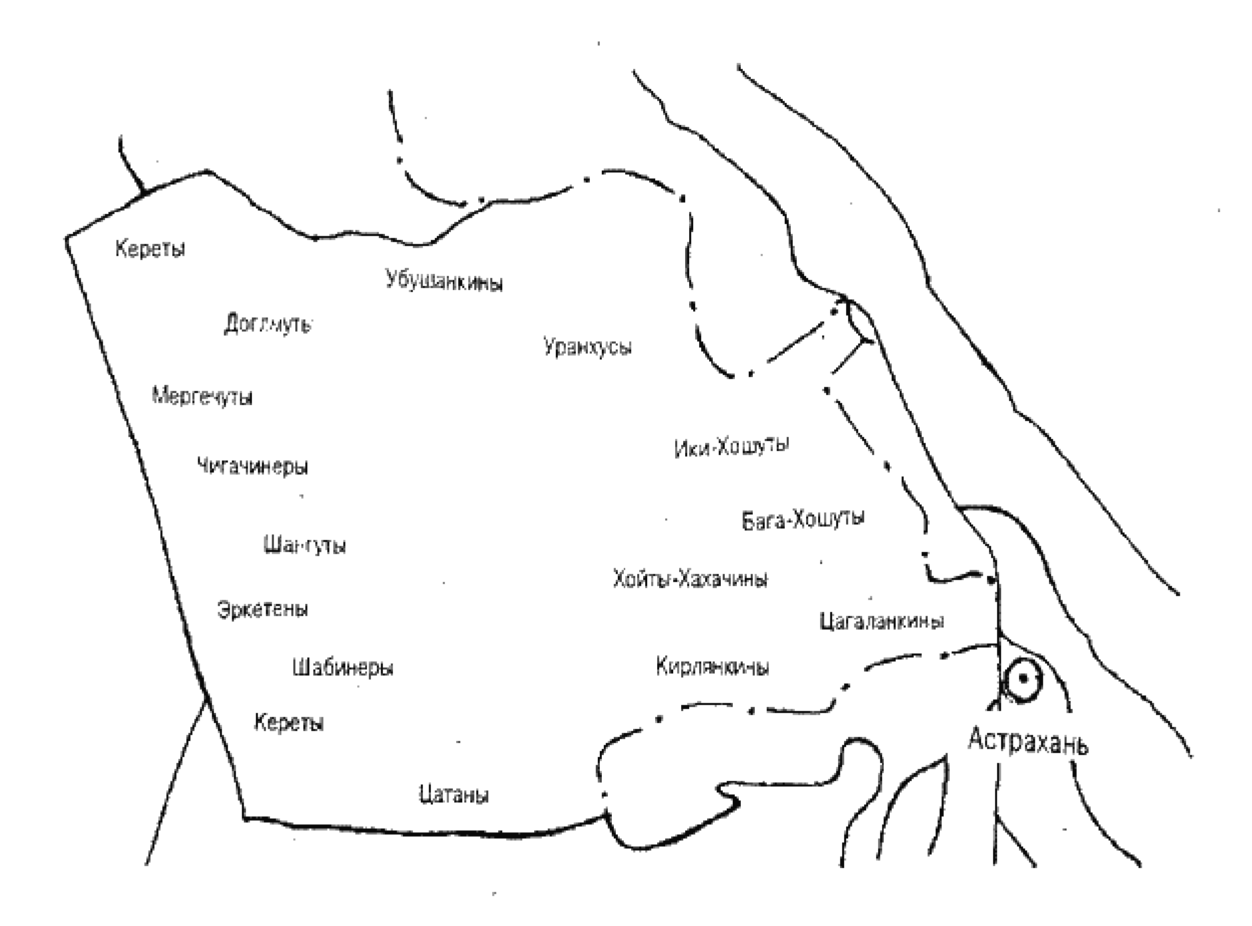
ИКИЦОХУРОВСКО-ХАРАХУСОВСКИЙ УЛУС

МАЛО-ДЕРБЕТОВСКИЙ УЛУС

МАЛО-ДЕРБЕТОВСКИЙ УЛУС

ХОШЕУТОВСКИЙ УЛУС

ХОШЕУТОВСКИЙ УЛУС



ЭРКЕТЕНОВСКИЙ УЛУС

ЭРКЕТЕНОВСКИЙ УЛУС

ЯНДЫКОВСКИЙ УЛУС

ЯНДЫКОВСКИЙ УЛУС

ТАМГИ КАЛМЫЦКИХ РОДОВ ПО УЛУСАМ:

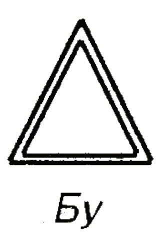
В 1880 году была проведена рекогносцировка в Калмыцкой степи. Материалы экспедиции дают всестороннее описание Калмыцких улусов, аймаков, названия родов, количество кибиток в каждом роде, аймаке, места кочевий. Эти материалы во многом повторяют сведения К. Костенкова, поэтому мы не приводим их здесь. Но в этом обследовании большой интерес представляют тамги родов по улусам. Так как многие тамги разных родов и улусов как в изображении их, так и в названиях повторяются, мы решили привести наиболее общие, характерные: с одной стороны, тамги как знаки собственности, закрепленные за отдельными родами в древности, несут на себе печать старины, а с другой — с течением времени, размножением родов, отделением частей от основного рода к первоначальному начертанию прибавлялись новые детали, менялись их названия.

Яндыковский:

Дойда-Багуты, Шарс-Багуты, Ики-Багуты

Чиндамани

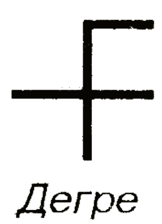
Кереты



Бу

Гасн (кол)

Батуты

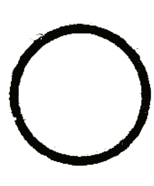


Дегре

Аха-Цатаны

Хошалх

Замуты



Толиг (круг)

Баруны
и
и
Бу (стрела)
Шабинеры
Бага-Цатаны
Бахан (столб)
Эркетеневский:
Для всех родов
Джанхават
Хабучины, Будбулы,
Кетчинеры, Эрекчуты
Гулза
Багацохуровский:
Зайсанга Курмыша
Татал
Баруны
Зайсанга Басанга
Зюны
Зайсанга Павла Алексеева

Шабинеры и

Очир

Шубучинеры

Харахусовский:

Харахусы и

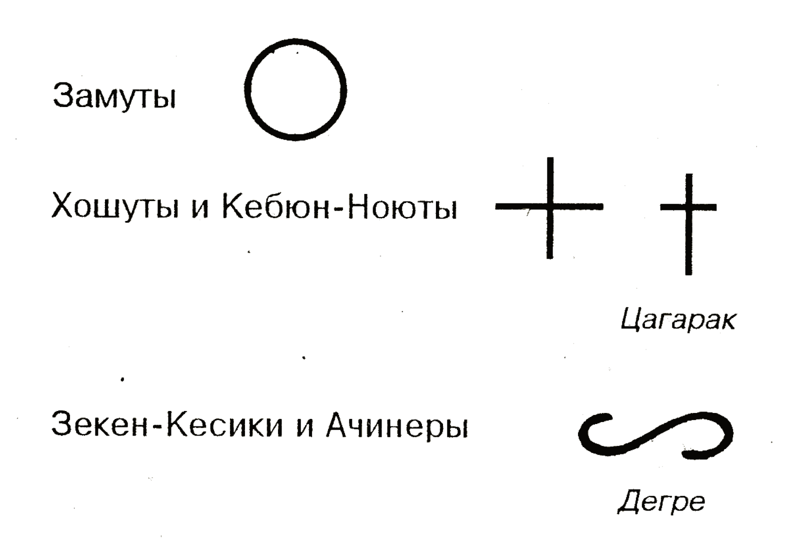
Ангучины и Гурбуты и

Цагарак

Нойдуты

Шабинеры, Замуты, Самтанакины, Сатхалы, Бабенкины, Ики-Гурбуты, Батуты, Цоросы, Джамбанакины

Ики-Цохуровский улус:



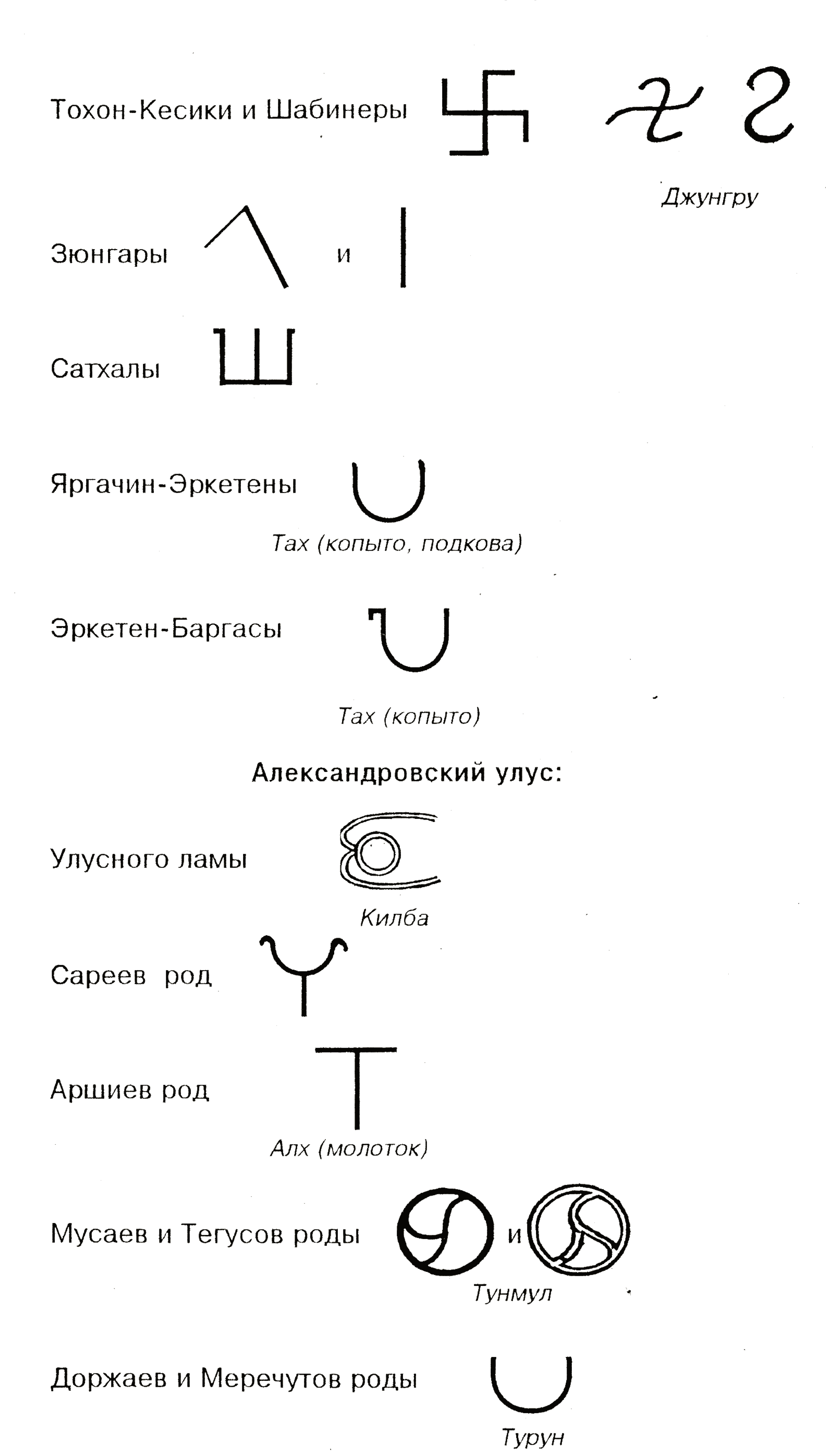
Замуты

Хошуты и Кебюн-Ноюты

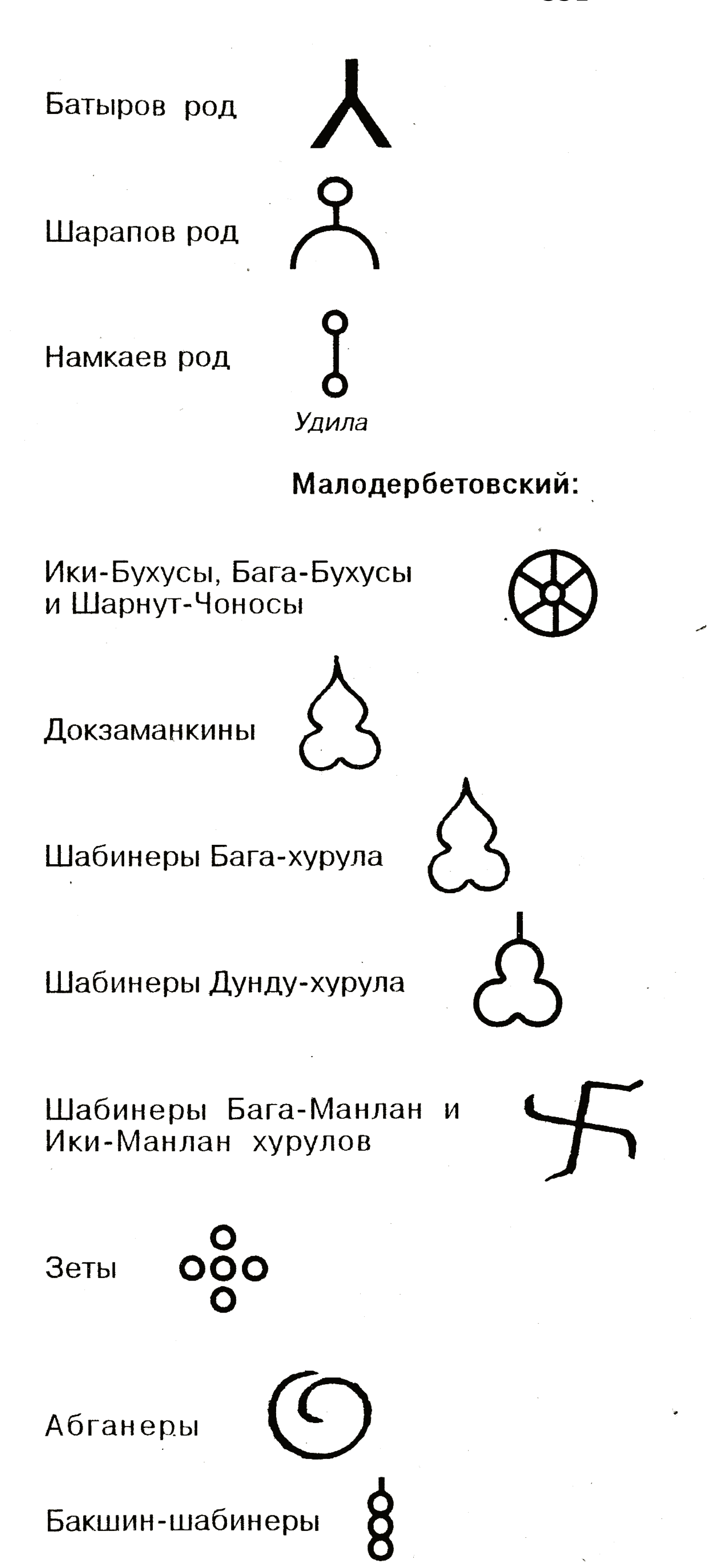
Цагарак

Зекен-Кесики и Ачинеры

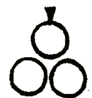
Дегре


Тохон-Кесики и Шабинеры
Джунгру
Зюнгары
и
Сатхалы
Яргачин-Эркетены
Тах (копыто, подкова)
Эркетен-Баргасы
Тах (копыто)
Александровский улус:
Улусного ламы
Килба
Сареев род
Аршиев род
Алх (молоток)
Мусаев и Тегусов роды
и
Тунмул
Доржаев и Меречутов роды
Турун

Цебеков и Намруев роды
Цагарак
Шонхоров род
Удила
Бончиков и Джамцуев роды
Улюмджиев род
Чиндамани
Хазлаев род
Кюн (человек)
Мирзаев и Хахачинов роды
Чигенчинеров род
Шангутов род
Хойтов род
Алх (молоток)
Шабинеров род
Кюн (человек)
Цагаланкинов хурул


Батыров род
Шарапов род
Намкаев род
Удила
Малодербетовский:
Ики-Бухусы, Бага-Бухусы и Шарнут-Чоносы
Доксаманкины
Шабинеры Бага-хурула
Шабинеры Дунду-хурула
Шабинеры Бага-Манлан и Ики-Манлан хурулов
Зеты
Абганеры
Бакшин-шабинеры

Талтанкины и
Туктун-Сарланкины

Туктун-Цоросы, Туктун-Кадженкины,
Туктун-Заргакины, Туктун-Шошолдакины
и Туктун-Лагиров роды 

Шабинеры Ики-хурула

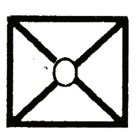
Туктун-Маштанакинов и
Каканакинов роды

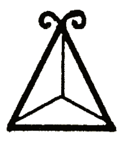
Тукчинеры и Нетебгекины

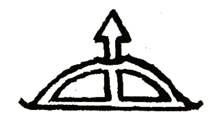
Бюдюрмисы

Абганеры

Ики-Чоносы и

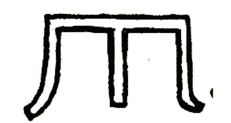
Бага-Чоносы 

Келькеты 

Тамга Тюменей 

Сайдак со стрелой *Дегре*

Икицохуровского нойона Санджи-Убаши



Сам (гребень)

Нойона Беснея

Гал (огонь)

Тамги князей Дондуковых